

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ

Современная личность

Актуальные проблемы
и пути их решения

Ответственные редакторы

*М. И. Воловикова,
Н. Е. Харламенкова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ РАН»
МОСКВА – 2012

УДК 159.9
ББК 88
С 56

СОДЕРЖАНИЕ

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

С 56 Современная личность: Актуальные проблемы и пути их решения / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 575 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0237-5

УДК 159.9
ББК 88

В книге собраны новые работы ведущих специалистов в области психологии личности. Большой раздел посвящен методологии и истории; представлены последние разработки таких проблем, как здоровье личности, патриотизм, гениальность, взрослость, ответственность, безопасность личности; рассмотрены различные аспекты развития личности (роль отца, матери, подростковые и др. проблемы). Проанализированы и описаны проявления личностного ресурса (в частности, механизма компенсации) у представителей профессий, связанных с принятием ответственности за сложные технические объекты, у участников боевых действий и др.

Сборник адресован психологам, педагогам, философам, представителям медицинских профессий, а также широкому кругу читательской аудитории.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2012

ISBN 978-5-9270-0237-5

М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. Предисловие 5

РАЗДЕЛ 1 Теоретические и исторические аспекты современной российской психологии личности

К. А. Абульханова. Проблема соотношения личности, индивидуальности, субъекта 17

В. И. Слободчиков. Категориальный строй постнеклассической психологии человека 36

М. И. Воловикова. История и современное состояние исследований в лаборатории психологии личности Института психологии РАН 59

А. В. Шувалов. Здоровье личности: методологический и мировоззренческий аспекты 76

А. А. Гостев. Патриотизм как духовно-нравственное качество личности 100

Е. Н. Холодкович. Личность гения 118

РАЗДЕЛ 2 Актуальные проблемы современной личности

Н. Е. Харламенкова. Представление о психологической безопасности: возрастной и личностный компоненты 141

Н. Л. Александрова, В. В. Федорова. ИмPLICITные теории личности: представления подростков о взрослости 161

Е. П. Ермолаева. Личность профессионала в современном мире 181

Н. А. Журавлева. Ценностные ориентации личности в современном российском обществе 200

Е. Пащенко-де Превиль, Е. Дрозда-Сенковска. Понимание личностью ответственности в условиях изменяющегося общества 229

<i>А. М. Борисова.</i> Психолого-мировоззренческое значение праздника для современной личности	248
<i>Ю. В. Ковалева.</i> Регуляция поведения будущего отца как самостоятельный фактор пренатального развития	262

РАЗДЕЛ 3. Способности и ресурсы личности

<i>Н. Н. Казымова, Ю. В. Быховец.</i> Особенности жизненной перспективы у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы	275
<i>А. Н. Зелянина, М. А. Падун.</i> Личностные характеристики участников боевых действий с различной тяжестью военной травмы	289
<i>О. А. Ворона, Т. Ю. Короченко.</i> Личность как регулятор системы профессионально важных психологических свойств (на примере оперативного персонала энергетической отрасли)	304
<i>Т. В. Галкина.</i> Особенности самооценки личности в зависимости от типа привязанности к матери	325
<i>Л. Жербер-Хуснутдинова.</i> Дети с нарушениями социального интеллекта: личность, развитие, коррекция	353
<i>Т. А. Будневская, Т. С. Стоделова, Н. Е. Харламенкова.</i> Компенсация неудачи в реализации стремления к автономии в подростковом возрасте	362
<i>А. С. Логвиненко, А. Д. Москвин.</i> Различия в представлениях о безопасности у мужчин и женщин разного возраста	377

Предисловие

Эта книга собрала статьи авторов, работающих в различных областях психологической науки, связанных с психологией личности. Идея создания сборника возникла после успешного проведения в Институте психологии РАН тематической сессии «Современная личность: актуальные проблемы и пути их решения». Организатором сессии выступила лаборатория психологии личности при участии сотрудников трех других подразделений ИП РАН – лаборатории психологии развития, лаборатории психологии труда, лаборатории истории психологии и исторической психологии. Их работы и послужили основой для настоящей книги. Но тема, связанная с личностью, привлекла настолько активное внимание со стороны других специалистов, что довольно быстро подобрался авторский коллектив для новой книги, включающий в себя не только сотрудников других подразделений ИП РАН, но также и тех ученых, которые давно (или недавно) сотрудничают с институтом.

Если представить себе географические точки, где живут и трудятся авторы настоящей книги, то они расположатся в пространстве от Парижа до Читы (для этого достаточно заглянуть на страницу «Сведения об авторах»). Что касается охвата тем, то они касаются как сложнейших методологических проблем и истории развития психологии личности, так и конкретных вопросов, связанных с теми труднейшими обстоятельствами, в которых часто оказывается современная личность (военные конфликты, нарушенная экология, болезни и многое другое).

Личностная проблематика востребована в настоящее время как никогда. В то же время больших работ, охватывающих широкий круг вопросов на эту тему, явно недостаточно. Книга призвана

не только как-то восполнить указанный дефицит, но также и привлечь внимание исследователей к дальнейшим разработкам.

Сборник состоит из трех разделов, первый из которых посвящен теоретическим и историческим аспектам психологии личности, преимущественно отечественной. Во втором разделе собраны статьи, посвященные актуальным проблемам современной личности, в третьем речь идет о способностях и ресурсах личности.

Книгу открывает статья К. А. Абульхановой, в которой ставится проблема соотношения понятий «личность» и «индивидуальность». Раскрывая возможности, которые дает психосоциальный подход к проблеме, автор показывает, что данный подход позволяет выявить типичные особенности современной российской личности и индивидуальности. Поскольку изначальным качеством индивидуальности является реальность ее существования, психосоциальное исследование должно начинаться с реальности индивидуальности в конкретике ее существования. В статье подробно рассмотрены условия перехода от индивидуализации к типологизации, говорится о теоретических основаниях и возможности проведения лабораторного исследования, в котором был бы реализован типологический подход к личности в ее взаимодействии с другими системами, ставится важнейший методологический вопрос об источнике необходимых человеку жизненных сил, подробно говорится об условиях, помогающих личности оставаться собой, выполняя при этом свое предназначение, что зачастую происходит даже вопреки сложившимся внешним обстоятельствам.

Проблема «постнеклассической психологии человека» поднимается в статье В. И. Слободчикова. В данной работе представлен глубокий и последовательный анализ того исторического этапа, который переживает современная психологическая наука в целом и психология личности – в частности. На едином теоретическом фундаменте, связанном с духовно-ориентированным подходом к психическим явлениям, а именно – с обращением к христианским основам нашей культуры, выстраивается единое пространство психологической науки, названной на современном этапе ее развития гуманитарной или антропной. Полемиически заостряя ситуацию, автор приглашает читателя к глубокому разговору о разных методологических подходах к человеку. В работе ставятся и отчасти решаются вопросы о соотношении «духовности» и «душевности». Традиционные для психологии понятия «субъект», «личность» и «индивидуальность» в антропном (мы бы сказали, в духовно-ориентированном)

подходе обретают новые перспективы своего развития и применения. Опираясь на работы В. В. Зеньковского, И. А. Ильина, С. Л. Франка, других отечественных мыслителей, автор выстраивает систему категорий антропной психологии. Так по-новому предлагается посмотреть на соотношение привычных понятий «развитие», «саморазвитие», а традиционное «событие» меняет в авторском изложении свое написание, обретая при этом ключ к расшифровке стоящего за ним смысла: «со-бытие». Большой практический и теоретический интерес может представлять приведенный в статье анализ взаимоотношений взрослого и ребенка в терминах «со-бытия».

Исторический подход к психологии личности представлен в статье М. И. Воловиковой, однако сделано это в сравнительно небольшом масштабе: речь идет о предыстории и истории создания лаборатории психологии личности в Институте психологии (тогда, в 1984 году, он именовался – Институт психологии АН СССР). Интерес может представлять напоминание о некоторых из давних исследований, которые велись в лаборатории и научный потенциал которых еще не до конца, с точки зрения автора, реализован.

Методологическим и мировоззренческим аспектам новой и актуальной темы – «здоровье личности» – посвящена статья А. В. Шувалова. Автор сравнивает представления о здоровье, сложившиеся в недрах двух подходов – гуманистического и гуманитарно-антропологического, демонстрируя перспективность последнего, основанного на святоотеческой традиции. В работе представлена оригинальная антропологическая модель психологического здоровья, подробно рассмотрены атрибуты психологического здоровья и основные формы отклонений. Дается анализ отношений ребенка со значимым взрослым. Статья написана с большой сочувственной любовью к детям и с пониманием тех проблем со здоровьем у современных подростков, ответственность за которые лежит на взрослых – «ближних» и «дальних».

В историко-психологическом и духовно-ориентированном ключе выполнены две другие статьи данного раздела. Работа А. А. Гостева посвящена проблеме патриотизма как духовно-нравственного качества личности. Тема эта, популярная в другие моменты развития российской истории, в настоящее время, к сожалению, почти ушла от внимания психологов. Обращение к наследию И. А. Ильина помогает автору поднять ее на высоту мощного теоретического анализа, дающего также возможность ее широкого применения в сложных современных условиях развития российского самосознания.

Проблеме гения и гениальности как качества личности посвящена статья Е. Н. Холондович. На примере анализа жизненного пути и творчества великого писателя Ф. М. Достоевского исследованы важные качества гениальности, включающие духовность. В статье проблема гениальности представлена в широком историко-психологическом контексте, рассмотрены критерии гениальности и намечены основные проблемы в изучении данного феномена. Работу отличает ярко выраженная духовно-нравственная направленность подхода к гениальности.

Раздел «Актуальные проблемы современной личности» включает в себя исследования, посвященные важнейшим аспектам становления человека как личности и влияния личностного своеобразия на разные стороны его жизни, а также взаимовлияния социальных факторов, культурных и общественных процессов и индивидуальных особенностей личности.

Проблема психологической безопасности личности (статья Н. Е. Харламенковой) приобретает наибольшую актуальность в современной науке и требует тщательного изучения вследствие нарастания разного рода угроз: физических, экономических, информационных и др. Анализ представлений о безопасности, существующих в общественном сознании, раскрывает социально-психологическую природу этого конструкта, обнаруживает его специфичность в зависимости от возрастных и личностных факторов. Выделены общие и особенные признаки психологической безопасности, выявляющие причины нарушения безопасности, ресурсы, способы достижения безопасности и характер самого состояния безопасности.

Наряду с представлением о психологической безопасности в книге обсуждаются имплицитные представления о личности взрослого человека у подростков (статья Н. Л. Александровой, В. В. Федоровой). Детальный теоретический анализ проблемы зрелости и значительный по объему эмпирический материал позволили соотнести эксплицитные и имплицитные представления о зрелости и показать, что самодостаточность, независимость, социальная ответственность за свои поступки и способность к самостоятельному принятию решений, определяемые А. Л. Журавлевым как критерии социально-психологической зрелости, широко представлены в имплицитных представлениях подростков о взрослой личности и оцениваются ими как значимые. Выделенные в исследовании три группы респондентов с разными представлениями о взрослом человеке демонстрируют разнообразие в понимании зрелости. По-

казано, что эти представления в каком-то смысле формируют имеющие разное смысловое наполнение образы будущей (взрослой) жизни. Следует подчеркнуть, что регулирующая роль социальных представлений, в том числе и представлений о взрослой личности, проявляется в многообразных жизненных выборах, которые делает личность, поэтому исследование представлений о зрелости имеет как теоретическую, так и практическую ценность.

Жизненные выборы взрослого человека касаются в том числе и выбора им профессионального пути. В статье Е. П. Ермолаевой анализируются современные тенденции в развитии личности профессионала, одной из которых является заметная динамика, связанная с изменением профессиональной идентичности личности, а нередко и с невозможностью успешно реализовываться в рамках своей профессии, выступающие следствием профессиональной переориентации. Анализируются субъектные аспекты и личностные факторы динамики профессиональной идентичности; предлагается модель, в которой профессионал как субъект ценностных ориентаций может соответствовать одному из уровней субъектности, обсуждаются профессиональные типы личности. Особое внимание уделяется феномену профессионального маргинализма, при котором невыполнение работником социальной функции профессии сочетается с наличием профессиональных знаний, умений, навыков. Распространенность этого феномена и его вариативность определяют направление теоретического анализа проблемы профессиональной реализации и профессиональной идентичности личности.

В статье Н. А. Журавлевой анализируются и обсуждаются результаты многолетнего исследования ценностных ориентаций личности, их устойчивость и изменчивость в условиях динамичной социально-экономической среды. Более чем десятилетний период наблюдения за динамикой ценностных ориентаций личности и различных социальных групп российского общества позволил автору сформулировать ряд существенных выводов, одним из которых является положение о том, что ценностные ориентации личности принципиально по-разному формируются в условиях устойчивого развития общества и в радикально изменяющихся социально-экономических условиях. Сравнение проводилось с учетом шести исследовательских «срезов» и в соответствии с особенностями изучаемых групп, различающихся по основному роду занятий, по форме экономической деятельности, по форме собственности предприятий, по полу и возрасту респондентов. Выявлена общая тенденция в изменении

ценностей за исследуемый период развития российского общества, которая состоит в снижении значимости альтруистических ценностей и возрастании значимости ценностей прагматических. Осуществлен анализ ценностей в стабильные периоды развития общества, выявлены половые и возрастные различия. Значение данного исследования для психологии личности высоко и вследствие выделенных автором наиболее распространенных психологических типов ценностных ориентаций личности, анализ и описание которых проводятся в настоящей статье.

Сквозной темой нескольких статей стала проблема ответственности. Она появляется в связи с исследованием безопасности личности, при построении имплицитной концепции взрослости человека, в ходе анализа ценностных ориентаций личности. В статье работающих во Франции авторов Е. Пащенко-де Превиль и Е. Дрозда-Сенковска данная проблема становится предметом самостоятельного исследования. Для выявления динамики представлений об ответственности в контексте определенной культурной среды авторы сравнили представления французских и российских студентов. В 1997–1998 гг. исследователи использовали для этого пять стимульных слов и словосочетаний: «ответственность», «индивидуальная ответственность», «социальная ответственность», «юридическая ответственность» и «моральная ответственность». В исследовании 2004–2005 гг. к этой группе стимулов добавилось словосочетание «коллективная ответственность». В статье тщательно и детализированно проводится сопоставление представлений о разных типах ответственности, прослеживается их динамика в период с 1997–1998 по 2004–2005 гг. Результаты демонстрируют влияние социального, политического и экономического контекста и его масштабного изменения на понимание ответственности, представление о которой существенно трансформируется у россиян, оставаясь относительно стабильным у французских студентов.

В статье А. М. Борисовой психологические особенности личности исследуются в связи с психолого-мировоззренческим значением такого явления, как праздник. Предлагается философское, методологическое обоснование проблемы праздника, раскрывается его онтологическая природа и функции в формировании личности, подчеркивается важная мысль о том, что как культурно-историческое явление праздник имеет определенное мировоззренческое содержание, которое с одной стороны, ориентирует человека в его отношениях с другими людьми и миром, а с другой стороны – подвер-

гается трансформациям, вызванным происходящими в обществе изменениями. Мировоззренческая функция праздника раскрывается через категорию «отношение». Предлагаются результаты исследования возрастных различий в предпочтении тех или иных праздников, приводится качественный анализ рассказов о запомнившемся празднике, делаются выводы о важности праздника в формировании картины мира, в поддержании сущностной взаимосвязи событий и явлений, в сохранении связи поколений.

Развитие личности в процессе жизни обусловлено целым рядом глобальных факторов, среди которых влияние матери и отца многими рассматривается как ведущее. В статье Ю. В. Ковалевой изучается вклад отца в пренатальное развитие ребенка. Установлено, что он не ограничивается трансляцией генетической информации, а состоит в разделении отцом ответственности за поддержание специфического поведения – и своего, и будущей матери, – соответствующего задачам вынашивания. В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования особенностей регуляции поведения супругов на третьем триместре беременности, а также постнатальные характеристики их родившихся детей (возраст на момент обследования – 8 мес.). Представлены данные о связи особенностей регуляции поведения будущих отцов с постнатальными показателями психического развития их детей, которые не модулируются материнскими показателями, но определяют связь между беременной и плодом, то есть имеют значение самостоятельных факторов.

В завершающем разделе «Способности и ресурсы личности» представлены результаты исследований, в которых анализируются возможности и достижения личности, ее способности в реализации жизненных целей и задач в разных условиях существования, в том числе и при наличии тяжелого жизненного опыта.

В статье Н. Н. Казымовой и Ю. В. Быховец показано, что переживание террористической угрозы может приводить к разнообразным негативным последствиям, к психической дезадаптации как у непосредственных, так и у косвенных жертв. Однако наряду с негативными последствиями обнаружены и позитивные результаты такого переживания, которые появляются вследствие актуализации личностных ресурсов. Исследуются особенности жизненной перспективы у респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы. Доказывается положение о том, что переживание террористической угрозы является конкретно направленной тревогой, которая находит отражение в компонен-

тах временной перспективы будущего и по-разному проявляется у мужчин и женщин.

Кроме террористической угрозы, одним из стрессоров высокой интенсивности является участие в военных действиях. В статье А. Н. Зеляниной и М. А. Падун анализируются личностные трансформации у ветеранов боевых действий под влиянием тяжести боевой травмы, которые нередко обозначаются термином «комбатантная акцентуация». Теоретический анализ проблемы личностных особенностей у ветеранов с различной тяжестью военной травмы и эмпирическое исследование акцентуаций у ветеранов боевых действий позволило подтвердить гипотезу о сопряженности характера пережитой травмы (т. е. интенсивности боевого опыта, наличия и тяжести ранения) и акцентуаций. Результаты исследования имеют как сугубо теоретическое, так и практическое значение, поскольку позволяют понять характер психических изменений, происходящих под влиянием стрессоров высокой интенсивности, а также определить направление реабилитационных мероприятий.

Высокий уровень требований, предъявляемый к личности в разных социальных и профессиональных условиях жизни, нередко актуализирует особые личностные ресурсы, с помощью которых решаются непростые жизненные задачи. В исследовании О. А. Вороны и Т. Ю. Короченко изучается эффективность профессиональной деятельности и оптимальная профессиональная работоспособность сотрудников энергетической отрасли как достаточно напряженной профессиональной сферы деятельности. Показано, что подсистема личностных характеристик и коммуникативных особенностей в системе профессионально важных качеств выполняет неоднозначную роль: с одной стороны, она способствует эффективной и безопасной деятельности, с другой – личностный уровень позволяет компенсировать слабость некоторых психофизиологических или когнитивных характеристик. Основными профессионально важными качествами для оперативного персонала в энергетике являются те характеристики, которые играют значимую роль в обеспечении эффективной безаварийной деятельности, – по существу, это комплексы психофизиологических и эмоционально-личностных характеристик, образующие систему благодаря ряду интегрирующих факторов. Анализ значительного по объему эмпирического материала позволил выделить личностные особенности, связанные с наибольшим количеством психофизиологических и когнитивных переменных и тем самым определяющие психофизиологическую и психологическую

кую неготовность к эффективной профессиональной деятельности в трудных условиях: невротический сверхконтроль, депрессивность и индивидуалистичность. В контексте полученных результатов исследования рассматривается перспектива компенсации функционирования психофизиологического уровня и уровня психических процессов у оперативного персонала энергетической отрасли за счет личностных характеристик.

Возможности компенсации неудачи в реализации стремления к автономии в подростковом возрасте рассматриваются в статье Т. А. Будневской, Т. С. Стоделовой, Н. Е. Харламенковой. В период пубертата, как показано в работе, наблюдаются колебания между острой потребностью в социальных контактах и желанием уединиться, между отвержением одиночества и стремлением к близости. Условиями развития автономии являются: психофизиологическая готовность подростка к автономии и готовность окружения принять это условие, предоставив ему возможность иметь это чувство и развивать его в себе. Нарушение данных условий препятствует развитию автономии, но может быть компенсировано. Рассматриваются случаи нарушения формирования вторичных половых признаков и развития инфантильности у девочек с синдромом Тернера и возможность компенсации недостаточности психологической и социально-психологической зрелости. Обсуждаются пути компенсации неудачи в реализации стремления к автономии, вызванной гиперконтролем со стороны родителей; перечисляются критерии внутренней сепарации.

В статье Т. В. Галкиной прослеживается связь самооценки и типа привязанности к матери. Теоретический анализ проблемы и эмпирическая проверка гипотез позволили раскрыть характер этой связи, показав, что благополучные отношения с матерью формируют у человека способность выстраивать теплые и доверительные отношения и во взрослой жизни. Сформированная в материнско-детском взаимодействии позитивная модель себя и других становится призмой, через которую человек интерпретирует весь свой текущий опыт. Показано, что уровень самооценки различен у людей с разным типом привязанности; это подтверждается в том числе и кластерным анализом данных.

Проблемы, переживаемые взрослыми, затрагивают и детей. Дети все чаще не справляются с нашим «проблемным» миром. Растет число детей-аутистов, которых очень трудно вернуть в социальную реальность, несмотря на сохранный общий интеллект. В статье авто-

ра, работающего в Чехии, Л. Жербер-Хуснутдиновой, обсуждаются результаты анализа организации психологической помощи таким детям, основанной в том числе и на методике развития способности действовать в уме (по Я. А. Пономареву). Делаются выводы о возможности социальной адаптации детей-аутистов, развития у них способности понимать социальные ситуации и ориентироваться в них.

Завершает книгу статья А. С. Логвиненко и А. Д. Москвина, в которой анализируются и обсуждаются половые различия в представлении о психологической безопасности личности с учетом возрастного фактора. Делается вывод о том, что личная безопасность в значительной степени определяется личностными предпочтениями, особенностями субъективного восприятия мира, которые, в свою очередь, обусловлены такими факторами, как пол и возраст. Обнаружено, что у женщин безопасность ассоциируется с пассивным внутренним комфортом, защищенностью и внешним комфортом, а у мужчин – с активной позицией. Выявленные возрастные различия показали, что в период средней зрелости психологическая безопасность ассоциируется с родителями и чувством личной удовлетворенности, а в период зрелости – с жизненным опытом.

Многогранность и разнообразие проведенных исследований показывает системность организации внутреннего мира личности, который определяет и одновременно сам определяется особенностями социального окружения, характером деятельности и метрикой жизненного пространства личности. Способность личности к регуляции отношений со средой, а также к компенсации недостаточности в той или иной области функционирования, к адаптации и развитию, к преодолению трудностей и к интеграции травматического опыта, к восполнению дефицитарности и к личностному росту раскрывает ее актуальные и потенциальные возможности, ее ресурсность, и определяет направление дальнейшего научного поиска, цели и задачи изучения личности с точки зрения новых исследовательских позиций.

Доктор психологических наук,
профессор **М. И. Воловикова**

Доктор психологических наук,
профессор **Н. Е. Харламенкова**

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, СУБЪЕКТА

К. А. Абульханова

Исследования проблемы личности в отечественной психологии, еще недавно отстававшие от широко известных в мире исследований и концепций личности, на наш взгляд, сегодня обнаруживают определенные преимущества. Парадоксальным образом те исследования, которые в отечественной науке начались позднее, представляются более плодотворными. Это происходит не в силу того, что они опирались на уже существующие концепции личности, но в силу большей возможности соотнесения концепций разных авторов в закрытом российском обществе, в силу этого более острого представления о расхождении теории личности и ее *реального бытия* в отечественном социуме, в силу исторически сложившегося философского склада научного мышления и иногда догматизированной, иногда – глубоко диалектической методологии отечественной психологии.

Опуская идеологизированное и описательное определение личности как единства социального и биологического 1950-х годов, можно констатировать, что ее изучение сводилось к исследованиям личности ребенка, а теоретически (даже уже в конце 1960-х годов) – к определению ее структуры (имеющей разными авторами по-разному трактуемое соотношение уровней), или к теории черт. Акцент на индивидуальность был фактически «сквозным» в определении личности как «устойчивого психического склада». И то и другое представление, даже несмотря на добавление эпитета «динами-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-06-00857 «Принцип субъекта в онтологической и методологической интеграции психологии».

ческий», отвечало *статистическому подходу* к личности, несмотря на ориентацию психологии в целом на проблему развития¹.

Наряду с подобной теорией личности параллельно и независимо существовало проблемное поле исследования личностных «составляющих» – мотивации, характера, способностей и т. д. (хотя мотивация и способности значительно больше связывались с деятельностью). Однако и в этом направлении исследования (для достижения научности) отличались или стремились к стандартизации. Типология темпераментов перерастала в типологию характеров, скорее, сходную в то время с неизвестной большинству психологов типологией Э. Шпрангера, чем с классификацией А. Ф. Лазурского. Способности классифицировались на музыкальные, математические и т. д. (Б. М. Теплов, В. А. Крутецкий и др.)², а мельком брошенное замечание об их индивидуализации, о том, что одни и те же способности осуществляются психологически различными механизмами, не становилось предметом осмысления и исследования.

Исключение составляли возможные в 1930–1940-х годах теории личности С. Л. Рубинштейна, разрабатывавшего проблему ее психологического «облика» и создавшего диалектическую концепцию развития личности ребенка; В. Н. Мясищев, выделившего систему отношений к миру (к другому, к деятельности и т. д.), установившего их позитивный или негативный, активный или пассивный характер и тем самым подошедшего к проблеме их *индивидуального ансамбля* и способа выражения; Д. Н. Узнадзе, поставившего кардинальную проблему *объективации* личности (на этих авторах как со-

1 Практически в единственной концепции В. Н. Левитова раскрывалась сложная функциональная сущность психического склада личности, что позволило учесть его индивидуализированность. В характеристику направленности личности он включал осмысленность, рассудительность, эмоциональность, волевую устремленность, даже энтузиазм, а определяя ее силу, подчеркивал глубину, устойчивость и одновременно гибкость, определенность, целостность, выявляя тем самым многообразие индивидуализированных механизмов функционирования психического склада человека.

2 Радикальный взгляд на динамически функциональное, преодолевавший статичность тепловской методологии, был гениально реализован В. Д. Небылицыным, выявившим функциональные возможности (и ограничения) типов темпераментов и утвердившим представления о функциональных преимуществах темперамента меланхолика (Небылицын, 1990).

ставивших основу и перспективу развития персонологии в России остановимся ниже).

Изучение индивидуальности в значительной степени связано с исследованиями ее психофизиологических основ, индивидуальных различий (школа Б. М. Теплова) и «способностей». Таким образом, способности были основным связующим звеном между личностью и индивидуальностью. Исключение составляло также представление об индивидуальности как *высшем уровне развития личности* (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн).

В 1960-х годах, параллельно и независимо от статично-структурного подхода к личности, школой С. Л. Рубинштейна была интегрирована его концепция философской антропологии, философии жизни и личности как субъекта. На этой основе начали разрабатываться проблемы жизненного пути и развития личности (Л. И. Анцыферова), ее потребностей (И. А. Джидарьян, Г. С. Тарасов), способностей (Т. И. Артемьева, А. М. Матюшкин), самосознания (И. И. Чеснокова), получил развитие личностный подход в исследованиях сущности мышления (А. В. Брушлинский и др.).

Это направление было далее интегрировано на основе субъектного подхода к определению предмета психологии и теории личности как субъекта деятельности и жизненного пути (Абульханова, 1973; Абульханова-Славская, 1980).

Радикально поворотным этапом в научном определении индивидуальности стала теория интегральной индивидуальности В. С. Мерлина, которая, однако, не была достаточно ясно соотнесена с теорией личности. *Интегральность* явилась тем понятием, посредством которого можно было научно квалифицировать индивидуальный характер внутренней организации личности (Мерлин, 1986). Однако статичный подход к определению интегральности, сводящийся к сложному количественному подсчету соотношений между разными уровнями, не давал возможности раскрыть *динамические* особенности индивидуальности, которые связаны с *функционированием личности*. Иными словами, связь индивидуальности и личности необходимо было найти при раскрытии динамического функционального характера. Дальнейшее развитие теории интегральной индивидуальности (при так и оставшемся непроявленным ее соотношении с личностью) в концепции *мета-индивидуальности* (Дорфман, 1993) не привело к интеграции личности и индивидуальности.

Таковыми явились представления о разных *механизмах* организации и функционирования личности в качестве индивидуальности

ти. *Первый* – вышеназванный механизм интеграции, *второй* – механизм обобщения, *третий* – саморегуляция. Механизм обобщения как присущий способностям и характеру личности был распространен С.Л. Рубинштейном из области психологии мышления в область проблематики способностей и характера, сущность которых он связывал с обобщением (Рубинштейн, 1957). Развивая эту идею, мы рассмотрим ее далее как основной механизм функционирования личности в качестве индивидуальности и субъекта.

Механизм саморегуляции был исследован О.А. Конопкиным и его школой (Конопкин, 1980) в казалась бы далеко обстоящем проблемном пространстве сенсорно-моторной деятельности¹. Следствием его открытия был *отход от статичного представления о личности с инвариантным соотношением уровней ее организации и переход к функционально-динамическому*, более того – к предполагающему субъектную интерпретацию, поскольку саморегуляция осуществляется (в основном) самой личностью. В последние годы саморегуляция продолжала исследоваться преемницей О.А. Конопкина В.И. Моросановой в той же лаборатории в контексте субъектного подхода к индивидуальности личности.

Саморегуляция (как видно из самого понятия) осуществляется личностью как субъектом, организующим текущие психические состояния или контур общей активности (в деятельности или общении) в индивидуальной и каждый раз *варьируемой композиции* своих природных, сознательных и собственно личностных свойств. Эта композиция создается под ситуацию или задачу функционирования личности и имеет своей «целью» оптимальное сочетание, взаимокompенсацию и т.д. составляющих, более удобное или легкое для личности, безотносительно к статично выделенным уровням

1 Параллельно и независимо механизм саморегуляции был выявлен В.Д. Небылицыным как одна из составляющих индивидуальности человека наряду с активностью и направленностью. Мы же, опираясь на рубинштейновскую концепцию субъекта, считаем активность его главным критерием, а рассматривая личность в качестве субъекта, выделяем в ее активности притязания, саморегуляцию и удовлетворенность (семантический интеграл, который носит ценностный характер). Первым к понятию саморегуляции обратился Н.С. Лейтес, но в силу его абонированности биологией проблема не получила развернутой психологической интерпретации. Лишь позднее это понятие, как и понятие активности (также связанное с биологией), ряд психологов (Э.А. Голубева, А.И. Крупнов и др.) включили в свои типологии личности.

организации¹. Как мы выявили в исследовании, основанном на такой интерпретации открытия О.А. Конопкина, на разных этапах осуществления личностью деятельности или более широко решения жизненной задачи в качестве ведущего (системообразующего, по Б.Ф. Ломову) механизма выступает последовательно то мотивационный побудитель, то эмоциональный, то интеллектуальный, то, например, к концу деятельности (в силу усталости) – волевой. И наоборот: решение задачи, вызванное необходимостью, может начинаться с эмоционального состояния, связанного с волевым усилием (раздражение), которое затем сменяется привычным способом деятельности, сочетающимся с интеллектуальным отслеживанием адекватности стереотипа и его коррекцией при несоответствии и заканчивается эмоциональным удовлетворением («с плеч долой»).

За последние годы в отечественной психологии актуализация проблемы индивидуальности привела к *полифонии* концепций индивидуальности, связанной с ее рассмотрением в разных контекстах – соотношения внутреннего и внешнего мира, культуры, онтогенеза, глубинной психологии личности, экзистенциальности и т.д. (Субъект и личность..., 2007; Психология индивидуальности..., 2009). При разнообразии этих подходов доминирует системный подход, интегративный принцип индивидуальной организации и субъектный подход (школы С.Л. Рубинштейна и других психологов). В каждой из приведенных концепций дается исторический анализ проблемы индивидуальности в мировой психологии (в силу чего мы лишь кратко обозначили непосредственно относящиеся к нашей теме исторические данные и авторов исследований индивидуальности).

Не ставя перед собой задачу ни интеграции, ни сравнения, ни тем более обобщения этих разнообразных, разноаспектных подходов, мы ограничиваем свой анализ проблемой соотношения личности и индивидуальности, исходя из *субъектного и психосоциального подходов*. Последний дает возможность не только соотнесения объекта изучения и его модели и понятия, но раскрытия некоторых типичных особенностей российской личности и индивидуальности. Как мы неоднократно отмечали, проблема личности презентуется в *трех качествах*: реальной личности – *объекта* научного изуче-

1 Здесь речь идет не об интегральной индивидуальности, а об *интегрирующей способности личности*. Саморегуляция, осуществляющая эту интеграцию, отличается гибкостью, вариативностью, импровизационностью. Она обеспечивает целостность личности в процессе ее функционирования.

ния, обладающего качеством субъекта (онтологическое качество), *имплицитных теорий* личности (т. е. присущих обыденному сознанию, менталитету того или иного общества или эпохи *представлений* о личности) и собственно научных теорий (или, как сегодня принято говорить, моделей) личности. Эту диаду или триаду отмечают сегодня и другие психологи (например, Е. Ю. Коржова).

Исходной посылкой нашего исследования является положение о том, что личность и индивидуальность неоднократно проявляются в *разном качестве на разных этапах онтогенеза и жизненного пути*, поэтому изменяется их соотношение и развивается способ их связи.

Второй посылкой является утверждение, что происходящие онтогенетические и выявляемое в исследовании онтогенеза развитие личности и изменение ее модуса отличаются от ее становления и развития в жизненном пути (хотя онтологически это единый процесс). Поэтому качества личности, связанные с индивидуальными этапами этого пути, с жизненной позицией, линией жизни, ее перспективой и смыслом, *не совпадают* с типичными в рамках онтогенетического подхода этапами и качествами. Основное различие этих направлений исследования связано с тем, что при онтогенетическом подходе до самого последнего времени личность не определялась как субъект¹. С этим связаны сегодняшние трудности и расхождения в трактовке понятия субъекта и его соотношения с личностью, которые исходят из *разных контекстов*.

Если проследить последовательность изменения качеств и личности, и индивидуальности на протяжении жизненного пути, то выделение его исходного момента осуществлено, на наш взгляд, К. Г. Юнгом в его концепции *индивидуации*. Началом индивидуального существования и его основой являются *архетипы коллективного бессознательного* (разумеется, присущие природной организации новорожденного индивида), воплощающие и наследующие опыт множества человеческих поколений, в том числе и родителей, синкретично соединенные с Эго, Я, наделенное *потенциаль-*

1 Несмотря на то, что Б. Г. Ананьев ввел понятия субъекта деятельности, субъекта познания и субъекта общения, они скорее выполняли задачу дифференциации познания, деятельности и т. д., чем раскрывали способ осуществления субъектом деятельности, общения, познания. Напротив, понятие личности как субъекта жизненного пути раскрывает не типические особенности последнего (которые выделены по разным основаниям В. Д. Дружининым), но активность личности и способы организации ею этого пути.

ной личностной сущностью и ее импульсом развития. Эго, или *самость*¹, – это *первичная форма экзистенциальности человеческого существа*². Не вдаваясь в дискуссии о том, появляется ли личность и даже субъект «сразу», т. е. в момент начала бытия, или же субъект «появляется» раньше личности (и наоборот), которые связаны скорее с содержанием этих понятий, чем с онтологической реальностью, можно отметить, что это *определение* Юнга *согласуется* с введенным А. Маслоу понятием *самоактуализации личности* (Маслоу, 1997). Личность способна актуализировать лишь нечто уже *потенциально существующее*. *Самоактуализация* – это момент *становления* природной индивидуальности, или человеческого природного индивида, его *Эго – личностью*.

Если признать, что в самоактуализации проявляется *самодетельность* (по С. Л. Рубинштейну), то можно согласиться с утверждением А. В. Брушлинского об *изначальности субъекта* и интерпретировать самоактуализацию как *первичное проявление субъектности*. Во всяком случае, представляется, что исходная индивидуальность (Эго, самость), потенциальная и затем реальная личность и ее субъектность, проявляющаяся в *само-актуализации*, т. е. активности, *обращенной на себя, осуществляющей свое становление, – не находятся в одной «плоскости» в синкретичной связи*. Их связи действительны, т. е. экзистенциальное Эго обладает *стремлением* к актуализации. Согласно теории индивидуации Юнга, потенциальная личность обладает способностью *самоосуществления*: личность становится субъектом самоактуализации. Эго как бессознательная индивидуальность проходит по *мере развития личности разные стадии становления* – неосознаваемую, осознаваемую, сознательную. Но само Эго в отличие от самосознания – *непосредственная данность бытия своей индивидуальности* (Кургинян, 2010). Поэтому Эго – не только сохраняющееся неизменным на протяжении жизни статичное ос-

1 Понятие самости здесь отличается от юнговской его трактовки как архетипа (Юнг, 1995).

2 Хотя это утверждение о первичности Я противоречит точке зрения С. Л. Рубинштейна о его появлении только относительно с Другим (своеобразной дифференциации от Другого или актуализации Я Другим), мы предполагаем, что *качество Я и соотношение с Другим* – появляется позднее и может быть связано уже с актуализированным неосознаваемым Я, что снимает противоречие с концепцией Юнга. Изначально Я обладает экзистенциальностью, носящей *уникальный характер*.

нование *идентичности* личности как индивидуальности, но и *побудитель* своеобразия, «*движущая сила*» ее существования и *самоосуществления*. Не случайно все последующие этапы развития личности как индивидуальности – *самовыражение, самореализация, самоутверждение, самодеятельность, саморегуляция, самосознание* и т. д. – начинаются с *само-*. И не случайно С. Л. Рубинштейн в труде «Человек и мир» (Рубинштейн, 1997) утвердил существование *самодетерминации*.

Самоактуализация осуществляется личностью в *одновременно* начавшемся процессе ее *взаимодействия с действительностью*, что и ведет к *разотождествлению и становлению в новом качестве*. При этом личность актуализирует преимущественно те индивидуальные особенности, которые требуются для этого взаимодействия, чтобы оно осуществлялось оптимальным для нее образом. Своеобразный «инстинкт самосохранения», которым обладает все живое, проявляется в первичном наивном «*эгоцентризме*» личности, который Ж. Пиаже приписал более позднему этапу ее развития, вызвав возражения С. Л. Рубинштейна¹.

Целостность (вероятно, еще синкретичная) личности как индивидуальности возникает и *проявляется* на определенном этапе развития в ее характере. Исторически характерология и стала началом изучения личности в психологии. Но развитие характерологии пошло в направлении типологизации характеров по разным, еще достаточно внешним для личности основаниями (например, типология Э. Шпрангера, соотносящая тип личности и характера с культурой, религией и т. д.). При этом утрачивалась индивидуальная особенность характера, обеспечиваемая первоначально разнообразными природными, темпераментальными и другими экзистенциальными механизмами. И в этом отношении выгодно отличается изучение характера А. Ф. Лазурским, делавшим акцент на его внутренних механизмах (Лазурский, 1924).

Характер на начальных этапах развития личности, еще не аккумулируя ее сущности, выражает способ *самоосуществления* личности в ее *взаимодействии с действительностью*. Такое понимание сущности характера сформулировал С. Л. Рубинштейн, когда привлек

1 Не случаен тот плач или крик ребенка, который вызывает тревогу родителей, – самое первичное его выражение того, что взаимодействие с действительностью осуществляется неудовлетворительным для него образом; его возражение, свидетельствующее о способности переживания оптимальности для себя действий окружающих.

понятие обобщения для объяснения механизма его формирования. Не повторяя его, ставшего классическим, рассмотрения пути превращения поступка в черту характера (Рубинштейн, 1946), важно отметить, что в *характере обобщаются индивидуально существенные для личности способы ее активности*. Это стадия разнообразных способов *самовыражения* личности как индивидуальности, приобретающей в обобщении характера *свое целое*. Определение личности через «*устойчивый психический склад*» ограничено тем же статическим подходом и охватом в определении в *основном психического* уровня организации, тогда как характер – это и *деятельная, и уже ценностная и интегрирующая «способность» личности*. Конечно, понятие «склад» учитывает (особенно в концепции В. Н. Левитова) индивидуальность личности, но не раскрывает ее особенностей, проявляющихся в *функционировании*.

Подход С. Л. Рубинштейна к личности как *функционирующей системе* был радикальным прорывом в сравнении с *методологией статично-структурного определения*, которое, как было выше отмечено, продолжало сохраняться до 1970-х годов (если не более) параллельно и независимо от рубинштейновского, свидетельствуя о непонятности и неувоенности последнего.

Обеспечиваемая характером целостность личности *не означала ее сведения к закрытой системе*, но фиксировала ее *определенность* и способность выразить, *осуществить* эту определенность в своем *функционировании*. В этом одновременно участвуют и кратко обозначенные выше механизмы – *интеграции, обобщения и саморегуляции*, обеспечивающие *целостность, индивидуальную специфичность и динамичность самоорганизации личности*.

Следующим (выделяемым в порядке теоретических абстракций) *этапом* развития является функционирование личности как *открытой интерактивной системы*. Как отмечалось выше, радикальным переворотом в изучении личности было осуществленное С. Л. Рубинштейном преодоление структурно-статического взгляда на личность (по своей метафизичности сравнимого с представлением о земле как полусфере, стоящей на трех слонах) и выявление ее *функционально-динамического определения и интерактивной сущности*. Уже его известный тезис 1920-х годов о развитии личности в деятельности был реализацией такого диалектического понимания ее инобытия. Многие отечественные авторы высказывали мысль о «выходе личности за свои пределы», однако она так и оставалась предположением. Между тем, этот «выход» заключается в построении ею *отношений*

к другим людям, общностям, социуму, культуре, к профессиональной деятельности, миру в целом. Данные отношения и взял за основу своего определения личности В. Н. Мясищев, вплотную подойдя к индивидуальной личности благодаря различным характеристикам *качеств этих отношений* (как положительных, так и отрицательных, активных и пассивных и т. д.), разнообразное сочетание которых и составляет личностную индивидуальность. Но понимание этих отношений еще не выходило за пределы статичного подхода к личности, хотя фактически намечало присущую ей *субъектность*. С точки зрения функционального подхода – это не только отношения, но и *взаимоотношения, взаимодействия-интеракции*.

Очевидно, что взаимодействие личности с действительностью начинается на самых первых этапах ее жизни. Наш анализ первоначального качества личности как своеобразной «закрытой», а позднее как «открытой» системы представляет собой последовательность не столько реального, сколько *теоретического характера* для более четкого разграничения *внутренней самоорганизации личности и организации взаимодействия* с другими системами и *соотношения* внутреннего и внешнего. Но и в действительности первоначальное взаимодействие с матерью, другими окружающими и предметами носит характер поддержания существования и развития (способностей речи, самостоятельного передвижения и т. д.). *Взаимодействие* же взрослеющей, а затем и взрослой личности с действительностью, выходящей за пределы пространства ее детства, подростковости и т. д., ее выход в социальный мир – уже регулируется *познанием, сознанием* человека и его ценностями и выражается в поведении и поступках. Нужно отметить, что Б. Г. Ананьев, разрабатывая онтогенетическую концепцию развития человека, дал очень глубокое и интересное определение *зрелости личности*, которое, однако, не достаточно раскрывало способы ее *взаимодействия* с миром. Рассматривая понятие субъекта деятельности, субъекта общения и т. д., он не определил личность как субъекта своей жизни в целом (Ананьев, 1968). Эти взаимодействия и взаимоотношения сопровождаются формированием *ценностей личности – обобщений* уже того, что *существенно для нее* в этих интеракциях, т. е. *существенно для ее индивидуальности* и жизни в целом. Здесь проявляется ее индивидуальный способ *самореализации*, при том, что большинство ценностей является общим для всех людей, но их индивидуальное содержание (ансамбль позитивных и негативных ценностей), даже сочетание в различных менталитетах, разнообразно.

Первичные обобщения личности осуществляются *экзистенциально* переживаниями, жизненные обобщения – идеально, т. е. сознанием. В ценностных обобщениях сознание фиксирует существенные для личности взаимоотношения, интеракции, поступки и т. д. и как *индивидуальности*, и как включенной в *социальные сферы* действительности, и как *осуществляющей свой собственный жизненный путь*.

Саморегуляция, объективация (Д. С. Узнадзе) может подлежать *типизации* в силу *общности* для всех моделей интеракций с действительностью, но она в то же время *индивидуализирована* – как выработка *своих* отношений, как установление, развитие, изменение своих взаимоотношений с другими, с общностями (семейными, профессиональными, культурными) и как способы их осуществлений соотносительно со *своей* жизнью. В контексте этой индивидуализации и раскрываются и реализуются ее притязания (как личностно преобразованные потребности и мотивы), ее направленность, ее достижения и ее смыслы, начиная от парциальных и кончая обобщенным смыслом жизни. Они реализуются способами, *функционально оптимальными для личности* (с точки зрения ее ценностей, притязаний, жизненных смыслов) и *самого взаимодействия* или же *функционально деструктивными*, что ведет к возникновению противоречий либо к деформации самой личности.

Определяя личность, становящуюся субъектом своей жизни, мы стремились выявить и ее *новое качество*, и ее *новые жизненные способности*, которые обеспечивают ее индивидуальную определенность уже *в самой жизни*, и те неизбежные противоречия между индивидуальным и социальным (в самом широком смысле), которые ей приходится решать в виде конкретных жизненных проблем (данные противоречия, на наш взгляд, не обязательно связаны с возрастными этапами и кризисами, выявленными Э. Эриксоном (Эриксон, 1997)). Они возникают при любых изменениях обстоятельств жизни и самой личности. Позитивные, конструктивные решения проблем являются индивидуальными *жизненными достижениями*, которые отличны от фиксируемых так или иначе профессиональных, «карьерных» достижений, даже от достижения жизненного благосостояния. Личность в качестве субъекта *присваивает* эти жизненные достижения, умножая свои жизненные силы, развивая свои *жизненные способности*. К числу последних мы отнесли сознание, активность и способность к организации времени. А в интеграл активности включили притязания, саморегуляцию и удовлетворенность

личности (несколько расширив и видоизменив тем самым формулу К. Левина и Ф. Хоппе «притязания–достижения»), поскольку отнюдь не любые достижения, даже оцениваемые социально позитивно, имеют для личности ценность и смысл.

Как функциональная система личность не только осуществляет внутреннюю самоорганизацию, которая обеспечивается саморегуляцией, но организует и свой способ взаимодействия с действительностью, миром, обществом, пролонгированное осуществление которого и представляет собой ее *жизненный путь*. Этот способ организации *интегрирует* и мировоззренческие, обобщающие способ жизни чувства (по С. Л. Рубинштейну), ценностно-сознательные, ценностно-смысловые и практические (коммуникативные, поведенческие, деятельные и др.) механизмы. *Интегративность индивидуальности* – первичная основа смыслообразования, система же смыслов, в свою очередь, является первой почвой самосознания. Сохраняющаяся неопределенность понятия «смысл» (несмотря на интересные исследования в этом направлении Д. А. Леонтьева) связана, на наш взгляд, с недостаточной разработанностью проблемы индивидуальности. Опыт самоорганизации и реорганизации жизненных отношений, условий, событий и обстоятельств развивает особое качество индивидуальности – ее *способность жить*, меру совладания (в широком смысле, в отличие от частных копинг-стратегий) с жизненными трудностями и неудачами. *Качество личности как субъекта* заключается не только в способности самой личности использовать свои природные, психические, личностные ресурсы, но в *способности использовать свой личностный индивидуальный потенциал* (всегда особенный, неповторимый) и в обобщении чувства движения жизни. Причем *мера становления личности субъектом* жизни является и критерием ее совершенствования как индивидуальности (что отвечает определениям Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна).

Так проблема индивидуальности личности решается через выявление механизмов *интегральности, саморегуляции и обобщений*, присутствующих каждой личности, с одной стороны, и как достижение высшего уровня развития *отдельными* личностями – с другой. Это последнее значение совпадает с обыденным представлением о том, какая личность действительно является *индивидуальностью*.

Личность на новом уровне интегрирует и создает индивидуальную *композицию жизненных отношений*, устанавливая в те или иные периоды жизни ведущую роль одних, обесценивая другие, обнару-

живая противоречивость третьих. Это соотношения во всех значениях данного понятия: и как отношения *к чему-либо или кому-либо*, и как отношения *с кем-то*. При этом *интеграция* осуществляет своеобразную интерпретацию ценности, достижений или потерь – итоговое резюме «результатов» этих отношений. На основе этого резюме личность совершает самооценку своего *способа жизни*, который реализовался через эти (и такого рода) отношения.

Она интегрирует и те свои составляющие, которые С. Л. Рубинштейн выделил как ее основные движущие силы, механизмы и способы самореализации: *хочу, могу и Я сам* – потребности – мотивы, способности и характер. Их осуществление в жизни – согласованное или противоречивое, успешное или неудачное, поверхностное или «полнокровное» – на основе обратной связи, результатов самореализации, личность также осмысливает и в категориях характера жизни, и в обобщенном представлении о своем Я. Эти интеграции и обобщения, осуществляемые сознанием¹, эти функциональные *способности сознания* служат основой жизненной позиции личности и ее реализации в линии жизни. Если не удастся осуществить их интеграцию, то преобладание в таком жизненном самосознании опоры на потребности или на способности и приводит к выделенной

1 Нами было сформулировано положение о решающей роли (своеобразном КПД) способности сознания (Абульханова, 2009). Это не только общеизвестная способность сознания к регуляции деятельности, – она играет *личностно-жизненную роль совладания* (как сейчас принято говорить, копинг-стратегий), но не с отдельными ситуациями, а с качеством, с уровнем жизни в целом. Оно же решает жизненные противоречия, кардинальные для жизни личности проблемы (или же неспособно их решать). Мы это попытались определить, опираясь на весь предшествующий опыт психологии, те составляющие сознания и тот интеграл, его разрешающие возможности, от которого зависит жизнедееспособность личности. В этот комплекс вошли способность к решению проблем (ее уровень) (Белицкая, 1993), старые и новые ценности (т. е. психосоциальный параметр) (Лапин, 2010) и «оптимизм–пессимизм» (по методике польских психологов (Zaleski, Chelewiriski, Lens, 1994)). Была выявлена фундаментальной важности закономерность. Каждый тип личности обладает различной по своей «эффективности» «молекулой» сознания, в которой разного уровня и качества составляющие связаны индивидуально различным образом. Одни способы связей суммируют, повышают продуктивность сознания, другие, противореча друг другу, создают *негативный эффект* – его пассивность, что и обеспечивает активность/пассивность личности.

Э. Фроммом дифференциации личностей по способу жизни «быть» или «иметь» (Фромм, 1990).

Представляется, что при общепринятости (в советское время) положения об ответственности общества за удовлетворение потребностей соотносением личностью, достигшей определенного уровня развития, своих способностей и потребностей приводит к тому, что обозначается как *самоопределение*. Ему приписываются самые разные значения; в нашем же понимании – это своеобразная «самодостаточность», значительная независимость личности от жизненных обстоятельств, ее автономия (не путать с индивидуализмом) как умение удовлетворить свои потребности своими *способностями*, в широком смысле – *своими силами*.

Способ жизни или *жизненная позиция* содержит в себе определенную индивидуальную смысложизненную направленность личности: это опора на свои силы, самоорганизация, самостоятельность, надежда на помощь, поддержку, одобрение других людей или же установка на использование других людей для своих достижений. Кроме этапа самореализации, ряд авторов выделяет понятие, раскрывающее способность личности к *самоутверждению*. Если рассматривать последнее как развивающееся у личности *подтверждение* ее состоятельности (как выразился В. В. Давыдов, «личностью надо выделяться», а А. А. Деркач – «состояться»), адекватности своей жизни своей личности (ее способностям, возможностям, потребностям), удовлетворенности своими достижениями, сохранностью и развитием своей идентичности, – то это значение приемлемо и существенно для гуманистической психологии. Самоутверждение есть личностное положение в этом мире, уже обеспеченное личностно-психологически, профессионально и т. д., т. е. положение *состоявшейся* личности. Это соответствует распространенным в зарубежной психологии следующим определениям: личность есть то, что ей *удалось сделать из себя* при данных обстоятельствах жизни и одновременно – это такая ее достойная жизнь, которую она сама *смогла прожить* при данных ей возможностях и объективных обстоятельствах. В имплицитных теориях обыденного сознания это выражается в представлениях о «не зря прожитой жизни» и т. д. Однако надо отметить, что если самовыражение и самореализация осуществляются всеми и свойственны *всем* личностям (при индивидуальном способе этого осуществления), то *самоутверждение* – в данном смысле – свойственно только личности как субъекту своей жизни. Такая личность освобождается от поглощенности своими

потребностями, своими успехами и реализует заботу о других людях, оказывая им помощь и поддержку, берет на себя ответственность за решение значительных социальных проблем, за состояние науки, образования и т. д.

Понятие самоутверждения приемлемо в смысле уверенности в себе, осознания своих жизненных сил¹. Если же рассматривать самоутверждение как утверждение *приоритета своей личности по отношению к другим*, к общности, как использование других людей и социальных ресурсов для достижения своих целей, то это понятие, по сути, приближается к индивидуализму².

Можно трактовать самоутверждение и как утверждение личностью своей *индивидуальности* в самосознании, в способе жизни и в социальном контексте. Но это самоутверждение только тогда является утверждением своей подлинности и *подлинности* своей жизни, если ею обобщены и интегрированы ее жизненные отношения, ценности и смыслы, если *реально достигнут индивидуальный способ жизни* в данном социуме. Это индивидуальность в высшем смысле слова (в трактовке Б. Г. Ананьева и С. Л. Рубинштейна).

Совпадает ли с таким пониманием индивидуальности качество личности как субъекта жизни? Если бы мы действительно придерживались определения субъекта только согласно аксиологическому критерию (как полагают некоторые), т. е. считали субъектом личность, достигшую вершин своего развития и жизненных вершин, то понятия индивидуальности как высшего уровня развития личности и субъекта как оптимальной самореализации личности могли бы совпасть (или быть максимально сближены). Поскольку мы выделяем и ряд других критериев определения субъекта, таких как способность разрешения противоречий, ответственность, способность к использованию всех природных, психических, личностных возможностей (о первом значении использования психических способностей как средств писал еще Л. С. Выготский, о последнем – С. Л. Рубинштейн) и т. д., категория личности как субъекта жизненного пути отнюдь не совпадает с типом успешной личности,

- 1 См. статью С. Л. Рубинштейна 1922 г. о Германе Когене (Рубинштейн, 1997, с. 138–160).
- 2 Исследование самоутверждения Н. Е. Харламенковой в лаборатории психологии личности ИП РАН в первом его значении выявило важные механизмы, которыми оно достигается, и его существенную роль во взаимоотношениях с другими и в отношениях к другим (Харламенкова, 2000).

а соотношение личности как субъекта и индивидуальности требует еще дальнейшего исследования и определения. Мы выявили характер их связи (не исчерпывающий, конечно, решения всей проблемы) и выделили понятие и механизм *наиболее высокого масштаба* (не по успешности, а по качеству жизни) – *стратегии* жизни. О стратегии своей жизни – «отступал, но не уступал» – писал С. Л. Рубинштейн, осмысляя и обобщая свой способ решения жизненных противоречий (Рубинштейн, 1960). Мы определили стратегию жизни как механизм или, точнее, *способность* субъекта приводить свой *способ жизни в соответствие со своей индивидуальностью*, смыслом жизни. Понятие стратегии предполагает и *индивидуализацию* (приведение жизни в соответствие со своей индивидуальностью) и *типологизацию* (выделение разных типов *стратегий*) (Абульханова, 1991)¹. Мы не останавливаемся здесь на понятии *стратегии жизни* (при всей его важности), поскольку ему посвящены и исследования, и многие обобщения, представленные в упомянутой монографии.

В завершение можно отметить, что в сегодняшнем психосоциальном контексте, при совершающихся в России резких социальных изменениях, совершенно нетипичным для других стран образом (как, впрочем, и все происходящее в России) возникает проблема индивидуализма как способа бытия личности, обособленного (в той или иной степени) от социума. В целом это большая социальная проблема, но в психологическом ее аспекте важно следующее. В тоталитарном советском обществе тенденция к индивидуализму как протестному самовыражению личности, диссидентству и т. д. все же проявлялась и в личностях, достигших высшего уровня своего развития и имевших высокие, принятые обществом профессиональные достижения. На современном же этапе общественной жизни индивидуализм выражается в своего рода вынужденных формах отчуждения от социума и... самой личности. Эта отчужденность вызвана и социальным расслоением общества, и отрывом социальных систем от личности, ее благополучия, безопасности, самой жизни.

1 Как упоминалось в нашей монографии «Стратегия жизни», данное понятие и сами стратегии разрабатывались в ходе ведения войн (Ф. Энгельс). Стратегичность предполагала и пролонгированность определенного способа наступления/отступления, и расстановку сил на театре военных действий (в том числе приносившую в жертву одно подразделение, стягивавшее к себе все силы противника, чтобы выиграть время, сформировать большие силы для неожиданного удара в другом месте и т. д.).

Это своего рода «брошенность» личности, которая вынуждена сама справляться со всеми трудностями своей жизни. Данное положение у одних личностей актуализирует активность, «конкурентоспособность», у других – пассивность, беспомощность, страх. Появились и проявления индивидуализма и в девиантных формах поведения, и в деструктивных типах личностей. Отчуждение личности от самой себя связано с преобразованием способа жизни (в отличие от фроммовских типов «иметь» или «быть») в способ существования, выживания, при котором невозможна личностная самореализация. Парадоксальность такой формы индивидуализма, прямо противоположной тому, что есть в Америке и Западной Европе, где индивидуализм связан с процветанием личности во всех отношениях, с высоким качеством жизни и т. д., – заключается в том, что это индивидуализм, т. е. социальное одиночество, сопровождающееся одиночеством личности, которое одновременно связано с ее *обезличенностью*, погружением в обыденность, отчуждением от культуры и других благ в силу... обнищания. С этим связаны распространение (в том числе и в средствах массовой коммуникации, по ТВ и т. д.) самых примитивных культур – способов самовыражения личности (сексуальных, агрессивных), апологетика насилия, убийства и т. д.

В силу этого представляются огромным противоречием развивающаяся в гуманитарных науках (и в психологии прежде всего) гуманистическая отечественная традиция, теория и оптимальные модели личности как индивидуальности и субъекта, реальность бытия большого числа людей, по отношению к которым эти теории и модели оказываются утопиями. И решение проблемы не может лежать в области психологической поддержки личности, в силу несоизмеримой малости этой поддержки массе бедствующего населения. Оно, увы, находится за пределами компетенции психологии. Однако усилия психологов, в том числе и исследователей, теоретиков, методологов, могут быть направлены на обнажение остроты этой проблемы для общественного (и государственного) сознания. Россия всегда была сильна своей народностью (при всей извечной бедности самого народа), поэтому осознание происходящей децентрации общества является едва ли не самой важной проблемой российской государственности.

Таким образом, обобщая, можно еще раз уточнить определение индивидуальности: она «проявляется» в экзистенциальности самой личности и в особенностях личности в экзистенциальности самой жизни.

Литература

- Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973.
- Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова К. А. Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. № 1. Т. 30. С. 22–43.
- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968.
- Белицкая Г. Э. Типы проблемности социального мышления // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 1993. С. 75–80.
- Дорфман Л. Я. Метаиндивидуальный мир: Методологические и теоретические проблемы. М.: Смысл, 1993.
- Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
- Кургинян С. С. Проблема отношения к себе в психологии: от философско-психологических представлений к научной теории // Мир психологии. 2010. № 4. С. 41–53.
- Лазурский А. Ф. Классификация личностей. Л.: ГИЗ, 1924.
- Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
- Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
- Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
- Небылицын В. Д. Проблемы психологии индивидуальности: Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990.
- Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Отв. ред. Е. Б. Старовойтенко, В. Д. Шадриков. М.: МОДЭК, 2009.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е издание. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. Дневники // Частный архив С. Л. Рубинштейна. Рукопись. 1960.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

- Субъект и личность в психологии саморегуляции: Сб. науч. трудов / Под ред. В. И. Моросановой. М.: Изд-во ПИ РАО; Ставрополь, Сев-КавГТУ, 2007.
- Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Харламенкова Н. Е. Анализ одной из стратегий самоутверждения личности в ракурсе проблемы «Я и Другой» // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 314–320.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Аспект Пресс, 1997.
- Юнг К. Г. Архетип и психологические типы. СПб.: Ювента, 1995.
- Zaleski Z., Chelewiriski Z., Lens W. Importance of an Optimism-Pessimism in Predicting solution to World Problems: an intercultural study // Psychology of future orientation / Ed Z. Zaleski. Lublin, 1994. P. 207–227.

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

В. И. Слободчиков

Этапы становления психологического знания

Вначале сделаем схематичную разметку исторических этапов становления научно-рационального психологического знания.

Первый этап – *классический, естественнонаучный*. В этот период объектом познания стала психика как свойство высокоорганизованной живой материи, в частности – мозга. Предметом познания явились психические явления в живой природе: процессы, состояния, структуры, механизмы, психические реакции, более широко – поведение. Смысл познания можно было бы обозначить как поиск ответа на вопрос: «Что это такое?» (психическое явление с точки зрения *стороннего* наблюдателя).

Следующий этап – *неклассический*. Прародителем этого этапа развития психологического знания, несомненно, является Зигмунд Фрейд. Сутью случившегося *парадигмального сдвига* в системе знания стала попытка вырваться за рамки представлений о феноменологии психического (которые в это время интенсивно накапливались в классической психологии) и, соответственно, войти в феноменологию *человеческой реальности*.

Существенно, что это, во-первых, именно «попытка», но не само вхождение, и второе – попытка вхождения в феноменологию, но не в саму реальность. Здесь главный вопрос – «Как и в каких манифестациях феноменов психического я дан себе с точки зрения теперь уже *заинтересованного* наблюдателя?»

На первом этапе этого парадигмального сдвига произошел взрыв категориальных новаций, но (и это принципиально важно!) объяснительные схемы и логика мысли оставались прежними – причинно-следственными. Точно такими, как и в предшествующий классический период развития научной психологии.

Существенно, что именно на этой точке прорыва стали интенсивно оформляться две ветви мировой психологии: так называемая «западная» гуманистическая и «советская» культурно-историческая. Первая объектом пристального внимания избрала «человеческую ситуацию» (блестящий выразитель такой позиции – Э. Фромм), вторая – «человеческую деятельность» (здесь – не менее блестящий выразитель А. Н. Леонтьев).

В чем же подлинная суть этого уже сложившегося этапа психологического познания?

Сегодня очевидно, что психология середины и конца прошлого века осуществила не только вхождение, но буквально *погружение* в пространство человеческой реальности. И это погружение потребовало втягивания всего многообразия гуманитарного знания – философского, богословского, социально-экономического и т. д., – чтобы хоть как-то сориентироваться в структурах и значениях тех самых «человеческой ситуации» и «человеческой деятельности».

Что произошло? Произошло кардинальное преобразование феноменальности психического в реальность психологического. Материей, в которой осуществилось это преобразование, стал культурно-исторический континуум в своей знаково-символической ипостаси.

Знаково-символический инструментарий оказался мощным средством ориентации, а главное – структуризации самой этой психологической реальности, но – хотелось бы специально это подчеркнуть – ориентации в пространстве именно моделей, знаков, символов, знаний о человеке, а не в пространстве самого человека. Вот на этой коллизии гуманистически ориентированной психологии начинает зарождаться, складываться, прорисовываться новый портрет психологии в интерьере современности.

Сегодняшний новый этап можно назвать апофатически (т. е. путем отрицания) этапом *постнеклассической психологии*. В рабочем (нестрогом) смысле можно говорить о гуманитарной (а не гуманистической), теперь уже *антропной*, психологии. Постнеклассическая психология – это не только прорыв за пелену психической феноменальности, не столько погружение в человеческие ситуации и ориентация в них, сколько конвергенция, интеграция, исцеление, реабилитация самой «человеческой реальности» и уж затем только – «человеческой ситуации» и «человеческой деятельности».

Здесь главный смысл познания связан с поиском ответа на вопрос: «Кто я есть с точки зрения *внутреннего* наблюдателя?»

Собственно говоря, в пространстве постнеклассической психологии впервые появляется возможность обсуждать языком психологии вовсе не психологические реалии: такие как *субъектность, индивидуальность, личность, сознание, рефлексия, совесть, нравственность, индивидуальный дух* и др. Иными словами, это тот состав категорий, который сложился в философской и христианской антропологии. Но! – чтобы обсуждать эти реалии по существу, необходимо еще раз и принципиально различить и не склеивать «**психологию психики**» и «**психологию человека**». Это разные системы знаний – и по типу, и по способу их получения.

Специально заметим, что никакой последующий этап в становлении психологического знания не отменяет предшествующего. Они пронизывают друг друга и сосуществуют на исторической сцене вне зависимости от времени своего появления. Так, достаточно успешно продолжает жить, например, и сегодня «советская» психология на постсоветском пространстве.

Духовность и душевность

При всех многочисленных исторических попытках создать целостную систему рационального знания о духе – нечто вроде «психологии духа», – к настоящему времени *пневмология* как научная дисциплина так и не сложилась. Субъективный дух, духовность человека оказывались либо предметом чисто философских спекуляций, либо той живой реальностью, которая подлежала религиозному «окормлению», либо на крайний случай – ценностной характеристикой явлений человеческой культуры.

Такие хорошо всем известные символы человеческой реальности, как *внутренний мир, субъективность, самость, внутреннее Я, собственно человеческое в человеке*, являющиеся ключевыми в поиске оснований духовного становления человека, научная психология старательно избегала. Подобно тому как в свое время И. П. Павлов накладывал запрет на психологические интерпретации физиологических явлений, традиционная психология накладывает «табу» на духовный радикал человеческой реальности. Атеистическая научная психология и не может поступать иначе: в качестве своего предельного объекта изучения она всегда полагала только «психику», «психическое как таковое», достаточно определенное и обособленное от других реалий, так сказать, от «психики» дождевого червя до психики человека. В разных психологических школах в разное

время в изучении психического делался акцент либо на его *качестве*, либо на *функциях*, либо на *структуре*, либо на *предметном содержании*, а подчас на всем этом вместе взятом. Но всегда психическое рассматривалось как таковое в своих достаточно жестких границах.

И хотя со временем область исследований природы психического расширялась, однако тотальная ориентация на идеологию материализма сконцентрировала большинство экспериментальных и теоретических разработок на одном полюсе – на стыке, так сказать, «души» и «тела». Само по себе это имело большое значение: произошел прорыв за пределы замкнутого, феноменального мира психического как такового.

Казалось бы, вполне оправдана экспансия психологии и к другому полюсу человеческой реальности – к формам его *духовного бытия*. Только в этом всеобъемлющем интервале (телесное существование – духовное бытие) можно было выявить и саму природу, и жизненный статус психического (само существование душевной жизни). Однако и по сей день научная психология (в своей исследовательской, теоретической части) лишь приглядывается, осторожно примеривается к духовной реальности – той реальности, само существование которой в отечественной психологии долгое время вообще отрицалось. А если духовная реальность и допускалась, то лишь в виде продуктов культуры, форм искусства, норм общечеловеческого и т. п. Психология искусства, психология религии были, скорее, «психологической археологией», которая по вещественным останкам пыталась восстановить духовное творчество коллективных субъектов, но не духовную ипостась конкретного человека. То же, но с некоторыми оговорками, можно сказать и в адрес западной психологии при всей ее, казалось бы, идеологической раскрепощенности: духовная реальность (как реальность человеческая) также исключалась из научного рассмотрения.

Сегодня ситуация постепенно меняется. Психология начинает интенсивно осваивать наследие (и мировое, и отечественное) религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа, расширять опыт работы с субъективным миром человека, с его сознанием, а главное – строить новый взгляд, новое видение человеческой реальности в ее субъективной проекции. Появление второго полюса психологической предметности – *духовности* – открывает перед психологией перспективу стать подлинным лидером, а во многом и законодателем в системе наук о человеке.

Однако традиционный узко психологический взгляд на человека, при котором он предстает как некая *отдельность* (выделенность из рода), как *особь* со своими индивидо-своеобразными свойствами и качествами, как система множества психологических способностей и механизмов, ограничивает анализ проблемы духовности. Внутренний мир человека имеет многообразные источники, многообразные связи и отношения во всем универсуме человеческой истории и культуры, и именно здесь он обретает свой смысл и духовное измерение.

Духовность относится к родовым определениям человеческого способа жизни. Возможны разные ее понимания. Будем исходить из следующего. *Дух есть то, что связывает отдельного индивида (субъекта психической деятельности, личность человека) со всем человеческим родом во всем развороте его культурного и исторического бытия.* Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в ней человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т. п.

Духовное встраивается в царство предметного мира как *транс-субъективное*, как производное от исторического взаимодействия и суммирования деятельностей бесчисленных исторических субъектов; оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность конкретных духовных норм и ценностей. С общекультурной точки зрения духовность – это идеальный комплекс норм, которые противостоят субъекту и обществу не как *данность*, а как *заданность и требование*.

Однако неправильно было бы мыслить духовность человека *только* как содержание высших образцов человеческой культуры (в виде общественно-исторических норм и ценностей). Через предметное содержание даже высших образцов культуры, имеющих общеродовой характер, индивидуальный дух не улавливается. У нас появляется уверенность, что он есть, но *что* он есть и *как* он возможен – остается неизвестным.

Неправильно было бы понимать духовность также и как новую ступень усложнения индивидуальных психических функций и способностей, как средоточие всех функций сознания, сконцентрированных в единой индивидуальности, как более высокий уровень развития всех предшествующих свойств психического, вершина и предельная утонченность душевности. По остроумному замечанию М. Шелера, с точки зрения интеллекта различие между Эдисо-

ном (как только механиком) и умным шимпанзе необычайно велико, но лишь в степени. И даже если все субъективные способности человека произвольно возрастут до бесконечности, все равно это еще не духовность, это все еще степень, а не существо различий, не другой способ бытия.

Принцип, делающий человека собственно человеком, вообще лежит вне всего того, что и с внутренне-психической, и с внешне-витаальной сторон мы могли бы назвать человеческой жизнедеятельностью. То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей наличной жизни; как таковой, он вообще несводим к «естественной эволюции жизни», а если его к чему-то и можно возвести, то только к *высшей основе самих вещей*, по отношению к которой и сама жизнь является лишь частной ее манифестацией. Этот принцип, который включает в себя и понятие разума, и мышление в идеях, и созерцание, и такие эмоционально-волевые акты, как доброта, любовь, раскаяние, М. Шелер обозначает понятием «дух».

Если главное в понятии индивидуального духа (а именно он и есть новый принцип бытия человека) – удерживать особый род знаний, особый способ существования, которые может дать только он, то тогда основным определением «духовности» оказывается *личная независимость* от всего органического (телесного) и неорганического (обыденного), свобода от принуждения и давления всего того, что относится к «жизни», в том числе и от «душевных структур», от влечений, пристрастий и прельщений. И это есть подлинная внутренняя, духовная свобода, т. е. свобода именно духа (который «дышит, где хочет» (Ин. 3: 8)), а не души и не тела.

По словам замечательного русского философа И. А. Ильина, ни тело, ни душа человека не свободны: они связаны законами времени и причинами вещественной природы; можно не знать о них или забыть об их действии, но освободиться от них невозможно. И только духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Он имеет дар – вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать или отвергнуть.

Духовное бытие, таким образом, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от всякой поглощенности, от оккупации чужой и – главное – собственной самостью. Свобода поэтому есть *модальное* (фактически – инструментальное), а не *предметно-содержательное* определение духовного бытия человека; она есть сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях

жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в его действии на нас, но не в том или ином содержании человеческой культуры самой по себе.

Как способ, как образ бытия в целом духовность открывает человеку доступ к любви, совести и чувству долга; к праву, правосознанию и государственности; к искусству и художественной красоте; к науке, к молитве и религии. Только она может указать человеку, что есть подлинно *главное и ценнейшее* в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, что стоит жертвы. Ведь *«жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть»* (курсив мой. – В. С.), ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний» (Ильин, 1993, с. 52). А то, что не стоит смерти, то, с духовной точки зрения, не стоит и жизни.

Человеку даны от Бога определенный способ телесного существования, особая форма душевной жизни и интегрирующий человеческую реальность принцип духовного бытия, которые могут быть удержаны одновременно в едином представлении об *индивидуальном духе*. Всякая психология и всякая педагогика, которые пытаются игнорировать личную определенность, самодеятельность и самооценку человеческого существа, вступают на ложный путь. Ложность обнаруживается в наступающем очень быстро падении качества жизни – как отдельного человека, так и сообщества в целом: снижаются уровень внешне-телесного существования (вплоть до органических заболеваний), уровень душевной дифференцированности (вплоть до «первобытной» упрощенности душевного строя), качество всей жизни (труда, творчества, нравственности). И это верно на всех этапах жизненного пути человека: и в младенчестве, и в старости. Именно с культивированием индивидуального, личного духа связано само творение и возрастание качества жизни.

Духовность человека, его индивидуальный дух представляет собой ответственное принятие высших образцов совокупной человеческой культуры и следование им; переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива»; усвоение высших ценностей родового бытия человека как своих собственных. Можно сказать, что человек духовен в той мере, в какой объективный и абсолютный дух стал его субъективным (индивидуальным) духом. И именно поэтому в наивысшей степени духовность обнаруживает себя и становится способом жизни человека, когда он вступает в личные отношения с Богом – поистине высшей Основы всего бытия человека и всего Универсума.

Субъект. Личность. Индивидуальность

Индивидуальный дух человека предстает в различных обликах, раскрывающих не только различные стороны, но и уровни человеческой реальности. Можно говорить о таких обликах субъективного духа, как *личностное* (целостное), *индивидуальное* (единично-уникальное) и *универсальное* (родовое) бытие человека. Они становятся и ступенями становления духовного мира человека, мерой освоения и принятия им духовного опыта человечества, мерой его духовности в целом. Их предпосылкой, основой является *душевная жизнь* человека, его *субъектность*. Многообразные душевные способности, механизмы душевной жизни выступают органами становления и способами реализации духовности человека и при этом сами продолжают совершенствоваться и утончаться.

Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности (освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей) есть *предпосылка и предыстория* становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинает осуществляться *конвергенция* (схождение воедино) всей предшествующей психологической организации человека. И понятно почему. Душевная жизнь (во всем ее богатстве и многообразии) в качестве субъективного *непосредственного самобытия* (бытия самости) есть целый особый мир и в этом смысле – непосредственно очевидная реальность. Однако при всей своей непосредственности и очевидности душевная жизнь все же не есть окончательная, в самой себе завершенная, полноценная реальность. Иллюстрацией здесь могут быть известные переживания подросткового, а впоследствии и юношеского кризисов, которые связаны с обнаружением того, что в собственном Я *ничего собственного нет*, а есть только присвоенное из внешней культуры, что в пределах собственной жизни *собственного смысла нет*, а есть лишь окружающие *чужие смыслы*. Кризис идентичности, аутентичности и есть симптом бесосновности, незавершенности, своеобразной призрачности собственной самости, который показывает, насколько настоятельно, остро требуется выход (трансцендирование) души за свои собственные пределы.

Этот выход есть вопрос о целях, ценностях и смыслах. Понять свою самость в истинном, полном значении этого слова – значит не просто констатировать ее фактическое наличие («Я есмь такой-то и такой-то») и не просто волевым напором утвердить ее в мире лю-

дей и вещей («Я сам!»), но прежде всего – усмотреть идеальную, самоценную, очевидно осмысленную необходимость ее бытия. Трансцендирование к этому смыслу, его *откровение* нам и есть то, что мы переживаем как «дух» или «духовную реальность» и без чего, по существу, не может обойтись наше субъективное непосредственное самобытие, наша самость.

Самость (субъективность) человека стоит, таким образом, всегда на пороге между душевным и духовным бытием, она есть место, где *духовное бытие (значимое в самом себе) проникает в душу*. На этом основана таинственная способность человека (столь отличающая его от животного) *соблюдать дистанцию в отношении самого себя, привлекать свою непосредственную самость на суд высшей инстанции, оценивать и судить ее и все ее цели* (Франк, 1990).

Именно на этой способности конституируется та реальность, которую можно назвать в точном смысле слова личностью. *«Личность есть самость, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно-значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет, – начало сверхприродного, сверхъестественного бытия, как оно обнаруживается в самом непосредственном самобытии»* (курсив мой. – В. С.) (там же, с. 409).

Эту высшую инстанцию самости (все еще самости!) – личность – имеет каждый человек во всякое время и во всяком своем духовном состоянии. На этой ступени духовного развития формулой бытия для самого человека (а главное – для Другого) становится: «Я – лично!», ибо личность есть, прежде всего, персонализированная, *самоопределившаяся* самость среди других, для других и тем самым – для себя. Именно личность есть то, что составляет подлинное единство нашей душевной жизни, ее субстанциональную и вполне определенную форму.

Центральной в христианской антропологии является учение об образе Божиим в человеке. Это есть главная правда, главное откровение о человеке с позиции христианского сознания. Именно в раскрытии этой правды на первый план и выдвигается начало «личности» как *основное выражение образа Божия в нас*. «Личность в человеке ограничена его включенностью в природу, но в самом человеке все лично. Начало личности проникает собой все существо человека, а не находится как-то рядом с ним» (Зеньковский, 1993, с. 45). В человеке все потому и лично, что все соотносено с духовным началом, что потенциально человек всегда и во всем духовен. Духовность в человеке не есть какая-то отдельная сфе-

ра, не есть *особая надпсихофизическая жизнь*, а есть сама основная жизнь в человеке, проводником которой вовне и являются психическая и телесная сферы. Потому в человеке все и лично, что все целостно и в своей целостности неповторимо и абсолютно единично. Но именно эта целостность, эта нерасторжимо единичная связность духовной стороны с психофизической жизнью осмысливается до конца лишь в понятии «личность», взятом не в своих биосоциальных измерениях, а в своем духовном бытии.

Тайна человека как личности, делающая его потенциально бесконечно богатым и в то же время актуально незавершенным, заключается в главной способности подлинной личности *рефлектировать саму себя*, возвышаться над собой, *быть по ту сторону самой себя*, по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы. Работа, культивирование этой способности и поднимает, вводит человека на следующую ступень духовного бытия – ступень *индивидуальности*.

Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском «прочтении» социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного («необщего») лица, в следовании голосу собственной совести. К сожалению, в традиционной психологии понятие «индивидуальность» производно от понятия «индивид», где индивидуальность есть бесконечное множество единичных особенностей и специфических черт отдельности, вплоть до капризной самости и «нрава» (Ф. М. Достоевский), в то время как с духовной точки зрения «индивидуальность» есть становящееся (возрастающее) качество душевной жизни в процессе ее *индивидуации*, приводящей человека в целом к осознанию и переживанию своей уникальности и неповторимости.

Индивидуализация душевной жизни есть кардинальная и глубочайшая инверсия (обращение) персонального духа, пристрастное и неустанное «рассекречивание» собственной самости, которая зачастую складывалась не по воле и ведению самого человека.

Индивидуализация бытия человека, трансцендирование человеческой самости вовнутрь, в глубины субъективности, и высвечивание ее есть условие *встречи* с бесконечностью Духовного Царства, с бесконечностью Универсума, в котором впервые конституируется подлинное Я, формируется действительно полное, свободное «бытие-у-самого-себя». Здесь речь уже идет не о свободе чистой непосредственности, фактически, известной и животным (кото-

рая на самом деле оккупирует нашу самость), и не о свободе самоопределения (которое всегда предполагает борьбу и преодоление в личности, а значит – и несвободу), а об истинном, окончательном освобождении, где даже предельная индивидуальность жертвует своею уникальной единичностью «за други своя» и потому становится причастной бесконечному универсальному Бытию. Именно здесь впервые открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, вся полнота человеческой реальности как духовного микрокосма.

Самое существенное и глубинное в духовной жизни человека как раз и заключается в его искании Бесконечного и Абсолютного. Это искание «есть неистощимый и неистребимый источник вечной жизни, присущий духу, который не затихает и не замирает даже у тех, кто в своем сознании отвергает все Абсолютное и Бесконечное» (Зеньковский, 1993, с. 50). Тайна духовности человека (как личности и индивидуальности), таким образом, окончательно раскрывается в его универсальности. Ибо вселенское и бесконечное с максимальной адекватностью получают свое выражение в определенной точке с ее единственностью и абсолютным своеобразием, и наоборот: лишь то, что может быть признано истинно личным «бытием-для-себя», может воспринять и выразить бесконечное.

«Сущность всеединства как духа, как реальности самоценно и самозначимого бытия обретает последнюю определенность лишь в конкретной индивидуальности... Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального, подлинная общая правда совпадает с жизнью» (Франк, 1990, с. 414).

Все сказанное выше – лишь самые общие представления о реальности духовного бытия; те представления, сквозь которые просвечивает интуитивная уверенность в возможности психологического взгляда на явление и явленность «в миру» духовной ипостаси человека. «Учение о примате духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии духа в смысле ступеней его раскрытия в эмпирической жизни человека, т. е. ставит вопрос о ступенях и формах духовной жизни у ребенка, у отрока и юноши» (Зеньковский, 1993, с. 103), а также, добавим, – у взрослого и старика.

Ведь кардинальные перемены происходят не только в молодости: не менее драматичны и остры коллизии зрелого и пожилого возрастов.

В свете понятий христианской антропологии ребенок с самого начала – уже человек, несущий в себе образ Божий, а значит и ду-

ховное начало, и его воплощение – начало личности, укорененное в Боге. Тема детства – это исходные условия развития личности, раскрытие ее духовных сил – разума и свободы, творчества и самоданности, радости и ответственности. Духовная сфера и личность неразрывно связаны и представляют подлинную целостность. И хотя духовное бытие не производно (т. е. не рождается в эмпирических процессах души и тела), оно все-таки нуждается для своего воплощения в эмпирическом материале. Эта тема чрезвычайно важна для всей психологии и педагогики развития человека. Как эмпирическое развитие одушевляется и направляется духовным началом, так и духовное становление нуждается в эмпирии, которой оно опосредствуется в своем выражении. Принципиально важно: духовность не рождается из эмпирического развития, не создается им, а только – опосредствуется; и в этом смысле эмпирия жизни имеет прежде всего инструментальное значение для духовного становления человека.

Субъективная реальность

Традиционная психология как раз и изучала эту эмпирическую проявленность личности в поведении и действиях человека, отчуждая его духовное начало в сферу культуры и общечеловеческих ценностей и утратив тем самым истинный масштаб реальности. Но уже сегодня встает фундаментальная проблема поиска тех категорий, которые удерживали бы в себе («неслиянно-нераздельно») духовность человека и ее эмпирические манифестации и воплощенность. Такой категорией может быть понятие о субъективной реальности, которое есть предельно общее обозначение формы существования и принципа организации человеческой реальности (как непосредственное самобытие человека). Как общий принцип существования человеческой реальности субъективность (самость) обнаруживает себя в способности человека встать в практическое отношение к своей жизнедеятельности и находит свое высшее выражение в рефлексии.

Именно поэтому феномен субъективности должен быть поставлен в самый центр всей психологической проблематики человека – его телесного существования, душевной жизни, духовного бытия. Этим выбором утверждается, что субъективность в природе человека есть реальный факт, а не умозрительная конструкция. Более того: из всех фактов, с какими имеет дело человекознание, ни один из них не является столь кардинальным для понимания сути человека.

Категория субъективности – это та основа, которая позволяет развернуть и панораму, и перспективу наших представлений о человеке, становящемся и определяющемся в универсуме; о человеке, обретающем образ человеческий во времени не только личной биографии, но и мировой истории, в пространстве не только наличного сознания и наличной цивилизации, но и универсального мира культуры.

Субъективность составляет родовую специфику человека, принципиально отличает собственно человеческий способ жизни от всякого другого. Философский анализ установил фундаментальный факт человеческой субъективности: для нее не существует однопорядковых, равнозначных явлений, с которыми она находилась бы в причинно-следственных отношениях (ни природно-телесных, ни социокультурных). Она либо есть, либо ее нет. Для субъективности невозможно указать совокупность порождающих ее внешних причин, условий, обстоятельств; ее природное и специфическое отличие от других процессов и явлений объективного мира состоит именно в отношении к ним, ко всему внешнему; ее специфика состоит в самопричинении и самообусловленности (Иванов, 1977).

С этой точки зрения источник субъективности связан с кардинальным изменением механизмов жизнедеятельности живых существ, с возникновением способности человека *превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования*. Это – тот фундаментальный поворот в живой природе, на котором общее свойство самоорганизации живых систем уступает место механизму *самоконтроля*. Здесь впервые возникает отношение к самому себе, становится самость, субъективность с ее имманентной способностью «быть для себя», что и позволяет однажды человеческому индивиду стать действительным субъектом, самостоятельным распорядителем собственной жизни.

Таким образом, предельно обобщая, можно сказать: в человеке субъективно все то, что является основой и возможностью, и способности его становится в практическое отношение к своей жизни, к самому себе. Соответственно все то в человеке, что остается за пределами такого отношения, является объектным (фактически – природным), еще только могущим стать фактом предстоящей ему его собственной жизнедеятельности. Однако, утверждая, что субъективность в природе человека есть настоящий факт, следует ответить на вопросы: как она возможна? как ее понять, как выразить в системе понятий?

Для ответа на эти вопросы необходимо совершить достаточно непростое преодоление укоренившейся в нас физикалистской установки на то, что изучаемые явления вполне могут быть описаны в логической системе причинно-следственных связей. Это не очевидно уже применительно к природным объектам, при изучении же человеческой реальности мы вынуждены специально вводить и постоянно учитывать еще и другие типы детерминации: *целевую, ценностную и смысловую*. Только в пространстве этих координат появляется действительная возможность адекватно реконструировать ход развития некоторого явления, а тем самым научиться понимать его. Почему так?

Прежде всего потому, что современное человекознание убедительно показало: развитие человека, его субъективности, всего психологического строя – это одновременно и естественный, и искусственный процесс. В принципе вполне возможно для *естественной* составляющей «развития» сохранить традиционное обозначение ее как «процесса», а для *искусственной* составляющей – ввести специальное ее обозначение как деятельности. Представлений о развитии как процессе и как деятельности почти достаточно для описания всего континуума исторических (биографических) изменений человеческой реальности в рамках определенных ценностных оснований, целевых ориентиров и временных интервалов. Совокупность данных представлений позволяет не только прокламировать культурно-историческую обусловленность развития субъективности, внутреннего мира человека, но прямо вводить исторический контекст в сам «текст» этого процесса, в его содержание и способ организации.

Иными словами, собственно развитие в данном случае может быть представлено двояким образом: *по схеме процесса* (как временная последовательность ступеней, периодов, стадий) и *по структуре деятельности* (как совокупность ее способов и средств, где следование их друг за другом имеет не временную, а целевую детерминацию). Однако необходимо обозначить и третье, особое представление: развитие – как *кардинальное структурное преобразование* того, что развивается, как сдвиг, акт, «метаморфоз», скачок, который по сути своей не сводим ни к процессуальным, ни к деятельностным характеристикам (ни к временным, ни к целевым детерминантам).

Конечно, феномен сдвига, скачка в развитии можно продолжать описывать по схеме «микропроцессов» или по структуре «микродеятельностей», все более и более уходя в дурную бесконечность. Честнее и целесообразнее признать эти феномены сверх- или вне-

естественными, иноприродными для человеческой субъективности в ее историко-культурной развертке.

Здесь необходим выход в особую реальность бытия человеческой субъективности, поиск особых детерминант ее становления; и именно отсюда впервые оказывается возможным вести речь о развитии третьего рода – о саморазвитии, т. е. о развитии человеком своей собственной самости в координатах термальных ценностей и предельных смыслов. В самом общем виде эту особую реальность как раз и нужно обозначить как **духовную реальность**.

Таким образом, следует признать принципиальную недостаточность чисто объективистских представлений о «развитии вообще» и о психическом развитии – в частности. С определенного момента и при определенных условиях в психологическое рассмотрение необходимо вводить представление о саморазвитии субъективности и ее духовном измерении.

Развитие – Саморазвитие – Со-бытие

При содержательном описании того «пространства», где совершается становление и развитие субъективности, недостаточно учитывается одно фундаментальное обстоятельство (вернее, на него постоянно указывается, но оно не становится предметом специального анализа): ребенок рождается и живет в системе реальных (а не просто абстрактно-общественных), *живых*, разнородных связей с другими людьми (первоначально с матерью, затем с близкими, впоследствии с дальними). Усиливая эту мысль, можно постулировать: нигде и никогда мы не можем увидеть человеческого индивида *до* и *вне* его связи с другими: он всегда существует и развивается в сообществе и через сообщество. Наличие и сам характер этих связей (физических, биохимических, физиологических, психологических, социальных и др.), динамика их преобразования в систему предметных отношений как раз и составляют подлинную ситуацию развития, образуют искомое единство исходных предпосылок развития. Ребенок рождается не в качестве отдельного тела в пространстве тел физической реальности, но в культурно-историческом поле наличной социальности, наличных форм деятельности, наличных форм сознания. Своим рождением он поляризует это поле, преобразует жизнедеятельность взрослых в способ («орган») своего существования.

Живая общность, сплетение и взаимосвязь двух жизней, их внутреннее единство и внешняя противопоставленность друг другу

самим фактом своим указывают на то, что взрослый для ребенка (вообще один человек для другого) – не просто одно из условий его развития наряду со многими другими (не просто персонификатор и источник общественно выработанных способностей), а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения человеческой субъективности, основание нормального развития и полноценной жизни.

М. Хайдеггер однажды заметил, что человек есть не только «бытие-в-мире» (Das-sein-Welt), но что он, главным образом, есть «бытие-с-другими» (Mit-anderen-Sein). Общительность, общность является сущностным атрибутом человека. Он по самой своей природе есть «бытие-для-других». Проблема общности поэтому не только социальная или историческая; она при более глубоком рассмотрении является глубинно экзистенциальной проблемой.

Подлинная, бытийная общность предполагает, несмотря на препятствия и «непрозрачность» Другого, выход за рамки самого себя и понимание (постижение) личности Другого, а также чувства ответственности и преданности, которые включают в себя и Я, и Ты, и Мы.

Эту уникальную, внутренне противоречивую живую общность двух людей обозначим как *со-бытие*. Оно и есть та подлинная ситуация развития, где впервые зарождаются специфически человеческие способности, «функциональные органы» субъективности (во всех ее измерениях), позволяющие человеку однажды действительно и самому «встать в практическое отношение» к своей жизнедеятельности. *Со-бытие и есть то, что развивается, результатом развития чего оказывается та или иная форма субъективности*. Соответственно, сам ход развития в таком случае состоит в возникновении, преобразовании и смене одних форм совместности (единства, со-бытия) другими формами – более сложными и более высокого уровня.

Изначально процесс развития субъективности осуществляется в общественно заданных формах обучения и воспитания или общественно заданном способе образования (становления) индивида культурно-историческим субъектом; причем само развитие не тождественно обучению и воспитанию и не параллельно им. Тот или иной тип образования оказывается формой, в которой осуществляется, *результатируется* процесс развития, он же задает и общее *направление* самому этому процессу.

В европейской образовательной традиции особой ценностью развития и в то же время его вектором считается движение в сторону

самостоятельности, в сторону образования само-деятельного, само-сознающего, само-устремленного (предельно индивидуализированного) субъекта, способного с некоторого момента к саморазвитию. Именно эта общественно-культурная ценность определяет ту программу действий взрослого, с которой он входит в со-бытийную общность. Взрослый входит в со-бытие как живой носитель существующей возрастной стратификации и символизации, которые оказываются для него своеобразной *матрицей* тех действий, с помощью которых он и самоопределяется в со-бытии.

В свою очередь, ребенок входит в со-бытие (вначале) своей *органичностью* (живой пластичностью), можно сказать, предельной *неопределенностью*, *незаданностью* того или иного способа бытия, *незаданностью* своих способностей, а тем самым – максимально несвободным (еще некому быть свободным), «жертвой» внешней и внутренней стимуляции, «чистой» потенциальностью (даже «тело» еще не оформлено, есть только телесность). Требуется длительный процесс *конвергенции*, сворачивания «чистой» потенциальности в точку (обретение души), с которой только и возможно становление авторства и универсальности саморазвития. Собственно говоря, во встрече пластичной органичности и действенной программы, в со-бытии ребенка и других и происходит обретение индивидуальных способностей (как содержаний индивидуальной психики) и сменяющихся форм общности, обретение все большей свободы от своей незаданности и все большей свободы для своей собственной определенности и укорененности в человеческом сообществе.

В проблеме личности, понимаемой как образ Божий в нас, есть особая загадка, требующая разрешения. «Личность есть луч Абсолютного, несущий в естество человека начало свободы, потенциальной бесконечности и силу самовидения, замыкающего ее в себе самой» (Зеньковский, 1993, с. 88). Но в то же время личность во всех своих проявлениях, во всех своих функциях обнаруживает связность и органическое единство в со-бытийной общности. Как же согласовать идею автономной индивидуальности с ее сращенностью и неотторжимостью от общности?

Мы продолжаем жить под гнетом двух полярностей – абсолютного индивидуализма и не менее абсолютного коллективизма. Сугубо рациональный синтез между этими двумя крайними течениями так и не был найден, да и вряд ли будет, поскольку он предполагает **благодатное** начало. И это благодатное начало есть, оно дано нам каждодневно и повсеместно в Церкви, в живом многоедин-

стве цельной жизни многих, в общине верующих, в их соборности по образу Божественного триединства. В послании апостола Павла к Филиппийцам дан заверченный образ самого духа соборности: «<...> Дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других. Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе» (Флп 2: 2–5).

Итак, соборность – максимальное единство при наибольшем разнообразии – есть ключевое и объемлющее понятие всей человеческой реальности. Согласно замечательной формуле А. С. Хомякова, соборность – это **свободное единство в любви**. И только очам любви открывается это единство не как внешнее (часто оккупирующее нас) соединение, какое мы имеем во всяком мирском сообществе, но как таинственная первооснова жизни человека.

Эта первооснова, соборность, общность со-бытийная дана и задана человеку во всяком его наличном состоянии. Но как возможен выход из нее и возвращение к себе новому, способному войти в новую же общность (или построить ее)?

В свое время для решения этого вопроса П. Тейяр де Шарден предложил кардинальное средство: окончательно и бесповоротно устранить из совокупности человеческих поступков, форм поведения все второстепенные и двусмысленные проявления внутренней активности и рассмотреть центральный феномен человеческой субъективности – *рефлексию*.

По самому общему определению, рефлексия есть специфически человеческая способность, которая позволяет человеку сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя – предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и тотального преобразования. Иными словами, по своей главной сути природа человеческой субъективности находит свое высшее выражение в способности к рефлексии как основополагающем механизме ее конституирования и развития в онтогенезе. Именно поэтому *субъективность есть самый общий принцип существования человеческой реальности, но ее конкретный (теперь уже – субъектный) способ бытия и уровень духовности определяется характером и масштабом рефлексированности самой человеческой жизнедеятельности*. Субъективность, таким образом, есть интегративная и в то же время внутренне существенная характеристи-

ка человеческой реальности в целом, которая в своей онтогенетической (биографической) развертке открывается как становящаяся иерархия способов, как последовательность ступеней духовного самоопределения человека в мире и в самом себе.

Субъективный дух: раскрытие и воплощение

На *первой* ступени развития субъективности (от рождения до года) – ступени **оживления** – практическое отношение к собственной жизнедеятельности существует в специфической форме. Его «субъектом» оказывается не индивид в своей изолированности, а *само бытие, живое единство ребенка и матери* в их отношении к остальному миру и к своей совместности в том числе. Чтобы последнее стало возможным, с самого начала решается сугубо практическая задача по со-организации двух индивидуальных существований. В частности, должен осуществиться первичный синтез телесной целостности ребенка, который находит свое прямое выражение в так называемом «комплексе оживления». («Оживление» необходимо понимать буквально: программа действий взрослого обычно такова, что уже с первых дней начинают складываться целостные функциональные системы поведения ребенка, которые взрослый «прочитывает» уже не только в семантике «органических потребностей», но прежде всего – в семантике общения и отношений.) О том, что произошло «очеловечивание» ребенка, взрослый судит по его улыбке (была гримаса), плачу (был крик) и др. Именно с этого момента взрослый особым образом семантизирует пространство со-бытия, обнаруживая в ребенке тот адресат, к которому возможно личное обращение.

Доречевое развитие ребенка знаменательно тем, что здесь прежде всего формируются перцептивно-динамические и валентные «функциональные органы», лежащие в основе *чувственности*, а точнее – чувственно-практического опыта, включающего в себя особые сложные образования типа установок, потребностей, устойчивых схем поведения, со-организованных движений; это и есть та первая форма и то первое содержание внутреннего мира человека как **психосоматической** реальности, которые еще не знают субъект-объектного противопоставления. Здесь формулой сознания является «пра-Мы» (Л. С. Выготский), прообразом деятельности – «живое движение» (Н. А. Бернштейн), формой общения – «сопричастность» (Л. Леви-Брюль).

Кардинальное приобретение данной ступени развития – это подлинный синтез *человеческого тела*, его «оживление» в сенсорных, двигательных, общительных, созидательных измерениях. Очевидно, что впереди – бесконечное множество телесных *изменений*, однако сам принцип человеческого тела (своеобразная форма субъектности) оформляется именно здесь. Обнаружение телесно-чувственной достоверности мира и практическое отличие от него своего самоощущения в широком спектре его возможных содержаний есть результат работы *полагающей рефлексии* (Гегель), которая производит самое первое *высвобождение сознания* (как субъективности) из поглощенности его бытием, но в *форме связности* его в некотором психическом образовании. *Сознание свободно от бытия, но несвободно от формы своего освобождения*, несвободно в психическом «конструкте» (образе, представлении, пристрастии, действии и др.). Оно лишь следует (перемещается) из одной поглощающей организованности в другую, но сам *переход* остается наивным (бессознательным).

Два эпохальных события раннего детства стоят в начале новой ступени развития внутреннего мира человека – ступени **одушевления** (от года до 6 лет): это – *прямохождение и речь*. По словам Гегеля, посредством первого из них человек снимает внеположенность частей пространства и сам находит для себя свое место; посредством второго – делается способным достигать сознания собственной всеобщности и постигать свое собственное Я.

Прямохождение обеспечивает то, что ребенок попадает в ту же систему координат, в то же динамическое пространство (теперь четырехмерное), где уже находится взрослый; соответственно, он впервые начинает видеть другого в действии (а не просто в движении), так как впервые оказывается способным действовать сам. Существенно, что только с этого момента можно впервые говорить о предметных действиях в собственном смысле слова. (Речь, являясь первой натуральной практикой сознания на пути движения к самосознанию, раз возникнув, отныне всегда противопоставляет слово всему остальному; через слово субъективность впервые становится для себя самой *предметом*.)

Более того, речь и действия ребенка, ориентированные на взрослого, создают и закрепляют множественные точки идентификации, точки самотождественности и самодостоверности. Происходит подлинное *одушевление* жизнедеятельности ребенка (феноменально выражаемое как «Я сам!»), возникает и специфическая форма целост-

ного сознания – «Мы–Они», где «Мы» и есть субъектность ребенка (совпадающая с границами группового сознания), а «Они» – потенциальная объектность («оно»).

Обретение способности самостоятельного передвижения и постижения своего Я есть в высшей степени важный момент в духовном развитии ребенка. Именно с этого момента складывается особая форма рефлексии – *сравнивающая*. В стихии речевого общения начинается процесс быстрой специализации и дифференциации его действий: а) на собственно орудийные, обеспечивающие непосредственное включение ребенка в совместную деятельность со взрослым (самообслуживание, быт), и квазиорудийные (игровые, символические), обеспечивающие включение его в жизнедеятельность взрослого, в сферу социальных отношений; б) на собственно предметные (чувственно-практические), реализующие самодеятельность ребенка в материальной предметности, и квазипредметные (познавательные, речевые, умственные), реализующие самодеятельность ребенка в идеальной предметности. Таким образом, носителем и реализатором субъектности как **психосоциальной** реальности является множество предметно-орудийных и чувственно-практических действий.

Сравнивающая рефлексия обеспечивает субъекту опознание себя в налично данном, очевидном мире. *Здесь сознание впервые начинает подниматься над конкретно определенной связанностью, над конкретным психологическим образованием, что является необходимым шагом к свободе по отношению ко всему внешнему.*

Помимо всего другого, сравнивающая рефлексия позволяет ребенку освободиться и от некоторых ритуализированных форм совместности со взрослыми. Его субъективность все более обнаруживается (и для себя, и для других) как подлинная *самость*: в целостности Я со своим представлением о себе и собственным действием.

С кризиса 6–7 лет, на границе дошкольного и школьного возраста начинается новая ступень развития – ступень **персонализации** (от 7 до 18 лет). Здесь происходит превращение различных деятельностных структур субъектности в содержание представлений о себе (самооценка, образ Я и др.). Именно с этого момента ребенок начинает оформляться, становиться *личностью* – точкой сосредоточения различных общностей в **социокультурной** реальности и обособления от них. Начинается процесс самоограничения (уточнения границ самотождественности внутри со-бытия), процесс бурного различе-

ния Я–не-Я, постижения своих желаний, целей, мотивов, способностей, личностных качеств. Наиболее остро этот процесс протекает в подростковом возрасте, что обнаруживается в стремлении ребенка проявить в себе такие качества, которые он **сам** считает ценными, поставив под сомнение систему внешних требований. Нередкий негативизм и импульсивность этих проявлений сменяются в юношеском возрасте все большей осознанностью, осмысленностью в преодолении (или принятии) внешних стереотипов и социально-ролевых ожиданий сверстников и старших.

Принцип персональности, который складывается на данной ступени развития, является предпосылкой для новой ступени – ступени **индивидуализации** (примерно от 20 до 40 лет). Только с этой ступени можно говорить о принципиальной возможности духовного саморазвития. Этот период является поворотным в жизни человека, и он связан с трудным поиском своей укорененности в мире, с выработкой собственного мировоззрения, со становлением подлинного авторства в определении и реализации своего способа жизни. Обособляясь от образа себя в глазах ближайшего окружения, преодолевая профессионально-позиционные и политические детерминации поколения, объективируя многие свои качества как не-Я, человек становится ответственным за собственную субъектность, которая зачастую складывалась не по воле и без ведома ее носителя. В **духовно-практической** сфере бытия, которая и является коррелятом ступени индивидуализации, формулой субъектности может быть: «Я аутентичен!», или, говоря словами М. Лютера: «На том стою, и не могу иначе!»

Последней является ступень **универсализации** (от 45 до 65 и более лет). Кризис, который предваряет переход на эту ступень, – это *кризис самости в ее родовой, культурной и исторической определенности*. Здесь открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, что позволяет ему выйти за пределы сколь угодно развитой индивидуальности как таковой и войти в область *соборных жизненных смыслов и духовных ценностей* как «в свое другое» («Я–Ты»). Со-бытие как видимая форма единства со многими другими уходит внутрь, становится эзотеричной, приобретая подлинно личный (уникальный, единственный в своем роде) характер: целостность, объемность, глубину и суверенность. Зрелость как всеобщая форма со-бытийности человека и его мира в целом и как предельная ответственность его за этот мир выводит человека за пределы мерного и ограниченного в сферу *подлинно вселенского и универсального*

Со-бытия, о котором апостол Павел мог сказать: «И уже не я живу, но живет во мне Христос!» (Гал. 2: 20).

Таким образом, даже на этом предельно обобщенном уровне описания ступеней развития субъективного духа становится понятным, что в нашем духовном становлении не все мы можем «от себя», но и не все происходит «без нас».

Литература

Иванов В. П. Человеческая деятельность–познание–искусство. Киев: Наук. думка, 1977.

Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М., 1993. Т. 1.

Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Свято-Владимирское братство, 1993.

Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛАБОРАТОРИИ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

М. И. Воловикова

Лаборатория психологии личности была организована через 12 лет после образования в «Большой академии» (Академии наук СССР) Института психологии. Но предысторию лаборатории можно датировать 1945 г., когда Сергей Леонидович Рубинштейн создал и возглавил сектор психологии в Институте философии АН СССР (этот сектор он возглавлял до 1949 г. и затем – с 1956 по 1960 гг.). В октябре 1972 г. сектор почти в полном составе перешел в только что созданный в АН СССР институт психологии; в то время он назывался сектором философских проблем психологии. В декабре 1973 года сектор возглавила Людмила Ивановна Анцыферова. Здесь работали такие выдающиеся ученые, как Константин Константинович Платонов, Яков Александрович Пономарев, Андрей Владимирович Брушлинский, Владимир Георгиевич Асеев, Динара Николаевна Завалишина, Инна Аршавировна Джидарьян, Тамара Ивановна Артемьева, Ирина Ивановна Чеснокова и др., создававшие уникальную творческую атмосферу, так помогающую росту молодых научных сотрудников.

В этот период активно разрабатывается личностная проблематика. Издаются работы тогда еще молодого и яркого по своим научным результатам поколения школы С. Л. Рубинштейна: И. А. Джидарьян, Т. И. Артемьевой, Г. С. Тарасова, И. И. Чесноковой и др. В этих книгах, ставших классическими, разрабатываются методологические проблемы самосознания личности (Чеснокова, 1977), способностей (Артемьева, 1977), а также вопросы, связанные с духовной (Тарасов, 1979) и эстетической (Джидарьян, 1976) потребностью личности. Публикуется исследование В. Г. Асеева, посвященное авторской концепции мотивации поведения (Асеев, 1976). Осуществляется методологический анализ разрабатываемых в мировой психологии тео-

рий личности (Родионова, 1977; Психология формирования..., 1981). Эти и другие работы готовили фундамент для образования нового научного подразделения, направленного на изучение личности.

Лаборатория психологии личности была образована в 1984 году, а первым ее заведующим стала Л. И. Анцыферова. В этот период в лаборатории разрабатывается оригинальная психологическая проблематика, основанная на понимании личности как развивающейся системной целостности, для которой развитие – основной способ существования, способ ее бытия. Анцыферова определяет личность через способ бытия человека в обществе, как индивидуальную форму существования и развития социальных связей и отношений, добавляя: «Личность, наконец, это человек, постоянно повествующий самому себе о своих взаимоотношениях с целым миром и во внутренней полемике с подразумеваемыми собеседниками утверждающий, защищающий, осуждающий, изменяющий, совершенствующий себя» (Психология формирования..., 1981, с. 4).

Первыми сотрудниками лаборатории были А. В. Брушлинский (и он всегда продолжал себя считать членом коллектива лаборатории, даже когда стал директором Института), И. А. Джидарьян, Т. Б. Карцева, Н. Е. Харламенкова и др. К разработкам, начатым в этот период, в том числе в виде кандидатских, аспирантских исследований, стоит вернуться и использовать их еще не вполне реализованный научный потенциал. Говоря о них, надо назвать работу Т. Б. Карцевой, посвященную изменениям образа Я в ситуациях жизненных перемен, где в качестве примеров преобразующих личность ситуаций приводятся создание семьи и перевод на руководящую должность (Карцева, 1989), а также аспирантские работы (выполненные под руководством К. А. Абульхановой в другом научном подразделении Института): Л. Ю. Кублицкене о личностных особенностях организации времени (Кублицкене, 1989), Л. И. Дементий о типологии ответственности и личностных условиях ее реализации (Дементий, 1990).

Здесь нам хотелось бы остановиться подробнее на аспирантской работе Т. Г. Гаевой о моральной ответственности как качестве личности (Гаева, 1984). Время защиты кандидатской диссертации Т. Г. Гаевой совпало со временем организации лаборатории. В работе были намечены некоторые из перспективных направлений исследования нравственных проблем в психологии личности. Тема, которая привлекла внимание диссертантки и ее руководителя – Л. И. Анцыферову, касалась связи нравственного развития личности с поведе-

нием. Было выделено качество моральной ответственности (КМО), позволяющее человеку ориентироваться в неоднозначных этических ситуациях, и сделан вывод о том, что КМО характеризует личность как интегральное целое, в котором различные уровни психологической организации объединяются в единой альтруистической направленности. Утверждалась интегрирующая роль высшего уровня психологической организации личности – уровня нравственных и этических мотивов, ценностей, моральной и интеллектуальной интуиции. В работе впервые делалась попытка диагностики морального развития личности. Также в ней содержится описание некоторых из результатов проведенного исследования представлений о совести. Сопоставление образного (рисунка-пиктограммы) и вербального (рассуждений о совести, поясняющих содержание рисунка) эмпирического материала позволило автору прийти к выводу о том, что лица, находящиеся на разных уровнях развития КМО, отличаются в своих суждениях о совести. Взрослые испытуемые (врачи, медсестры, а также лица с девиантным поведением) дают различные рисунки-образы и пояснения к ним: от шуточных ответов и отказов – до очень глубоких обобщений (например, «совесть – это букварь поведения, заложенный в сердце», «проверка всего себя сердцем» (Гаева, 1984, с. 271)). В работе также содержится большой объем эмпирического материала (рисунки, записи решения моральных задач и др.), к которым еще стоит вернуться исследователям нравственной проблематики в психологии.

Огромный вклад в развитие и применение субъектно-деятельностного подхода к личности внесли работы ученицы С. Л. Рубинштейна К. А. Абульхановой. Активность личности, ответственность в построении своего жизненного пути, типологические особенности личностной организации времени – эти вопросы ею впервые в отечественной психологии были так определенно и конкретно поставлены и во многом решены (см.: Абульханова-Славская, 1980, 1991; Абульханова, Березина, 2001; и др.). Личность рассматривается К. А. Абульхановой как субъект инициативы и ответственности. На этой основе ею был разработан типологический подход к исследованию сознания личности. В период резких социальных изменений 1990-х годов данный подход выполнил роль одного из мощных объяснительных принципов процессов, которые в это время происходили на уровне личности.

В конце 1980–самом начале 1990-х годов под редакцией К. А. Абульхановой вышли два тома «Психология личности в соци-

алистическом обществе», в которые вошли и работы сотрудников лаборатории (Психология личности..., 1989, 1990). На закате «социалистического общества» удалось собрать, опубликовать и тем самым сохранить многие научные разработки (в том числе совместные с учеными других стран бывшего «социалистического лагеря»), которые остаются актуальными и в наше время. Здесь содержались продуманные и взвешенные предупреждения о проблемах личности, связанных с крушением идеологии, выводы о последующем расслоении общества и о печальных последствиях этого расслоения для человека. Именно в этот период (в 1991 году) К. А. Абульханова возглавила лабораторию психологии личности.

Начало 1990-х отличалось тем, что «...из списка запретных одновременно вышли совершенно разноплановые темы – вопросы, касающиеся нашей идеологии, политики и религии, и захлестнувший наплыв порнографической продукции. Это и называется революционной (т. е. резкая, скачкообразная) ломка сознания, когда вся наша страна представляет собой своеобразную лабораторию для испытания практикой психологических теорий. Решения, которые прежде принимались государственными институтами, за исключительно короткий срок были переадресованы самому человеку. Из объекта управления все члены нашего общества становятся субъектами принятия решения. Вопрос только в том, насколько они готовы быть субъектами собственных решений» (Абульханова-Славская, Воловикова, Елисеев, 1991, с. 27–29). К. А. Абульханова подчеркивала, что в условиях меняющегося общества в центре внимания должны стоять не только неизбежные психологические и личностные потери, но также причины и истоки сохранности личности, ее интеллекта и нравственности, несмотря на жесткость воздействий на человека.

В то сложное время, в которое вступила и страна, и отечественная наука, лаборатория оказалась «на высоте». Появившийся вкус свободы позволил продумать, исследовать и опубликовать многое из того, на что раньше можно было только осторожно намекать. Почти каждый год лаборатория готовила по сборнику, и перечень названий этих книг также может свидетельствовать о том, что психология личности здесь не закрывалась от проблем, а оказалась в самой гуще событий, предлагая не только грамотные объяснения, но и возможные их решения. Это книги «Психология личности в условиях социальных изменений» (1993), «Сознание личности в кризисном обществе» (1995), «Психология личности: новые исследования» (1998), «Российский менталитет (психология личности, сознание, социаль-

ные представления)» (1996), «Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики» (1997), «Современная личность: Социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии» (2000) и др. В центре внимания оказалось сознание личности в условиях социальных изменений, исторически сложившиеся особенности российского менталитета и его современное состояние.

Значительная часть исследований, проводимых в лаборатории в эти годы, была сосредоточена на изучении взаимосвязи личности и ее социальных представлений¹, причем был охвачен самый широкий спектр этих представлений: представления об интеллекте, об умном человеке; представления детей о сказочных героях, представления женщин о детях (Н. Л. Смирнова (Александрова)); представления о счастье (И. А. Джидарьян); представления о правде, истине и справедливости (их понимание) (В. В. Знаков); представления об эмоционально неуравновешенной личности (Е. В. Чудина); представления об ответственности (Е. В. Пащенко); политические представления (представления о политических лидерах), экономические представления, отношение к деньгам (Г. Э. Белицкая); представления о соотношении прошлого, настоящего и будущего в течение жизни (Т. Н. Березина); представление личности о себе (Н. Е. Харламенкова); представление личности об отношении к ней окружающих (Е. В. Гордиенко); представления о нравственном (порядочном) человеке, правовые и моральные представления (М. И. Воловикова, Л. Л. Гренкова-Дикевич, О. П. Николаева); представления о празднике (М. И. Воловикова, С. В. Тихомирова, А. М. Борисова) и др.

Под руководством К. А. Абульхановой в лаборатории всесторонне разрабатывалась проблема личностной организации времени. В развитие идей упомянутой выше диссертации Л. Кублицкене (1990) – это исследования типологических особенностей планирования личного времени (Серенкова, 1991) и неосознаваемых особенностей личностной организации времени (Березина, 1997). Большинство из упомянутых работ было продолжено в дальнейшем и продолжается теперь.

Нельзя в связи с историей лаборатории не упомянуть имя А. В. Брушлинского – ученика С. Л. Рубинштейна, много сделавшего в изучении мышления и личности. В составе лаборатории Бруш-

1 Социальные представления, согласно концепции К. А. Абульхановой, понимаются как одна из операций социального мышления личности (см.: Абульханова, 2002).

линский возглавлял группу исследователей психологии мышления, в которую в разное время входили М. И. Воловикова, В. В. Знаков, другие сотрудники и аспиранты. Поворот темы мышления к личностной проблематике был связан с нравственными характеристиками, которые можно исследовать с помощью подхода к мышлению как процессу. В одном из первых лабораторных сборников было опубликовано исследование интеллектуального потенциала личности в процессе решения нравственных задач, проведенное А. В. Брушлинским и Л. В. Темновой (1993). Именно в группе психологии мышления, руководимой А. В. Брушлинским, М. И. Воловиковой было начато изучение нравственного становления личности. На дошкольниках, школьниках, студентах и представителях старшего поколения изучались условия, помогающие личности стать субъектом нравственного и правового сознания (Воловикова, 1987, 2000); совершенствовались приемы микросемантического анализа (Воловикова, 2008).

Относительно стабильные (по сравнению с предыдущим десятилетием) 2000-е годы ознаменовались выпуском ряда монографий (Абульханова, Березина, 2001; Анцыферова, 2004, 2006; Джидарьян, 2001; Воловикова, 2004, 2005; Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Журавлева, 2005; Харламенкова, 2004, 2007; Александров, Александрова, 2009). Готовились конференции и издавались сборники, посвященные наследию Сергея Леонидовича Рубинштейна.

В 2000-е годы лаборатория оказалась центром исследования таких новых для отечественной науки направлений, как *психология мудрости* (Анцыферова, 2004, 2006), *психология самоутверждения личности* (Харламенкова, 2004, 2007), *нравственная психология* (Проблемы нравственной и этической психологии..., 2011), *аксиопсихология личности* (Журавлева, 2006), *психология оптимизма/пессимизма личности* в контексте позитивной психологии (Джидарьян, 2003, 2011), *психология праздника* (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003).

В многолетних исследованиях динамики социальных представлений об интеллектуальной личности, проводимых Н. Л. Александровой (Смирновой) с начала 1990-х годов, получены эмпирические данные, очень важные для понимания современной личности (Смирнова, 1995; Александров, Александрова, 2009). Оценка динамики представлений об умном человеке в России путем сравнения результатов, полученных в начале 1990-х годов и через 10 лет, показала, что они изменились. Обнаружено, что имплицитные

концепции интеллектуальности претерпевают «вестернизацию»: произошел сдвиг от социального в сторону когнитивного фактора, который занимает теперь первое место. Однако, несмотря на эти трансформации, связанные, по-видимому, с мощными социально-экономическими изменениями в обществе, продолжает выявляться социально-этический фактор (см. исследование 2004 г.), который не обнаруживается в американской выборке. Сформулирована гипотеза о том, что наличие данного фактора обусловлено такими характеристиками культуры России, которые утрачены быть не могут (Александров, Александрова, 2009).

В настоящее время лаборатория работает над темой «Субъектные качества жизненного пути личности». Методологической основой исследования являются идеи, разрабатываемые научной школой С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой и Л. И. Анцыферовой: субъектный подход к пониманию жизнедеятельности личности, внимание к факторам, определяющим нормальное и аномальное развитие личности, к ее ценностным ориентациям, к решению нравственных и других проблем, возникающих в процессе ее жизнедеятельности.

Актуальность проводимых исследований связана с периодически возобновляемым переживанием экономического кризиса: ожиданием наступления очередной его волны, страхами и его социально-психологическими проявлениями в виде противоречий и возникающих (явных или мнимых) трудностей личностной самореализации.

В лаборатории осуществляется комплекс исследований, направленных на психологическую помощь современной личности в сложившихся условиях социальных и экономических перемен. Основной целью становится выявление условий, повышающих жизнеспособность личности, определение стратегий и поиск жизненных ресурсов, способствующих реализации этих стратегий.

Основные современные направления работы лаборатории следующие:

- исследование соотношения проблем субъекта и личности в контексте подхода С. Л. Рубинштейна;
- изучение различных форм проявления чувства любви к жизни – жизнелюбия, определяющего оптимистическую доминанту жизненного пути личности и представляющего основу ее жизнеспособности и стойкости;
- разработка психологической типологии ценностных ориентаций личности;

- изучение социальных представлений о благосостоянии личностей с разным типом ценностных ориентаций;
- исследование имплицитных представлений детей и подростков о взрослом человеке;
- выявление структуры социальных представлений о совести у современной российской молодежи;
- изучение положительных коллективных эмоциональных переживаний;
- исследования психолого-мировоззренческого значения праздника для личности, наблюдение за динамикой представлений о новых праздниках.

До недавнего времени в лаборатории также Н. Е. Харламенковой и ее учениками велась работа по систематизации современных концепций компенсации личности, сопоставлению современных и более ранних представлений о ее моделях и механизмах компенсации.

Главное в понимании научной жизни лаборатории сегодня – это надежный научный фундамент, созданный работами учителей – классиков отечественной психологии.

Так, в трудах К. А. Абульхановой проблема саморегуляции исследована на личностном уровне как оптимальный/неоптимальный способ индивидуальной интеграции личностью своих возможностей разных уровней для решения жизненных задач. Впервые онтологическая парадигма и философская антропология С. Л. Рубинштейна представлена в контексте отечественной философии – ее истории (XX в.) и современного состояния (XXI в.). Раскрыта ее роль в разрешении противоречий идеалистической и материалистической философии; показана ограниченность диалектико-материалистического направления (советского периода) как основанного на идеологии; раскрыт обобщающий позитивные тенденции различных философских течений характер философской антропологии С. Л. Рубинштейна, доказана ее конструктивная роль как методологии науки. На основе анализа онтологического подхода С. Л. Рубинштейна, с одной стороны, и обобщения многочисленных и разноплановых теоретических и эмпирических современных исследований проблемы субъекта – с другой показана конструктивная роль этого подхода как новой методологии определения природы психического, постановки проблемы личности и раскрытия ее качества как субъекта жизненного пути. Проведена методологически существенная для психологии дифференциация категории субъекта, принципа субъекта, теорий субъекта и субъектно ориентированных исследова-

ований в современной психологии (Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна, 2011).

Под руководством К. А. Абульхановой завершающую стадию проходит аспирантское исследование С. С. Кургина, посвященное проблеме самоотношения личности. Данная работа продолжает то направление, которое было намечено в кандидатской диссертации Е. В. Гордиенко как изучение представлений личности об отношении к ней других людей (Гордиенко, 2000). В работе С. С. Кургина особое внимание уделяется анализу теории и эмпирической практики обращения к методологии научного обоснования соотношения между феноменом «отношение к себе» и категорией «личность», создающей предпосылки для изучения искомой проблемы. Исследовательская позиция автора обусловлена формулировкой вопроса «Поддерживает ли личность адекватное отношение к себе?», ответ на который связан с широким диапазоном тем: «благополучного развития» и психологического здоровья (А. Маслоу), конструктивного личностного развития (К. Роджерс) и др. Проверяется предположение о том, что обращение личности к себе осуществляется через ее отношение (интрапсихического характера), поддерживаемое ею именно тем способом, который согласуется с ее физическим, эмоциональным и ментальным благополучием, соответствует ему.

В лаборатории уделяется большое внимание современным проблемам отношения личности и социума. Исследование Н. А. Журавлевой касается основных тенденций в ценностных ориентациях личности в условиях социальных изменений. Оно посвящено изучению закономерностей динамики ценностных ориентаций личности и различных социальных групп в условиях радикальных социально-экономических трансформаций российского общества с 1994 по 2006 гг. В частности, было изучено, как в динамике ценностных ориентаций личности отражаются кризисные, имевшие место в российском обществе в 1990-е годы, и относительно стабильные социально-экономические условия. В исторический период интенсивных макро-социальных изменений в российском обществе обнаружена общая динамика возрастания значимости для личности прагматических ценностей, достижения делового успеха, высокого материального благосостояния, возрастание значимости личной жизни. Менее значимыми в период макроэкономических преобразований стали направленность на личностный рост, альтруистические ценности, самоутверждение и достижение положительного социально-психологического самочувствия.

Отмечается, что в периоды экономических трансформаций может иметь место преобразование всей личностной системы ценностей, а не только отдельных видов или групп ценностей. Чем более динамичными и радикальными по содержанию являются социально-экономические преобразования в обществе, тем сильнее изменяются ценностные ориентации личности. Показано, что в периоды сразу же вслед за острыми социально-экономическими кризисами в системе жизненных приоритетов россиян возрастает значимость прагматических ценностей и творческой самореализации. В то же время в условиях макроэкономической дестабилизации в ценностном сознании личности снижается значимость этических ценностей и ориентации на «активное» проведение досуга. Выявлены наиболее распространенные в современном российском обществе психологические типы ценностной направленности личности.

Наряду с аксиологической (ценностной) направленностью исследований личности формируется духовно-нравственное направление. Так, работы И. А. Джидарьян осуществляются с опорой на то неизменное и вечное, что позволяет личности справляться с любыми внешними изменениями. Ее последнее по времени исследование связано с рассмотрением веры, надежды и любви как оптимистической триады чувств, как основы жизнелюбия личности (Джидарьян, 2011). Образующие оптимистическую триаду единичные сущности, включающие веру, надежду, любовь, относятся к тому классу высших, хотя четко и не очерченных, структурно трудно дифференцируемых чувств, которые выражают сферу духовного в человеке, отношения с трансцендентальным, мета-эмпирическим измерением реальности. Они интегральны по отношению к личности и всей ее жизни. В психологической структуре оптимизма как фундаментального качества личности И. А. Джидарьян выделена и проанализирована триада этих высших человеческих чувств – веры, надежды и любви. Показано, что уникальность триады состоит в максимально присущей ей позитивности и выраженности того, что С. Л. Рубинштейн называл «человеческое в человеке» и что делает людей способными смягчать, превозмогать, преодолевать объективный трагизм жизни. Показано, что по своему объективному смыслу и направленности она является антиподом «трагической триады» В. Франкла в его логотерапевтической концепции (страдание, вина, смерть). В результате проведенного теоретического исследования были сделаны следующие выводы. Вера, надежда и любовь как высшие чувства и важнейшие составляющие внутреннего мира личности образуют

своеобразную духовную ось, генерирующую необходимые для полноценного человеческого бытия благотворные, созидательные силы. Триада сущность этих чувств выражается в том, что каждое из них имеет свои основания в двух других, усиливая жизненный потенциал и способствуя более полной реализации позитивных возможностей друг друга. Джидарьян пишет: «Уникальность этих чувств – не только в их высоком духовном статусе, сочетающем в себе сугубо личностное, потаенное, сокровенное и одновременно фундаментальное для человеческого бытия, но и в том особом типе связи, который дает основание использовать по отношению к ним понятие „триада“» (Джидарьян, 2011, с. 5).

А. В. Шуваловым в духовно-нравственном ключе проводится новое для лаборатории исследование проблем психологического здоровья (Шувалов, 2011).

Как некое логическое продолжение работ А. В. Брушлинского, Л. В. Темновой, Т. Г. Гаевой (о которых подробно говорилось выше), в лаборатории развивается такое научное направление, как нравственная психология (Проблемы нравственной и этической психологии..., 2011; Воловикова, Мустафина, 2011). Отмечается, что в предлагаемом термине «нравственная психология» содержится двойной смысл: а) психологическое исследование процессов, происходящих в нравственной сфере – личной, общественной, профессиональной и др., б) переосмысление перспектив развития психологической науки под углом зрения нравственного закона. Последнее предполагает включение в область исследования новых тем, новых направлений, новых методов и, возможно, пересмотр отношения к некоторым из существующих направлений. Задача нравственной психологии состоит в том, чтобы исследовать процессы, происходящие на всех уровнях человека (духовно-нравственном, душевно-эмоциональном и физическом/телесном) при исполнении или нарушении нравственного закона, проследить путь от мысли к действию, чтобы помочь современному человеку в сложных жизненных обстоятельствах, которые он сам же зачастую и строит всей историей своих моральных выборов.

М. И. Воловиковой проведен методологический анализ предмета нравственной психологии и области ее приложения. Эта область достаточно обширна: процессы осознания на индивидуальном (и общественном) уровне нравственного закона, его содержания, императивности и внутреннего единства; связь личности и общества в контексте нравственного бытия; соотношение нравственного

и правового сознания; юридические законы и нравственные идеалы; социальные представления о правде, праве и справедливости; эмоциональная окраска нравственных переживаний; нравственные чувства; совесть как нравственная интуиция и др.

Часть упомянутых тем нравственной психологии изучается в лаборатории. Это многолетние исследования динамики современных представлений о нравственном идеале (Воловикова, 2004, 2005), исследование соотношения юридического закона и нравственности (Воловикова, 2000), исследование социальных представлений о совести (Воловикова, Мустафина, 2011). Остановимся подробнее на последней работе, продолжающей традиции исследований в лаборатории нравственной проблематики.

Проведенный анализ русских народных пословиц и поговорок о совести, произведений художественной литературы и других источников показал, что в российском менталитете закреплено понимание совести как глубинной и независимой инстанции, тесно связанной с личностью человека и способной регулировать его нравственное состояние. Стыд, угрызения совести осуществляют карающую функцию, избавиться от них невозможно, – разве что только временно их приглушить; от состояния совести зависят сон человека и его отношение к смерти; совесть связана с честью, и ценность ее выше самой жизни.

Эмпирическое исследование представлений о совести современных молодых людей (старшеклассников и студентов) показало относительную сохранность традиционного для российского менталитета понимания совести. Так, негативные суждения, связанные с отрицательным отношением к совести либо только с внешней демонстрацией позитивного поведения, ни в одной из молодежных выборок не попали в ядро представлений о совести. Напротив, там оказались суждения, в которых говорится о связи совести с сознанием и нравственным законом, об оценке (негативной или позитивной) состояния совести другого человека, о регулирующей функции совести. Анализ ассоциаций со словом «совесть» показал лидирующее положение ассоциации «честность», указывающее на понимание (возможно, интуитивное) современными молодыми людьми того, что совесть не совместима с лицемерием, ложью, обманом и самообманом.

В лаборатории продолжают исследования представлений о нравственном образце («порядочном человеке»). Было обнаружено, что в молодежной среде происходит дифференциация пред-

ставлений о нравственном идеале. Представления православной молодежи отличаются возвращением к христианскому идеалу Руси. У светской молодежи наблюдаются два противоположно направленных процесса. С одной стороны, обнаружена тенденция формирования значимых по весу факторов вокруг дескриптора «верит в Бога», характеризующего нравственный образец. С другой стороны, наблюдаются два негативных процесса: а) снижение нравственного уровня поступка, характеризующего поведение нравственного образца; б) расширение границ допустимого уровня нецензурной речи для человека, который все же остается нравственным образцом. Сделан вывод о том, что изменение отношения к нецензурной лексике – от резко негативного до приемлемого – можно рассматривать как модель негативных изменений и пересмотра нравственных норм в целом – через постепенное ослабление требований и, наконец, снятие запрета (Воловикова, 2010). Еще одна наметившаяся тенденция связана с формированием в юношеской среде нравственной элиты, представители которой в дальнейшем будут во многом определять возможность поддержки морально-нравственного климата в России. Последнее, согласно данным, полученным в диссертационном исследовании И. И. Грачевой (2006), оказалось отчасти связано с уровнем перфекционизма личности.

В духовно-нравственном ключе осуществляется подход к исследованию роли праздника в жизни человека (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003). А. М. Борисовой проводится теоретическая и эмпирическая работа по выявлению психолого-мировоззренческого значения праздника для современной личности. Меняться может количество праздников, форма проведения, содержание, которым они наполнены, но как явление, как одна из форм проявления человеческого бытия, праздник остается неизменным, поскольку в нем удовлетворяются базовые потребности человека. В российском менталитете исторически, благодаря тысячелетней христианской традиции, сложился особый идеальный образ праздника. Праздник в своем истинном смысле предполагает самоочищение души, способность человека подняться выше злобных и скверных мыслей. В современной России присутствуют, по крайней мере, два совершенно противоположных и конфликтующих друг с другом образа «настоящего праздника»: праздник как возможность прикоснуться к высшим смыслам бытия и праздник-развлечение. Однако базовым остается все-таки тяготение к возвышающему душу празднику, проявляющееся как «тоска по настоящему празднику». Тема

праздника позволяет начать исследование конкретных проявлений в жизни личности «мировоззренческих чувств», по С.Л. Рубинштейну (Борисова, Воловикова, 2012).

На протяжении всей истории лаборатории психологии личности – от периода ее предыстории и тех фундаментальных разработок, которые осуществлялись в секторе философских проблем психологии, до настоящего времени – неизменными остаются принципы и подходы к личности: поиск ее позитивных проявлений, позволяющих выстоять в постоянно меняющихся и часто неблагоприятных внешних условиях, отношение к личности как к субъекту активности, поиск духовно-нравственных и ценностных оснований ее жизнестойкости.

В лаборатории осуществлены уникальные исследования личностной организации времени, субъектности как качества личности, намечены новые направления развития позитивной психологии (представления о счастье, выделение триединства веры, надежды и любви как оптимистической триады чувств, психология праздника и др.). Начато изучение проблемы психического здоровья.

Лаборатория, созданная в конце «советского периода» развития отечественной психологии, смогла обеспечить высокий уровень проводимых исследований, опираясь на последние разработки зарубежной психологии и одновременно учитывая особенности российского менталитета. Ее работы оказались востребованными в эпоху резких социальных перемен и в последующие периоды развития страны (определения которым еще не найдены).

В феврале 2012 г. лаборатории исполнилось 28 лет. Ей есть чем гордиться, и прежде всего – верностью традициям и принадлежностью научной школе С.Л. Рубинштейна.

Литература

- Абульханова К. А. Социальные представления личности // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 92–103.
- Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.

- Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова-Славская К. А., Воловикова М. И., Елисеев В. А. Проблема исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. Т. 12. № 4. 1991. С. 27–40.
- Александрова Н. А., Александров Ю. И. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004 (1-е изд.), 2006 (2-е изд.).
- Артемова Т. И. Методологический аспект проблемы способностей. М.: Наука, 1977.
- Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.
- Березина Т. Н. Неосознаваемые особенности личностной организации времени: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Борисова А. М., Воловикова М. И. Психолого-мировоззренческие функции праздника в российском обществе // Психологические проблемы современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 105–124.
- Брушлинский А. В., Темнова Л. В. Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Воловикова М. И. Моральные суждения младших школьников // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 40–47.
- Воловикова М. И. Нравственное становление человека: субъектный подход // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 235–259.
- Воловикова М. И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004 (1-е изд.), 2005 (2-е изд.).
- Воловикова М. И. История разработки и возможности применения микросемантического анализа // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 61–68.
- Воловикова М. И. Духовно-нравственная регуляция социального поведения личности // Психология нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 24–44.

- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш. Представления о совести современной российской молодежи: результаты эмпирического исследования // Психология воспитания и образования современного человека: диалог со святоотеческой традицией: Научные доклады и статьи (XVIII Международные Рождественские образовательные чтения). М.: ПИ РАО, 2011. С. 81–88.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: ПерСэ, 2003.
- Гаевая Т. Г. Моральная ответственность как качество личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1984.
- Гордиенко Е. В. Представления личности об отношении к ней других людей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
- Грачева И. И. Уровень перфекционизма и содержание идеалов личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Дементий Л. И. Типология ответственности и личностные условия ее реализации: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
- Джидарьян И. А. Эстетическая потребность. М.: Наука, 1976.
- Джидарьян И. А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001.
- Джидарьян И. А. Вера, надежда, любовь: оптимистическая триада чувств // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 6. С. 5–17.
- Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Карцева Т. Б. Изменения образа Я в ситуациях жизненных перемен: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Кублицкене Л. Ю. Личностные особенности организации времени: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1989.
- Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М.: Наука, 1989.
- Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990.
- Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Психология личности: новые исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.

- Родионова Е. А. Методологический анализ теорий личности в зарубежной психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1977.
- Российский менталитет: Психология личности, сознание, социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003.
- Серенкова В. Ф. Типологические особенности планирования личностного времени: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.
- Смирнова Н. Л. ИмPLICITные концепции интеллекта: представления об умном человеке в обыденном сознании: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.
- Современная личность: Социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.
- Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности (на материале музыкального восприятия). М.: Наука, 1979.
- Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Отв. ред. К. А. Абульханова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Харламенкова Н. Е. Влияние когнитивного стиля и социальных установок личности на особенности целеполагания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Харламенкова Н. Е. Самоутверждение подростка. М., 2004 (1-е изд.), 2007 (2-е изд.).
- Чеснокова И. И. Проблема самосознания. М.: Наука, 1977.
- Шувалов А. В. Антропологический подход к проблеме психологического здоровья // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 3–16.

ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А. В. Шувалов

Здоровье человека относится к числу наиболее интригующих, сложных и не утрачивающих своей актуальности проблем. Мнимая простота его обыденного понимания не должна вводить в заблуждение. Тема здоровья связана с фундаментальными аспектами человеческой жизни, имеет не только рационально-прагматический, но и мировоззренческий уровень рассмотрения, – соответственно, выходит за рамки сугубо профессионального обсуждения. Поэтому, прежде чем углубляться в ее психологические нюансы, определимся с исходными вопросами, а именно – представлениями о сути здоровья с позиций современного гуманитарного познания.

Научное понимание здоровья

В современной науке понятие «здоровье» не имеет общепринятого унифицированного толкования, характеризуется многозначностью и неоднородностью состава, т. е. оно синкретично. Согласно определению, которое было приведено в преамбуле Устава Всемирной организации здравоохранения в 1948 г., здоровье – это такое состояние человека, которому свойственно не только отсутствие болезней или физических дефектов, но и полное физическое, душевное и социальное благополучие (Устав ВОЗ, 2001). Формулировка «полное благополучие» нуждается в уточнениях и подвергается критике за слабую практическую направленность.

В трудах, представляющих собой вариации научного подхода к проблеме здоровья, помимо формальных сетований на сложность вопроса мы встречаем такие интерпретации этого понятия, как «оптимальное функционирование организма», «динамическое равновесие организма с окружающей природной и социальной

средами», «способность индивида полноценно реализовывать свои биологические, психические и социальные функции», «полнокровное существование человека» и т. п. В зависимости от выбора дисциплины и соответствующей ей рациональной основы выводятся биологический, медицинский, экологический, социальный, демографический, экономический, психологический, педагогический, культурологический критерии здоровья как ориентиры для реализации практики здоровьесбережения. Исчерпывающие дефиниции понятия «здоровье», видимо, остаются делом будущего. Тем не менее, можно выделить ряд общих положений:

1. Здоровье является одной из базовых ценностей в жизни людей. Здоровье – это состояние, близкое к идеальному. Как правило, человек не бывает на протяжении всей своей жизни вполне здоровым.
2. В первом приближении здоровье – это сложный, многомерный феномен, отражающий модусы человеческой реальности: телесное существование, душевную жизнь и духовное бытие. Соответственно, возможна оценка соматического, психического и личностного (в сложившейся терминологии – *психологического*) здоровья человека.
3. На сегодняшний день безусловно признается эффект взаимовлияний «духа», «души» и «тела» на общее состояние здоровья человека.
4. Здоровье – это одновременно состояние и сложный динамический процесс, включающий созревание, формирование и работу физиологических структур организма, развитие и функционирование психической сферы, личностное становление, переживания и поступки человека.
5. Здоровье – это культурно-историческое, а не узко медицинское понятие. В разное время в разных культурах граница между здоровьем и нездоровьем определялась по-разному.
6. Категория «здоровье» изначально принадлежит полюсу индивидуальности: состояние здоровья персонифицировано и предполагает в каждом отдельном случае конкретное рассмотрение.
7. Человек может быть здоров при определенных условиях жизни (экологические и климатические особенности, качество питания, режим труда и отдыха, социокультурная атмосфера и др.). Обстановка, благоприятная для одного человека, может оказаться неприемлемой и болезнетворной для другого. Выявле-

ние общих факторов здоровья позволяет определить принципы и разработать технологии здоровьесбережения.

8. Динамика здоровья зависит преимущественно от образа жизни человека и далее – по мере убывания – от наследственности, от влияния окружающей среды и от качества медицинских услуг.
9. Для оценки состояния здоровья человека необходимы, с одной стороны, эталонный образец благополучия, с другой – понимание закономерностей возникновения и течения болезней. В этом качестве выступают системы научных представлений о норме и о патологии.
10. Здоровье и болезнь относятся к числу диалектически взаимосвязанных понятий. Их изучение предполагает осмысление природы и сущности человека.

Теория психологического здоровья

Внимание к проблеме психологического здоровья с исторической точки зрения выглядит вполне закономерным. Чтобы убедиться в этом, достаточно проследить логику развития психологической науки и эволюцию понимания проблемы нормы в психологии.

Начальный период становления современной психологии назван *классическим*. Здесь безальтернативным объектом изучения была психика как свойство высокоорганизованной живой материи, предметом исследований стали психические явления в живой природе, в основу познания легли причинно-следственные объяснительные схемы. Психология развивалась по образцу естественных наук. Следующий этап – *неклассический* – ознаменовался зарождением гуманитарной стратегии исследования «психики человека», попытками преодоления феноменологии психического и вхождения в феноменологию человеческой реальности. Его зачинателем по праву считается З. Фрейд. Но кульминацией неклассической психологии стали две ветви мировой психологии: «западная», гуманистическая, и «советская», культурно-историческая. Сегодня мы являемся свидетелями и в меру сил участниками разворачивания третьего – *постнеклассического* – этапа развития системы рационального психологического знания. Работами В. Франкла и С.Л. Рубинштейна было положено начало решительного поворота психологической науки к сущностным характеристикам человека. В современной психологии идет «как бы собрание гуманитарного мировоззре-

ния» (Братусь, 2000, с. 51), «поиск средств и условий становления **полного человека**: человека – как **субъекта** собственной жизни, как **личности** во встрече с Другими, как **индивидуальности** перед лицом Абсолютного бытия» (Слободчиков, 2004, с. 11). Оформляется психологическая антропология, ориентированная на человеческую реальность во всей полноте ее духовно-душевно-телесных измерений, нацеленная на изучение проблем существования человека в мире.

Восхождение от психофизиологических к метаантропологическим аспектам бытия повлекло за собой преобразование системы психологического знания и пересмотр ее основных проблем. В отношении проблемы нормы такими шагами стали:

- перемещение фокуса исследований с психического аппарата на специфически человеческие проявления;
- понимание психической нормы как нормы развития: это процесс, а не состояние бытия; это направление, а не конечный путь (Роджерс, 1994, с. 237); это тенденция, собственно развитие, т. е. не некое местопребывание, состояние, а движение, полное риска (Братусь, 2000, с. 58);
- переход от заимствования способов решения проблемы в смежных науках к разработке психологических (как правило, описательных) моделей здоровья;
- возникновение (как бы в противовес клинической психологии) *психологии здоровья* как самостоятельного раздела научных знаний и их практических приложений;
- принципиальное различие терминов «психическое здоровье» и «психологическое здоровье»: первый относится к отдельным психическим процессам и механизмам, второй – к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями человеческого духа (Дубровина, 2004, с. 52);
- выделение *психологического здоровья человека* в качестве центрального объекта исследований психологии здоровья.

Определение понятия «психологическое здоровье человека» состоит из двух категориальных словосочетаний: «психология здоровья» и «психология человека». На стыке этих областей знания возникают психологические модели, в которых проблема здоровья рассматривается с человековедческой позиции. В многообразии мнений и течений постепенно сформировались общие контуры теории психологического здоровья:

- 1) понятие «психологическое здоровье» фиксирует сугубо человеческое измерение, по сути, являясь научным эквивалентом понятия духовного здоровья;
- 2) проблема психологического здоровья – это вопрос о норме и патологии в духовном развитии человека;
- 3) основу психологического здоровья составляет нормальное развитие человеческой субъективности¹;
- 4) определяющими критериями психологического здоровья являются направленность развития и характер актуализации человеческого в человеке.

Основные подходы к проблеме психологического здоровья

Историческая инициатива в постановке и разработке проблемы психологического здоровья принадлежит видным западным ученым гуманистической ориентации – Г. Олпорту, К. Роджерсу, А. Маслоу.

Сосредоточив научную и практическую деятельность на специфически человеческих проявлениях и общечеловеческих ценностях, гуманистическое течение оформилось на рубеже 1950–1960-х годов. Несмотря на разногласия внутри самого течения и размытость его границ, гуманистическая психология была признана в качестве новой психологической парадигмы, проповедующей преимущественно самобытность и самодостаточность человека. Вместе с ней в профессиональный лексикон вошли пока еще «поэтико-метафорические» термины, определяющие качество индивидуальной жизни. В их числе – и «психологическое здоровье». Появились работы по созданию психологических моделей здоровой личности, существенно обогатившие рациональный взгляд на проблему нормы. Г. Олпорт, введя представление о проприативности² человеческой

- 1 «Субъективность» – категория в психологии, которая выражает сущность внутреннего мира человека. Близкими по своему содержанию и смыслу являются понятия «душа», «индивидуальный дух», «человеческое в человеке». Субъективность есть форма существования и способ организации человеческой реальности, суть самостоятельность духовной жизни. Субъективность составляет родовую специфику человека и отличает его способ жизни от всякого другого – до- или вне-человеческого.
- 2 Данный термин (от лат. *proprium* – «неотъемлемая собственность») объединяет все, что человек ощущает как важную часть себя, о чем говорит: «Это – я» или «Это – мое».

природы, составил образ психологически зрелой личности (Олпорт, 2002). К. Роджерс, настаивая на том, что человек наделен врожденным, естественным стремлением к здоровью и росту, раскрыл образ полноценно функционирующей личности (Роджерс, 1994). А. Маслоу на основе теории мотивации личности вывел образ самоактуализированного, психологически здорового человека (Маслоу, 1999). Резюмируя доводы уже упомянутых и других не менее именитых авторов, можно утверждать, что с точки зрения гуманистического подхода, питающего безусловное доверие к человеческой природе, общим принципом психологического здоровья является стремление человека стать и оставаться самим собой, несмотря на перипетии и трудности индивидуальной жизни.

Гуманистический подход стал яркой вехой в развитии психологии, способствовал преодолению редуцированного восприятия человека в науке, скорректировал профессиональные принципы в гуманитарных сферах (прежде всего в образовании и здравоохранении), придал мощный импульс становлению практики психологической помощи людям. В период освоения профессии он воодушевлял и автора этих строк. Критически осмыслив и соотнеся гуманистическую доктрину с опытом практической работы, должен признать, что далеко не все ее идеи и идеалы воспринимаются сегодня с прежней убедительностью.

Гуманистическая психология реализовала установку персонцентрического сознания, для которого самость есть основополагающая и конечная ценность. Такая позиция больше соответствует укладу языческого мира. Только объектом поклонения (идолом, кумиром) людей становятся не природные силы как живые сущности, а их собственная природа (натура), нормой жизни – самоутверждение и самовыражение во всех доступных формах, целью жизни – земные блага. Суть такого рода «природной духовности» проявляется в стремлении к человекобожеству, когда индивид старается приравнять себя к Богу, так и не потрудившись быть человеком. В наше время эта тенденция оформилась в культ вожденной успешности и приобрела характер социальной догмы. В действительности замыкание индивида в своем самосовершенствовании ради самосовершенствования чаще приводит к бессмысленности бытия и общему снижению жизнеспособности.

Справедливости ради заметим, что установка на самоактуализацию получила неоднозначную оценку и среди гуманистически ориентированных психологов. Хорошо известна точка зрения

В. Франкла, утверждавшего, что самоактуализация – это не конечное предназначение человека: «Лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит во внешнем мире, он осуществляет и себя <...>. Подобно тому, как бумеранг возвращается к бросившему его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самоактуализации, только если он промахнулся мимо своего призвания» (Франкл, 1990, с. 58–59).

Отечественные психологи, когда были сняты идеологические барьеры и появилась возможность осваивать и осмысливать мировой опыт, отреагировали на представления о психологическом здоровье со всей широтой российского характера: заинтересованно (стараясь вникнуть в существо вопроса), популистски (апеллируя к ним по поводу и без), настороженно (усматривая в них опасность утраты психологией «суверенитета», дескать, здоровье – это вотчина эскулапов), скептически (усомнившись в актуальности и практической значимости проблемы), критически (пеня на метафоричность понятия, неохваченность его формальной дефиницией). Оставив эмоции за скобками, уже можно констатировать, что тема выдерживает испытание временем: психологическое здоровье детей рассматривается сегодня как смыслообразующая и системообразующая категория профессионализма практических психологов образования; психологические факультеты готовят специалистов соответствующего профиля¹; отечественная наука предложила иные основания и принципы рассмотрения проблемы психологического здоровья, сообразные нашей культурной традиции и ментальности. Они последовательно реализованы в русле гуманитарно-антропологического подхода.

Центральной для гуманитарно-антропологического подхода в психологии является идея возможности и необходимости восхождения человека к полноте собственной реальности. Ее суть отражена в ключевых понятиях. «Гуманитарный» происходит от лат. *humus* – «почва» и *humanus* – «человечный» и подразумевает пространство зарождения и вынашивания человеческих качеств и способностей, духовную укорененность и культурную преемственность человека. «Антропологический» является производным от греч. *anthropos* – «человек», символизирует сущностные силы и над-обыденную устрем-

1 Специализация 03.03.21 «психология здоровья» утверждена приказом Министерства образования Российской Федерации от 10.03.2000 г.

ленность человека¹. Методологическую основу подхода составляет антропологическая теория развития, в которой описаны общие закономерности становления собственно человеческого в человеке в пределах его индивидуальной жизни (Слободчиков, Исаев, 2000). Парадигмальное отличие и эвристическая ценность подхода состоит в том, что он постулирует антиномию человеческой субъективности (самости): она есть средство («орган») саморазвития человека, и она же должна быть преодолена (преображена) в его духовном возрастании.

В сравнении с мировоззренческим контекстом гуманистической психологии, сосредоточенной на индивидуальной сущности человека, гуманитарно-антропологический подход представляет собой соотнесение рациональной психологической мысли со свято-отеческой духовной и культурной традицией для решения проблем здоровья, развития и существования человека (см. таблицу 1). Здесь «человеческое бытие становится самим собой лишь превращаясь в со-бытие, когда свобода как любовь к Себе развивается до свободы как любви к Другому. Во всеполноте развившихся свободы и любви в нас пробуждается Личность Бога. И всякий раз, когда мы относимся к Другому как к своему Ты, в таком отношении проглядывает божественное» (Хамитов, 2002, с. 139–140).

Антропологическая модель психологического здоровья²

Условия и критерии психологического здоровья могут быть выведены и раскрыты исходя из онтологии³ человеческого способа жизни. Здесь уместно вспомнить очень точное замечание В. Франкла: «Отличительным признаком человеческого бытия является сосуществование в нем антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого способа бытия и различных форм бытия,

- 1 Этимологически «человечность» – это сознание («чело»), устремленное к Вечности.
- 2 Заметим, что антропологическая модель психологического здоровья отнюдь не умаляет зорко подмеченные и описанные гуманистическими психологами аспекты человеческой экзистенции, органично вживляя их в единую картину действительности на новой методологической и мировоззренческой основе.
- 3 Онтология – учение о бытии, о сущем, о его формах и фундаментальных принципах. Онтология человека – описание сущностных, атрибутивных условий бытия человека.

Таблица 1

Сравнение подходов к проблеме психологического здоровья

Аспекты сравнения	Гуманистический подход	Гуманитарно-антропологический подход
Аксиологический аспект	«Общечеловеческие» гуманистические ценности, <i>примат прав и свобод человека</i>	Традиционные духовно-нравственные и культурные каноны, <i>примат ценности и достоинства человека</i>
Оценка человеческой природы	<i>Оптимистическая</i> : человек по своей природе добр и наделен врожденным, естественным стремлением к здоровью и росту	<i>Реалистическая</i> : в человеке противостоят разнообразные потенции – от благородных до безобразных, в мотивах и поступках могут быть проявлены и одни, и другие
Человеческое в человеке	Все, что помогает человеку <i>стать и оставаться самим собой</i>	Все, что пробуждает в человеке стремление и волю <i>быть выше себя</i>
Нормативный вектор развития и саморазвития человека	<i>Самоактуализация</i> – максимально полное воплощение человеком своих способностей и возможностей	<i>Универсализация</i> – выход за пределы сколь угодно развитой индивидуальности и одновременно вхождение в пространство универсального со-бытия
Основа психологического здоровья	<i>Личностный рост</i> как утверждение самости в наращивании способности полноценного функционирования в условиях индивидуальной жизни	<i>Духовное возрастание</i> как преодоление самости в развитии способности к децентрации, самоотдаче и любви
Максима психологического здоровья	Стремление к самождественности: <i>быть самим собой</i>	Стремление к полноте человеческого бытия: <i>быть выше себя</i>
Установки психологической практики	Эмпатическое слушание, феноменологическое проникновение и безоценочное отношение: человека нужно принимать таким, каков он есть. Психологическая помощь осуществляется «по ту сторону добра и зла». Фасилитация личностного роста человека преимущественно недирективными психотерапевтическими средствами	Доминанта на другом и учащая вненаходимость: сопереживание и вера в человека в сочетании со стремлением к объективности по отношению к отрицательным проявлениям его нрава. Психологическая помощь затрагивает духовно-душевную сущность человека и в силу этого соотносима с нравственными аспектами жизни, с проявлениями «проблемы добра и зла». Диалогические формы контакта, ориентированные на пробуждение в человеке его духовного (Истинного) Я
Мировоззренческая ориентация	<i>Неоязыческая</i> : эволюция человека как человекобожества (самоутверждение и самообожествление)	<i>Святоотеческая</i> : эволюция человека как Богочеловека (самоодоление и единение с Богом)

в которых он проявляется» (Франкл, 1990, с. 48). В психологической антропологии в качестве предельных оснований, конституирующих «человеческое в человеке», были выделены *сознание, деятельность и общность* (Слободчиков, Исаев, 2000, с. 161–164). Они взаимно предполагают и пронизывают друг друга, здесь – все во всем (!); они одновременно и следствия, и предпосылки друг друга, сохраняющие при этом свою сугубую специфику. Соответственно, человек – это существо *деятельное*, имеющее силы к созиданию и осознанным преобразованиям; *сознательное*, способное принимать осмысленные решения и отдавать себе отчет в содеянном; *общественное*, укорененное в сложной системе связей и отношений с другими людьми.

Если не вдаваться в обширную конкретизацию (это особая работа и особый предмет обсуждения), то в пространстве обозначенных онтологических оснований в концентрированном виде можно выделить нормативные образы, предельные качества и запредельную форму бытия человека. Получается своего рода матрица сущностных (родовых) характеристик человека¹, которая позволяет выделить атрибуты психологического здоровья и основные формы отклонений (см. таблицы 2 и 3).

Человек здесь предстает в различных обликах: бытие в качестве *субъекта* (функциональное и обыденное), *индивидуальности* (единичное и уникальное) и *личности* (целостное и над-обыденное). Психологическая антропология призвана вместить и соотносить их между собой как разные уровни субъективной реальности, объединенные возможностью и необходимостью обретения человеком полноты своего бытия. Проницательный ум уловит в общем устройении человеческой субъективности действие закона иерархии (соподчинения), связующего и обеспечивающего внутреннее согласие. Так, периферия субъективности – «*функциональное Я*» – в процессе формирования не только стимулирует индивидуализацию человека, но и подчиняется ей. В поиске своего места и назначения в мире человек начинает «*функционировать*» – размышлять, рассуждать, действовать, принимать решения и совершать поступки – от первого лица. Но развитие отнюдь не сводится к актуализации и гегемонии «*индивидуального Я*». На протяжении всего жизненного пути человек непрестанно экзаменуется мучительной проблемой добра и зла и вытекающей из нее проблемой достойного и недостойного бытия в мире. Необходимость совершать нравственный выбор пробуждает

1 Не путать с многомерностью человеческой психики.

самую сердцевину внутреннего мира человека – «духовное Я». В нем приоткрывается сокровенная тайна¹ личности, которая делает человека потенциально бесконечно богатым и в то же время актуально незавершенным. Подлинной опорой и ориентиром здесь становится исконная духовная традиция, в которой есть прямое наставление человеку стараться быть лучше и выше самого себя, чтобы не пасть ниже. Бытие «в горизонте личности» может приносить страдание и требует мужества, однако именно оно может дать и наслаждение полнотой жизни.

Атрибуты психологического здоровья (в их сложившемся понимании) выглядят не иначе как достояние зрелости. Психологическая антропология указывает на неслучайный характер данного обстоятельства: «Процесс саморазвития – как сущностная форма бытия человека – начинается вместе с жизнью и разворачивается внутри нее; но человек долгие годы – нередко и всю жизнь – может и не быть его субъектом, тем, кто инициирует и направляет этот процесс» (Слободчиков, Исаев, 2000, с. 203). В течение длительного периода дошкольного и школьного детства пространством вынашивания и актуализации у ребенка человеческих качеств и способностей является *со-бытийная общность*, условиями развития – *диалогическое общение, сопереживание и сотрудничество в деятельности* (игровой, учебной, организационной, практической), механизмом развития – *внешняя рефлексия*, средствами нравственного воспитания – *личный пример и добрый совет* (ср. со словом *совесть*) старших. По сути, на начальных этапах онтогенеза именно детско-взрослая со-бытийная общность является субъектом (точнее, полисубъектом) жизнедеятельности ребенка и объектом (точнее, источником, исходной ситуацией) развития его субъективности. Поэтому в отношении детей критерии психологического здоровья корректнее соотносить с системой связей и отношений ребенка с его естественным человеческим окружением, прежде всего со значимыми взрослыми.

Специалистам известно широко употребляемое, но обычно крайне расплывчатое определение – «значимый взрослый». В контексте обсуждаемой темы появляется необходимость наполнить его конкретным психологическим содержанием. *Значимый взрослый* – это родной и/или близкий человек, оказывающий существенное, опре-

1 Согласно Священному Писанию, Бог создал человека по своему образу, дал ему бессмертную душу и призвал к богоподобию.

деляющее влияние на условия развития и образ жизни ребенка: родитель, опекун, учитель, наставник...

В основе классификации понятия «значимый взрослый» – две существенные характеристики, которые наиболее точно и полно отражают статус конкретного взрослого человека в жизненном мире конкретного ребенка. Это показатели кровного родства (родной–чужой) и духовной близости (близкий–чуждый). Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребенка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей – устойчивая духовная связь (см. таблицу 4).

Мера кровного родства ребенка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Здесь возможны две противоположные тенденции: либо духовное единение, укрепление доверия, взаимопонимания и уважения, либо разобщение, безразличие или неприятие, вовлечение в пагубу. Духовная близость со значимым взрослым – залог психологического здоровья ребенка; пренебрежение, травмирование или растление наносят здоровью детей неизмеримый ущерб.

В. Франкл отмечал, что «у каждого времени свои невроты» (Франкл, 1990, с. 24), свои духовно-душевные недуги, которые требуют изучения и осмысления. Наше время – не исключение. Недаром психологи-практики сетуют, что проблемные состояния современных детей все труднее понимать исходя из ранее сложившихся медико-психологических, психотерапевтических и психолого-педагогических представлений. В профессиональный обиход вошло определение «другие дети». Закономерно, что исследования проблемы психологического здоровья включили в себя вопросы актуальной «психологической клиники».

Во Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей записано: «Дети мира невинны, уязвимы и зависимы!» (Всемирная декларация..., 2000). Психологическое состояние ребенка непосредственно связано с влиянием референтного окружения, характером отношений и образом совместной жизни. Центральное место в этиогенезе нарушений психологического здоровья у детей занимают ситуации, когда нормальное развитие и существование ребенка возможно не благодаря, а, скорее, вопреки поведению и отношению окружающих. При этом ребенок наиболее уязвим в отношениях со значимыми взрослыми. Группу риска здесь составляют психически неуравновешенные и личностно не-

Таблица 2
Специфика человеческого способа жизни

Общие тематические параметры	Формы бытия человека и линии развития человеческой субъективности		
Основания человеческого способа жизни	Деятельность	Сознание	Общность
Сущностные силы человека	Субъектность	Рефлексивность	Совестливость
Способы актуализации человеческой сущности	Самость (воля)	Свобода	Любовь
Характеристики человеческого существования	Самодетерминация (жизнеспособность и самообусловливание)	Самодифференциация (переживание самоанализ и самооценка)	Самотрансценденция (децентрация и самоотдача)
Пространства осуществления антропо-практики ¹	Пространство совместной деятельности (пространство сотрудничества)	Пространство рефлексивного сознания (пространство переживания, внутреннего диалога, выхода человека в уникальную подлинность самого себя)	Пространство социальности (пространство диалогического общения и сопереживания, со-бытийной общности, соборности)
Базовые процессы и условия развития	Социализация (освоение культуры человеческого образа жизни), культурная приемственность	Индивидуализация (оформление уникального и неповторимого Я), личное устремление	Универсализация (приобщение к святоотеческой культуре, вращение в мир традиционных духовно-нравственных ценностей), родовое (духовное) укоренение
Линии и индикаторы развития	От жизнеспособности к продуктивности жизнедеятельности	От переживания самождественности к осмысленности жизни, сущностному познанию и самоосуществлению	От децентрации (преодоления эгоцентризма) к самоопределению на основе чувства долга, нравственному достоинству и служению

1 Антропо-практика — это специальная работа в пространстве субъективной реальности человека, направленная на культивирование (выращивание) предельного (максимального) выражения «человеческого в человеке».

Доминанты мотивов и поступков	Сосредоточенность на созидании	Сосредоточенность на познании истины	Сосредоточенность на человеке
Персональные проявления	Труд	Переживания	Общине и отношения
Образы бытия человека	Человек как субъект собственной жизни, как распорядитель для своих сил и способностей	Человек как индивидуальность, как выразитель уникальной внутренней сущности, как самодвижущаяся личность, реализующаяся в творческой деятельности, как автор собственной жизни: в миропонимании, стиле деятельности, социальном поведении	Человек как личность во встрече и взаимодействиях с другими людьми, определяющий свободно и ответственно свое место и назначение в жизни, свою позицию в отношении проблем добра и зла и вытекающей из нее проблемы достойного и недостойного бытия в мире
Афоризмы	«Самостоянье человека – залог величия его». А. С. Пушкин	«Индивидуализм губит индивидуальность» К. Н. Леонтьев	«Личности нет, если нет ничего выше ее» Н. А. Бердяев
Образы человеческого Я	«Функциональное Я»: активная адаптация к условиям динамично изменяющегося мира	«Индивидуальное Я»: самоактуализация и жизнестворчество	«Духовное Я»: универсализация индивидуального бытия, самотрансценденция и синергия
Антропологические образы св. ап. Павла	Внешний человек, поглощенный реалиями мирской жизни	Внутренний человек, сосредоточенный на реалиях внутренней жизни и своем призвании	Новый человек, преображенный в деятельном стремлении к Добру и Истине
Предельные качества человека в свете святоотеческой традиции	Героизм как сила власти над своей жизнью (сила преодоления инстинкта самосохранения) и способность не отступать перед лицом трудностей и опасности, терпение в страдании	Генциальность как сила постижения истины своей жизни и способность сделать саморазвитие развитием человечества	Святость как сила сопричастности Абсолютной Истине и способность любовью и героизмом утверждать добро и противостоять злу
Запредельная форма бытия	БОГОЧЕЛОВЕК – воплощение онтологической истины в непостижимой для обыденного рассудка, запредельной форме универсального со-бытия		

Таблица 3
Специфика психологического здоровья человека

Общие тематические параметры	Формы проявления психологического здоровья и его нарушений		
Атрибуты психологического здоровья	Самобладание («быть в себе») как воля к жизни и самостоятельность, способность принимать решения и действовать с опорой на собственные силы, разумное планирование жизни, масштабность целей и продуктивность действий, верность избранному делу	Самобытность («быть самим собой») как вера в свое предназначение, выбор и прокладывание жизненного пути, дающего ощущение внутренней согласованности и подлинности индивидуального бытия, стремление к обретению сквозного общего смысла своей жизни и верность своему призванию	Самоодоление («быть выше себя») как чувства солидарности и ответственности перед людьми, сознательное, добровольное принятие моральных обязательств и следование им, переживание духовного сродства и верность своему долгу
Источники нарушений психологического здоровья у детей	Недостаточность и/или неадекватность социокультурных условий развития, ответственное сдерживание или форсирование развития	Размытость и/или приземленность смыслов жизненных установок референтного человеческого окружения, ориентация на сугубо материальные цели и мнимые, суррогатные ценности, ценностный релятивизм	Скудность и/или извращенность базальных условий и духовно-нравственных оснований жизни: деформация отношений и разобщение старших и младших, ослабление и разрыв межпоколенных связей
Психологическая клиника (детский период)	Нереализованность педагогическая запущенность, бесперспективность («выученная беспомощность»)	Опустошенность, «экзистенциальный голод», сдвиг в умонастроении и поведении ребенка от естественной детской романтичности к противоречивым расчетливости и скептицизму, «синдром Кая ¹ »	Безродность («атомизированность», моральная незрелость или моральная распушенность), «магулизация» (нарушения самоидентификации и зооморфное поведение), ценностная дезориентированность (аморальный настрой и деструктивные установки), психотравмирующие переживания

1 Вспомним состояние героя сказки Г. Х. Андерсена «Снежная королева» Кая – мальчика, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала: его сердце «оледенело», стало невосприимчивым к истинному, доброму и прекрасному, и его внутренний мир опустел.

Психологическая клиника (взрослый период)	Обезличеченность – неспособность самостоятельно работать и целенаправленно реализовывать жизненную программу, непродуктивность жизненного пути, гипертрофированная зависимость от других людей и жизненных обстоятельств (по сути – не знать и не чувствовать человека в себе), «малодушие»	Дезинтеграция личности – неудача в поиске смысла жизни и самоощущения (экзистенциальная фрустрация, экзистенциальный вакуум), застревание в обывденности, ощущение внутренней пустоты, переживание тщетности жизни, утрата опоры в себе и демобилизация душевных сил (смятение, апатия, меланхолия), «угасание» аутентичных форм общения и поведения (по сути, переживание человеком глубокого внутреннего разлада), «безвременье», «равнодушие», «суета»	Деформация личности – аномальный этноцентризм, отчуждение нравственных чувств и добродетельных устремлений, тяготение к деструктивным установкам и одиозным убеждениям, следование принципу «ничего святого» (по сути – не видеть и не признавать человека в других), «криводушие», «окаянство»
Ценности и цели педагогической деятельности как антропо-практики	Развитие ребенка как субъекта жизнедеятельности, формирование функциональной грамотности и компетентности	Развитие ребенка как индивидуальности, поддержка в самоидентификации, культивирование чувства внутренней свободы, способности раскрыть свое призвание и реализоваться в жизни	Развитие ребенка как личности, помощь в сущностном познании, сопровождение к черте самоопределения в отношении проблемы достойного и недостойного бытия, добра и зла
Ценности и цели психологической помощи как антропо-практики	Формирование «функционального Я» человека, восстановление и/или развитие самообладания, проектирование образа будущего и реализация жизненной программы	Актуализация «индивидуального Я» человека, восстановление и/или развитие самобытности, осмысление жизни и оценка личных целей с точки зрения их соответствия внутренней сущности	Пробуждение «духовного Я» человека, восстановление и/или развитие со-бытийности, совершенствование связей и отношений с ближними и дальними на основе дел добра и любви
Норма психологического здоровья	Оптимум ² саморазвития как синтез основных линий развития человеческого бытия	Оптимальная реализация ³ индивидуального бытия	Субъективность на основе

2 От лат. *optimum* – «наилучшее»: совокупность наиболее благоприятствующих условий.

3 Среди психологов, допускающих существование высших уровней духовного развития при отсутствии «статистически належащих» свидетельств их существования, прослеживается единое мнение в определении направления онтогенеза: универсальность, или выход за пределы сколько угодно развитой индивидуальности, есть одновременно вход в пространство обще- и сверхчеловеческих экзистенциальных ценностей, соучастником в построении которых и собеседником в осмыслении которых становится Бого-человечество (Слободчиков, Исаев, 2000, с. 195–196).

Таблица 4

Классификация значимых взрослых

Духовная связь	Кровное родство	
	Родной	Чужой
Близкий	родной и близкий	чужой, но близкий
Чуждый	родной, но чуждый	чужой и чуждый

зрелые, арефлексивные взрослые, которые не подозревают, что *творят*, и не ведают, что творят в совместном с детьми жизненном пространстве, а также люди, склонные к пренебрежению этическими нормами и порочному поведению. В числе основных признаков дисфункциональных (пограничных и откровенно болезнетворных) состояний детско-взрослой общности можно выделить следующие:

- скудость и/или извращенность базальных условий и духовно-нравственных оснований жизни ребенка, деформация отношений и разобщение со значимыми взрослыми, ослабление и разрыв межпоколенных связей: формальный тип отношений (безразличие, пренебрежение детскими нуждами, депривация и безнадзорность), симбиотический тип отношений (подавление взросления, инфантилизация и инвалидизация), растлевающий тип отношений (потакание и вседозволенность, вовлечение в пагубу и соращение), травмирующий тип отношений (бесцеремонность и притеснение, домогательство и насилие);
- размытость и/или приземленность смысложизненных установок референтного человеческого окружения ребенка: ориентация на насаждаемые массовой культурой сугубо материальные цели и мнимые, суррогатные ценности (привлекательность, слава, богатство, власть, удовольствия), ценностный релятивизм;
- недостаточность и/или неадекватность социокультурных условий развития ребенка: искусственное сдерживание или форсирование¹ развития.

К сходным выводам пришли и эксперты Всемирной организации здравоохранения: обобщив данные исследований, проведенных

1 Например, преждевременное вовлечение в учебную деятельность создает риски для здоровья и развития детей дошкольного возраста.

в различных странах мира, они констатировали, что психологические отклонения, как правило, отмечаются у детей, которые растут в условиях семейного разлада, страдают от недостаточного общения со взрослыми или их враждебного отношения (Дубровина, 2004, с. 45–47). В разломах и пустотах человеческих отношений вырастает *бездушность*, а еще, выражаясь словами Е. Шварца, «безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, оканные души <...> продажные души, прожженные души, мертвые души» (Шварц, 1972).

Нарушения психологического здоровья у детей объединены под общим именем: *антропогении* (букв. «обусловленные человеческим фактором»). Психологическая сущность антропогений – дисквалификация и/или деформация субъективности ребенка. Феноменология антропогений включает биографически обусловленные переживания безродности («атомизированность», моральная незрелость или моральная распущенность), нереализованности (педагогическая запущенность), бесперспективности («выученная беспомощность»), опустошенности («экзистенциальный голод» и суррогатные предпочтения), а также крайние формы реагирования детей на чрезвычайно неблагоприятные жизненные условия – «мауглизацию»¹ (нарушения самоидентификации и зооморфное поведение), ценностную дезориентированность (аномальный эгоцентризм, деструктивные установки, аморальный настрой), психотравмирующие переживания (психогенные нервно-психические расстройства).

По нашему мнению, безродность, опустошенность и дезориентированность (по сути – антиподы родовой укорененности, культурной преемственности и добродетельной устремленности) можно отнести к наиболее злободневным проблемам современного детства. При неблагоприятном течении антропогении принимают устойчивые формы нарушений психологического здоровья, в основе которых – недоразвитие, дезинтеграция или дисгармоничное развитие человеческой субъективности.

1 Имеются в виду крайние формы проявления безродности. «Мауглизация» – суровый клинический диагноз, фиксирующий одичание и необратимые изменения психического развития у детей, которые были вскормлены животными и росли в отрыве от человеческого общества. «Мауглизация» – термин, объединяющий аномальные тенденции в субъективном состоянии и поведении детей, которые развиваются в условиях дефицита человеческой заботы и воспитания.

Было бы ошибкой считать, что нарушения психологического здоровья по аналогии с психическими недугами обязательно принимают вид душевного страдания или гротескного поведения, непременно проявляются в социальной дезадаптированности или асоциальных действиях. Напротив, люди могут успешно приспосабливаться к различным ситуациям, производить благоприятное впечатление, преуспевать и избегать поводов для внутреннего дискомфорта. Психологическое здоровье, в свою очередь, не исключает тревоги и растерянности, сомнений и заблуждений, конфликтов и кризисов. Состояние психологического здоровья имеет «мерцательную природу», т. е. здоровье и нездоровье сосуществуют в виде противоборствующих субъективных тенденций и смысловых содержаний, каждое из которых способно преобладать в отдельные моменты жизни. Вместе с тем, следует говорить о направленности мотивов и характере поступков человека. Соответственно, можно выделить типичные отклонения в развитии человеческой субъективности.

Недоразвитие – первая линия дизонтогенеза субъективности – определяется диффузной самоидентичностью и несформированностью внятной личностной позиции с характерным конформным настроем. Проявляется как *обезличенность* в ареллексивном способе жизни, неопределенности ценностных приоритетов, неустойчивом и беспринципном стиле поведения, отсутствии стремления к позитивной свободе и самостоятельности, крайне слабо выраженной способности планировать жизнь и проектировать будущее, чрезмерной зависимости от стечения обстоятельств, чужой воли и влияния среды (необязательно отрицательного), инфантильной безмятежности, приземленности интересов, наивных представлений о своих возможностях, неозабоченности вопросами морали и проблемой смысла своей жизни. Подобные натуры склонны к избирательной идеализации людей, выбору лидера или кумира, что отчасти компенсирует недостатки их собственной самости. Объектом обожания и подражания может оказаться преуспевающая и популярная публичная персона или человек из ближайшего социального окружения, современник или харизматический деятель исторического прошлого, позитивно настроенная личность или одиозная фигура. Здесь в *структуре развития субъективной реальности прослеживается фиксация на процессе отождествления с тенденцией к созависимости*. Характер отношения к жизни и к другим людям является отражением ограниченной самобытности: человек не ведает или из-

бегает напряжения сложных решений, риска личной инициативы и поступка, бремени ответственности, оказывается не в состоянии самостоятельно определить жизненные цели и мобилизоваться для их достижения, явно или подспудно переживает бесцельность и непродуктивность жизненного пути. Подобные натуры наиболее податливы к разного рода манипулятивным воздействиям (спекуляции СМИ, пиар-технологии, реклама, приемы мошенничества, псевдоцелительные практики и т. п.).

Дисгармоничное развитие – вторая линия дизонтогенеза субъективности – определяется искаженной самоидентичностью с характерным эгоцентрическим настроем. Проявляется как *деформация личности* в чрезмерном самолюбии и неутолимой потребности самоутверждаться, привычке руководствоваться сугубо личной выгодой, навязывать свою волю и свои интересы окружающим, в стремлении добиваться желаемого во что бы то ни стало, в бесчувственном отношении равно как к дальним, так и к ближним, в безнравственном характере поступков (за счет других, в ущерб другим, против других) и умении подвести под них мировоззренческую основу, в отрицании чувства долга и моральной ответственности. Именно из таких натур формируются одиозные лидеры. В данном случае в *структуре развития субъективной реальности прослеживается фиксация на процессе обособления с тенденцией к самозамкнутости (замкнутости на себе)*. Характер их отношения к жизни и к другим людям является отражением ограниченной со-бытийности: человек оказывается не в состоянии преодолеть самозамкнутость, раскрыть смысл, вдохновляющий на децентрацию, самоотдачу, терпимость и любовь к ближнему. В погоне за вождельными целями такая натура рискует впасть в зависимость от них и, лишившись привилегий, власти или привлекательности, переживать это как потерю самого себя, жизненный крах.

Промежуточная форма дизонтогенеза субъективности определяется односторонностью мотивационно-смысловой сферы, явно выраженным приоритетом материальных целей (комфорт, карьера, достаток) над духовными ценностями. Проявляется как *дизинтеграция личности* в снижении уровня смысложизненных устремлений, в отступлении от личностного способа жизни и, как следствие, в утрате чувства внутренней свободы и полноты бытия. В давние времена, когда лучник не попадал в цель, говорили: «Грех тебе!» По сути, грех – это измена своему назначению, когда человек лишился ориентира и сбился с пути духовного развития (Пути Ис-

тинного), когда его индивидуальная жизнь «не попадает в цель» (теряет цельность), когда мнимые успехи прошли мимо главной задачи (спасения). В библейском миропонимании грех – антипод праведности (чувства правды). Применительно к современной жизни это состояние человека, лишённого чувства правды в отношении собственной жизни, в результате чего он погрязает в обыденности, растрчивает впустую силы и способности, переживает экзистенциальный вакуум (внутренний разлад, духовный тупик). И требуется духовное пробуждение, переосмысление жизни и изменение системы жизненных отношений. В противном случае вслед за иссушающими душу заботами и последующими разочарованиями может наступить регресс – состояние, пограничное недоразвитию субъективности, *атрофия самости*, вплоть до созависимости, или же могут начаться порочные блуждания, т. е. человек впадёт в состояние, пограничное дисгармоническому развитию субъективности, – в состояние *гипертрофии самости*, вплоть до самоистуканства.

Таким образом, с онтогенетической точки зрения (ключевой для психологической антропологии) характерными признаками дизонтогенеза субъективной реальности в первом случае являются *ограниченность самобытности и созависимость* (гипертрофированная форма зависимости индивида от других людей и жизненных обстоятельств), во-втором – *ограниченность со-бытийности и самозамкнутость* (замкнутость индивида на себе, на своих интересах и пристрастиях), в промежуточной форме дизонтогенеза – *застывание в обыденности и дезинтеграция*, – по сути, «духовное безвременье».

С этической точки зрения (определяющей для нравственной психологии¹) признаком отклонения от нормы психологического здоровья в первом случае является *неспособность самостоятельно делать нравственный выбор, держать нравственную позицию* («малодушие»²), во втором – *отчуждение нравственных чувств и добродетельных устремлений вплоть до следования принципу «ничего*

1 Возможность и актуальность введения отечественной психологии в нравственную систему координат обоснована в работах Б. С. Братуся (см.: Братусь, 1997, с. 77–81; Братусь, 2000, с. 59–63).

2 «Малодушие» – упадок духа, соответственно, «малодушный» – слабохарактерный человек, легко поддающийся стороннему убеждению и своим мелочным расчетам.

святого» («криводушие», «окаянство»¹), в промежуточной форме – *нравственный релятивизм* («равнодушие», «осушение»²).

Эмпирические данные показывают, что нарушения психологического здоровья чаще носят смешанный характер. Коварность отклонений психологического здоровья состоит в том, что и детьми, и взрослыми они могут переживаться как субъективно благополучные состояния³. Кроме того, есть серьезные основания

- 1 «Окаянство» – от «окаянный», т. е. *каиноподобный*, подобный первому человекоубийце Каину – недостойный человека, богопротивный и заслуживающий осуждения образ мыслей и поступков, ведущий к духовной гибели.
- 2 Погружение в не имеющие истинной ценности, пустые и бесплодные заботы.
- 3 Вспомним притчу о сеятеле (Мф. 13: 1–23; Мк. 4: 1–20; Лк. 8: 4–15), которую Спаситель рассказал народу на берегу Галилейского озера: «Вот вышел сеятель сеять. Когда он сеял, то иное семя упало **при дороге** и было потоптано, и птицы поклевали его. Иное же семя упало на каменистое место, где было мало земли; оно взошло, но скоро засохло, потому что не имело корня и влаги. Иное упало в **терние**, и терние заглушило его. Иное же упало в **хорошую, добрую землю**, оно выросло и принесло обильный плод». Потом, когда ученики спросили Иисуса Христа: «Что значит эта притча?» – Он им объяснил, что **семя** – это Слово Божие (Евангелие). **Сеятель** – тот, кто сеет (проповедует) Слово Божие. **Земля** – человеческое сердце. **Земля при дороге**, куда упало семя, означает невнимательных и рассеянных людей, к сердцу которых Слово Божие не имеет доступа. Дьявол без труда похищает и уносит его от них, чтобы они не уверовали и не спаслись. **Каменистое место** означает людей непостоянных и малодушных. Они охотно слушают Слово Божие, но оно не утверждается в их душе, и они при первом искушении, скорби или гонении на Слово Божие отпадают от веры. **Терние** означает людей, у которых житейские заботы, богатство и разные пороки заглушают в душе Слово Божие. **Хорошая, плодородная земля** означает людей с добрым сердцем. Они внимательны к Слову Божию, сохраняют его в своей доброй душе и с терпением стараются исполнить все, чему оно учит. Плоды их – добрые дела.

В этой притче как нельзя лучше отражена суть рассматриваемой нами проблемы в ее христианском понимании. Указаны и наиболее общие формы отклонений психологического здоровья: «земля при дороге» как дезинтеграция человеческой субъективности («осушение»), «каменистое место» как недоразвитие человеческой субъективности («малодушие»), «терние» как дисгармоническое развитие человеческой субъективности («окаянство»).

полагать, что антропогении становятся предпосылкой возникновения нервно-психических и психосоматических расстройств, формирования зависимостей химического и нехимического генеза.

Литература

- Ахмеров Р. А. Биографические кризисы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Братусь Б. С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997.
- Братусь Б. С. Русская, советская, российская психология. М.: Флинта, 2000.
- Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей // Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 11.07.2011).
- Дубровина И. В. Введение в практическую психологию образования // Практическая психология образования: Учебн. пособие. 4-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004.
- Маслоу А. Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Олпорт Г. У. Становление личности. М.: Смысл, 2002.
- Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Слободчиков В. И. О перспективах построения христиански ориентированной психологии // Московский психотерапевтический журнал. 2004. №4. С. 5–17.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебн. пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Учебн. пособие для вузов. М.: Школьная Пресса, 2000.
- Устав ВОЗ // Сайт Всемирной организации здравоохранения. 2011. URL: <http://www.who.int/governance/eb/constitution/ru> (дата обращения: 11.07.2011).

- Флоренская Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский Хронограф, 2009.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хамитов Н. Философия человека: от метафизики к метаантропологии. Киев: Ника-Центр, 2002.
- Шварц Е. Дракон // Пьесы. Л.: Советский писатель, Ленингр. отд-е, 1972.

ПАТРИОТИЗМ КАК ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

А.А. Гостев

О смысле духовно-нравственной основы патриотизма сегодня обретает особую значимость в плане понимания сути планетарных процессов, чреватых потерей человечеством своего многообразия. Под лозунгом перемен в мире происходит разрушение национально-культурных традиций, подчинение народов наднациональным целям и ценностям. Идеология Нового мирового порядка предполагает формирование наднационального планетарного управления (о мировом правительстве уже говорится достаточно прямо) и, соответственно, потерю традиционными государствами своего реального политического суверенитета, экономическое ослабление национальных экономик (вплоть до захвата контроля над природными ресурсами стран), культурную (и религиозную) унификацию с потерей укорененности в национальной культуре и утратой людьми чувства национальной идентичности.

Исследователь темы патриотизма должен исходить из понимания того, что в России на область национального самосознания людей не случайно направлен мощный информационно-психологический удар. Наднациональный контроль легче осуществить, если патриотические ценности утрачены и размыты, если культивируется комплекс вины за историческое прошлое страны¹.

Также раскрытие темы статьи предполагает осознание того, что со словом «патриот» многие люди связывают негативные представления, чувства. И это происходит не только в силу развиваемой в течение вот уже более 20 лет манипуляции сознанием, в силу навязывания такого негатива, но и потому, что понятие «патриотизм»

не рассматривается – и не обосновывается в психологии – как духовно-нравственное качество личности, способное противодействовать негативным тенденциям в мире и в нашей стране. Патриотизм – это любовь к Родине и уважение к другим культурам и народам. В статье предпринимается попытка рассмотреть понятие патриотизма именно в таком прочтении, привлекая для этого и психологическое знание, и историко-психологические данные – творческое наследие выдающегося отечественного мыслителя И. А. Ильина.

В качестве предваряющего замечания отметим, что понимание социально-политической, экономической, идеологической подоплеки, а главное – духовной сущности происходящих в мире процессов выводит исследователя на изучение иллюзий восприятия социально-политических явлений, связанных с утратой критериев истинного прогресса человечества, которые невозможны вне нравственного и религиозного измерений (Гостев, 2007, 2008).

Образы во внутреннем мире человека, актуализируясь и проецируясь вовне, формируют действительность. Соответственно, патриот как духовно-нравственная личность обладает следующими качествами:

- а) стремится преодолевать иллюзорность восприятия социальной реальности (в частности, относительно и «искренних социальных утопий», и «апокалиптических ожиданий»¹);
- б) ориентируется на баланс интегративных тенденций в мире и сохранения национально-культурного разнообразия человечества;
- в) распознает многоаспектную подмену духовных смыслов²;
- г) различает *глобализацию* – как процессы усиления взаимозависимости (в первую очередь, экономического плана) стран, культур – и *глобализм*, т. е. *проект* по претворению в жизнь элитарного мироустройства для «золотого миллиарда», и, соот-

1 Например, это относится к «восторженно-оптимистичным» представлениям о наступлении эры «рая на земле» (пусть с некоторыми проблемами переходного периода), к эсхатологическим пессимистическим образам высоко-кризисных моментов в будущем.

2 Здесь укажем на святоотеческое знание о закономерностях духовно-нравственного прелращения (искажение отражения духовных смыслов), которое может быть перенесено на уровень социального восприятия (Гостев, 2007, 2008). При изучении психологии патриотизма в этой связи следует рассматривать восприятие людьми возрастающей апостасийности мира — отхода человечества от духовных законов жизни.

1 Об идеологии Нового мирового порядка см.: Кара-Мурза, 2000; Панарин, 2000; Гостев, 2008 (ссылки); Грачева, 2010, 2011.

ветственно, понимает антиглобалистические установки как протест человека против «новой демократической тоталитарности», как ответ на предчувствуемый «шок нового мира».

Патриотическое сознание требует исследования представлений людей о мировой политике:

- а) о реальности суверенитета государств;
- б) о геополитических центрах силы, включая «теневые»;
- в) об оппозиции «стран золотого миллиарда» и «стран-изгоев»;
- г) о «демократии» и «защите прав человека» как «дымовой завесе» установления нового мироустройства.

Изучение представлений о духовно-нравственной сфере помогает патриотическому сознанию видеть, что на планете идет многоплановая борьба мировоззрений (скрытая и явная) и что она направлена на разрушение отечественной традиции. Неприемлемо для патриота, носителя нравственных качеств, и «общество тотальной Сети», предполагающее коренную реорганизацию социального управления, итог которой уже получил название «компьютерного концлагеря». Патриотическое сознание должно понимать причины планетарных угроз – вплоть до масштабных войн, возникающих при перекройке мира и разделе его ресурсов.

В статье не представляется возможным приводить дополнительные иллюстрации того, в каком смысле тема патриотизма как качества духовно-нравственной личности является теоретически и практически значимой для психологической науки. Поэтому посмотрим на то, насколько данная тема привлекла внимание психологии.

К сожалению, проблема патриотизма практически исчезла из поля зрения психологов. Не раскрыта отнесенность патриотизма к духовно-нравственной сфере человека. Одним из немногих исключений является работа В. А. Кольцовой и В. А. Соснина (Кольцова, Соснин, 2005). В. А. Кольцова и В. А. Соснин отмечают, что концепция патриотизма в общественных науках восходит к теории этноцентризма У. Самнера, которая базируется на принципе борьбы за существование между людьми и группами. Носителями этноцентризма являются сообщества, объединяемые по этническим, религиозным, социальным и другим признакам. Они рассматривают себя как «мы», а всех остальных как «они». Позитивные характеристики своей группы подчеркиваются и преувеличиваются; показатели других групп и их членов оцениваются по стандартам собственной группы и часто принижаются.

Говоря о национальном самосознании, В. А. Кольцова и В. А. Соснин подчеркивают процесс осознания человеком самого себя в единстве со своей национальной/этнической общностью по общими признакам: происхождению, культуре, языку, территории и т. д. Самосознанию нации свойственны стремление к сохранению этих общих признаков (и через них – своей самобытности и целостности), готовность защищать их и в то же время – способность ассимилировать полезное новое (на почве своей культуры). При таком типе национального самосознания его носители признают право всех «других» на их самобытность, ценность и т. п. Подобное самосознание составляет основу нормального, здорового чувства патриотизма, отражающего верность и преданность своей общности, а также чувств, которые включают в себя принятие и уважительное отношение к представлениям и образу жизни других общностей. Патриотизм, следовательно, – одна из базовых составляющих национального самосознания, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, в чувстве нравственного долга его защиты, а также в признании самоценности других сообществ, в осознании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом.

Но национальное самосознание может включать в себя образ превосходства над другими этнонациональными образованиями, осознание и переживание того, что «мы» лучше, умнее, сильнее, чем «они». Следовательно, «они» должны либо сами повторять то, что «мы» делаем, во что «мы» верим, либо принимать от нас то, что «мы» предлагаем, и даже подчиняться, если «они» не понимают пользы, которую несем «мы». Такое самосознание и составляет сущность этноцентризма, в основе которого – чувство превосходства, усиленное политическими и идеологическими установками.

Понятие национализм для одних людей оказывается синонимом патриотизма с положительной нравственной оценкой. Такой национализм выступает как осознание общности со своим национальным целым и как естественная любовь к Отечеству с одновременным уважением и признанием права на национальную самобытность других национальных сообществ. Для других людей национализм выступает как извращенная форма национального самосознания в претензии на исключительность.

В этих двух подходах к определению национализма следует разводить два понятия – «национализм» и «шовинизм», отражающие формы национального сознания, однако существенно различаю-

щиеся по своему содержанию, проявлениям и последствиям. Таким образом, национализм и патриотизм имеют общий исходный пункт – преданность своей социальной общности (этнической, национальной), привязанность к ней. Но затем в зависимости от того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях, развиваются две системы социально-психологических установок, которые по-разному определяют характер отношений между людьми как представителями различных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства, в другом – определяющими являются враждебность, стремление к превосходству.

Следует учитывать ряд важных составляющих патриотизма и условий его воспитания. Патриотизм как сложное интегральное психологическое и социально-психологическое явление включает три аспекта: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. В когнитивной области необходимо ориентировать систему образования и воспитания, СМИ, пропагандистский аппарат государства на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, самоотверженной борьбе ее народа за сохранение государственной независимости страны, о подвигах патриотов-соотечественников. В эмоциональной области необходимо способствовать формированию чувства любви к Родине, гордости за ее богатейшую культуру и историческое прошлое, оптимизм относительно перспектив развития России. В поведенческой сфере необходимо формирование общественно ориентированных форм поведения, готовности учитывать интересы общества, государства. Критерием сформированности патриотизма выступает способность действовать на основе общественно значимых ценностей. Необходим переход от знания о достоинствах объекта патриотических чувств к развитию глубоко личностного позитивного отношения к нему и к формированию патриотических убеждений как основы мировоззрения, привычки через их призму оценивать социальные события и реагировать на них.

Итак, патриотизм определяется В. А. Кольцовой и В. А. Сосниным как чувство ценности и необходимости для жизни каждого человека его включения в большую целостную индивидуальность народа и, с другой стороны, как инстинкт самосохранения народной индивидуальности и самобытности. Это та духовная сила, которая поддерживает единство народа – национальную культуру и религию, историческую традицию, неприкосновенность территории.

Поэтому угасание патриотизма выступает признаком кризиса социума, а его разрушение – это путь уничтожения народа. Патриотизм – многогранное явление, представляющее сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на различных уровнях функционирования социальной системы. На уровне же отдельного человека патриотизм может быть отнесен к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений и др.).

Как сложное интегральное личностное образование патриотизм включает: бескорыстное служение Родине, идентификацию личных интересов с интересами Отечества, патриотические чувства, гордость за культуру и достижения своего народа, наличие активной гражданской позиции, готовность отстаивать интересы Родины, действовать во имя ее благополучия и признавать ее в качестве высшей, главной ценности и др.

В раскрытии темы патриотизма как духовно-нравственного качества личности укажем на энофункциональный подход (Сухарев, 2008), который вводит понятие «этнически маргинальной личности». У данного типа личности стереотипы поведения, ценности и др., относящиеся к различным этническим системам, находятся в противоречии, и приводят к психосоматическим, психопатологическим проявлениям. Задачей воспитания является передача содержания *конкретной культуры, а не абстрактного культурно-исторического опыта*. Содержание обучения также должно быть согласовано с традиционной культурой региона рождения и проживания детей.

Таким образом, психологической науке следует идти вглубь осмысления именно *духовно-нравственных основ патриотизма*, не игнорируя и фактор религиозного сознания/самосознания.

Теоретико-методологической помощью на этом пути выступает психологическое наследие выдающегося отечественного философа И. А. Ильина (Борисова, 2009; Борисова, Гостев, 2010, 2011). В развитии философских идей Ильина, послуживших фундаментом его психологического наследия, важного для раскрытия темы духовных основ патриотизма, выделяют два этапа. Первый отмечен интересом к политологии, праву, социологии, философии, антропологии. Второй период его жизни начался после высылки из страны в 1922 г. и характеризуется обращением к предметам, составляющим сердцевину русской религиозно-философской мысли. В центре познавательных интересов выдающегося мыслителя встали проблемы России, ее истории, вопросы нравственного, духовно-религиозного

становления личности, выбора человеком жизненной и гражданской позиции. Рассматривая все эти проблемы, И. А. Ильин показал глубину отечественной духовной традиции, ее особую роль в раскрытии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. Соответственно, сам философ всей своей жизнью показал себя как истинного патриота своей Родины.

Поскольку центральным понятием в наследии мыслителя является понятие «духовная личность», идеи И. А. Ильина способны обогатить проблематику патриотизма именно духовно-нравственным подходом. Духовная личность обладает высоконравственным патриотизмом. С этих позиций и надо подходить к мыслям философа по проблематике национального сознания.

Тема становления национального сознания/самосознания занимает значительное место в наследии философа. Русские люди, как утверждает мыслитель, должны, в первую очередь, научиться русскому национальному самосознанию. И. А. Ильин концептуально-терминологически разводит понятия «национальное самосознание» и «национальное самочувствие». Сначала в России сформировалось национальное самочувствие, главенствующую роль в котором занимала вера. Вера охватывала все сферы жизни, а потому «все было знаком веры» – обряд, семейный уклад, форма власти, праздники, быт, национальное одеяние. Переход России к национальному самосознанию начался после эпохи Петра I. Русскому человеку предстояло внести христианский дух в создание своей светской цивилизации – в науке, искусстве, в правосознании и государственности и др. Ростки национального самосознания в России начали просматриваться только в XIX в., но революции XX века говорят о том, что *духовное самосознание* в ней помрачилось. К тому же ослаб *инстинкт национального самосохранения*. «Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и помраченным духовным самосознанием – не может отстаивать свою жизнь на земле <...>. Народ должен чувствовать в <...> глубинах своей души свое единство, свою неразрывную связь и принадлежность, свою самобытность и духовную драгоценность своего своеобразия перед лицом Божиим; он должен чужать свое “мы” и его величие; он должен верить в свои силы, в свою правду и свою богоблагословенность» (Ильин, 1999, с. 320).

По замечанию И. А. Ильина, Россия перед революцией оскудела силою духа. В стране «крепла наука, цвели искусства». Но во всем этом не было зрелого самосознания, не хватало *национального воспитания и характера*. «В России было множество хороших и доб-

рых людей; но хорошим людям не хватало характера, а у добрых людей было мало воли и решимости. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом» (Ильин, 1993а, с. 268).

Но И. А. Ильин пророчески предвидел крах строительства коммунизма в нашей стране. Он был сыном Отечества, который никогда не терял надежды на возрождение России, и своим творчеством создавал бесценное теоретическое основание для будущей практической работы (Пивоваров, 2007, с. 5). Мыслитель указывал, что Новой России предстоит выработать новую систему национального воспитания и именно «от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь» (Ильин, 1993б, с. 179).

И. А. Ильин подчеркивает роль национальной культуры в воспитании ребенка. Воспитание детей – это пробуждение их к национальному духовному опыту. Всему вызывающему в ребенке восхищение, преклонение, нравственные (великодушные, понятие о чести и проч.) и эстетические чувства, любознательность, жажду подвига и т. п., – желательно быть национальным. Детям полезно почуять в себе «кровь и дух своих русских предков и принять любовью и волей всю историю, судьбу, путь и призвание своего народа; чтобы их душа отзывалась трепетом и умилением на дела и слова русских святых, героев, гениев и вождей. Получив в дошкольном возрасте такой духовный заряд и имея в своей семье живой очаг таких настроений, русские дети, где бы они ни находились, развернутся в настоящих и верных русских людей» (Ильин, 1996, с. 202).

Люди, как утверждает И. А. Ильин, связаны в единую нацию и создают единую Родину в силу подобия их *духовного уклада*, который вырабатывается исторически из «эмпирической данности»: внутренней (раса, темперамент, душевные способности и т. д.) и внешней (природа, соседи и т. д.). Внутренняя и внешняя «эмпирическая данность», полученная народом от Бога и исторически сформированная, должна быть «проработана» духом.

Это одухотворение у каждого народа совершается своеобразно, но в результате возникает *единый национально-духовный акт*. В каждом народе по-своему вступают в брак, рождают, болеют, умирают, трудятся, отдыхают, рассуждают и доказывают; по-своему строят дома и храмы; по-своему молятся и т. д. У каждого народа свои чувство права и справедливости, дисциплина, представление о нравственном идеале, политическая мечта, «государственный инстинкт» (там же, с. 190).

Осмысляя сущность *национального единения людей*, И. А. Ильин приходит к выводу, что самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из «единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти», из одинакового созерцания, из единого языка, из «однородной веры и из совместной молитвы» (Ильин, 2004, с. 55). Национальное чувство создает единение людей в духе и любви и прикрепляет сердца к высшему на земле – к Дарам Духа, даруемым каждому народу и по-своему претворяемым им в истории, в культурном творчестве.

Национальный характер народа определяется его творческой *обращенностью к сфере божественного*. Этим каждый народ утверждает свое бытие. «Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет; и те народы, которые служат Ему творчески и вдохновенно, становятся великими и духовно ведущими народами в истории» (Ильин, 1993а, с. 363). И каждый народ осуществляет этот процесс по-своему, имеет свой священный путь. «Путь особенный национальный <...> путь не мнимый, а истинный, приводящий, открывающий и дарующий, и постольку для всех народов и времен – призывный, и научительный, и строящий. Он обретается и прокладывается из поколения в поколение, ценою вековых исканий, ценою падений и неудач, ценою с виду неосмысленных страданий» (Ильин, 1999, с. 244).

Этот путь созидают те, кто, в верности Божественному, утверждая свой личный характер, осуществляет «*духовный ритм своего народа*», указывает ему верный путь. Утратить этот путь – значит погубить свою духовность и погибнуть. Пребывая же в этом ритме, народ духовно растет и процветает, «не влачится за колесницей истории, а правит ею». Эти мысли особенно актуальны сегодня в России, гражданам которой предлагают согласиться с ее переписанной, а потому ложной историей.

И. А. Ильин подчеркивает, что каждая нация вычерчивает свой особый *идеал человеческого облика*. Этот идеал открывается каждому народу не через отречение от национальных черт, а через их принятие и целостное одухотворение. Идеал – не отвлеченная схема, «которая уходит в пустоту и возносится только потому, что пренебрегла живым содержанием». Такой уход осуществляется фантазией и создает мертвую абстракцию. Только слабый дух мечтает об «общечеловеческом» идеале, минуя «национальный ритм». И. А. Ильин подчеркивает, что каждая нация вычерчивает свой особый *идеал че-*

ловеческого облика. Этот идеал открывается каждому народу не через отречение от национальных черт, а через их принятие и целостное одухотворение. Идеал – не отвлеченная схема, «которая уходит в пустоту и возносится только потому, что пренебрегла живым содержанием». Такой уход осуществляется фантазией и создает мертвую абстракцию. Только слабый дух мечтает об «общечеловеческом» идеале, минуя «национальный ритм».

Для истинного патриотизма характерна не простая приверженность к внешней обстановке и к формальным признакам быта своего народа, но *любовь к его духу*. Истинный патриот исходит из признака *объективного достоинства*, присущего его Родине. Патриотизм рассматривается И. А. Ильиным как *любовь к Родине*, которая является духовной реальностью, воспринимаемой духовным опытом. Любить Родину – значит любить в ней то, что действительно заслуживает любви

В этой связи особо значима идея И. А. Ильина о том, что для обретения «чувства Родины» человеку нужно обрести личную духовность. Именно это поможет избежать попадания в ловушку национального шовинизма. Чувство Родины, нравственный патриотизм – это глубокая уверенность в том, что «мой народ тоже получил дары Духа Святого», принял их, творчески претворил. Народ должен отстаивать свою жизнь как драгоценную духовную «самосиянность». Патриот принимает многовековое творчество своего народа как отправной пункт своего собственного творчества.

И. А. Ильин особо подчеркивает значимость *инстинкта национального самосохранения*, который должен бодрствовать в народе, а не дремать. Этот социальный инстинкт помогает преодолевать кризисы в обществе. В инстинкте национального самосохранения философ подчеркивает роль духовного начала. Однако многие недооценивают всю важность вопросов национальной безопасности страны, будучи убаюканными разговорами о создании различных систем коллективной безопасности в мире (Грачева, 2010, 2011).

Вслед за И. А. Ильиным отметим, что природные, исторические, кровные и бытовые связи должны приобрести духовное значение, которое сделает их достойным предметом патриотической любви. Тогда они наполняются для человека внутренним священным значением. Люди воспринимают через них «как бы тело или жилище, или колыбель, или орудие и средство, или материал для духа», но не только для своего, а «для духа своих предков и своего народа» (Ильин, 1996, с. 178). Когда человек так воспринимает духовную

жизнь и духовное достояние своего народа, он обретает Родину и становится истинным патриотом. Такая личность совершает *акт духовного самоопределения*, которым она отождествляет «в целостном и творческом состоянии души» свою судьбу с духовной судьбой своего народа. Для того чтобы любить Отечество, его необходимо найти и «реально испытать». И. А. Ильин отмечает, что это испытание дается большинству людей без поисков, в результате естественно и незаметно слагающейся привычки к окружающим условиям жизни. Поэтому духовная сущность патриотизма остается очень часто неосознанной: любовь к Родине существует в душах в виде «неразумной, предметно неопределенной склонности». Человек может прожить всю жизнь в пределах своего государства – и не обрести своей Родины; его душа будет «патриотически пустынна и мертва», и эта неудача приведет его к своеобразному «духовному сиротству», к творческой беспочвенности и бесплодности. «В современном мире есть множество таких несчастных безродных людей, которые не могут любить свою Родину потому, что инстинкт их живет лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены» (там же, с. 175).

Обретение Родины есть акт духовного самоопределения, указывающий человеку его собственную творческую почву и обуславливающий поэтому духовную плодотворность его жизни. «Слияние патриота с Родиной ведет к чудесному и плодотворному отождествлению их духовных энергий. В этом отождествлении духовная жизнь народа укрепляется всеми силами патриота, а патриот получает неиссякаемый источник творческой энергии во всенародном духовном подъеме; и это взаимное питание, удесятерив силы, дает человеку непоколебимую веру в его Родину» (Ильин, 1994, с. 332).

По убеждению И. А. Ильина, «национально-русский» духовный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы, славянской души, православной веры и исторического развития. Ведущим формирующим фактором национальной культуры является религиозно-духовный фактор – православие. Эту веру И. А. Ильин считает главной и определяющей «на судьбоносных путях» русского народа, так как она духовно руководила народом в течение столетий, закладывая основания его культуры в прошлом и для будущего. Исследователи творчества И. А. Ильина отмечают, что его заслугой является не только рассмотрение русской культуры как целостности в контексте христианства (причем сделал он это одним из первых), но и смелое осмысление православной природы нацио-

нального русского самосознания. Постигание русской культуры как культуры православной И. А. Ильин считал принципиальным условием адекватного понимания особенностей развития России, ее проблем в истории. Знать Россию – значит идентифицировать православную культуру, постигать драгоценное своеобразие православия, понимая его мировой смысл и его творческое значение для всей русской культуры. Незнание православной культуры России было, по мнению мыслителя, причиной бед Отечества и главной его трагедии – революции.

По мысли И. А. Ильина, средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Философ отмечает, что европейское самосознание формально, черство и уравнительно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо. «Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной „свободы“ и формальной „демократии“. Русский человек всегда наслаждается естественною свободою своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и неестественностью своей внутренней индивидуализации; он всегда удивлялся другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы, – и если бы другие народы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними» (Ильин, 1993б, с. 64).

И. А. Ильин указывает, что духовное сокровище Родины живет в душе человека. Тому, кто не чувствует этого, надо обратиться к своему собственному духу, чтобы узнать «духовное лоно своего народа». Этот процесс И. А. Ильин называет *актом патриотического самопознания*. «Тогда он, подобно сказочному герою, припавшему к земле ухом, услышит свою Родину; он услышит, как она в его собственной душе вздыхает и стонет, поет, плачет и ликует; как она определяет и направляет, и оплодотворяет его собственную личную жизнь. Он вдруг постигнет, что его личная жизнь и жизнь его Родины суть в последней глубине нечто единое и что он не может не принять судьбу своей Родины, ибо она также неотрывна от него, как он от нее и в инстинкте, и в духе» (Ильин, 1996, с. 185).

И. А. Ильин обращает внимание на основные направления национально-патриотического воспитания. *Язык* «таинственным образом» вмещает в себя прошлое народа, его духовный уклад и «творческие

замысль». Важно, чтобы пробуждение самосознания ребенка (обычно на 3–4 году жизни) совершалось на его родном языке. При этом особо значим не тот язык, на котором говорят при нем другие, но тот, на котором обращаются к ребенку, побуждая его выражать на нем его собственные внутренние состояния. Не следует учить детей чужим языкам до тех пор, пока они не заговорят на родном. Ребенку полезно слышать национальную *песню* еще в колыбели и с первых лет жизни приобщаться к самобытной *молитве* – ибо каждый народ обращается к Богу по-своему, даже в пределах единого исповедания. Общеизвестно, что *сказка* будит мечту и воображение ребенка, дает ему первое чувство героического – чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы. Преклонение перед национальными *святыми* и *героями* возвышает душу, дает ей смирение, чувство ранга, указывает верный жизненный путь. Как только ребенок начнет говорить и читать, классические национальные *поэты* должны дать ему первую радость стиха. Необходимо открывать ребенку доступ ко всем видам национального *искусства* – от архитектуры до живописи и орнамента, от танца до театра, от музыки до скульптуры. Ребенка необходимо знакомить с *историей* своего народа. При этом его национальное самочувствие должно быть ограждено и от националистического самомнения, и от «всеосмеивающего» самоунижения. От ребенка нельзя скрывать слабых сторон национального характера, но в то же время ему следует знать все источники национальной силы и славы. Необходимо пробудить в нем уверенность, что история русского народа – живая сокровищница, источник живого научения, мудрости и силы. Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной *армии* как свой личный успех, его сердце должно сжиматься от ее неудачи, ее вожди должны быть ее героями, ее знамена – его святынею. Ребенок должен осознать пространственный простор *территории* своей страны – национально-государственное наследие России, почувствовать, что оно сохранено от посягательств врагов кровью и трудом, волею и духом. Ребенок, по мысли Ильина, должен осмыслить Родину как «бесконечное и едва початое *трудоое* поприще».

Итак, мы видим вклад идей И. А. Ильина в раскрытие духовных оснований патриотизма. Патриотизм, действительно, может быть рассмотрен как неотъемлемое качество духовно-нравственной лич-

ности. Соответственно, возникает вопрос о вкладе идей И. А. Ильина в дело патриотического воспитания человека. Задачи такого воспитания видятся им сфокусированными на приобщении ребенка к национальному духовному опыту. На его основе философу удалось осмыслить чувство любви к Родине, которое отличало русский народ и которое было настолько глубоко, искренне и сильно, что делало русского солдата бесстрашным воином, жизнь свою готовым положить в бою за Родину.

Говоря о патриотизме, И. А. Ильин не мог обойти проблему преодоления кризисов в обществе. Он считал, что обновления русского общества можно добиться только путем единения русского народа на основе *национальной идеи*. Корень национальной идеи – в *духовном единстве России*. Это доказано великой культурой, которая создавалась в течение тысячелетия на единой, расширяющейся территории, в общей равнинной природе, в едином сурово-континентальном климате, под единой государственной властью и системой управления, при едином государственном языке, в единой судьбе, связанной с международными войнами и социально-классовым, хозяйственно-торговым сотрудничеством. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях. Особую роль в данном процессе, по мнению философа, играл *русско-национальный духовный акт*. И. А. Ильин отмечает, что не всякому народу удастся обрести самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру. Народы, которым это удалось, являются «духовно ведущими народами». Задача ведущего народа состоит в том, чтобы дать возможность другим народам приобщиться к своей духовной культуре и получить «творческое оплодотворение и оживление».

И. А. Ильин подчеркивал важность для человека принять духовное наследие своей Родины. Родина – не место на земле, где человек «произошел на свет» или где он «привык жить», но то место, где он родился духом и откуда он исходит в своем жизненном творчестве. «И если я считаю моей Родиной Россию, то это означает, что я по-русски люблю, созерцаю и думаю, по-русски пою и говорю; что я верую в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу своим инстинктом и своею волею. Его дух – мой дух; его судьба – моя судьба; его страдание – мое горе; его расцвет – моя радость» (Ильин, 1999, с. 363).

Творческая сила и духовная сопротивляемость современных людей подорвана *беспочвенностью* каждого отдельного человека.

А потому начинать духовное оздоровление общества необходимо с изменения каждым самого себя. Надо победить в себе дух национального безразличия и малодушия, надо любить Россию и верить в творческие силы русского народа. Необходимо крепить, растить и углублять русский национальный духовный характер в самих себе и в других. Каждый русский человек должен задать себе вопросы: «Чему я служу – всенародному спасению или своему личному успеху? Я служу Богу или „тешу мелкого беса“? Иду за совестью или за мелким расчетом?»

И. А. Ильин пророчески предвидел вероятные состояния «посткоммунистического завтра»: страна может вскипеть жадой мести, крови и нового имущественного передела. В этом кипении встанут десятки авантюристов, из которых три четверти будут «работать» на чьи-нибудь иностранные деньги и ни у одного из них не будет творческой и предметной национальной идеи. И. А. Ильин был уверен, что без цели и без идеи Россию невозможно спасти от саморазрушения. Эта идея должна быть государственной, но не ограничивающейся простым указанием на «голую форму» правления (например, на «монархию» или «республику»). Эта идея должна быть *государственно-исторической, государственно-национальной, государственно-патриотической, государственно-религиозной*. Она должна исходить из «самой ткани» русской души и русской истории. Это идея – *воспитания, и, прежде всего, самовоспитания в русском народе национального духовного характера*. Все выстраданные национальные унижения должны пробудить в народе инстинкт национального самосохранения, вызвать чувство беззаветной любви к Родине, чувство собственного национального достоинства, «голод по самобытности и самоутверждению». Национальное воспитание должно быть осуществлено, проведено самим русским народом, его верной и сильной национальной интеллигенцией: священником и монахом, учителем, профессором, офицером, судьей, чиновником, художником и литератором. Беда страны состояла в том, что русская интеллигенция до революции не имела верной национальной идеи.

России в будущем, указывал И. А. Ильин, нужен отбор людей по духовным и волевым качествам. В старину русские характеры закалялись не только от суровой природы и в жизненно-исторических испытаниях, но возвращались церковью, выковывались в монастырях и в армии. В настоящее время к этим очагам русской национальной-духовной силы должна присоединиться вся система народного

образования, а также все патриотические организации религиозного и светского характера.

Россия нуждается больше всего в самостоятельном национальном творчестве: в углубленном, свободном, непредвзятом созерцании, в созидании, исходящем из любви к Родине. Ни один народ в мире не имел и не имеет ни такой территории, ни такого национального состава, ни такой истории, как Россия. Механическое заимствование у других народов никогда не принесет добра России. Формы национальной идеологии и национального возрождения должны быть рождены собственной проблематикой народа: его характером, историческими и культурными задачами. И. А. Ильин утверждает, что Россия не должна «гоняться» за чужими отвлеченными формами жизни: *нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов*. То, что хорошо в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве, может оказаться разрушительным в других условиях. Русский человек должен перестать поклоняться «чужим идолам», он должен вернуться к корням своей национальной культуры, «выговорить» национальную идею. Мечта о социально-политической «панацее», «всеисцеляющем средстве», всегда была наивна и беспочвенна. Весь опыт человечества не в состоянии дать «готовый рецепт». Идея, на основе которой будет возрождаться Россия, должна быть только национальной и выражать русское историческое своеобразие и призвание. России полезны только те политические и хозяйственные формы, которые верно учитывают наличный уровень национального характера и которые способны воспитывать, укреплять и одухотворять в людях национальный характер. «Западная Европа и Америка, не знающие России, не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы, – ни демократические, ни фашистские <...>. Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада <...> будет преследовать не русские, а чуждые России цели, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации» (Ильин, 1993б, с. 72–73). «Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть *новый русский национальный характер*, уко-

рененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга» (там же, с. 199).

И. А. Ильин предупреждал, что России необходима внепартийная, сверхклассовая, национальная, «религиозно-вдохновенная» власть. Только она сумеет остановить новую гражданскую войну, подавить «партийную резню» и националистические погромы. Без этого стране предстоит эпоха длительного распада и хаоса, с вечными восстаниями авантюристов, субсидируемых из-за границы, и с новыми попытками гибельных расчленений извне и изнутри.

Часть подобных предвидений великого мыслителя мы уже, к сожалению, видим «претворенными в жизнь». Но будем надеяться, что всего этого не произойдет, так как наследие И. А. Ильина полно оптимистических идей и веры в человека на путях его становления «духовной личностью».

Литература

- Борисова Н. В.* Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина. Дис... канд. психол. наук. М., 2009.
- Гостев А. А.* Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993.
- Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Гостев А. А.* Психология и метафизика образной сферы человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Грачева Т.* Когда власть не от Бога. Рязань: Зерна, 2010.
- Грачева Т.* Память русской души. Рязань: Зерна, 2011.
- Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1993а. Т. 2. Кн. I.
- Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1993б. Т. 2. Кн. II.
- Ильин И. А.* Я вглядываюсь в жизнь: Книга раздумий // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1996. Т. 1.
- Ильин И. А.* Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 9–10.
- Ильин И. А.* Основы христианской культуры. СПб.: Шпиль, 2004.
- Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

- Кольцова В. А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Кольцова В. А., Соснин В. А.* Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 89–97.
- Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: Русский Национальный Фонд, 2000.
- Пивоваров В. А.* Концепция православной культуры в работах И. А. Ильина: Дис. ... канд. богословия. М., 2007.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.

Личность гения

Е. Н. Холондович

Постановка проблемы

Феномен гения вызывает множество противоречивых мнений и суждений. Еще со времен античности утвердился взгляд на гениальность как род иррационального вдохновения, «озарения» свыше (Платон, неоплатоники и др.). В эпоху Возрождения получил распространение культ гения как творческой индивидуальности, достигший апогея в эпоху романтизма. Именно в этот период понятие гениальности заняло центральное место в эстетике и получило название «бури и натиска», понимаемое немецкими романтиками как идеал свободы личности и права на индивидуальность. Спонтанность, интуиция, эмоциональность стали считаться почти обязательными атрибутами гения.

В эпоху Просвещения устанавливается новый взгляд на природу гениальности. К.-А. Гельвеций считал гения «шедевром случая», причем под «случаем» он понимал благоприятное стечение обстоятельств – экономических, политических, педагогических условий развития. Д. Дидро же настаивал на наследственной природе гениальности. В этот период гений воспринимается как представитель только художественного творчества. Так как наука рациональна и подчинена строгим законам логики, в ней нет места фантазии, иррациональным началам. Г. В. Лейбниц утверждал, что художественное творчество требует «простора воображения» (экстаза, интуиции), научное же подчинено рациональному методу. И. Кант также полагал, что научному творчеству чужда иррациональность, которую он связывал только с художественным творчеством. Но позже Кант приходит к выводу, что в науке немалую роль играет проникаемость мышления. Она не только подчинена воле случая, немаловажную роль здесь играет и одаренность ученого.

Наибольший интерес проблема гениальности получила в конце XIX–начале XX в. как в отечественной науке, так и за рубежом, что было обусловлено стремлением найти методы для создания человека новой эпохи, способного осуществить задачу переустройства мира. В это время появляются различные концепции гениальности в таких областях знания, как философия (Н. А. Бердяев, И. И. Лапшин, В. В. Розанов, С. Л. Франк, А. Камю, Ф. Ницше и др.), психиатрия (Н. Н. Баженов, Г. И. Россолимо, Г. В. Сегалин, И. А. Сикорский, В. Ф. Чиж, В. Гирш, Э. Кречмер, Ч. Ломброзо и др.), евгеника (Ф. Гальтон, Д. Н. Жбанков, Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко, В. П. Эфроимсон), психология (В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, Н. В. Гончаренко, В. Л. Дранков, А. Ф. Лазурский, Г. И. Поляков, Я. А. Пономарев, Б. М. Теплов, Г.-Ю. Айзенк, Р. Дилтс, К. Тейлор, Э. Торанс, З. Фрейд и др.).

В конце XIX века Ф. Гальтон в работе «Наследственность таланта: ее законы и последствия» изложил результаты совершенных им обширных биографических, статистических и исторических исследований выдающихся деятелей Англии и Европы, пытаясь показать наследуемость следующих свойств человека: черт характера, психических особенностей, таланта и одаренности. По его мнению, наследственность и отбор – главные факторы развития человека и общества в целом. Ф. Гальтон приходит к выводу о наследовании таланта. Наряду с превалированием наследственного признака в зарождении одаренности и таланта, он отмечает и наличие факторов, способствующих их развитию: это особенности характера и влияние окружающей среды. Первенство же отдавалось «природной одаренности». Даровитость, энергия и способность к тяжелому труду – наследуемые качества, по Ф. Гальтону. Он также упоминает о препятствиях, стоящих на пути даровитой личности, которые можно охарактеризовать как некие кризисные моменты в биографии гениальных людей, в свою очередь послужившие толчком к развитию и проявлению их дарования. Гальтон настаивает на том, что наличие образования или отсутствие такового не является особенно важным для даровитых людей, так как при значительном упорстве шансы даровитой личности и посредственности, получившей образование, выравниваются к среднему возрасту и ставят их в одинаковые условия. Преодоление же значительных препятствий говорит о гениальности человека при его значительных достижениях.

Последователи Ф. Гальтона в России, такие как Н. К. Кольцов, Ю. А. Филипченко, П. П. Чулков и др., подвергнув изучению генеалогии знаменитых родов Российской Империи (Толстые, Пушкины

и др.), а также проследив родословные знаменитых выдвиженцев (Шаляпина, Горького, Есенина), пришли к выводу, что «гений представляет чрезвычайно редкую комбинацию ценных наследственных задатков» (Кольцов, 2008, с. 208–209). Изучение родословных представителей академической интеллигенции, в свою очередь, показало, что наиболее выдающиеся фигуры отличаются «высокой, иногда исключительной одаренностью и в то же время громадной работоспособностью» (Филипченко, 2008, с. 297). Чем сильнее одарена интеллигенция и чем шире ее круг, тем вероятнее появления гения из ее рядов. «При бедности интеллигенции трудно ждать появления большого числа талантов» (Филипченко, 2008, с. 300).

Не только евгеника рассматривала изучение гения как перспективное направление в науке. В 1927 г. В. М. Бехтерев выступил с предложением к Правительству СССР о создании Пантеона мозга. Задачей данного проекта было создание на базе Государственного рефлексологического института в Ленинграде специальной исследовательской лаборатории по изучению анатомической основы гениальности и одаренности, т. е. создание банка мозгов одаренных людей из области политики, культуры и искусства. Подобные идеи высказывались и ранее. Еще в 1918 г. психолог и педолог Н. А. Рыбников выпустил проект организации Биографического института, в задачи которого входило бы сохранение возможно большего числа биографий великих личностей. В 1921 г. доктор медицины Г. В. Сегалин обратился с предложением создать Институт гениального творчества, где изучались бы «анатомия и мозг великих людей» (Спивак, 2001, с. 37). Таким образом, интерес к гениям был очень высок.

В. М. Бехтерев в качестве основных задач, стоящих перед Пантеоном мозга, видел следующие: «Научно-исследовательская работа по изучению строения мозга и творческой деятельности выдающихся людей» (Спивак, 2001, с. 42). Работа должна была вестись в двух направлениях: патолого-анатомическом и психологическом. Психологическое направление включало «собрание и научную обработку характерологических данных о высокоодаренных лицах», в качестве исследовательского материала должны были служить «записки и воспоминания близких лиц, все автобиографические данные, все продукты творчества изучаемого лица, в особенности, в области его специальности» (Спивак, 2001, с. 42). В коллекцию Пантеона был помещен мозг Ленина, Сталина, Бехтерева, Луначарского, Богданова, Выготского, Багрицкого, Белого, Маяковского, Горького, Иполлитова-Иванова, Мичурина, Павлова, Сахарова и т. д. Изучение

мозга для понимания природы гениальности значимых результатов не дало, но была выработана схема исследования выдающейся личности.

Русский философ и психолог первой половины XX в. И. И. Лапшин в работе «Философия изобретения и изобретение в философии» представил результаты исследования природы философского гения и проанализировал биографии и творчество великих философов: Платона, Демокрита, Аристотеля, Канта, Лейбница, Конта, Гегеля, Спенсера и др., а также рассмотрел труды ученых разных эпох, посвященные анализу дарования научных гениев и природы их открытий. Лапшин пришел к выводу, что факторами, способствующими раскрытию дарований гения, являются в равной мере и наследственность, выраженная в генетически обусловленной природной одаренности, и социальная среда, являющаяся источником потребности человечества в различного рода открытиях. Развитие науки имеет поступательное течение и неразрывно связано с предшествующими этапами. Так, выдающиеся философы были последователями различных философских школ. И в этом смысле на начальном этапе их деятельности большую роль сыграло подражание, которое, по мнению И. Канта, является залогом гениальности: «Подражание есть скромный, надежный путь гения, который в избираемой дороге сообразуется с попытками, сделанными другими. Не было ни одного великого мастера, который не подражал бы, и не было ни одного изобретения, которое не могло бы рассматриваться как некое соответствующее отношение к предшествующим открытиям. Все подчинено закону непрерывности и то, что совершенно оторвано и обособлено от предшественников пропастью, принадлежит к миру пустых призраков» (Лапшин, 1999). Подтверждение данного тезиса мы можем найти в работах В. Н. Дружинина (Дружинин, 2007). Природная одаренность в свою очередь подкрепляется огромной любознательностью, проявляющейся в накоплении большого количества знаний в юном возрасте. Лапшин подчеркивает, что одаренность гения проявляется не только на избранном поприще, но и в других науках, а также и в художественном творчестве. Это опровергает высказывания ученых, которые полагают, что гений односторонен. Мнение же К. А. Гельвеция о случайности научных открытий кажется Лапшину неправильным, и он парирует словами Ж. Л. Лагранжа: «На случай при великих открытиях наталкиваются те, кто его заслуживает». Во всех случаях огромную роль играет подготовленность в известном направлении «всей ап-

перцептирующей массы ученого: богатство и организованность его памяти и обостренное внимание».

Лапшин указывает на «кризис сомнения» в качестве стимула в развитии способностей будущих гениев, являющийся способом разрыва «с традиционным и наивным образом мыслей», который преобразует «всю аффективно-волевою сторону личности, обогащая ее состав, содействуя одновременно ее самопознанию, проникновению в глубины сердца, и ее перевоплощаемости в другие души, способности становиться на весьма различные, нередко прямо противоположные, точки зрения». Он обращает внимание и на личностные кризисы. Мотивы личного горя перед признаком смерти преобразуются в сверхличное стремление «смертью смерть попрасть». Личное горе выступает толчком к переходу на более высокую ступень в творчестве одаренных людей; происходит преобразование личных интересов в сверхличные.

Не меньшую роль Лапшин отводит творческой интуиции, воображению и колоссальной работоспособности ученых, связанной с увлеченностью своим делом.

Л. С. Выготский в 1929 году отстаивал точку зрения, согласно которой гениальность – «более или менее одностороннее чрезмерное развитие творческой деятельности» (Выготский, Зиновьев, 1929, с. 612). В доказательство этой позиции он приводит высказывание Э.-А. Морселли, что гений – эволюционирующая, прогрессивная вариация человеческого типа в какой-либо области. Вопрос о наследственной передаче гениальности, по мнению Выготского, недостаточно выяснен. Он склоняется к тому, что «благоприятные экономические и социальные условия могут содействовать наилучшему использованию врожденных задатков. Если наследственность создает возможность гениальности, то только общественная среда реализует эту возможность и создает гения. Всякое великое открытие, изобретение или любое другое проявление гениального творчества подготавливается всем предшествующим ходом развития, обуславливается культурным уровнем эпохи, ее запросами и требованиями» (там же, с. 612). То есть гений – это продукт своего времени, и общество должно быть заинтересовано в его появлении и воспитании.

А. Ф. Лазурский же полагал, что гениальность – это совокупность способностей, качественно не отличающихся от способностей обычных людей, различия – только количественные.

После 1930-х годов в связи с прекращением исследований в области педологии, психотехники и евгеники в СССР к вопросу ге-

ниальности практически не возвращались. Наследование таланта и гениальности отвергалось, а главными аспектами в развитии гениальности были признаны среда и, как следствие, воспитание необходимых качеств для проявления одаренности. «Талант, гений – это, прежде всего, огромное трудолюбие, колоссальная настойчивость и сильная воля» (Алекринский, 1970, с. 18).

Только в 1970-е годы в психологии возобновляется интерес к природе способностей и таланта. Вопросом творческих способностей занимались Б. М. Теплов, Я. А. Пономарев, В. Н. Дружинин и др. Основное направление их исследований лежало в сфере изучения одаренности и таланта с точки зрения анализа самого творческого процесса.

К концу XX в. интерес к проблеме гениальности все более возрастает. В частности, в Америке появляется много работ психологов, посвященных анализу данного феномена. В русле психоанализа гении изучаются с акцентом на детальное исследование их детских впечатлений и бессознательных особенностей личности (З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм). Гениальность в трудах современных западных психоаналитиков, в частности, в работе Дж. Ландрама, имеет довольно рационалистическую трактовку. Гений – человек, добившийся вершин успеха и власти (Гитлер, Наполеон, Дисней, Дункан, Тесла); наследственная природа гениальности отвергается автором, главными факторами в ее развитии выступают огромное трудолюбие и несгибаемая воля (Ландрам, 1997). Другие исследователи, например, Э. Торанс, Л. Холл, К. Тэйлор, полагают, что гений – это высочайший интеллект в совокупности со способностью к глубокому постижению истины, с волевой целеустремленностью и интуитивной пронизательностью, а также с богатством чувств (прежде всего – чувства нового). Все это позволяет ему достичь таких вершин в творчестве, как научном, так и художественном, которые становятся этапом в прогрессе человеческой культуры. Дж. Йенсен и Г.-Ю. Айзенк в результате исследований интеллекта пришли к выводу, что гениальность – это на 80% генетически обусловленные способности и на 20% социальный фактор. Существует также много работ, где анализируются творческие и мыслительные стратегии гениев с позиции НЛП (см., например, исследования Р. Дилтса, Дж. Гриндера и др.). Основная задача этих работ сводится к расширению возможностей применения данных стратегий и перенос их из области, где они получили свое изначальное развитие, в другие области человечес-

кой деятельности с целью сделать их доступными каждому (Гончаренко, 1991).

Феномен гениальности, ее критерии и основные проблемы исследования

Основная проблема при осмыслении феномена гения и гениальности связана с вопросом, кого же отнести к гениям. Существует множество критериев гениальности: от количества упоминаний в энциклопедии – до тех вершин успеха и власти, которых достигает известная личность. В нашем исследовании, посвященном данной проблематике, в качестве критериев гениальности были выделены: универсальность дарования (разносторонность интересов и успехи в различных видах деятельности), высокое мастерство в определенной сфере деятельности, провидческий дар и показатель высокой духовности личности. Причем именно показатель высокой духовности, по нашему мнению, является одним из важнейших критериев. Гениальность по сути макромасштабна. Если талант остается в рамках сферы своей деятельности, то гениальность выходит за эти рамки и несет духовный заряд, коренным образом меняющий представления людей, их восприятие мира в целом. Гении задают тот духовный вектор, который ведет человечество вперед и развивает культуру. Произведения гениев открывают новые пути прогресса науки и искусства, дают начало новым взглядам на мир, превосходя своей глубиной другие творения.

Личность гения многогранна. Но нельзя забывать, что гении были живыми людьми, которым присущи определенные свойства характера, тип поведения и т. д. И, естественно, ничто человеческое не было чуждо гениям. Но именно в своем творчестве, в своих творениях они были великими. Нельзя также забывать, что гениев «выдвигает» общество. И именно с этим, по всей видимости, связано желание обелить и приукрасить гения, создать некий эталон гениальности. С другой стороны, выдвижение на авансцену «злых гениев» также обусловлено определенными общественными и социальными тенденциями. Недаром Иван Грозный становится эталоном политического деятеля в 1930-е годы в СССР. И вряд ли личность Гитлера могла быть выдвинута в качестве гениальной в послевоенной или современной Европе.

Поэтому в своем исследовании мы проводим четкую границу между «исторической личностью» и «гениальной личностью». «Ис-

торические личности» вносили свой вклад в историю человечества, делали научные открытия, перекраивали карты мира и порой оставляли кровавый след в истории. Многие из них были, несомненно, людьми очень яркими и талантливыми, но не гениальными. «Гениальные личности» не могут нести разрушение и деструкцию. Они могут отражать те деструктивные тенденции, которые улавливают в окружающем мире, и отражать их в своем творчестве, таким образом предупреждая о них человечество, но не намеренно и методично убивать миллионы людей. Русский философ В. В. Розанов писал, что сила гения «не в чем другом, как в обширности духовного опыта, которым он превосходит других людей, зная то, что порознь рассеяно в тысячах их, что иногда скрывается в самых темных, невысказывающихся характерах; знает, наконец, и многое такое, что никогда еще не было пережито человеком, и только им, в необъятно богатой его внутренней жизни, было уже испытано, измерено и оценено» (Розанов, 2000). Поэтому, несомненно, высокий показатель духовности личности является важнейшим критерием гениальности.

Следующая проблема, встававшая перед учеными при изучении личности гения, – отсутствие/наличие патологического процесса в психике, обуславливающего гениальность. Большинство психиатров настаивают на несомненной связи гениальности и помешательства. Одни из них, такие как Ч. Ломброзо, М. Нордау, Г. И. Россолимо и др., полагали, что гений – это непременно элемент вырождения, дегенерации. Другие, например, русский психиатр Н. Н. Баженов, считали гениальность элементом прогенерации, т. е. утверждали, что гений – продукт новой эпохи, особый тип, недоступный современному пониманию. Поэтому до сих пор не существует разделения гениев на нормальных и имеющих психические отклонения. В этой связи нам кажется важным тот факт, что, естественно, в глубокой патологии создавать шедевры не возможно. Но, с другой стороны, именно «подвижная» психика давала возможность гениям видеть все нюансы окружающего их мира и иметь то самое «второе зрение», провидческий дар, о котором говорил Л. Шестов. Как писал психиатр П. М. Зиновьев, «отдельные психопатические особенности свойственны почти каждому человеку, и они, как правило, выражены тем сильнее, чем ярче индивидуальность их носителя» (Выготский, Зиновьев, 1929, с. 612–613).

Таким образом, гениальность является очень интересной и, безусловно, актуальной областью исследования, требующей новых ме-

тодов изучения и постановки новых целей и задач в раскрытии этого сложного и неоднозначного феномена.

Как образец личности гения нами был выбран Ф. М. Достоевский. В 2006–2010 гг. при помощи метода комплексного изучения исторической персоналии, предложенного нами, и включающего психолого-биографический анализ, анализ продуктов деятельности, контент-анализ, а также реконструкцию психологических характеристик исторической личности, был составлен психологический портрет Ф. М. Достоевского. Задачами исследования являлись реконструкция жизненного пути писателя и выделение факторов его личностного и профессионального формирования и развития, выделение этапов творчества как воплощения идейных исканий Ф. М. Достоевского, рассмотрение динамики экзистенциальных ценностей и смыслов в его сознании, проведение анализа кризисных периодов жизненного пути Ф. М. Достоевского и их влияния на его творческую деятельность и мировоззрение (Холондович, 2010а, 2010б).

Изучение жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского

Обозначим основные факторы личностного и профессионального формирования и развития Достоевского.

1. Социальная среда: как общество в целом, так и близкое семейное окружение. Накопление на протяжении нескольких поколений большого интеллектуального ресурса стало залогом появления гения. Семья Ф. М. Достоевского имела высокий уровень образования и стремилась привить своим детям религиозность, активное стремление к знаниям, любовь к истории своей страны, что воплотилось в личности Ф. М. Достоевского и наложило отпечаток на его собственную семью.
2. Подражание в юности явилось источником творческой идентификации начинающего писателя и стало началом его дальнейшего самоопределения. В юности Ф. М. Достоевский имел образцы подражания в лице А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, которые оказали огромное влияние как на жизненную позицию писателя, так и на его творчество.
3. Кризисы были поворотным моментом в жизни Ф. М. Достоевского, катализатором формирования внутреннего стержня, той внутренней силы, которая будет источником новых средств к жизни, послуживших изменению мировоззрения писателя,

формированию новых ценностей и идеалов, ставших основой его творческой самореализации. Гражданская казнь, каторга, смерть близких и смерть детей были важными вехами в направлении творчества и формировании личности Достоевского. Их следствием явились пересмотр и укрепление мировоззренческих и жизненных позиций, дальнейшая фундаментализация христианских ценностей и идеалов, которые становятся мериллом идейной направленности произведений писателя.

4. Наличие у Достоевского эпилепсии явилось важным фактором в развитии очень тонкой и болезненной психической организации, способной воспринять окружающий мир, людей с большой глубиной и достоверностью, что в совокупности с высокими моральными принципами дало возможность проникнуть в самые глубины человеческой души и предсказать многое в развитии современного ему общества.

Выделенные факторы личностного и профессионального формирования и развития Ф. М. Достоевского совпадают с факторами формирования и развития гениальности, полученными при теоретическом анализе литературы по проблеме гениальности.

Нами было доказано, что личность писателя объективируется в продуктах его творчества. Она имеет свое выражение на каждом этапе и отражает идеалы, ценности и смыслы, переживаемые Ф. М. Достоевским в процессе его целостной жизнедеятельности. В ходе анализа и сопоставления жизненного пути и творчества Достоевского были выделены основные этапы творчества. Первый этап – красота «маленького человека» и сострадание к нему, второй этап – проблема богооставленности, третий – решение вопроса веры, где Ф. М. Достоевский показывает, что только вера помогает человеку оставаться человеком. Они послужили для нас отправным пунктом для проведения контент-анализа произведений Ф. М. Достоевского.

Контент-анализ произведений Ф. М. Достоевского

Выделенные этапы творчества Ф. М. Достоевского, по нашему мнению, наиболее полно отражены в романах «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы». Именно эти произведения взяты за основу для процедуры контент-анализа. Для его проведения были выделены, посредством анализа основных поло-

жений экзистенциальной психологии и философии, экзистенциальные категории: человек, судьба, свобода, ответственность, жизнь, смерть, совесть, любовь, труд, страдание. Затем мы определили смысловые конструкты, отражающие мирозерцание Ф. М. Достоевского и относящиеся к этим экзистенциальным категориям. Эти смысловые конструкты были подвергнуты экспертной оценке специалистами, хорошо знакомыми с творчеством Ф. М. Достоевского, которая подтвердила правильность и достаточную аргументированность их выбора. После чего было подсчитано общее количество встречаемости каждого понятия в избранных для исследования романах Достоевского. Представленные романы обработаны нами полностью. После чего проведен частотный анализ (при помощи метода χ^2 Пирсона) полученных числовых значений. Затем составлены таблицы сравнения эмпирического распределения частоты встречаемости слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, с теоретическим равномерным для каждого из произведений, а также сравнения двух эмпирических распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в романах «Бедные люди» и «Преступление и наказание», «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». На основании данных этих таблиц были составлены графики. Результаты проинтерпретированы нами и соотнесены с данными предыдущих этапов исследования.

Совокупность экзистенциальных мыслей, образов, представлений на момент создания романа «Бедные люди» значительно отличается от равномерного распределения ($\chi^2=402,1720$; $df=10$; $p=0,00000$), что говорит о наличии отмеченных нами приоритетов в сознании Достоевского на данном этапе его жизнедеятельности.

Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях Свобода, Труд, Страдание (значимые категории) и Смерть, Судьба (незначимые категории) (см. рисунок 1). На графике видно несомненное преобладание категорий Труд, Свобода и Страдание. Это отражает фабулу романа. Труд значим не только для персонажей «Бедных людей», но и для самого автора. Молодой писатель достигает успеха упорной работой. Он оставляет выбранную для него отцом профессию военного инженера ради поприща литератора и постоянно строит свое бытие в соответствии с этим выбором.

Совокупность экзистенциальных мыслей, образов, представлений на момент создания романа «Преступление и наказание» зна-

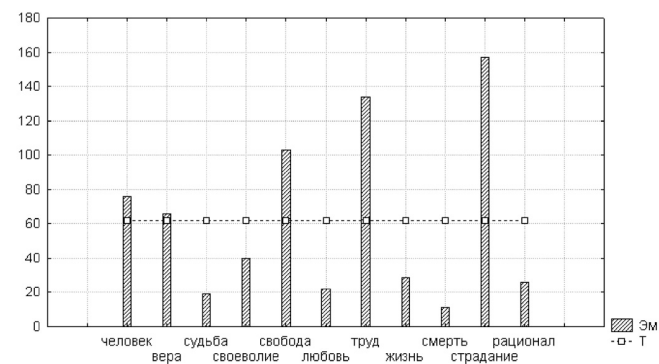

Рис. 1. Сравнение эмпирического распределения частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведении «Бедные люди», с теоретическим равномерным

чимо отличается от равномерного распределения ($\chi^2=654,9684$; $df=10$; $p=0,00000$), что также говорит о динамике сознания автора.

Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях Человек, Страдание, Вера, Рациональность (значимые категории) и Смерть, Судьба (незначимые категории) (см. рисунок 2). Наряду с повышением значения категории Человек присутствует повышение значения категорий Рациональность и Стра-

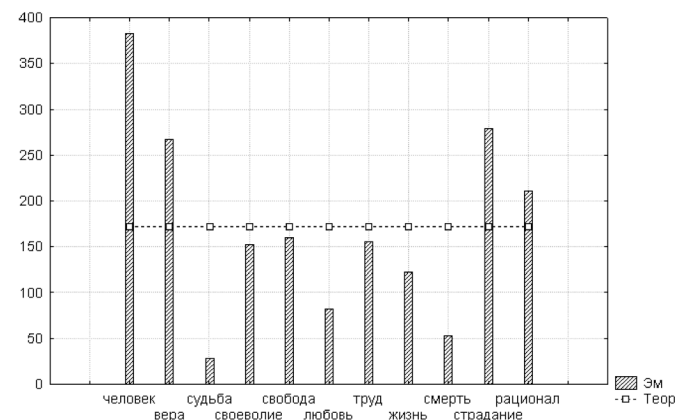

Рис. 2. Сравнение эмпирического распределения частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведении «Преступление и наказание», с теоретическим равномерным

дание. Это отражает проблематику романа «Преступление и наказание» – построение главным героем сверхценной идеи на благо людей, приводящей его к преступлению, и те идейные искания, которыми мучился сам писатель. Противоречивые тенденции, которые характерны для Достоевского в этот период: отвержение мира, полного зла и страдания, и невозможность насаждения добра силою.

Совокупность экзистенциальных мыслей, образов, представлений на момент создания романа «Братья Карамазовы» значимо отличается от равномерного распределения ($\chi^2=1550,735$; $df=10$; $p=0,00000$). Графически это представлено в виде значительной области расхождения в показателях Страдание, Вера, Человек (значимые категории) и Смерть, Судьба (незначимые категории) (см. рисунок 3). График выявляет намеченный уже на втором этапе рост значений категорий Страдание, Человек и Вера. Значение категории Рациональность значительно снижается. Это можно проинтерпретировать как дальнейшее укрепление христианских позиций в сознании Достоевского.

Высокий показатель категории Человек на всех этапах творчества писателя подтверждает гипотезу о том, что *Человек* является для Ф. М. Достоевского главной сущностью бытия как некая единица, вокруг которой и внутри которой сконцентрированы все главные вопросы. Творчество Достоевского глубоко антропологично, и основной проблемой его исследования является человек.

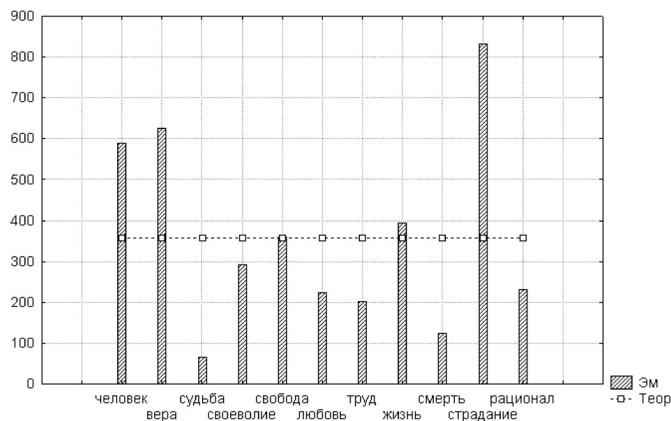

Рис. 3. Сравнение эмпирического распределения частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведении «Братья Карамазовы», с теоретическим равномерным

Сопоставление двух эмпирических распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведениях «Бедные люди» и «Преступление и наказание» ($\chi^2=176,4424$; $df=10$; $p<0,000000$) показало значимые различия. Это подтверждает гипотезу о наличии динамики в мировоззрении Достоевского от момента создания произведения «Бедные люди» до написания «Преступление и наказание». На рисунке 4 эти различия выражены в повышении значения категорий Человек, Вера, Рациональность. Это объясняется наличием в данном временном промежутке серьезных личностных кризисов (арест, гражданская казнь, каторга, смерть брата и жены), послуживших пересмотру его главных установок и ценностей. Значение труда существенно снижается. В произведениях главенствующую роль приобретают взаимоотношения человека с человеком, с миром, с Богом (отсюда высокий показатель значения категории Человек).

Динамику сознания Ф. М. Достоевского, отраженную в его творчестве, можно проследить и при сопоставлении двух распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям, в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» ($\chi^2=144,1720$; $df=10$; $p<0,00000$): они значимо различаются между собой. Их графическое отображение (см. рисунок 5) показывает повышение значения категорий Страдание, Вера и снижение значения категорий Рациональность и Человек.

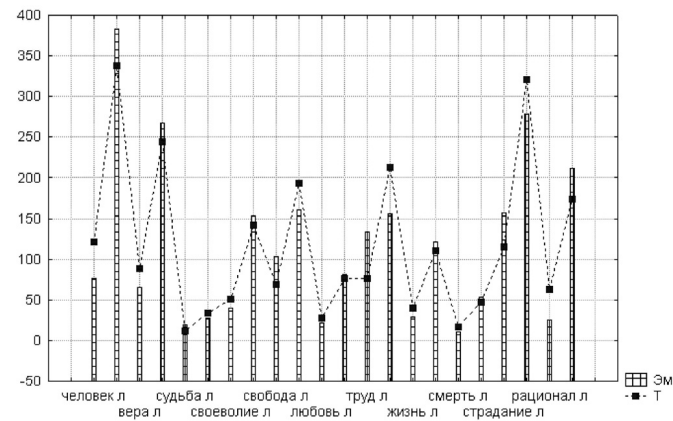

Рис. 4. Сравнение двух эмпирических распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведениях «Бедные люди» и «Преступление и наказание»

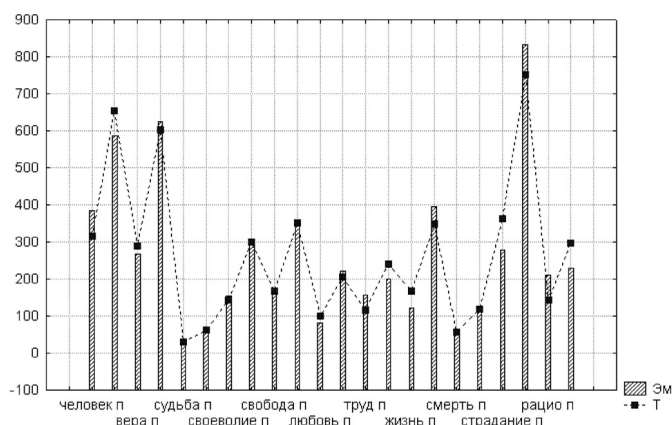

Рис. 5. Сравнение двух эмпирических распределений частот появления слов и выражений, относящихся к экзистенциальным категориям в произведениях «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы»

Вера для Ф. М. Достоевского на данном этапе приобретает важнейшее значение. Если на первом этапе она является приобретенной в процессе воспитания потребностью, то на втором проходит испытание веры противоречивыми тенденциями окружающей действительности. В мировосприятии писателя это отражается в повышении значимости категории Рациональность – возможное отражение поиска способов примирения добра и зла, проработка идейных допущений героев произведений и самого автора. На третьем же этапе появляется осознанное принятие Бога в образе Христа, что подтверждается при анализе показателя категории Страдание. Он на всех этапах творчества высок. Но если в «Бедных людях», на первом этапе, страдание осознается как следствие нужды и несправедливости мира, на втором – как добровольное страдание ради счастья другого человека (образ Сони Мармеладовой из романа «Преступление и наказание»), то на третьем – в образах Зосимы, Алеши Карамазова, в поэме «Великий инквизитор» – объективируется основная мысль Достоевского о страдании как искуплении греха мира и других людей; прообразом этих страданий являются страдания Христа. Страдание проходит красной нитью по всем его произведениям, за что И. А. Ильин назвал его мастером терзающего сердца (Ильин, 2006). Это характеризует Достоевского как глубоко чувствующего, эмоционального человека. Поиск веры сопровождает писателя на протяжении всей его жизни.

Можно отметить, наряду с выявленной динамикой, наличие ценностного ядра в сознании Ф. М. Достоевского, сохраняющегося на протяжении всего его творчества, в которое входят понятия Человек, Вера, Страдание (это подтверждается постоянно высокими значениями данных показателей).

Проведенный частотный анализ показал, что в сознании Ф. М. Достоевского совокупность экзистенциальных представлений, мыслей и идей менялась на протяжении всего его творчества. Распределение частот упоминания каждой категории значительно отличается от равномерного распределения в каждом произведении и при сравнении двух эмпирических значений, т. е. от произведения к произведению, что свидетельствует о динамике творчества и мировоззрения писателя.

Контент-анализ позволил выделить динамические смысловые структуры в сознании Достоевского: 1 этап – Страдание, Труд, Свобода; 2 этап – Человек, Страдание, Вера, Рациональность; 3 этап – Страдание, Вера, Человек. Было выявлено также и наличие ценностного ядра (Человек, Вера и Страдание). Таким образом, подтвердился факт, что личность писателя имеет свое выражение на каждом этапе творческого пути и открытие высших духовно-нравственных смыслов в сознании Ф. М. Достоевского совпадает с вершинами его творчества. Именно на последнем этапе, создавая роман «Братья Карамазовы», писатель достигает того духовного подъема, который позволяет ему подойти к открытию смысла человеческого существования. Для Ф. М. Достоевского он состоял в том, что «каждый человек несет ответственность за вину другого» (Достоевский, 1970, с. 230), что человек есть не средство, а цель, и только вера приближает человека к «вековечному» образу Христа как воплощению нравственного идеала. Следовательно, духовная компонента является системообразующим стержнем, объединяющим в себе все грани дарования писателя, примиряющим противоречия его личности, разрешающим ее внутренние конфликты и определяющим творчество писателя. И мы можем утверждать, что в природе гениальности Ф. М. Достоевского именно духовный критерий становится определяющим.

Психологический портрет Ф. М. Достоевского

На основе проведенного исследования жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского нами был составлен психологический портрет писателя.

В детстве это живой, очень впечатлительный и увлекающийся ребенок, проявляющий интерес к окружающему его миру людей, умеющий заражать своими идеями и имеющий значительное влияние на окружающих. Его психика отличалась большой подвижностью и восприимчивостью. С возрастом взрывчатость и импульсивность, характерные для Достоевского в детстве, постепенно отступают во внутренний план, проявляясь в ситуациях особо значимых, а на поверхности остается сдержанность и задумчивость, под влиянием жизненных обстоятельств перерастающая в скрытность и замкнутость. Несмотря на все эти особенности характера, он испытывает постоянную потребность в общении, имеет склонность к проповедничеству. Для Ф. М. Достоевского характерны: амбивалентность чувств, переживаний и стремлений, повышенная чувствительность к неудачам, тщеславие, честолюбие, но в то же время наивность, доверчивость, непрактичность, глубочайшее сострадание к людям и склонность к мучению, как себя, так и других людей, реалистичность в восприятии окружающего мира и в то же время страстное увлечение игрой, самобичевание и постоянное недовольство окружающими, подозрительность, щепетильность. Жизненные неудачи делают его желчным, злым и несдержанным, особенно к братьям по перу.

Эти качества в совокупности с самоуверенностью и огромным талантом позволили писателю оставаться в кругу самых известных литераторов даже после десятилетнего молчания. Как наследственную черту можно выделить в его характере вспыльчивость и ревнивость. Для писателя свойственна мнительность в отношении собственного здоровья, а также в отношении к людям, его окружающим. Она усугублялась тяжелыми условиями жизни и состоянием здоровья Достоевского. Но благодаря своему таланту, ставшему источником большой сопротивляемости, он до конца жизни сохранил «ядро личности», творческие способности, осознание своей болезни и критическое отношение к себе.

Основным увлечением в жизни писателя было изучение человека во всех аспектах его жизнедеятельности и его душевных исканиях. Мышлению Достоевского присущи тонкий и глубокий анализ, склонность к рефлексии. Творческий процесс протекал у него по-особому: он долгое время вынашивал свои замыслы, прорабатывал их внутри себя – и лишь затем воплощал на бумаге. Этот процесс был не только интеллектуальным, но и глубоко эмоциональным. Для писателя была характерна работа в постоянном «накале» и напряжении.

Достоевский был глубоко чувствующий, эмоциональный человек. Ему были присущи сострадательность к ближнему и готовность помогать всем нуждающимся. Поиск веры сопровождает писателя на протяжении всей его жизни. Человек, страдание и вера были главными категориями для Ф. М. Достоевского. Пересечение этих трех векторов помогло ему найти смысл человеческого существования. Пройдя через страдания, очистившись ими, человек может преодолеть присущий ему эгоизм, подняться до высших границ своего существования, понять и принять мир. Именно эта глубина была присуща самому писателю и нашла отражение в его творчестве.

В заключение можно констатировать, что творчество Ф. М. Достоевского отвечает критериям гениальности, выделенным в нашем исследовании. Это, прежде всего, *универсальность дарования*. Достоевский не только выдающийся писатель XIX века, но и мыслитель, идеи которого легли в основу русской религиозной и экзистенциальной философии. Размышления Достоевского о русском человеке можно рассматривать как воплощение православного сознания в определении ментальности русского народа. Бесспорен вклад Достоевского в познание внутреннего мира человека и развитие психологического знания в целом: он раскрывает такие феномены, как внутренний диалог, динамика состояний, состояние напряжения, поляризованность чувств или их амбивалентность, становление характера, роль «случайной семьи», возникновение душевной болезни как средство протеста, склонность к деспотизму; также интересны представленные им типы личности. Все это говорит о творчестве писателя как о всеобъемлющем, охватывающем многие вопросы бытия.

Несомненен вклад Ф. М. Достоевского в русскую и мировую литературу, отвечающий второму критерию гениальности – *высокое мастерство в определенной сфере деятельности*, – который подтверждается многими исследователями и почитателями таланта писателя. Значение творчества Ф. М. Достоевского состоит в постижении глубин человеческого бытия, в обращении к самым тонким и потаенным пластам человеческой души. С этой точки зрения мы можем говорить о том, что творчество Ф. М. Достоевского является «всечеловеческим».

Провидческий дар Ф. М. Достоевского состоит в том, что в своих произведениях он предсказал многое в развитии человечества XX столетия. Данный критерий подтверждается актуальностью и востребованностью его романов и в наше время как в России, так и за рубежом.

На примере Ф. М. Достоевского мы можем с уверенностью утверждать, что *духовность является основополагающим критерием* в определении гениальности. Нами было доказано, что Достоевский – высокодуховная личность, религиозный человек и гуманист, глубоко переживающий боль и страдания другого. Главным ценностным ядром его сознания являлись Человек, Страдание, Вера. Внутренние конфликты, присущие автору, выразились в его творчестве, динамика которого воссоздавала динамику трансформации жизненных смыслов в сознании писателя на протяжении всей его жизни. В его произведениях отразились экзистенциальные ценности и смыслы. Удивителен следующий факт, отмеченный Б. Г. Ананьевым: если Достоевский-писатель выразил в своем творчестве такую бездну человеческой души, то какая же бездна была сокрыта в Достоевском-человеке! (Ананьев, 1997).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что изучение гениальных личностей, их жизненного пути и творчества является насущной задачей психологии: в них сокрыто то духовное богатство, которое так необходимо современному обществу.

Литература

- Ананьев Б. Г. Достоевский и психология // Б. Г. Ананьев. Психология человека. Избранное. СПб., 1997. С. 79–89.
- Алекринский Б. С. О таланте и способностях (очерк о самовоспитании). М.: Знание, 1970.
- Выготский Л., Зиновьев П. Гениальность // Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Н. А. Семашко. В 35 т. М.: АО «Советская энциклопедия», 1929. С. 612–613.
- Гальтон Ф. Наследственность таланта: ее законы и последствия М.: Мысль, 1996.
- Гончаренко Н. В. Гении в искусстве и науке. М.: Искусство, 1991.
- Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч. В 17 т. Т. 14. М.: Наука, 1970.
- Дружинин В. Н. Психология способностей. Избр. труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

- Ильин И. А. Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2006.
- Кольцов Н. К. О потомстве великих людей // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М.: Старая Басманная, 2008. С. 203–211.
- Ландрам Дж. Четырнадцать гениев, которые ломали правила. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. URL: http://krotov.info/lib_sec/12_1/lap/shin_02.htm (дата обращения: 05.04.2012).
- Розанов В. В. О Достоевском // Библиотека «Вехи», 2000. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/dost.html> (дата обращения: 05.04.2012).
- Спивак М. Л. Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М.: Аграф, 2001.
- Холоднович Е. Н. Комплексный метод изучения исторических персоналий // Знание. Понимание. Умение. 2010а. № 1. С. 214–216.
- Холоднович Е. Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010б.
- Филиппченко Ю. А. Интеллигенция и таланты // Родословная гениальности: из истории отечественной науки 20-х гг. М.: Старая Басманная, 2008. С. 295–303.

РАЗДЕЛ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВОЗРАСТНОЙ И ЛИЧНОСТНЫЙ КОМПОНЕНТЫ

Н. Е. Харламенкова

Согласно Р. Стернбергу, имплицитные и эксплицитные концепции интеллекта конструируются разными способами, однако, несмотря на различия в их построении и в процедурах, направленных на проверку концепции на истинность, общая структура, описывающая часть психической реальности, оказывается схожей, так, что они взаимно дополняют друг друга в объяснении одного и того же психического явления. Этот вывод касается в том числе и феномена психологической безопасности, который может быть изучен средствами построения и проведения научного исследования, а также способами, направленными на выявление социальных представлений о безопасности. Нередко бывает так, что имплицитная концепция конструируется раньше эксплицитной, тем самым обоснованно ограничивая область научных гипотез, формулировка которых необходима для проверки эксплицитной теории на истинность. Именно такой принцип исследования был выбран нами для организации исследования, направленного на анализ психологической безопасности личности. В настоящей работе обсуждаются результаты построения имплицитной концепции психологической безопасности.

Актуальность исследования проблемы психологической безопасности очевидна, поскольку определяется условиями современной жизни, достаточно интенсивной по уровню активности, а также потребностью науки в создании общей теоретической модели безопасности.

Современные работы по проблеме безопасности личности касаются широкого круга вопросов. В частности, принято обсуждать внешние (степень трудности ситуации, длительность воздействия стрессоров, значимость последствий совладания с проблемной ситу-

ацией, возможность/невозможность обращения за помощью и др.) и внутренние факторы (тревожность, тип привязанности, уровень интеллекта, агрессивность), влияющие на появление ощущения опасности. Специальное внимание уделяется ранним детско-родительским отношениям, определяющим стабильность переживания личностью чувства безопасности, устойчивость которого до некоторой степени независима от типа ситуации (Dickstein, 1999; Schwebel, Brezausek, 2007; Szapocznik, Prado, 2007; Morrongiello, Corbett, Bellissimo, 2008).

Следует учесть и тот факт, что признаки психологической безопасности варьируют от возраста к возрасту. Однако можно выделить и универсальные характеристики безопасности, которые являются инвариантами. Согласно Дж. Боулби, чувство безопасности достигается посредством установления надежной привязанности между родителями и детьми (Боулби, 2003). С. Гольдберг, Дж. Грушек и М. Дженкинс (Goldberg, Grusec, Jenkins, 1999) показали, что центральным конструктом привязанности является *защита*, которая по существу и обеспечивает личную безопасность ребенка. Понимание привязанности как защиты разделяется и другими авторами, которые считают, что защита должна рассматриваться не в общем виде, например, в таком, как «хорошее родительство», но изучаться дифференцированно (Isabella, 1999). Дифференцированный подход к привязанности как к защите предполагает выделять в ней отдельные характеристики – любовь и доверие (love and confidence). По мнению К. Макдональд (MacDonald, 1999), эти два конструкта являются независимыми системами, выполняют разные функции, сопровождаются разными эмоциональными переживаниями.

Предлагая собственную *теоретическую модель* психологической безопасности, мы выделяем в ней следующие составляющие:

1) цели стремления к безопасности:

- самосохранение;
- защита;
- свобода;

2) состояние безопасности и его свойства:

- спокойствие, равновесие, стабильность, комфорт;
- защищенность;
- радость, счастье;
- уверенность;

3) условия безопасности, ресурсы:

- социальный ресурс – надежное окружение;
- интеллектуальный ресурс – ум, компетентность, знания;
- личностный ресурс – жизненный опыт, ответственность;
- физический ресурс – личная территория, сила, здоровье;

4) способы достижения безопасности:

- контроль ситуации;
- соблюдение правил;
- привлечение внешних средств – обращение за помощью к властям, применение средств защиты, наличие места, где можно спрятаться;

5) возможные нарушения безопасности:

- угрозы;
- реальная опасность;
- страх.

Предполагается, что психологическая безопасность чаще всего описывается в категориях «средство достижения безопасности» и «условие достижения безопасности». Индивидуальные различия между людьми в представлении о безопасности касаются описания состояния безопасности, целей и нарушений этого состояния. Наряду с универсальностью представлений о безопасности, а также с явной возрастной специфичностью этого ощущения, следует указать на различия, обусловленные личностными особенностями, т. е. индивидуальным опытом субъекта. Универсальность представлений о безопасности, возрастная и личностная специфичность выступают в настоящем исследовании предметом научного анализа.

В исследовании приняли участие 423 чел. в возрасте от 18 до 55 лет (132 чел. в возрасте 18–26 лет, из них 72 чел. – мужчины, 60 чел. – женщины; 157 чел. в возрасте 27–40 лет, из них 71 чел. – мужчины, 86 чел. – женщины; 134 чел. в возрасте 45–55 лет, из них 62 чел. – мужчины, 72 чел. – женщины). Выборка была уравнена по половому признаку: в исследовании приняли участие 205 мужчин и 218 женщин разного возраста¹.

1 Представления о безопасности в группах мужчин и женщин проанализированы в статье А. С. Логвиненко, А. Д. Москвина «Различия в представлениях о безопасности у мужчин и женщин разного возраста», опубликованной в настоящем сборнике.

Методика исследования

Мы использовали анкету, которая включила в себя список из 60 слов, наиболее часто ассоциирующихся со словом «безопасность» (например, «контроль ситуации», «мудрость», «физическая подготовка, сила»). Слова-ассоциации были выбраны в ходе самостоятельного исследования, проведенного группой, в которую вошли: Н. Е. Харламенкова (руководитель группы), Л. Х. Ароян¹, О. А. Благова², А. И. Шипигузова³, О. С. Бондарь⁴. В качестве одного из заданий предварительного этапа исследования предлагалось назвать ассоциации на слово «безопасность». Вследствие включенности испытуемых в определенную экспериментальную ситуацию (Харламенкова, 2011), ассоциации имели не лингвистическое, а психологическое значение.

В настоящем исследовании респондентам необходимо было определить степень близости ассоциации к слову «безопасность» в соответствии с пятибалльной шкалой, значения которой распределялись от +2 (самая близкая связь) до –2 (связь между словом «безопасность» и ассоциацией слабая или отсутствует) со значением 0 в центре шкалы.

Анализ результатов

Общее представление о безопасности

На каждой возрастной выборке были определены признаки, которые однозначно приписываются состоянию безопасности. Для этой цели во всех трех возрастных группах по каждому из 60 слов высчитывались суммы положительных (+2 и +1) и отрицательных (–2 и –1) значений, учитывались и суммы баллов по показателю «0». Затем

- 1 Ароян Л. Х. «Чувствительность личности к угрозе и ее связь с особенностями организации идентичности и суверенностью психологического пространства» (магистерская работа, ГАУГН, 2011).
- 2 Благова О. А. «Переживание безопасности и его связь с суверенностью психологического пространства личности» (дипломная работа, ГАУГН, 2011).
- 3 Шипигузова А. И. «Суверенность андрогинной личности и ее связь с личной безопасностью» (дипломная работа, МОСА, 2011).
- 4 Бондарь О. С. «Социальные представления о личной безопасности у мужчин и женщин разного возраста» (дипломная работа, ГАУГН, 2011).

отдельно для положительных, отрицательных и нулевых значений (сумм) определяли нижний и верхний квартили. Слово-ассоциацию, значение суммы баллов по которому со знаком плюс попадало в верхний квартиль, а со знаком минус – в нижний квартиль, рассматривали как точный признак психологической безопасности. Слово-ассоциацию, значение суммы баллов по которому со знаком минус попадало в верхний квартиль, а со знаком плюс – в нижний квартиль, рассматривали как случайный показатель, который делает минимальный вклад в общее представление о безопасности. Высокие значения по показателю «0» при равных суммах баллов с положительным и отрицательным знаком рассматривали как показатель, по которому наблюдается наибольший разброс, что может быть следствием влияния личностных особенностей.

На первом этапе анализа результатов выделили ассоциации, которые во всех трех группах описывают психологическую безопасность с высокой частотой (9 слов-ассоциаций). Самую большую сумму баллов набрала ассоциация «контроль ситуации», затем по мере убывания – «самосохранение», «уверенность в себе», «здоровье», а также «владение информацией», «жизненный опыт, опытность», «надежные друзья, верность», «уверенность в окружении» и «защита, защищенность». В целом можно сказать, что в общих признаках безопасности нашли отражение: 1) характеристика состояния: защищенность, уверенность; 2) цель достижения безопасности: самосохранение, здоровье; 3) средства достижения безопасности: контроль, жизненный опыт; 4) условия безопасности: надежное окружение, владение информацией.

В качестве дополнительных и высокочастотных признаков безопасности, выявленных у части выборки (у двух любых возрастных групп из трех), были выделены: у 18–26 и 27–40-летних респондентов: «дом, жилье», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «равновесие, стабильность»; у 27–40 и 45–55-летних респондентов: «надежность», «компетентность, ум» и «надежный спутник, опора»; у 18–26 и 45–55-летних респондентов – «поддержка, помощь».

Частыми, характеризующими только одну из трех возрастных групп, ассоциациями были: у 18–26-летних респондентов – «средства самообороны», «мир в стране»; у 27–40-летних респондентов – «личная территория»; у 45–55-летних – «мудрость», «порядок, соблюдение норм, правил», «активность, скорость реакции», «избегание опасных ситуаций». Из этого следует, что для молодых людей большое значение в понимании и достижении безопасности имеет внешне бла-

гополучие, для периода средней взрослости – личное пространство, суверенность территории, для более взрослых людей – внутренние ресурсы, знание правил и избегание опасности. Можно предположить, что изменение представлений о безопасности происходит в направлении от ориентации на внешние средства к развитию внутренних возможностей.

«Неудачные» ассоциации, отвергаемые большинством респондентов как возможные дескрипторы психологической безопасности, представляют собой небольшую группу слов. Это – «уход в мечты, фантазии», «отстраненность от реальности (медитация, увлеченность и др.)», «воспоминания о детстве», «талисманы, обереги». За исключением одной ассоциации – «единение с природой», отвергаемой респондентами 18–26 лет, возрастные различия в ассоциациях, выбираемых редко, выявлены не были.

Для упорядочивания данных по 9 общим показателям был проведен факторный анализ. Для определения числа факторов применялся критерий отсеивания Р. Кеттела (Наследов, 2006). С этой целью строились графики собственных значений факторов. Количество факторов определялось по точке перегиба на графике собственных значений до его выхода на прямую после резкого спада, при этом, если точку перегиба обозначить К, то можно выделить количество факторов, равное К–1, К и К+1. Мы использовали критерий К.

Выделилось два фактора, объясняющие 43% дисперсии:

- 1) «*опытность, информированность*» (26%) – «контроль ситуации» (0,8), «жизненный опыт, опытность» (0,7), «владение информацией» (0,7);
- 2) «*позитивное окружение*» (17%) – «уверенность в окружении» (0,8), «надежные друзья, верность» (0,7), «защита, защищенность» (0,7).

Дополнение списка из 9 ассоциаций словами, которые также часто выбираются разными возрастными группами как признаки безопасности, несколько изменило эмпирическую модель безопасности. Факторизация 17 показателей позволила выделить 3 фактора, объясняющие 40% дисперсии (см. таблицу 1):

- 1) «*позитивное окружение*» (22,1%) – «надежный спутник, опора» (0,7), «дом, жилье» (0,63), «поддержка, помощь» (0,62), «защита, защищенность» (0,6), «уверенность в окружении» (0,5), «надежные друзья, верность» (0,5);

- 2) «*опытность, информированность*» (11,4%) – «контроль ситуации» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,6), «физическая подготовка, сила» (0,6), «владение информацией» (0,6);
- 3) «*внутренний комфорт*» (6,8%) – «равновесие» (0,7), «надежность» (0,6).

Обсуждая полученные результаты, можно отметить, что психологическая безопасность в основном ассоциируется со средствами, способами ее достижения и с условиями, и редко – с описанием самого состояния. Возможно, это связано с тем, что состояние комфорта быстротечно, неустойчиво, и сама жизнь сопряжена с опасностью, риском, с поиском нового, неизвестного. В качестве условий безопасности называются социальные, личностные и интеллектуальные ресурсы, а в качестве средств достижения – контроль и физическая подготовка. Вследствие того, что психологическая безопасность ассоциируется с активным достижением равновесного состояния или состояния защищенности, средства, позволяющие отстраняться от реальности (уход в мечты, медитация, воспоминания о детстве, талисманы, обереги), не признаются ведущими к безопасности.

Представление о безопасности: возрастной компонент

Некоторая возрастная специфика обнаружилась уже при анализе общего представления о безопасности. Для более точного и детализированного анализа вклада возрастного компонента в представление о психологической безопасности был проведен анализ данных отдельно в каждой возрастной группе.

Период юности и ранней взрослости (18–26 лет)

Слова, наиболее часто выбираемые респондентами этого возраста как подходящие для оценки психологической безопасности, объединились в группу из 17 дескрипторов: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «дом, жилье», «надежность», «поддержка, помощь», «средства самообороны», «жизненный опыт, опытность», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «свобода», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «мир в стране», «владение информацией», «здоровье», «уверенность в окружении». Ранее было показано, что специфическими для этой группы ассоциациями являются «средства самообороны» и «мир в стране».

Факторизация 17 показателей позволила объяснить 53% дисперсии и выделить 5 факторов (см. таблицу 1):

- 1) «*позитивное окружение*» (20%) – «поддержка, помощь» (0,7), «защита, защищенность» (0,7), «дом, жилье» (0,6), «мир в стране» (0,6), «уверенность в окружении» (0,6);
- 2) «*широта возможностей, ресурсы*» (9%) – «здоровье» (0,7), «наличие денег» (0,6), «свобода» (0,5);
- 3) «*физическая готовность*» (9%) – «средства самообороны» (0,8), «физическая подготовка, сила» (0,7);
- 4) «*опытность*» (8%) – «жизненный опыт, опытность» (0,7), «контроль ситуации» (0,6), «надежные друзья, верность» (0,5);
- 5) «*информированность*» (7%) – «владение информацией» (0,8), «уверенность в себе» (0,6).

У молодых людей общее представление о безопасности связано с позитивным социумом, от которого ожидают защиты и который ассоциируется не только с ближайшим окружением, но и с миром в целом. Небольшое место в представлениях о безопасности отводится опытности и информированности. Специфическими для возрастной группы являются факторы «широта возможностей, ресурсы» и «физическая готовность». В совокупности с первым фактором они показывают, что для молодых людей важную роль в понимании безопасности играют внешние средства, при этом к внутренним возможностям относят состояние здоровья, физическую подготовку и свободу, которую можно трактовать по-разному. Одной из возможных интерпретаций выбора ассоциации «свобода» может быть следующее объяснение: освобождение от социального давления, – прежде всего, от контроля со стороны родителей и других взрослых, свобода от ограничений, правил, стереотипов. Само состояние безопасности характеризуется как состояние защищенности. В таблице 1 представлены результаты факторного анализа, проведенного на всей выборке и на данных отдельных возрастных групп.

Период средней взрослости (27–40 лет)

В этом возрасте с психологической безопасностью часто ассоциируются следующие 16 признаков: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «дом, жилье», «надежность», «жизненный опыт, опытность», «наличие денег», «физическая подготовка, сила»,

Таблица 1
Представление о психологической безопасности
(система факторов)

Фактор	Вся выборка	Возрастные группы		
	18–55 лет	18–26 лет	27–40 лет	45–55 лет
1	позитивное окружение	позитивное окружение	опытность, информированность	позитивное окружение
2	опытность, информированность	широта возможностей, ресурсы	надежное жилище	опытность
3	внутренний комфорт	физическая готовность	позитивное окружение	избегание опасности
4		опытность	широта возможностей, ресурсы	информированность
5		информированность		

Примечание: факторы располагаются в последовательности от фактора с большим собственным значением к фактору с меньшим собственным значением.

«личная территория», «равновесие, стабильность», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «владение информацией», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «здоровье», «уверенность в окружении».

Как было показано выше, специфическими и наиболее выраженными для данной группы ассоциациями являются «личная территория», «равновесие, стабильность», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «надежность». По сравнению с группой 18–26-летних респондентов, менее значимыми становятся ассоциации «поддержка, помощь», «свобода», «мир в стране». Появление новых признаков психологической безопасности указывает на усложнение эмпирической модели безопасности: кроме обозначения способов и условий достижения безопасности, дается характеристика состояния как состояния равновесия, стабильности, и она отличается от представления о безопасности у молодых людей.

Факторный анализ позволил выделить 4 фактора (52% объясняемой дисперсии):

- 1) «*опытность, информированность*» (24%) – «жизненный опыт, опытность» (0,8), «физическая подготовка, сила» (0,7), «владение

ние информацией» (0,7), «контроль ситуации» (0,7), «компетентность, ум» (0,7);

- 2) «надежное жилище» – «дом, жилье» (0,7), «уверенность в себе» (0,6), «надежность» (0,6), «защита, защищенность» (0,5);
- 3) «позитивное окружение» (9,3%) – «надежные друзья, верность» (0,7), «уверенность в окружении» (0,7);
- 4) «широта возможностей, ресурсы» (7%) – «равновесие, стабильность» (0,8), «наличие денег» (0,7), «личная территория» (0,6), «здоровье» (0,5).

В отличие от представлений молодых людей, безопасность рассматривается людьми среднего возраста не только как защищенность, но и как спокойствие, равновесие. Наиболее значимыми условиями безопасности становятся суверенность пространства, жизненный опыт и информированность, знания. Можно сказать, что люди этого возраста для достижения чувства безопасности начинают обращаться к собственным ресурсам – личностным, интеллектуальным.

Период зрелости (45–55 лет)

В возрасте 45–55 лет с психологической безопасностью наиболее часто ассоциируются 17 признаков: «контроль ситуации», «уверенность в себе», «самосохранение», «мудрость», «надежность», «поддержка, помощь», «жизненный опыт, опытность», «порядок, соблюдение норм», «защита, защищенность», «надежные друзья, верность», «владение информацией», «активность, скорость реакции», «компетентность, ум», «надежный спутник, опора», «здоровье», «уверенность в окружении», «избегание опасных ситуаций».

Специфическими для группы 45–55 лет являются такие дескрипторы, как «мудрость», «порядок, соблюдение норм», «активность, скорость реакции», «избегание опасных ситуаций»; опять возникает ассоциация «поддержка, помощь» (как у группы 18–25-летних респондентов). Для обеспечения психологической безопасности снижается ценность таких средств, как «дом, жилье», «наличие денег», «физическая подготовка, сила», «личная территория».

Следует отметить, что личная ответственность в сохранении и достижении чувства безопасности становится наиболее выраженной. Прежде всего, наблюдается уменьшение вклада в представление о безопасности конструктов «дом», «личная территория», «средства самообороны», «власть» и увеличение сугубо личност-

ных и субъектных качеств, таких как мудрость и ответственность. Потребность в поддержке увеличивается, однако реализуется она иначе, чем в представлениях группы людей 18–26 лет. Социальное окружение сужается и персонифицируется.

Факторный анализ позволил выделить 4 фактора, объясняющих 49% дисперсии:

- 1) «позитивное окружение» (21%) – «надежные друзья, верность» (0,8), «надежный спутник, опора» (0,7), «уверенность в окружении» (0,6), «защита, защищенность» (0,6), «здоровье» (0,5), «поддержка, помощь» (0,5);
- 2) «опытность» (12%) – «мудрость» (0,7), «жизненный опыт, опытность» (0,7), «контроль ситуации» (0,6), «уверенность в себе» (0,6), «надежность» (0,5);
- 3) «избегание опасности» (9%) – «избегание опасности» (0,8), «порядок, соблюдение норм» (0,7), «самосохранение» (0,4);
- 4) «информированность» (7%) – «активность, скорость реакции» (0,7), «владение информацией» (0,6), «компетентность, ум» (0,43).

На первый взгляд, фактор «позитивное окружение» у группы молодых людей идентичен такому же фактору у 45–55-летних респондентов. На самом деле это не совсем так. У молодежи наибольший вес в этом факторе имеют переменные «поддержка, помощь» и «защита, защищенность». В возрасте же 45–55 лет наибольший вес приходится на переменные «надежные друзья, верность» и «надежный спутник, опора», а защита и поддержка хотя и остаются, но занимают уже вторые места. Эмпирическая модель дополняется еще одной важной составляющей теоретической модели, называемой «возможные угрозы безопасности». Вследствие того, что анкета использовалась для оценки психологической безопасности, в нее не были включены пункты, связанные с угрозами. Тем не менее, выбор переменных «отсутствие угроз», «избегание опасных ситуаций», «отсутствие тревоги, страха» косвенно указывает на близость конструктов «безопасность» и «опасность», что и проявилось в представлениях людей старшего возраста.

Сопоставляя общее представление о психологической безопасности с представлениями людей разного возраста, отметим, что значительное место всегда занимает фактор «позитивное окружение», выступая в качестве одного из важнейших условий переживания чувства безопасности. Очевидна возрастная динамика этого фактора. В молодом возрасте социальный ресурс представлен очень широко

и не персонифицирован. Это – и мир в целом, и общество в целом. В среднем возрасте социальные условия безопасности становятся менее ценными, они вытесняются личностными и интеллектуальными ресурсами, а также стремлением организовать свое пространство. В более позднем возрасте социальный ресурс опять становится главенствующим, но качественно перестраивается. «Позитивное окружение» персонифицируется и наряду с фактором «опытность» делает основной вклад в социальное представление о психологической безопасности. Факторный анализ не позволил разделить условия и способы достижения психологической безопасности. Однако он хорошо дифференцирует разные условия (ресурсы) безопасности – социальные, интеллектуальные, личностные и физические, что находит отражение в общевыборочной эмпирической модели психологической безопасности, в которой первые два фактора указывают, соответственно, на социальный и личностно-интеллектуальный ресурс, т. е. на условия безопасности, а третий фактор – на состояние безопасности, которое характеризуется как равновесное и надежное.

Представление о безопасности: личностный компонент

Общее и особенное в представлении о психологической безопасности можно рассматривать как основу для создания эмпирической модели безопасности. Однако она будет иметь неполный вид, если в ней найдет отражение только возрастная специфика данных представлений. В ходе обработки результатов было установлено правило, в соответствии с которым отбирались переменные, выступающие маркерами личностных особенностей. Такими переменными были слова-ассоциации, по которым наблюдался наибольший разброс в оценках этих ассоциаций (от –2 до +2) как показателей психологической безопасности¹. Анализ данных в трех возрастных группах позволил выделить общие, независимые от возраста, и частные,

1 Суммы положительных (1+2) и отрицательных оценок [–1+(–2)] оказывались приблизительно равными. Для сравнения можно привести следующий пример: сумма положительных оценок переменной «контроль ситуации» как показателя психологической безопасности по всей выборке (n=423) была равна 394 баллам, сумма отрицательных – 21 баллу, нулевых – 8 баллам, тогда как сумма положительных оценок переменной «поддержка отца» была равна 183 баллам, сумма отрицательных – 158 баллам, нулевых – 82 баллам.

Таблица 2

Слова-ассоциации, выступающие признаками индивидуальных различий в представлении о психологической безопасности

	Слова-ассоциации	Общая выборка	18–26 лет	27–40 лет	45–55 лет
1	бункер, бомбоубежище	+	+	+	+
2	безмятежность, легкость	+	+	+	+
3	поддержка отца	+	+	+	+
4	общительность, открытость	+	+	+	+
5	жесткость, напористость	+	+	+	+
6	обращение к Богу, религии	+	+	+	+
7	везение, удача		+	+	
8	надежда на лучшее		+	+	
9	единение с природой			+	+
10	госбезопасность: власть, органы правопорядка			+	+
11	радость			+	+
12	ответственность, долг		+		
13	осторожность, отказ от риска		+		
14	родители				+
15	душевное тепло				+
16	поддержка мамы				+
	Всего	6	10	11	12

Примечание: знаком (+) обозначены слова-ассоциации, по которым наблюдается наибольший разброс в оценках безопасности в целом по выборке (см. колонку «Общая выборка») или по отдельным возрастам (см. колонки «18–26 лет», «27–40 лет», «45–55 лет»).

сопряженные с возрастом, характеристики, имеющие наибольшую вариабельность в группе и выступающие метками индивидуально-психологических различий. Первые шесть слов-ассоциаций сохраняют наибольший разброс в ответах всей выборки в целом и, соответственно, в каждом из исследуемых возрастов. Остальные десять вариативны только в определенном возрасте (см. таблицу 2).

Анализ каждого из слов вряд ли позволил бы воссоздать общую картину личностной вариативности представлений респондентов о безопасности с учетом и без учета возраста. Поэтому был проведен факторный анализ данных для того, чтобы определить наиболее нагруженные факторы и, соответственно, переменные второго порядка, обозначающие область личностных различий.

В результате факторизации первых шести переменных, проведенной на данных, полученных на всей выборке, выделились факторы, объясняющие 46% дисперсии:

- 1) «поддержка Отца»¹ (28%) – «обращение к Богу, религии» (0,7), «поддержка отца» (0,6), «безмятежность, легкость» (0,6), «общительность, открытость» (0,5);
- 2) «защитная агрессия» (18%) – «жесткость, напористость» (0,8), «бункер, бомбоубежище» (0,8).

Поскольку переменные коррелируют между собой внутри факторов, то можно сказать, что при значительной поддержке отца достигается психологическая безопасность, которая оценивается через показатели безмятежности и общительности, т. е. показатели внутренней свободы личности. Чем больше в отцовской фигуре представлена фигура Великого Отца, тем меньше психологическая безопасность ассоциируется с защитной, оборонительной агрессией, и наоборот: чем меньше в реальной фигуре отца архетипического, тем чаще появляется ощущение защитной агрессии. Отрицание поддержки отца делает человека замкнутым, напряженным, т. е. не чувствующим свою безопасность.

Более детальный анализ данных, учитывающий индивидуальные различия, был проведен в каждой возрастной группе отдельно.

Период юности и ранней взрослости (18–26 лет)

В группе респондентов 18–26 лет дополнительно к шести общим переменным (см. таблицу 2), по которым был получен наибольший разброс в оценках, добавились: «везение, удача», «надежда на лучшее», «ответственность, долг», «осторожность, отказ от риска». Проведенный факторный анализ позволяет выделить три фактора (48% дисперсии):

- 1) «поддержка Отца» (23%) – «обращение к Богу, религии» (0,7), «поддержка отца» (0,7), «надежда на лучшее» (0,6), «везение, удача» (0,6);
- 2) «осторожность» (14%) – «осторожность, отказ от риска» (0,7), «безмятежность» (–0,7);

1 Фактор был назван именно так – «поддержка Отца», вследствие того что слово «Отец» символизировало не только реального отца, но и Бога-Отца, покровителя, защитника, учителя.

- 3) «защитная агрессия» (11%) – «жесткость, напористость» (0,7), «бункер, бомбоубежище» (0,6), «общительность» (0,7), «ответственность» (0,4).

Наибольший разброс в представлениях о безопасности в группе 18–26-летних людей обусловлен оценкой роли отца в поддержке личностной безопасности. Оказалось, что чем больше ощущение этой поддержки, тем увереннее ощущает себя человек, тем меньше чувство угрозы. И наоборот, чем более негативно оценивается вклад отца в поддержку психологической безопасности, тем более беззащитным, беспомощным оказывается человек. Полученный результат можно объяснить, используя разные интерпретационные схемы. Одна из них, с нашей точки зрения, наиболее простая, опирается на очевидный факт, согласно которому большинство людей воспринимает мужчину как «воина» и «защитника», и именно поэтому с ним связывают функции обеспечения безопасности близких. Другая интерпретация строится не на житейских, а на научных доводах и состоит в том, что мужчина, прежде всего как отец, «разбивает» симбиотические отношения ребенка с матерью, способствуя развитию его автономии. С этой точки зрения он вряд ли воспринимается как защитник, поскольку разрушает сложившуюся идиллию. Однако если отнестись к данной интерпретации более внимательно, то оказывается, что именно в этом случае активная позиция отца в большей степени, чем его защищающая позиция, направлена на развитие у ребенка чувства безопасности. Разрушая симбиоз с матерью, отец способствует актуализации у ребенка собственных, внутренних способов защиты от опасности, в том числе и от опасности стать объектом ожиданий и проекций матери. Й. Шторк пишет, что «важнейшая задача отца... состоит в том, чтобы разрушить диаду матери и ребенка, воспрепятствовать истощению ребенка в дуальных отношениях и с помощью отцовских запретов заставить его обратиться к реальности и к другим людям» (Шторк, 2001, с. 185), хотя, конечно, как отмечает автор, «отцовскому запрету должны предшествовать любовь к отцу и базальное доверие к отцовскому принципу» (там же, с. 192).

Период средней взрослости (27–40 лет)

В группе 27–40-летних респондентов к шести общим для всей выборки переменным, по которым наблюдается наибольший разброс (см. таблицу 2), добавляются «везение, удача», «надежда на лучшее»,

«госбезопасность: власть, органы правопорядка» и «радость». Проведенный факторный анализ позволяет выделить четыре фактора (62% дисперсии):

- 1) «переживание состояния безопасности» (27%) – «радость» (0,8), «общительность, открытость» (0,8), «безмятежность, легкость» (0,7);
- 2) «открытость миру» (14%) – «надежда на лучшее» (0,8), «обращение к Богу, религии» (0,6), «единение с природой» (0,5);
- 3) «защитная агрессия» (11%) – «бункер, бомбоубежище» (0,9), «жесткость, напористость» (0,5);
- 4) «поддержка отца» (10%) – «поддержка отца» (0,7), «везение, удача» (0,7), «госбезопасность: власть, органы правопорядка» (0,7).

Общее представление о безопасности в этот возрастной период (см. таблицу 1) существенно отличается от общего представления о безопасности у 18–26-летних людей. Более молодые респонденты ассоциировали безопасность с социальными средствами достижения этого состояния («позитивное окружение»), люди в возрасте 27–40 лет – с интеллектуальными и личностными средствами («опытность, информированность»). Помимо установленных различий в общем представлении о безопасности, были выявлены различия и в индивидуальных характеристиках безопасности, которые в настоящем исследовании определялись с помощью переменных с наибольшим разбросом в оценках. Для 18–26-летних респондентов таким дифференцирующим выборку фактором оказался фактор «поддержка отца», а для 27–40-летних респондентов – фактор «переживание состояния безопасности» как состояния радости, безмятежности, легкости и общительности. Оказалось, что люди, способные описать состояние безопасности и, по-видимому, имевшие такой опыт переживаний, используют разные ресурсы для его достижения, более открыты миру, склонны ему доверять и в целом оценивают свое окружение позитивно. Почему именно в этом возрасте возникают индивидуальные различия в наличии или отсутствии опыта переживания безопасности на фоне общего представления об этом переживании как активно достигаемом состоянии? Думается, что разотождествление с родителями и ослабление влияния фактора «поддержка отца» (на дифференциацию выборки на группы) приводит к тому, что человек оказывается способным самостоятельно регулировать свои контакты с миром, испытывая от этого удовольствие. Умение испытывать истинное удовольствие (счастье,

радость) является, согласно Э. Фромму, доказательством частичного или полного успеха в «искусстве жизни», ответной реакцией «всей личности на плодотворную ориентацию по отношению к самому себе и к внешнему миру» (Фромм, 1998, с. 602).

Период взрослости (45–55 лет)

Общее представление о безопасности в возрасте 45–55 лет, как отмечалось выше, определяется ведущим фактором «позитивное окружение», однако, в отличие от молодых людей 18–26 лет, в этой группе респондентов надежность окружения соотносится с конкретными людьми, сужается и персонифицируется. Индивидуальные различия обуславливаются фактором «переживание состояния безопасности». Для проведения факторного анализа к общим для всей выборки переменным, по которым получили наибольший разброс в оценках, добавили: «единение с природой», «госбезопасность: власть, органы правопорядка», «радость», «родители» «душевное тепло», «поддержка мамы» (см. таблицу 2). Выделили четыре фактора (61% дисперсии):

- 1) «переживание состояния безопасности» (29%) – «единение с природой» (0,8), «душевное тепло» (0,8), «общительность, открытость» (0,6), «обращение к Богу, религии» (0,5);
- 2) «поддержка родителей» (13%) – «поддержка родителей» (0,8), «поддержка отца» (0,8), «поддержка мамы» (0,8);
- 3) «защитная агрессия» (11%) – «жесткость, напористость» (0,8), «бункер, бомбоубежище» (0,6), «госбезопасность: власть, органы правопорядка» (0,5);
- 4) «позитивные эмоции» (8%) – «безмятежность, легкость» (0,9), «радость» (0,8).

Полученные данные близки к результатам 27–40-летних респондентов, однако опыт переживания безопасности расширяется и переносится на мир в целом. Оказалось, что фактор «переживание состояния безопасности» разделяет выборку на подгруппы и в целом указывает на наличие или отсутствие у людей глобального чувства безопасности, в котором отражены особенности их индивидуальной истории и их отношение к истории человечества вообще.

Проведенное исследование было направлено на анализ имплицитных представлений о безопасности, которые, как известно, не про-

Таблица 3

Ведущие факторы, обуславливающие различия между респондентами в представлении о психологической безопасности

По всей выборке (18–55 лет)	18–26 лет	27–40 лет	45–55 лет
поддержка отца	поддержка отца	переживание состояния безопасности	переживание состояния безопасности
защитная агрессия	осторожность	открытость миру	поддержка родителей
	защитная агрессия	защитная агрессия	защитная агрессия
		поддержка отца	позитивные эмоции

Примечание: наибольший вклад в различия делают факторы, занимающие верхнюю строчку в каждой колонке.

тиворечат эксплицитным представлениям об изучаемом феномене. Главная стратегия исследования состояла в том, что были разделены общие, сопряженные с возрастом, представления о безопасности и факторы, которые определяют индивидуальные различия в представлениях внутри каждого из трех обследуемых возрастов.

Общими, часто выбираемыми словами-ассоциациями оказались 9 признаков, которые можно рассматривать как ядерные признаки безопасности. Для большинства респондентов целью достижения этого состояния являются самосохранение и здоровье, средствами его достижения – контроль ситуации и жизненный опыт, условиями – надежное окружение и владение информацией, а само состояние безопасности описывается как защищенность и уверенность. Из этого следует, что безопасность является базовой личностной потребностью, удовлетворение которой обеспечивает человеку сохранение жизни. Контроль, владение информацией и жизненный опыт в совокупности представляют собой попытку защитить свою суверенность, прежде всего, обладая определенными знаниями и выбирая надежное окружение.

Возрастные различия в описании состояния безопасности проявились в разной степени значимости ориентации на позитивное окружение, а также в отношении к необходимости владеть информацией и иметь жизненный опыт.

Общие (в том числе и сопряженные с возрастом) представления о безопасности были дополнены данными о факторах, обуславливающих индивидуальные различия в данных представлениях. Мы пред-

положили, что слова-ассоциации, оценки по которым демонстрируют значительный разброс, выступают маркерами таких различий. Не владея дополнительной информацией относительно личностных особенностей разных групп респондентов, можем лишь сказать, что совокупность выделенных признаков определяет направление дальнейшего научного поиска. «Поддержка отца» и «осторожность, отказ от риска» для юности и ранней взрослости, «переживание состояния безопасности» и «открытость миру» для периода средней взрослости, «переживание состояния безопасности» и «поддержка родителей» для периода взрослости определяют ключевые позиции в различиях в представлении о безопасности, обусловленных личностными особенностями. Оказывается, что чем больше поддержка отца в период юности и значительнее ощущение психологической безопасности в период средней взрослости и взрослости как радости и безмятежности, тем увереннее, спокойнее и стабильнее состояние человека.

Рассматривая безопасность как защищенность, юноши и девушки стремятся использовать внешние средства ее достижения. По мере взросления границы безопасности расширяются, а средства ее достижения становятся внутренними (ум, компетентность, мудрость). Различия в описании состояния безопасности в период взрослости, по-видимому, связаны с разным вкладом в развитие этого состояния фактора «родители», который дифференцирует выборку по частоте обращения за помощью к матери и отцу и актуализирует ранний опыт взаимодействия с ними, соотнося его с опытом выполнения респондентом роли родителя и прародителя. С этой точки зрения безопасность имеет ценность не только для конкретного индивида, но и для целого поколения, а также для нескольких поколений, поскольку передается от предков к потомкам, поддерживая, развивая и укореняя базовую психологическую безопасность как любовь, привязанность и поддержку, радость и счастье (Шутценбергер, 2009, с. 38).

Литература

- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
 Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск: ИД «Ergo», 2006.
 Маследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2006.

- Фромм Э. Бегство от свободы: Человек для себя. Мн.: ООО «Попурри», 1998.
- Харламенкова Н. Е. Личностная безопасность и стратегии ее достижения // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 133–159.
- Шторк Й. Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. Новые направления в психоанализе. Психоанализ и общество. Психоаналитическое движение. Психоанализ в Восточной Европе / Под общей ред. А. М. Боковикова. М.: Когито-Центр–МГМ, 2001. С. 134–198.
- Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М.: Психотерапия, 2009.
- Dickstein S. Confidence in protection: A developmental psychopathology perspective // Journal of Family Psychology. Dec. 1999. V. 13 (4). P. 484–487.
- Goldberg S., Grusec J. E., Jenkins J. M. Confidence in protection: Arguments for a narrow definition of attachment // Journal of Family Psychology. Dec. 1999. V. 13 (4). P. 475–483.
- Isabella R. A. Confidence in protection: Comment on Goldberg et al. // Journal of Family Psychology. Dec. 1999. V. 13 (4). P. 501–503.
- MacDonald K. Love and confidence in protection as two independent systems underlying intimate relationships // Journal of Family Psychology. Dec. 1999. V. 13 (4). P. 492–495.
- Morrongiello B. A., Corbett M., Bellissimo A. “Do as I say, not as I do”: Family influences on children’s safety and risk behaviors // Health Psychology. Jul. 2008. V. 27 (4). P. 498–503.
- Schwebel D. C., Brezaussek C. M. Father transitions in the household and young children’s injury risk // Psychology of Men and Masculinity. Jul. 2007. V. 8 (3). P. 173–184.
- Szapocznik J., Prado G. Negative effects on family functioning from psychosocial treatments: A recommendation for expanded safety monitoring // Journal of Family Psychology. Sep. 2007. V. 21 (3). P. 468–478.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О ВЗРОСЛОСТИ

Н. Л. Александрова, В. В. Фёдорова

Технический прогресс и социальные изменения привели к необходимости увеличения периода обучения молодых людей в школе, что повлекло за собой продление их финансовой и психологической зависимости от родителей, а следовательно – увеличение периода взросления.

Длительность взросления в современном обществе определяется в основном социально-экономическими предпосылками. Во-первых, она тем продолжительнее, чем выше профессиональные и социальные требования, предъявляемые к взрослым (более квалифицированный труд). Во-вторых, она зависит от способности общества и государства нести большие затраты на то, чтобы в течение многих лет кормить, воспитывать и обучать целое поколение будущих граждан страны.

Нормативное удлинение периода взросления имеет двойственный характер. С одной стороны, оно отражает заботу общества о формировании человеческого потенциала, что следует рассматривать как благоприятный фактор. С другой стороны, удлинение периода взросления и, соответственно, «периода бесправия» увеличивает риск возникновения дезадаптивных форм поведения у молодых людей. По мнению С. С. Майоровой-Щегловой, «в настоящее время в России отсутствуют подготовленные культурной традицией обряды инициации детей, когда-то облегчавшие их вхождение в мир взрослых. Ритуалы приема в октябрята, пионеры, в комсомол, при всей их идеологизированной направленности, были для детей символическими указателями их взросления, а последний – вступление в комсомол – во многих случаях прямо констатировал переход ребенка в новую социальную группу. В этой ситуации первая рюмка, сигарета, сексуальный дебют замещают

институционализированные обряды инициации» (Майорова-Щеглова, 2011).

Зрелость (взрослость) в психологии рассматривается как наиболее продолжительный период онтогенеза, характеризующийся тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей человеческой личности. Хронологические рамки периода взрослости достаточно условны и определяются моментом завершения юности и началом периода старения. Имеются попытки разделения взрослости на отдельные стадии (молодость, расцвет, собственно зрелость и др.). Исследователи выделяют следующие характеристики зрелой личности: развитое чувство ответственности, потребность в заботе о других людях, способность к активному участию в жизни общества и к эффективному использованию своих знаний и способностей, к психологической близости с другим человеком, к конструктивному решению различных жизненных проблем на пути к наиболее полной самореализации (Краткий психологический словарь, 1998).

С точки зрения Э. Эриксона, подросток слишком занят тем, кто он такой, чтобы взять на себя задачу ранней взрослости по достижению близости. Последняя возможна лишь после обретения обоснованного чувства идентичности, потому как нельзя рассчитывать на поддержание близких отношений с другим человеком до тех пор, пока ты не стал самим собой (Эриксон, 1996). На стадии взрослости основным критерием является генеративность, подразумевающая произведение на свет детей, заботу о них, защиту и направление, создание идей и вещей. Забота может стать приобретением только при преодолении фиксации на проблемах Эго. Под давлением общества молодые люди зачастую вынуждены исполнять формально роль взрослого человека, не разрешив, по сути, конфликтов предыдущих стадий и сочетая непростую задачу доразвития с функционированием в обществе.

Д. Левинсон указывает, что для достижения истинной взрослости необходимо решить четыре задачи развития:

- 1) сформулировать, что собой представляет взрослость, что необходимо для ее достижения;
- 2) найти наставника;
- 3) начать строить карьеру;
- 4) установить близкие отношения (для женщин – объединить карьеру и брак) (Крайг, Бокум, 2008).

К. А. Абульханова под зрелостью имеет в виду способность человека к пропорциональному жизненным задачам расходованию, применению своих личностных возможностей и особенностей своего типа личности. По ее мнению, только зрелый человек затрачивает пропорциональные усилия на значимые и незначимые дела, владеет способностью к саморегуляции, которую можно назвать жизненным самообладанием. Только зрелый человек способен своей волей определять ход событий и расстановку сил в своей жизни. Он сам формирует ситуации жизни, предлагает и задает стиль общения, влияет на окружающих его людей (Абульханова, 1991).

В. М. Русалов, отвечая на вопрос: «Является ли зрелость единой или множественной характеристикой – как эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая?» – считает необходимым разделить дефинитивную зрелость, которая начинает снижаться с возрастом после прохождения своего плато, и акмеологическую зрелость, которая «после достижения своей вершины (акме) продолжает увеличиваться, достигая новых вершин, по-видимому, за счет системных реорганизаций психических свойств. Субъектно-содержательные личностные смыслы (цели, самоотношения, самооценки) созревают в акмеологическом смысле к 30–50 годам, а динамико-содержательные (интеллект и характер) – характеризуются двумя типами зрелости: и дефинитивной (12–20 лет), и акмеологической (25–45 лет) (Русалов, 2007).

А. Л. Журавлев, рассматривая такие составляющие зрелости как социальную, психологическую, личностную, профессиональную, интеллектуальную, эмпирическую, отмечает недостаточное внимание современной науки к таким видам зрелости, как нравственная, экономическая, гражданская и социально-психологическая зрелость. Выделяемые им признаки социально-психологической зрелости (как общие признаки зрелости) следующие:

- относительная автономность (самодостаточность) и независимость;
- социальная ответственность за свои поступки и способность к самостоятельному принятию решений, к саморегуляции поведения по отношению к другим;
- активная социальная позиция, овладение социальными ролями и социальной средой в целом, эмпатические способности, способности к децентрации, адекватное отражение характеристик других людей (Журавлев, 2007).

Социально-психологическая зрелость рассматривается как результат или следствие действия целого ряда сложных социально-психологических механизмов (процессов), через которые реализуется социальное и психологическое развитие человека. Критериями зрелости выступают уровни (или степени):

- социализации;
- достигнутой идентичности;
- сформированности Я-концепции;
- системы отношений;
- сознания и самосознания личности.

В целом можно сказать, что понятие «взрослый человек» чрезвычайно разнопланово и многомерно, а границы стадии «взрослость» («зрелость») невозможно определить четко.

Наряду с эксплицитными теориями, существует и обыденное знание, или имплицитные теории личности. В некотором смысле все люди являются исследователями; как истинные исследователи, они стремятся к конструированию своей системы представлений о части реальности, в которой существуют, и, следовательно, к созданию своей собственной теории. Научную теорию отличает от имплицитной то, что ее можно эксплицитировать, проверить, сделать явной. Имплицитные теории считаются неявными, не проверенными в эксперименте, но при этом имманентно присущими личности, востребованными в ежедневной жизни. Рядом авторов развивается подход, согласно которому многие психологические теории основаны на обыденной психологической реальности. Ими обнаружено значительное число пересечений между имплицитными и эксплицитными моделями, и имплицитные теории с их точки зрения должны рассматриваться как начало эксплицитных (Semín, 1987, Sternberg, 1985).

В рамках направления исследования социального мышления личности были проведены многочисленные работы по изучению имплицитных теорий, в том числе: представлений личности об отношении к ней значимых других (Абульханова, Гордиенко, 2000); динамики личностных представлений о празднике (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003); имплицитных концепций интеллекта, включая исследование представлений об умном ребенке (Смирнова (Александрова), 1997, Александрова, 2005); о порядочном человеке (Воловикова, Гренкова, 1997); о справедливости (Воловикова, Соснина, 2001); о соотношении имплицитных и эксплицитных этни-

ческих стереотипов у русских и немцев (Шляхтин, Давыдов, 2006); представлений о счастье (Джидарьян, 1995); представлений подростков о мужчине и женщине (Харламенкова, 2002); представлений о совести у старшеклассников (Мустафина, 2008). Однако ни одного исследования представлений о взрослости мы не обнаружили.

Важным является выяснение следующего вопроса: расходятся ли критерии взрослости, предлагаемые обществом и усвоенные самими молодыми людьми? Исследовав имплицитные представления о личности взрослого, мы полагаем, что сможем ответить на этот вопрос.

Также мы хотели бы ответить и на такие вопросы: «Справедливо ли мнение о том, что очень редко критерием взрослости подростки считают необходимость внутренних психологических изменений или ответственных самостоятельных поступков? Служат ли, с точки зрения подростка, основанием для того, чтобы почувствовать себя взрослым, такие события, как получение паспорта, сексуальные отношения, употребление алкоголя, курение, наркотики?»

Таким образом, можно говорить об условно «внутренних» и «внешних» критериях представлений о взрослости. «Внешние» мы определили как критерии, связанные с нормативными и поведенческими признаками взрослости: получение паспорта, наличие сексуальных отношений, употребление алкоголя и т. д. «Внутренними» критериями взрослости мы будем называть те представления подростков, которые связаны с описанием внутренних изменений, с изменением в отношениях, с признанием ответственности.

В литературе по гендерным аспектам развития детей и подростков констатируются различия между мальчиками и девочками в темпах и качестве интеллектуального развития, эмоциональной реактивности, мотивации деятельности и оценки достижений, в поведении (Еремеева, Козловская, Чубарова, Юрищева, 2005). Специальные исследования направлены на выявление природы этих различий, которые, по мнению тех или иных авторов, являются отражением либо универсально-биологических, либо биосоциальных закономерностей. В настоящем исследовании мы хотели найти ответ на вопрос: «Проявятся ли различия в описаниях взрослого человека у мальчиков и девочек?»

Цель исследования – выявить наличие и содержательно охарактеризовать имплицитные представления подростков о взрослом человеке.

Объект исследования – фрагмент образа мира детей и подростков, составляющий содержание обыденного сознания личности.

Предмет исследования – имплицитные представления детей и подростков о взрослом человеке.

Задачи:

1. Изучить и проанализировать содержание имплицитных представлений о взрослом человеке на общей выборке респондентов (дети и подростки от 10 до 18 лет).
2. Выделить и систематизировать категории в имплицитных представлениях о взрослом человеке детей и подростков (на основании контент-анализа анкет).
3. Выявить различия между возрастными группами респондентов по частоте встречаемости категорий взрослости.
4. Выявить половые различия по частоте встречаемости категорий взрослости (по возрастным группам и в целом по выборке).
5. Составить лист дескрипторов представлений о взрослом человеке.
6. Провести исследование на выборке подростков 16–17 лет – учащихся общеобразовательных школ с помощью листа дескрипторов и выявить различия между половыми группами в имплицитных представлениях о взрослом человеке.

Гипотезы:

1. В обыденном сознании подростков, наряду с другими фрагментами образа мира, существуют имплицитные представления о взрослом человеке.
2. Имплицитные представления о взрослом человеке дифференцированы в различных возрастных и половых группах детей и подростков.
3. Могут быть выделены определенные типы имплицитных представлений.
4. Имплицитные представления о взрослости являются динамическим феноменом: они формируются в целостную картину к 16–17 годам.

Эпирическим объектом исследования явились 178 человек в возрасте от 10 до 18 лет: 121 человек – учащиеся средней школы (58 мальчиков и 63 девочки), которые были исследованы с помощью методик опроса, семантического анализа текста и количественного фронтального контент-анализа. Пять человек выступили в роли экспертов: три женщины, средний возраст 40 лет, и двое мужчин, средний возраст 35 лет, у всех образование высшее.

Таблица 1
Сведения о выборке

Возраст	Всего	По возрастным группам			
		10–12 лет	13–14 лет	15–16 лет	17–18 лет
Мальчики	58	14	16	16	12
Девочки	63	15	12	20	16
Всего	121	29	28	36	28

Методическая организация исследования

Методически наше исследование опиралось на исследования имплицитных концепций интеллекта, проведенные ранее (Azuma, Kashiwagi, 1987; Смирнова (Александрова), 1997).

1. В качестве метода сбора первичных данных на основном этапе использовался метод анкетирования. Был задан вопрос: «Представьте себе взрослого человека, которого вы знаете лично. Как его можно описать? Укажите его пол и возраст».
2. Далее был произведен семантический анализ полученных текстов (121 анкета) и выделены критерии, определяющие образ взрослого человека. Результаты были соотнесены с литературными данными.
3. Данные были обработаны методом количественного фронтального контент-анализа, представляющего из себя систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания информационного источника (Мангейм, Рич, 1997). Полученный массив текста был разбит на единицы контент-анализа (высказывания, содержащие какую-либо мысль). Общий массив текста квантифицирован по категориям: каждое высказывание (989 единиц контент-анализа) отнесено к одному из критериев взрослости, выделенных в научной литературе.
4. С помощью метода экспертных оценок произведен выбор категорий для дальнейшего исследования.
5. На втором этапе исследования на основе произведенного качественного семантического анализа, количественного фронтального контент-анализа исходного текста и экспертной оценки выделенных категорий был составлен опросный лист из 55 высказываний, предложенный для заполнения 52 подросткам.

6. Для обработки экспериментальных данных использовались методы математической статистики: сравнительный анализ групп с вычислением непараметрического критерия Манна–Уитни, кластерный анализ и методы описательной статистики. Проверка гипотезы осуществлялась с помощью программы Statistica 6.0.

Результаты исследования

1. Исследовано и проанализировано содержание имплицитных представлений о взрослом человеке на общей выборке респондентов (дети и подростки от 10 до 18 лет). Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2
Имплицитные представления о взрослом

№ категории		Д 10–12 лет	Д 13–14 лет	Д 15–16 лет	Д 17–18 лет	Д (всего)	М 10–12 лет	М 13–14 лет	М 15–16 лет	М 17–18 лет	М (всего)	Всего
1	Независимость	0	3	2	3	8	0	1	2	4	7	15
2	Власть	2	1	1	3	7	0	1	0	0	1	8
3	Секс	0	3	1	0	4	0	1	6	0	7	11
4	Образование	3	0	4	3	10	1	0	2	1	4	14
5	Отдых	3	3	3	2	11	0	0	0	3	3	14
6	Рассогласование	1	0	0	6	7	0	0	0	2	2	9
7	Рефлексия	1	2	7	8	18	0	0	6	3	9	27
8	Обязанности	0	5	7	3	15	0	3	0	4	7	22
9	Права	0	1	5	7	13	2	6	2	4	14	21
10	Риск	0	0	0	0	0	0	0	0	4	4	4
11	Самостоятельность	11	7	19	11	48	7	5	19	12	43	91
12	Ответственность	4	12	17	43	76	0	7	14	19	40	116

№ категории		Д 10–12 лет	Д 13–14 лет	Д 15–16 лет	Д 17–18 лет	Д (всего)	М 10–12 лет	М 13–14 лет	М 15–16 лет	М 17–18 лет	М (всего)	Всего
13	Отношения	5	1	5	11	22	0	5	0	6	6	28
14	Зависимость	0	4	4	1	9	5	0	0	0	5	14
15	«Не знаю»	0	0	0	0	0	2	0	2	0	4	4
16	Отделенность от родителей	1	4	10	6	21	2	2	0	5	9	30
17	Возраст	4	8	5	12	29	2	6	2	3	13	42
18	Свобода	1	5	10	6	22	2	3	8	4	17	39
19	Состоятельность	12	0	8	0	20	9	1	0	0	10	30
20	Семья	10	3	14	4	31	3	1	2	6	12	43
21	Идентичности	4	4	5	18	31	0	0	2	12	14	45
22	Работа	18	5	15	9	47	6	6	8	4	24	71
23	Внешнее подтверждение	2	0	0	4	6	1	0	0	10	11	17
24	Эмоциональный тон нейтральный	0	0	1	3	4	0	0	0	0	0	4
25	Эмоциональный тон негативный	6	0	1	4	11	1	0	0	4	5	16
26	Эмоциональный тон позитивный	1	2	1	12	16	0	0	2	20	22	38
27	Личностные характеристики	18	8	29	43	98	9	0	12	19	40	138
28	Резонерство	7	6	6	13	32	7	3	2	3	15	47
29	Другое	4	3	8	3	18	2	2	0	1	5	23
Общее количество ответов		118	90	188	238	634	61	48	91	153	353	981

Примечание: Д – девочки, М – мальчики.

Как видно из таблицы, подростки при описании взрослого человека придают большое значение категории «Ответственность». Они описывают ее как ответственность за слова, мысли, поступки, действия, других, себя. Следующая важная категория – это «Самостоятельность». Она описывается как самостоятельность действий, решений, жизни, заработков. Наличие работы, позволяющей зарабатывать себе на жизнь, овладение конкретной профессией рассматриваются как высоко значимая черта взрослого человека. Подростки отмечают важность когнитивных личностных качеств, таких как опыт, мудрость, уверенность, умение строить и осуществлять планы. По мнению подростков, взрослость означает отказ от привилегий ребенка (играть в игрушки, смотреть мультики) в пользу обретения привилегий взрослого (можно не ходить в школу, поздно ложиться спать). Подростки осознают такие характеристики взрослости, как наличие семьи, детей, ценность отношений с близкими людьми. В целом, подростки описывали взрослость скорее положительно, нежели отрицательно. Следует отметить, что эмоциональное отношение к взрослости появляется в ответах старших подростков, что, по-видимому, свидетельствует о состоянии радостного ожидания наступления взрослости.

- По частоте встречаемости всех категорий, описывающих взрослого человека, выделенных с помощью контент-анализа ($p < 0,05$), были выявлены следующие различия (см. таблицу 3).

Количество упоминаний категорий, характеризующих взрослого человека, статистически значимо отличает группы девочек 15–16 лет и 17–18 лет от двух других групп. Старшие подростки при описании взрослого человека используют значимо большее количество категорий. Такая же ситуация по различиям в возрастных группах у мальчиков: количество упоминаний категорий, характеризующих взрослого человека, значимо больше в группах мальчиков 15–16 лет и 17–18 лет. По-видимому, это означает большую осознанность темы взрослости в представлениях старших подростков. На этом основании было принято решение на втором этапе исследования предлагать составленный лист дескрипторов только старшеклассникам (возраст 15–17 (18) лет).

- Выявлены половые различия между группами респондентов по частоте встречаемости категорий, описывающих взрослого человека: мальчиков – 58, у девочек – 63 при уровне значи-

Таблица 3

Различия между возрастными и половыми группами по частоте встречаемости категорий

		Девочки				Мальчики			
		10–12 лет	13–14 лет	15–16 лет	17–18 лет	10–12 лет	13–14 лет	15–16 лет	17–18 лет
Девочки	10–12 лет								
	13–14 лет	0,9685							
	15–16 лет	0,0819	0,0409*						
	17–18 лет	0,0609	0,0303*	0,8637					
Мальчики	10–12 лет	0,1192	0,1119	0,0022*	0,0007*				
	13–14 лет	0,0502*	0,0449*	0,0004*	0,0002*	0,6391			
	15–16 лет	0,2696	0,2460	0,0134*	0,0038*	0,6807	0,4243		
	17–18 лет	0,0502*	0,2347	0,3399	0,3508	0,0092*	0,0034*	0,0289*	

Примечание: * – уровень значимости $p < 0,05$.

мости $p < 0,001$ (0,000550), значение критерия U Манна–Уитни – 4962,000, Z – 3,45.

Количество категорий, упоминаемых в анкетах девочек, существенно превышает количество категорий, упоминаемых в анкетах мальчиков.

- Проведено исследование представлений о взрослом человеке на выборке подростков (24 девочки и 28 мальчиков) 15–17 лет, учащихся общеобразовательной школы, с помощью листа дескрипторов, составленного на основе результатов количественного фронтального контент-анализа. Для обнаружения статистически значимых различий в оценке утверждений, характеризующих взрослого человека, данные были обработаны с помощью непараметрического критерия U Манна–Уитни. В результате мы обнаружили значимые различия ($p < 0,05$) между мнениями мальчиков и девочек по следующим позициям:

23. Вообще-то я и понятия не имею, что из себя представляет взрослый человек ($p=0,028$).

51. События, происходящие в жизни, влияют на то, когда человек повзрослеет (лишения, тяжелое материальное положение, трагические события) ($p=0,053$).

52. Взрослый человек – это не тот, кто уподобляется взрослому или похож на него ($p=0,023$).

Можно сказать, что мальчики выражают значительно большую уверенность в том, что они знают, что значит быть взрослым человеком. Мальчики (75%) в отличие от девочек категорически не согласны с тем, что они не имеют представления о взрослости. По-видимому, для мальчиков чрезвычайно важно подтверждение собственной компетентности. Несмотря на то, что девочки дают значимо больше ответов, освещающих понятие взрослости (что свидетельствует о большей разработанности их представлений), уверенность мальчиков в собственной компетентности по этому вопросу значительно выше. Девочки же, в отличие от мальчиков, гораздо большее значение придают наличию разнопланового жизненного опыта как необходимого условия взросления (человек взрослеет быстрее, если он находится в сложных жизненных условиях, тяжелом материальном положении или если в его жизни были трагические события). По нашим данным, мальчикам важнее развиваться, нести ответственность за себя и за других, зарабатывать на жизнь. Следует отметить, что мальчики большее значение придают тому, чтобы быть похожими на взрослых, вести себя как взрослые, в отличие от девочек, которые в каком-то смысле больше ориентированы на внутренний мир. Этот факт тоже подтверждается данными нашего исследования: для мальчиков большое значение имеют социальные контакты, нормы, ценности, отношения с окружающими людьми; значимость же рефлексии и близких отношений (с супругом и детьми) девочки оценивают выше, хотя и ненамного.

Полученные данные были также обработаны методом кластерного анализа. В результате было выделено три кластера (см. таблицу 4).

Далее приводится общее описание для всех трех кластеров и портрет каждой группы представлений о взрослости по категориям, отношению к которым различается (проценты приводятся по результатам анализа методами описательной статистики).

Во всех трех кластерах примерно одинаково выражено отношение к наличию у взрослых большого количества денег: оно не является

Таблица 4

Категории, для которых выявлено значительное расхождение оценок в разных кластерах

№ утверждения	К1	К2	К3
1	4,6897	1,9286	6,0000
2	4,5517	4,1429	2,0000
4	6,7586	5,9286	6,6250
5	6,1379	4,6429	3,7500
6	6,0345	2,3571	4,5000
8	5,5172	5,7143	7,0000
9	6,4483	4,7857	6,2500
11	6,0000	5,0000	6,2500
12	6,2414	4,7143	6,3750
14	6,7241	4,7857	6,6250
15	6,1724	4,5000	6,6250
18	6,0345	4,4286	5,7500
19	4,4828	2,5000	3,8750
20	6,4828	4,6429	3,5000
21	6,4828	3,6429	4,8750
22	5,5172	4,6429	3,0000
24	6,2414	3,9286	3,0000
25	6,5172	4,8571	4,3750
26	5,5172	3,7857	4,3750
27	6,0000	5,3571	4,6250
28	6,5862	4,5714	5,7500
31	6,1724	5,0714	3,8750
33	5,8966	3,5714	4,0000
34	5,8276	4,4286	3,3750
35	3,7931	3,0000	5,6250
37	5,8966	4,2857	4,1250
38	5,9310	3,7857	4,5000
40	6,0690	3,8571	4,0000
41	6,0000	3,7143	4,3750
42	5,4828	4,3571	3,5000
43	6,4828	4,7143	4,7500
44	6,1379	3,1429	5,6250
46	6,4828	5,0000	3,2500

Продолжение таблицы 4

№ утверждения	К1	К2	К3
47	6,0690	3,9286	5,6250
48	6,4138	3,3571	4,1250
50	5,9655	4,0000	3,5000
51	5,8966	5,4286	2,8750
52	5,4138	4,0714	3,5000
53	5,9655	4,2143	3,6250
54	6,2759	4,9286	3,3750

Примечание: К1, К2, К3 – кластеры; средние оценки даны по 7-балльной шкале.

обязательным, в то время как обладание атрибутами богатства в виде дорогих машин, домов, драгоценностей и обслуживающего персонала подростки считают присущим взрослым. Одинаково высокая степень согласия с утверждениями, позиционирующими взрослых людей как регулярно занимающихся сексом (более 90% в области согласия), несущих большое количество обязанностей и ответственность за свои слова. Отношение подростков к зависимому поведению получило разную оценку: лояльное отношение к употреблению алкоголя (83% девочек и 72% мальчиков в области согласия), неоднозначное отношение к курению (с тем, что взрослый человек курит, согласны 34% девочек и всего 4% мальчиков), одинаково негативное – к употреблению наркотиков (80% девочек и 68% мальчиков в области несогласия). В нашем исследовании была выявлена высокая степень согласия с тем, что взрослый человек игнорирует мнение родителей, если оно противоречит его собственному в решениях и установлении отношений. Примерно одинаково выражено отношение к таким фактам взрослости, как получение диплома или паспорта, а также к тому, что взрослый – это человек, отметивший восемнадцатилетие (относительно равномерное распределение от согласия до несогласия). Подростки настаивают на том, что взрослый человек не зависит от родителей материально (у мальчиков это сильнее выражено, чем у девочек), торопятся отказаться от своей детской идентичности, утверждая, что мультфильмам и игрушкам во взрослой жизни места нет; в то же время их эмоциональное отношение к взрослости – скорее, неопределенное.

В результате кластерного анализа выделены три группы представлений о взрослости, которые выглядят следующим образом.

1-й кластер «Взрослость как ответственность и оправдание ожиданий»

28 человек, 50% мальчиков (14 человек) и 50% девочек (14 человек), не высказывают определенного мнения относительно того, что взрослый человек может наконец перестать учиться, и не уверены в том, что быть взрослым здорово и интересно. Оценки же по всем остальным категориям выше, чем в двух других кластерах (за исключением более высоких оценок категорий «Свобода» и «Независимость» в третьем кластере). Подобные взгляды можно обобщить в следующей формулировке: «Быть взрослым – это быть таким, каким хотят тебя видеть родители и общество, оправдывать их требования и ожидания, бояться наказания за неисполнение правил, исправно соответствовать нормам и стандартам и, возможно, совершенно не иметь представления при этом, какой же ты на самом деле». Включение в лист дескрипторов шкалы Марлоу – Крауна позволило бы высказывать более определенные соображения. Также сформулируем гипотезу, что для представителей этой группы характерен избегающий или амбивалентный паттерн поведения, наличие которого можно было бы попытаться выяснить при дальнейшем исследовании. Эта идея перекликается с мнением Дж. Белски, который показал, что при определенных условиях избегающий или амбивалентный паттерн поведения могут быть наиболее адаптивными (Belsky, 1999). Одной из задач взрослого человека, как известно, является эффективная адаптация к изменяющимся средовым условиям.

2-й кластер «Взрослость как преодоление трудностей»

14 человек, 50% мальчиков и 50% девочек (7 и 7 соответственно): не считают взрослых независимыми людьми, располагающими временем, желанием и силами на отдых и развлечения. Не слишком большое значение придают возможностям и правам, которыми обладают взрослые, не уверены в том, что взрослый человек самостоятельно зарабатывает себе на жизнь и является состоявшейся личностью со сложившимся мировоззрением. Считают, что взрослый человек не особенно планирует свою жизнь. При этом они категорически не согласны с тем, что взрослый человек может наконец перестать учиться, считают, что взрослыми становятся по достижению определенного возраста.

Представляется целесообразным дополнительное обследование этой группы на предмет выявления уровня тревожности и уровня социального интеллекта, самостоятельности. Также может быть рекомендовано более тщательное обследование для прояснения перспективы дальнейшей психокоррекционной групповой работы для снижения уровня тревожности и повышения коммуникативной компетентности.

3-й кластер «Взрослость как свобода»

9 человек, 66,67% мальчиков и 33,33% девочек (9 и 6 соответственно): видят взрослость как возможности, высоко ее оценивают. Уверены в том, что для взрослого человека характерна независимость, но при этом он поддерживает множество отношений с окружающими людьми; считают, что взрослые принимают правильные решения, планируют свою жизнь и придерживаются этих планов. Так же, как и представители второй группы, считают, что у взрослых людей мало сил, времени и возможностей для отдыха и развлечений, но при этом воспринимают взрослость как естественный этап жизни, а сам процесс взросления считают неизбежным и определенным. Высоко оценивают такую характеристику взрослого человека, как ответственность за себя, но не согласны с тем, что он ответствен за других людей, не согласны с тем, что взрослыми людей делают трагические события и тяжелое материальное положение. Считают, что взрослый человек обладает массой возможностей и прав, самостоятельно принимает решения, может себе позволить рисковать и быть смелым. Демонстрируют высокую степень согласия с тем, что быть взрослым – здорово и интересно. Создание семьи не считается важным этапом взрослости, а состоятельность и обладание атрибутами богатства не выступают как определяющие критерии взрослости. Подростки, отнесенные к этому кластеру, категорически не согласны с тем, что взрослый человек обладает властью, общается с родителями; они не настаивают на обязательности его способности к саморегуляции, но при этом высоко ценят необходимость осознания своих поступков, оценивания мотивов; считают, что взрослый понимает себя и свои желания. Этот тип представлений нам кажется наиболее дифференцированным и довольно интересным.

При каких личностных особенностях у подростков формируется такое широкое, реалистичное, перспективное и вызывающее сим-

патию представление о взрослом человеке? Ответ на этот вопрос остается за рамками нашего исследования.

Мы соотнесли полученные результаты с критериями взрослости, выделяемыми отечественными и зарубежными авторами. Определенно, наличие и важности саморегуляции, которую считают критерием взрослости Дж. Локк («самоконтроль» – основа всякой добродетели), Э. Эриксон, Р. Хейвингхерст, К. А. Абульханова, А. Л. Журавлев, подростки придают большое значение (62,5% девочек и 64,3% мальчиков). Такие сформулированные Р. Хейвингхерстом критерии и задачи развития, как «автономия, материальная независимость, поддержание экономических стандартов жизни» (Крайг, Бокум, 2008), также были обнаружены в описаниях подростками взрослого человека.

Самодостаточность, независимость, социальная ответственность за свои поступки и способность к самостоятельному принятию решений, выделяемые А. Л. Журавлевым как критерии социально-психологической зрелости, широко отражены в имплицитных представлениях подростков о взрослой личности и оцениваются ими как значимые. Так же часто и разнопланово представлена экономическая составляющая зрелости

Не было обнаружено в качестве критерия взрослости понимание противоречий и интеграции противоположных и конфликтующих мыслей и наблюдений (К. Ригел, цит. по: Крайг, Бокум, 2008), желания соответствовать своим нравственным принципам, своей нравственной системе ценностей (Журавлев, 2007). Не встретилось среди подростков и понимания взрослости как отделения себя от массовой культуры, от конформизма, взрослости как достижения определенного психического равновесия, раскрытия и переживания собственного уникального опыта и уникальных потенциалов (Юнг, 1993). Упоминаемая В. М. Русаловым как критерий взрослости способность передавать плоды своего развития другому человеку, стать образцом, эталоном (гражданина, семьянина, профессионала экстра-класса) была отмечена всего один раз в сочинении юноши 18 лет (Русалов, 2007).

Представляется интересной дальнейшая работа в направлении более детального изучения содержания имплицитных представлений о взрослом человеке в разных возрастных группах, в сочетании

с методиками оценки социальной желательности, с личностными методиками и методиками исследования социального интеллекта. Необходимы выделение более четких критериев взрослости, а также поиск способов оценки степени взрослости и определения фактического возраста перехода из юности во взрослость. В Средние века ребенок в 6 лет уже считался взрослым и отправлялся в соседние деревни работать подмастерьем, но постепенно граница взрослости сдвигалась, и уже в XX в. Э. Эриксон считает, что собственно взрослость начинается с 25–26 лет (Эриксон, 1996).

Представления подростка о взрослом человеке в определенном смысле формируют образ его будущего. В связи с тем, что представления о будущем отражают потенциальные возможности личности, их сформированность в юношеском возрасте многими авторами рассматривается как один из показателей успешной социализации старшеклассников.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 7–37.
- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова К. А., Гордиенко Е. В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. 2001. № 5. С. 11–18.
- Александрова Н. Л. Имплицитные концепции интеллекта в России: стабильность и динамика // Тенденции развития современной психологической науки. Ч. 1 / Под ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 333–335.
- Воловикова М. И. Нравственно-правовые представления в российском менталитете // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 5. С. 16–23.
- Воловикова М. И., Гренкова Л. Л. Современные представления о порядочном человеке // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 313–322.
- Воловикова М. И., Соснина Л. М. Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 85–93.

- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник. Праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.
- Джидарьян И. А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетей, 2001.
- Журавлев А. Л. «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 198–222.
- Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб.: Питер, 2008.
- Краткий психологический словарь / Под ред. Л. А. Карпенко, А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Майорова-Щеглова С. С. Детство: противоречия и диалог культур. URL: http://www.childsoc.ru/doc/detstvo_kult.pdf (дата обращения: 11.12.2011).
- Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. М.: Мир, 1997.
- Мустафина Л. Ш. Гендерная специфичность социальных представлений о совести у старшеклассников // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 384–387.
- Русалов В. М. Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная и биологическая. Единая или множественная характеристика? // Феномен и категория зрелости в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 29–46.
- Славская А. Н. Правовые представления российского общества // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 75–92.
- Смирнова (Александрова) Н. Л. Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во ИПРАН, 1997. С. 112–130.
- Шляхтин Г. С., Давыдов С. В. Соотношение имплицитных и эксплицитных этнических стереотипов у русских и немцев // Вестник Нижегородского университета. 2006. Сер. «Социальные науки». Вып. 5. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 125–138.
- Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Университетская книга, 1996.
- Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993.

- Azuma H., Kashiwagi K.* Descriptors for an intelligent person: A Japanese study // *Japanese Psychological Research*. 1987. V. 29. P. 17–26.
- Belsky J.* Modern evolutionary theory and patterns of attachment // *Handbook of attachment: Theory, research and clinical applications* / Eds J. Cassidy and P. Shaver. NY: Wiley, 1999. P. 141–161.
- Semin G. R.* On the relationships between representations of theories in psychology and ordinary language // *Current Issues in European Social Psychology* / Eds W. Doise and S. Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Sternberg R., Conway B., Ketron J., Bernstein M.* People's conceptions of intelligence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1981. V. 41. P. 37–55.

ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е. П. Ермолаева

Проблема соответствия личности и профессии – одна из вечных психологических проблем. В разное время она решалась по-разному. Но, несмотря на различие теоретических подходов, преобладали следующие направления: соответствие отдельных черт личности и характеристик профессиональной деятельности; соотношение типов личности и типов профессий; влияние личности на профессию и обратное влияние профессии на личность; личностные факторы профессионального выбора и карьерного роста.

В современном мире актуальность проблемы взаимосвязи личности и профессии обусловлена качественными изменениями не только в отношениях между личностью и профессией, но и в отношениях профессионала с обществом. Массовое общество породило массового профессионального субъекта как наиболее выраженную профессиональную тенденцию на данном этапе своего существования. Для него характерны выбор профессии и пребывание в ней не на основе индивидуальных профессиональных склонностей и способностей, а по законам массовидного явления, т. е. по законам толпы, действующей под влиянием единого, кажущегося ей очевидным мотива. Массовый профессиональный субъект всегда следует навязанной социальной тенденции и отражает приемлемый в данном обществе ментально-нравственный тип профессионала. Это представление вполне согласуется с тезисом Б. Г. Ананьева: «Особенно важным представляется комплексное исследование субъекта определенной массовой деятельности в отношении различных потенциалов и тенденций развития личности» (Ананьев, 1968, с. 326). Одну из таких тенденций отражает факт, что допустимый диапазон социально приемлемого качества труда и профессионализма шире для массовых профессий репродуктивного типа и гораздо уже для со-

циально значимых и редких. Среди современных проблем реализации профессионалов в России мы особо выделяем аспекты, отражающие массовидные прагматические тенденции профессиональной динамики и сложности социальной реализации профессионалов в бывших ранее массовыми социально значимых интеллектуально емких профессиях. Связь идентификационных типов профессионалов и типов профессий взаимообусловлена: как сами профессии формируют характерологические особенности личности, так и уровень субъектности обуславливает выбор той или иной сферы труда. Высокоадаптивные профессии (в том числе массовые) отличаются тем, что содержат большой резерв вариативности для принятия разных идентификационных типов профессионалов, чем низкоадаптивные, содержащие резерв лишь для реализации некоторых идентификационных типов профессионалов, обладающих соответствующими специфическими характеристиками.

Иногда навязывание профессионального выбора происходит со стороны общества целенаправленно (например, в СССР времен первых пятилеток это был производственный рабочий, затем – инженерно-технический работник, в других случаях субъект сам обнаруживает и фиксирует эту тенденцию в общественном сознании, чтобы следовать за ней произвольно по собственному усмотрению; в третьем случае такое следование хотя и происходит произвольно, как бы естественно, само собой, но по сути является вынужденным обстоятельством выбором (например, всем живущим в колхозе надо было быть колхозниками). Сейчас наиболее заметная тенденция – «кормление на местах», т. е. стремление использовать профессию прежде всего для личной наживы, а уж потом – по ее прямому назначению. Чаше личный интерес выступает условием того, приступит ли профессионал к выполнению своих обязанностей или же социальная функция профессии им будет проигнорирована. В таком контексте самореализация профессионала – это не столько самореализация личности, сколько успешное встраивание в ряды членов общества потребления и в процессы глобализации. Отсутствие широкой социальной потребности в самоактуализируемой в профессии личности провоцирует внутренние и социальные конфликты профессионалов и ментальный антиглобализм.

Иными словами, в мотивации пребывания и самореализации в профессии есть две стороны: личная и социальная. Эти две стороны могут находиться в состоянии разной соподчиненности: либо преобладает личная мотивация, подчиняя себе социальную, ли-

бо, наоборот, социальная диктует то, какой должна быть личность в данной профессии. Оптимальным считается явление гармонии, динамического равновесия личности и ее социального назначения в профессии, т. е. состояние профессиональной идентичности.

Критерием социальной приемлемости профессии является взаимное соответствие трех компонентов: качества выполнения функций, запросов общества и стоимости профессиональных услуг. Несоответствие любой пары этих характеристик – уже основа для социальной неприемлемости профессии. Социальная приемлемость и социальная опасность профессии связаны между собой, но не обратно пропорциональной, а сложной неоднозначной зависимостью: социальная приемлемость низкого качества профессиональных услуг, обеспеченная нетребовательностью потребителей, может представлять опасность.

Невыполнение социальной функции профессии при наличии профессиональных знаний, умений, навыков мы определяем как действующий профессиональный маргинализм, если должностное лицо продолжает оставаться на рабочем месте. Тогда его прерогативой становятся теньевые функции профессиональной роли, т. е. обращение своих профессиональных умений, знаний и навыков на цели, часто прямо противоположные социальному назначению профессии. Социально опасными неадекватные (или ошибочные) действия профессионала становятся при условии, если они изменяют ролевую функцию профессии в индивидуальном или массовом сознании либо сдвигают мировоззренческие координаты общества в целом. В последнем случае степень социальной значимости профессиональной ошибки наибольшая. Отдельные ошибки такого рода выступают как индикатор теньевых функций и единичных проявлений профессионального маргинализма. Повторяющиеся в массовом порядке аналогичные ошибки, имеющие характер тенденции или закономерности, служат уже основанием для постановки данной личности диагноза «профессиональный маргинализм» как устойчивого социально-психологического «новообразования», обладающего собственной мотивацией и механизмами функционирования.

Таким образом, невозможность успешно реализовываться в рамках своей профессии нарушает идентичность и адаптационный потенциал профессионала, и это создает психологическую основу для деструкции личности, проявляющейся в социально неадекватных профессиональных поступках. Поэтому проблема *социаль-*

ной идентичности личности профессионала выходит на первый план.

Нельзя не отметить некоторые современные тенденции изменения в мире профессий, приводящие к качественным сдвигам в личности профессионала.

Увеличение относительной доли добывающих и обслуживающих профессий над производящими и интеллектуально емкими приводит к массовому снижению уровня интеллекта и творческого потенциала личности. Этому способствует и глобализация, – путем «вымывания» традиционных профессий, ослабления связи со своей страной, утечки лучших профессионалов за рубеж. С другой стороны, идет обратный процесс – приток рабочей силы из отдаленных регионов и ближнего зарубежья. И в этом процессе психологически опасной тенденцией становится вытеснение своих специалистов из ряда социально незаменимых профессий (врачи, учителя) и замена их людьми другой культуры.

И наконец, тотальная коммерциализация всех без исключения, даже социально необходимых, профессий, приводит не только к снижению ответственности отдельных должностных лиц за конкретные действия, но и к падению уровня профессиональной морали в общественном сознании.

Связанные с перечисленными аспектами изменения отношений между личностью и профессией могут иметь различное содержание, направленность и динамику.

Общая тенденция профессиональной динамики, свойственная современному постиндустриальному миру, заметна и у нас. На неизбежность нескольких профессиональных выборов в трудовой биографии человека указывают многие исследователи. В частности, Е. А. Климов называет выбор профессии «одной и на всю жизнь» вредным предрассудком (1996, с. 107). По данным, приведенным С. Е. Олишевским и И. А. Тимофеевой (1996), отношение к труду меняется в сторону большей независимости работника, готовности к смене видов деятельности, меньшей преданности организации. Текущее среди профессионально компетентных, самостоятельных и перспективных работников все больше мотивируется приоритетом сугубо индивидуальных целей. Длительная профессиональная деятельность в одной области уже не считается неременным атрибутом профессионализма, постоянная возможность потери и смены рабочего места становится уделом каждого человека, а профессиональная переквалификация – неотъемлемой составляющей трудово-

го пути. «Около 40% американцев ежегодно меняют свою карьеру; не профессию, а именно – карьеру. Мобильность людей и переход их с одного места работы на другое в какой-то мере оказывается следствием изменяющегося экономического положения. Никто не может помешать человеку несколько раз начать новую карьеру, если каждая из них активизирует новую грань его многогранного „Я“» (Холлис, 2002, с. 91).

Возможности профессиональной переидентификации личности зависят как от ее имманентных свойств (субъектных, личностно-типологических и индивидуально-психологических), так и от ментально-установочных позиций личности как профессионала.

Субъектные аспекты динамики профессиональной идентичности связаны со способностью личности к защите своей самооценности. По критерию устойчивости профессиональной идентичности как личностно-ценностного образования можно выделить три категории профессионалов.

Первую образуют те, кто либо в силу страха «потерять себя» либо по причине «морального износа» (негибкости, накопленной за долгие годы в одной и той же профессиональной роли) ни при каких обстоятельствах не сменит сферу своей профессиональной деятельности, предпочитая более низкий доход при сохранении своего профессионального статус-кво. Для них возможно только некоторое профессиональное маневрирование, отыскание новых ниш в рамках той же профессиональной деятельности.

Другая категория – это «неугомонные первопроходцы», которые с энтузиазмом бросаются во всякое новое, перспективное или просто модное дело, легко меняя прежние профессиональные установки. Но, даже внутренне совершенствуясь при этом, приобретая новые полезные знания и качества в результате частых и кардинальных поворотов в своей жизни, они не всегда могут определить тот момент, когда следует остановиться.

Третью категорию составляют индивиды, не настолько еще «втянутые» в определенные профессиональные отношения и ценности, чтобы это серьезно отразилось на их личности; но и не такие подвижные, как «первопроходцы». Это люди, которые не сразу делают решительный шаг, но не потому, что тщательно взвешивают его последствия, а просто потому, что выжидают проявления какой-либо заметной тенденции в обществе, которой они, скорее всего, последуют. Их преимущество в меньшей вероятности ошибки в выборе, но у них есть серьезный недостаток: к тому моменту,

когда они примут решение, все лучшие места, возможно, будут уже заняты.

Среди *личностных* факторов динамики профессиональной идентичности следует отметить гибкость, мобильность и альтернативную им косность. Профессиональная гибкость (лабильность) обеспечивает освоение новых областей прежнего профессионального пространства; профессиональная мобильность – освоение новых профессиональных пространств; профессиональная косность – фактор хронической неспособности к перемещению в профессиональном пространстве и выходу за его пределы. Эти факторы не должны расцениваться только как положительные или отрицательные: есть случаи, когда мобильность граничит с понятием «летун», лабильность – с профессиональной поверхностностью, а «отрицательная» косность становится «положительной» константностью при характеристике тех специалистов и творческих работников, которые отождествляют себя с профессией и готовы терпеть лишения ради возможности заниматься любимым делом.

Можно выделить также некоторые частные показатели, отражающие *индивидуальные* факторы неблагоприятного прогноза профессиональной переидентификации:

- слабое проявление индивидуализма и личной инициативы при сильном сопротивлении изменениям;
- неспособность к саморазвитию;
- неадекватные установки, содержащие как аспекты социального и личного «мифотворчества» в профессиональной сфере, так и противоречия сознания, которые свойственны переходным ситуациям;
- низкая автономность, взаимосвязанные стороны которой – психологическая незащищенность личности и синдром «зависимости» в принятии решений;
- низкая мотивация достижений и трудности в реализации уже принятых решений, в том числе проблемы неадекватного прогнозирования, недостаточной скорости принятия решений и реагирования на ситуацию, неумение своевременно отказаться от неверного решения, шаблонность в решениях и поведении;
- дисбаланс риска, состоящий в преобладании эмоционального компонента над рациональным, или наоборот;
- коммуникативные проблемы, связанные с пониманием информации и доверием к информационным источникам;

- невосприимчивость к нововведениям, отражающая профессиональный догматизм, концептуальную узость, неприятие новых идей и способов поведения.

Ментально-установочные факторы динамики профессиональной идентичности в большей степени зависят от внешних обстоятельств. Социальные требования профессиональной переидентификации, идущие от объективной динамики профессий, как бы подразумевают адекватную психологическую реакцию со стороны субъекта. Однако параллели с другими историческими эпохами и странами, пережившими крупные перестройки в экономике и «технологические революции», показывают, что типичные для такого рода эпох возрастание роли личной инициативы человека и его подвижность в профессиональной сфере часто бывают ограничены ментальными «комплексами» несвободы, связанными с социокультурными и групповыми традициями, архаическими ценностями, а также ошибками в проведении экономических реформ, которые создают неоптимальные и неравные для разных людей условия проявления профессиональных способностей в новых видах труда. Эти внутренние комплексы несвободы, в которых зажат современный человек, являются также порождением изменяющегося внешнего мира, но более широкого, чем профессиональный.

Динамику отношений профессионала со старой и новой профессией можно условно описать с помощью понятий «перетекание», «удержание», «отвержение», «отталкивание», «захват». *Перетекание* профессионалов из одной профессии в другую вследствие либо ее естественной модернизации, либо замещения аналогичными профессиями обычно происходит бесконфликтно. *Удержание* рамками прежней профессии может реализовываться в двух формах: либо в форме ригидности – для лиц зависимого типа с низкой субъектной активностью (к которым относятся конформисты и ортодоксы), либо в форме приверженности – для лиц с высоким уровнем ментальной профессиональной идентичности, с нереализованным потенциалом преобразовательной активности и для трудоголиков. *Отвержение* профессии – типичная реакция потенциальных профессиональных маргиналов в затрудненных условиях реализации, приводящая их к истинной маргинализации. *Отталкивание* – возможная реакция для всех типов профессионалов при наличии в самой профессии факторов социальной, статусной, моральной или физиологической неприемлемости. *Захват* новой профессии и полное

погружение в нее характерны для предприимчивой личности с динамическим типом субъектности, способной к творческому разрушению стереотипов. В условиях рыночной экономики – это резерв пополнения предпринимателей.

Следует отметить, что *идентичность* как сохранение самости личности в профессии и *адаптация* как изменение личности путем приведения себя в новое соответствие с профессией – это, по сути, противоположные процессы. Но, только действуя совместно, они формируют реальную профессиональную идентичность, становясь основой поведения профессионала в быстро меняющемся мире.

Такая идентичность является результирующей индивидуальных, социальных и профессиональных взаимодействий. Она может быть *положительной, нейтральной либо отрицательной*. Носители последней, ментально неоспричастные своей профессии, по сути, становятся *профессиональными маргиналами*, поскольку их отношения с профессией строятся по «периферийному принципу»: как она для них находится на периферии сознания и ценностного ориентирования в социальном пространстве, так и они для профессии выступают «персонами нон-грата» в том смысле, что выполняемые ими профессиональные функции искажают общественное мнение о внешней и внутренней этике самой профессии.

Термин «маргинализм» стал сейчас модным, его применяют для характеристики лиц или групп, не вписывающихся в тот или иной контекст, социальный или политический. При этом истоки маргинализма принято искать в самом человеке, в ущербности его личности. В контексте профессии маргинализм – это принципиально иное психологическое явление, порожденное внешними социальными факторами: крушением старой профессионально-социальной структуры и недостаточной сформированностью новой, в которой человек, профессионал, оказавшийся «на обочине» профессии, выступает не как причина своих проблем, а как жертва неадекватных реформ. В ситуации, когда остается мало пространства для преобразования внешних условий, личность может реализовать довольно ограниченный набор механизмов изменения самого себя, среди которых даже активные формы (такие как разрушение стереотипов) приобретают деструктивные черты, ведут за грань профессиональной морали и в криминал. Психологический механизм сопротивления изменениям вместо обеспечения ощущения стабильности, самооценности личности приводит к психологическому выгоранию, к моральной усталости, к привычной беспомощности.

В условиях кризиса профессиональные маргиналы и идентичные личности занимают полярные позиции в континуумах профессионального самосознания (самоотрицание, конформизм, обособление, самоотожествление) и способов выхода из кризиса (деструктивный, адаптивный, индивидуализированный, преобразующий) (Ермолаева, 2008). Профессиональная идентичность – одно из воплощений идентичности личностной, по-разному проявляющееся у личностей разных типов в зависимости от их ведущей идентификационной основы.

Но это не просто частная реализация личностной идентичности; профессиональная идентичность неизбежно оказывает обратное влияние на общий уровень идентичности личности, который различен в разных профессиях, в разные эпохи и в разных культурах. Большой или меньший статус профессиональной идентичности в структуре идентичности личности в качестве фактора субъектности и личностного самоопределения в значительной степени зависит от той объективной роли института профессии, которую он играет в данном обществе и в которой ценность профессии фигурирует в общественном сознании. Поэтому то, что мы выделяем понятием «профессиональная идентичность», строго говоря, относится лишь к той категории людей (и к тем эпохам и культурам), для которых ведущей основой идентификации является профессиональный труд.

Взаимосвязь профессиональной идентичности и уровня субъектности личности в сложных профессиональных ситуациях основана на ведущей роли профессиональной сферы на современном этапе развития европейской цивилизации и подкрепляется все возрастающей ценностью профессии в массовом и индивидуальном сознании как фактора жизненного успеха и благополучия. Происходящие у нас экономико-политические изменения в обществе в большой (если не в подавляющей) степени затрагивают именно профессиональную сферу, провоцируя развитие как масштабного переструктурирования, чреватого безработицей и массовой профессиональной динамикой, так и более частные кризисные ситуации, связанные с перепрофилированием, освоением новых технологий, знаковых и информационных систем, решением принципиально новых профессиональных задач (например, в сфере бизнеса), миграцией профессионалов и целых профессиональных групп, вынужденных преодолевать языковые и культурные барьеры.

В настоящее время в психологии существуют три общепризнанных аспекта рассмотрения парадигмы субъекта в связи с личностью:

1) «субъект–объект», где человек выступает как элемент субъектно-объектной диспозиции; 2) «субъект деятельности», где отражена роль человека в преобразовании внешнего мира; в) «субъектность личности», где человек выступает как системообразующий фактор преобразования самого себя и своей жизни. Применительно к проблематике профессиональной идентичности наиболее продуктивен третий аспект, а именно – субъектность как принцип решения личностью основных жизненных проблем (Абульханова-Славская, 1995; Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999; Рубинштейн, 1976; Bandura, 1986). С. Л. Рубинштейн, рассматривая человека как «субъекта жизни», определил два основных способа его существования в жизни и отношения к ней: способ существования «внутри жизни», где «жизнь выступает почти как природный процесс», и способ, связанный с появлением рефлексии, которая «выводит человека мысленно за ее пределы» (Рубинштейн, 1976, с. 347, 348). Этот особый вид активности – собственно субъектный – отражает способность человека стать творцом собственной жизни (Индивидуальный и групповой субъекты..., 1999, с. 17), «автором ее сценария» (там же, с. 117), в чем он может частично эмансипироваться от природных (в нашей интерпретации – средовых, производственных) и от социальных (у нас – работодатели и потребители профессиональных услуг) зависимостей и строить свою жизнь не только в согласии с ними, но и вопреки им (там же, с. 118).

Наиболее развернуто аспект субъектности личности профессионала в современном мире представлен в статье К. А. Абульхановой-Славской (1995), на теоретической основе которой строится наше понимание профессиональной идентичности и профессиональной интерпретации аспектов субъектности в выборе профессии, перепрофилирования, обеспечения необходимого качества профессионального труда и развития личности профессионала в труде (Ермолаева, 1998, 2001).

Если на время абстрагироваться от теоретического контекста проблемы субъектности, то будет интересно предложить модель, в которой профессионал как субъект ценностных ориентаций может соответствовать одному из следующих уровней субъектности:

- массовый профессиональный субъект, ориентированный на бесконфликтное следование ведущей социально навязанной тенденции;

- прагматический, стремящийся действовать оптимально, исходя из «просчитанных» оценок наибольшего числа параметров реально складывающейся ситуации;
- творчески-рациональный, для психики которого характерно реагирование на изменение ситуации путем «творческого разрушения собственных стереотипов»;
- творчески-иррациональный, не подверженный разрушительному влиянию изменений среды на систему его ценностных ориентаций и способный удерживать высокий уровень профессионализма даже в самых неблагоприятных условиях;
- ригидно-иррациональный, неспособный к переоценке ценностей и оказавшийся в плену прежних стереотипов;
- агрессивно-рациональный, стремящийся к устранению факторов среды, не отвечающих его персональной «модели должного»;
- агрессивно-иррациональный, оказывающий активное сопротивление любым, даже очевидно позитивным нововведениям.

В условиях затянувшихся реформ в системе человек–профессия–общество происходит социогенная инверсия ценностных ориентаций профессионала, наиболее наглядно представленная в трансформации массового профессионального субъекта. Прежде всего это: а) сдвиг иерархии ценностей и профессиональной этики на ориентацию от общественного к личному благу; б) снижение порога моральных запретов в сферах профессионального труда, подвергшихся коммерциализации; в) инверсия смысла профессии (качественная характеристика) вкупе со снижением социально приемлемого уровня профессионализма (количественная характеристика). Иными словами, наблюдается системная трансформация социальной функции профессии, выразившаяся в тенденции перехода от безусловного выполнения профессиональных обязанностей к обусловленному субъективным пониманием личной выгоды или безопасности, самозатрат, вознаграждения и т. п.

В результате происходит разбалансирование индивидуальной и социальной моделей профессии. Типичным примером психосоциального дисбаланса профессии является несоответствие высокого уровня психологической сложности и моральной ответственности в высокотехнологичных и наукоемких профессиях (в образовании, медицине, культуре) низкому социальному статусу и материальному вознаграждению профессионалов.

В связи с этим возникает реальная проблема разрешения коллизии между двумя системами профессиональных ценностей: номинальной и реально действующей. Произойдет ли их взаимная иннигиляция, поглощение одной системы ценностей другой, или же преобразование их приведет к новому пониманию смысла и функций профессии, – в любом случае общество примет новые правила лишь тогда, когда оно будет психологически готово к этому. Иначе даже вполне адекватные профессиональные действия в масштабах отдельной социальной группы, в конкретных, но довольно редких условиях или при их соответствии прогрессивным, но широко не принятым целям вызовут психологическое отторжение общества, т. е. окажутся социально неадекватными.

Профессиональный мир – сугубо рациональная, прагматическая область человеческой деятельности, а каждая профессия – это кирпичик в общем здании социального существования человека: кирпичик выпадает – здание расшатывается и даже может рухнуть. Тем не менее, человек в профессии ведет себя часто не так, «как надо», а так, как «не надо». Чем больше в социальном бытии иррационального (лежащего вне общих законов), тем в большей степени элемент иррационального присутствует и в области профессионального поведения (в самых разных сферах и с разной степенью выраженности). Реальная психология начинается там, где кончается рациональное поведение, т. е. предсказуемое, предвидимое, заранее рассчитанное с учетом контролируемых параметров, внешних и внутренних факторов.

Источником иррационального может быть не только социум, но и сам субъект – иррациональная личность. Однако это не снимает вопроса о том, как случайные и неслучайные факторы становятся фатальными факторами-детерминантами иррационального исхода. Есть по меньшей мере два пути к иррациональности, как есть и два типа личностей, диаметрально противоположных по потребности и психологическим ожиданиям в отношении гармоничности и стабильности мира и собственного благополучия.

Для первого типа людей жизненно необходимо сознавать, что здание крепко, все кирпичики на месте; им должно быть понятно, как это здание устроено и какое место сам человек занимает в этом здании, т. е. знать четко свои права и обязанности. Они априори (в силу воспитания или личностных качеств) наделены как бы клише для распознавания ситуаций, в котором присутствуют только открытая, нормативная часть профессиональных отношений – от-

ношения долженствования. Поэтому они беззащитны в ситуациях, когда реальность не совпадает с их схемой; в их схеме нет места теневым функциям и оправдывающим их конкретным обстоятельствам. Для них каждое нарушение элементарных социальных функций профессии – одновременно удар по их представлениям о надежности мира, в котором они жили до этого. Накопление в сознании таких нарушений приводит к внутренней дезорганизации ценностных иерархий и внешней дезориентации в социальной и профессиональной среде. Это путь превращения исходной рациональности в восприятии мира в иррациональность в отношении самого себя.

Представители второго типа людей создают свое представление об устройстве мира постепенно и самостоятельно, действуя в нем методом проб и ошибок, сталкиваясь с его реальными теневыми механизмами, усваивая их «на ходу», приобретая навыки использования недостатков профессионального мироустройства себе на пользу. Для таких людей несущественно, есть ли закон, нужна ли совесть, должно ли существовать объективно крепкое здание бытия, есть ли ценности, которые не следует расшатывать ради своих интересов. Это эгоцентрический тип, для которого существует только то, что ему выгодно «здесь и сейчас»; его представление о мире и морали всегда привязано к собственной персоне. Здесь иррациональность по отношению к внешнему миру оборачивается рационализмом по отношению к себе и прагматизмом поступков.

Преобладание позитивной (сходство) или негативной (различие) ориентации идентичности профессионала может выступать как ведущий признак психологического разграничения трех крупных социально значимых профессиональных групп и профессиональных типов личности.

Профессиональная группа «мыслители» – производители идей, культурных ценностей, хотя и воплощенных иногда в неких осязаемых продуктах, но не тождественных им (идея – это не статья в научном журнале, а картина – не набор красок). Их позитивная самоидентификация с элитой предполагает обязательную негативную идентификационную альтернативу – не элиту, разделение на «мы» и «все другие», цель которой выдвижение (или самовывдвижение) особой касты, выполняющей миссию мозгового, культурного управляющего центра в обществе, в истории. Иначе говоря, профессиональная идентификация здесь носит, прежде всего, «негативный» характер, призванный подчеркнуть отличие от «массы», и уже во вторую очередь – позитивный, ориентированный на обеспечение сво-

его тождества с соответствующим контингентом профессионалов. В этой элитарности заложены и преобразующий потенциал интеллигенции как социально-профессиональной группы (идея миссианства, избранности способна рождать энтузиастов, настоящих «двигателей прогресса»), и вместе с тем – ограниченность: стремление во всех случаях сохранить «элитарность» оборачивается отходом от реальных проблем общества и беспринципностью.

Соответствующий этой группе профессионально-психологический тип личности характеризуется амбивалентностью качеств: автономностью и оригинальностью в способах и методах работы – и зависимостью от поступающей извне новой профессиональной информации, производимой и поставляемой другими; стремлением к свободе профессионального самовыражения – и внутренним чувством кастовой принадлежности к некоему сообществу, кругу избранных (причем не всегда реально существующему и физически доступному, но часто виртуальному); высокой самооценкой, убежденностью в своей правоте – в сочетании с болезненным отношением к критике, с неприятием чужого мнения.

Профессиональная группа «сознательные делатели» – инженеры, предприниматели, преподаватели, врачи, юристы и т. д., т. е. высококвалифицированные профессионалы, конечными результатами деятельности которых является продукт, непосредственно воплощенный в материальную ценность, реальное воздействие на человека или конкретный социальный эффект. Эта группа характеризуется преимущественно позитивной идентичностью, которая проявляется в стремлении усовершенствовать себя до уровня современного «профессионального образца», соответствовать принятому эталону. Ту же цель преследует и профессиональное обучение в этой сфере, в признаках которого хорошо просматривается действительная потребность общества в «единообразии» профессионалов, способных выполнять на приемлемом уровне и в массовом масштабе определенный социальный заказ.

Психологическая напряженность личности «сознательного делателя» характеризуется комплексом неполноценности, возникающим из внутреннего конфликта между осознанием объективной важности и высокой квалификации своей работы и недостаточным социальным признанием, поощрением того чисто человеческого вклада творческих или душевных сил, который связан с выполнением на должном уровне функций врача, учителя и мерой которого является здоровье, жизнь и судьба людей. По мнению самих профес-

сионалов и большинства членов общества, эта профессиональная группа нуждается в коррекции социальной несправедливости.

Профессиональная группа «социальные исполнители» – это военнослужащие, судьи, чиновники, работники собесов, операторы, секретари, операционистки банков и т. д., должностные функции которых продиктованы жесткими правилами и инструкциями, основной критерий профессионализма состоит в степени приближения выполнения функций к инструкциям, уставам или законам, а идеальным профессионалом в ряде случаев могла бы быть машина. Ментальная идентификационная база в этих профессиях предельно мала, но там работают не машины, а люди с их внутренними притязаниями и стремлением к «очеловечиванию» своей должностной функции. И это люди, от которых зависят другие люди, – отсюда возможность превратить свои технические исполнительские функции во власть, отсюда же – произвол, хищения, коррупция, все то, что называется «превышением полномочий»: придать любым способом своей профессиональной роли значимость гораздо большую, чем сама роль. Это можно назвать «теневым самоутверждением» – подавлением комплекса неполноценности от своей формально незначительной профессиональной роли.

Данная профессиональная группа психологически во многом противоположна предыдущей: здесь требуется простое выполнение четких правил и законов, ко всем одинаковый подход; там – нет четких правил, ценится творческое решение и индивидуальный подход к людям. Взятка, которая часто дается «социальным исполнителям» – это уже, не поощрение или компенсация, а плата за то, чтобы просто выполнялись положенные законы, либо за их нарушение в пользу взяткодателя, что дает такому социальному функционеру иллюзию власти уже не только над людьми, но и над самим законом.

Для личности профессионального исполнителя более типичным, чем в двух первых группах, становится социально пограничное состояние «профессионального маргинализма» (Ермолаева, 2001, 2008), при котором человек (потребитель профессиональных услуг) перестает быть *субъектом*, а становится *объектом манипулирования*, т. е. лишается своей личностной сущности одушевленного существа и воспринимается исполнителем должностных функций в лучшем случае как досадный источник личного неудобства, а в худшем – как повод для коррупции.

В качестве иллюстрации последнего тезиса приведу данные двух наших исследований.

Первое исследование было проведено на рубеже 2000-х годов. У муниципальных чиновников низшего звена управления были выявлены следующие характерные признаки профессионального маргинализма: *отсутствие осознания социальной функции* своей должностной роли; *отсутствие установки* на активное и ответственное применение власти; *имитация деятельности*, выражавшаяся в стремлении умиротворить просителя, ничего при этом не предпринимая.

Были отмечены два типа профессионального маргинализма. Первый – «*концептуализированный*», когда каждая отговорка аргументирована: либо ссылкой на систему и сложившуюся практику, либо ссылкой на авторитет: исключительную подведомственность данного вопроса другим органам, безусловную компетентность этих органов и их руководителей. Второй тип – «*рефлекторный маргинализм*», когда должностное лицо даже не пытается как-то объяснить свои отказные ответы и просто выпроваживает просителя. Это автоматическая реакция самоустранения от «хлопотных» должностных функций и рефлекс отторжения источника беспокойства, в роли которого выступают посетители и их проблемы.

Другое исследование было проведено в 2009–2010 гг. на основе психологического тестирования сорока чиновников разных уровней городского и муниципального управления. Исследование включало анализ динамики структурных компонентов профессиональной идентичности, отношения к профессии, к своим непосредственным руководителям и подчиненным, к болевым социально-экономическим проблемам жизни города в условиях пика и спада экономического кризиса.

В результате были выявлены несколько проблемных областей, требующих более детального изучения.

1. Первая область касается осознания социальной функции своей профессии. Результаты показали, что на уровне декларации в сознании подавляющего большинства чиновников идея служения городу и населению присутствует. Однако ответы на другие вопросы анкеты, которые провоцировали внутренний конфликт личного, корпоративного и общественного интересов, дали противоположный результат.
2. Выявилась возрастная тенденция субъективной девальвации роли творческих компонентов в принятии управленческих решений. Хотя должностной статус и опыт у пожилых выше, опытный руководитель, наработавший с годами творческие навыки

ки принятия решений, со временем перестает воспринимать их как «творческие» и, используя их уже как шаблоны, действует более осторожно, чем того требует ситуация. Молодые и неопытные, наоборот, склонны самое заурядное свое решение расценивать как новаторское, на грани риска. В обоих случаях это создает условия для ошибочных решений.

Социальная причина этого феномена – бытующий в общественном сознании миф, что инициатива наказуема, а также корпоративные установки, что в деятельности чиновника вообще нет места для творчества, т. к. любое творчество предполагает отступление от инструкций и нормативов, а, следовательно, является нарушением. Поэтому чиновники, которые реально используют творческие механизмы в своей работе и действуют сообразно обстоятельствам и профессиональному долгу, предпочитают это не афишировать.

3. Критерию возраста и стажа, необходимого для руководителя высшего звена, соответствуют лишь бывшие советские чиновники, но они практически неспособны к динамике профессиональной идентичности, а молодые руководители, ориентированные на западные модели руководства, не мотивированы на социально адекватные решения.
4. Еще одна проблемная область – полное отсутствие инициативы на местах, т. е. у тех, кто непосредственно общается с населением. Они ориентированы не на его проблемы, а на выполнение инструкций начальства. Преобладает инерция мышления, сформированная старыми командными методами, как у разработчиков инструкций, так и у самих чиновников-исполнителей.
5. И наконец, главный результат. Опрос, проводившийся на пике экономического кризиса, не обнаружил его влияния на положение чиновников. Бóльшее значение при оценке перспектив своего карьерного роста они придавали персоне непосредственного руководителя, структурным преобразованиям в своих подразделениях, чем макросоциальным факторам. Никто не выразил желания использовать опыт своей руководящей работы на ниве частного предпринимательства, даже в случае возможного в условиях кризиса сокращения кадров. И, хотя большинство опрошенных чиновников непосредственно заняты в структурах ЖКХ, их не беспокоит социальное напряжение населения, связанное с нарастанием проблем в этой и смежных сферах. Это говорит об их неспособности мыслить в масштабах города

в целом, о психологической отстраненности чиновников от болевых точек, если это не касается их лично или не грозит потерей должности.

Описанные признаки отражают прежде всего невыполнение социальной функции представителями профессии при наличии у них достаточных профессиональных знаний, умений и навыков, т. е. свидетельствуют о широком распространении и многообразии проявлений в социальной сфере *действующего профессионального маргинализма*.

Поэтому для оценки претендентов на социально значимые посты нами была разработана *методика превентивного* выявления потенциальных профессиональных маргиналов.

Сначала по анализу профессионально-нормативной документации определяется потенциал и «точки роста» профессионального маргинализма, вытекающие из несовершенства социально-правовой базы профессии, т. е. ее «слабые места», затем моделируется психологическая структура личности, наиболее подверженной маргинализации в этих условиях. У претендентов на должность по специально разработанному тесту оценки идентичности – маргинализма выявляются: ведущая направленность личности, доминантная миссия, тип ментальной модели преодоления кризисов, характер реагирования в условиях перемен, уровень и направленность социальной агрессивности, а также ряд других характеристик личности, обусловленных спецификой конкретной профессии.

Главным становится не выделение инструментально-психологических параметров пригодности, а выявление имеющихся у претендента неустранимых личностных факторов ментальной и ценностно-нравственной *непригодности* к выполнению социального назначения данной профессии путем соотнесения его параметров с эталоном «маргинального профессионала».

Существенно, что при этом оценка соответствия личности и профессии основывается не только на принципе *приоритета интересов субъекта* (насколько ему нужна эта профессия), но и на принципе *приоритета интересов общества*.

Литература

Абульханова-Славская К. А. Субъект – символ российского самосознания // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 10–28.

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность как комплексная характеристика соответствия субъекта и деятельности // Психологическое обозрение. 1998. № 2. С. 35–46.

Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. № 4. С. 51–59.

Ермолаева Е. П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе (К 110-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна): Тезисы докладов. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.

Климов Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях. М: Изд-во Моск. ун-та, 1995.

Олишевский С. Е., Тимофеева И. А. Текучесть кадров: психологические аспекты // Управление персоналом. 1996. № 7 (1). С. 28–39.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

Холлис Д. Перевал в середине пути. Кризис среднего возраста. М.: Инфра-М, 2002.

Bandura A. Social foundations of Thought and Action: A Social cognitive theory. Englewood Cliffs. NJ: Prentice-Hall, 1986.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. А. Журавлева

Постановка проблемы

Степень выраженности социальных процессов, темп их изменений в 1990-е годы XX в. и в начале XXI в. в России позволяет рассматривать данный период как естественную модель исследования психологической динамики личности в изменяющихся социально-экономических условиях. В связи с этим в центре внимания оказываются проблемы изменения личностных и групповых характеристик человека в динамической социально-экономической среде (Динамика социально-психологических явлений..., 1996; Социальная психология..., 1999; Лапин, 2000; Позняков, 2000; Рассадина, 2006; Абульханова, Воловикова, 2007; Гринин, 2009; Макропсихология..., 2009).

В каждом обществе и в каждый исторический период преобладающая система ценностей обладает своей спецификой. Любые общество, эпоха, культура имеют свою специфическую иерархию и структуру ценностей, свои «базовые» ценности, которые разделяются, одобряются, поддерживаются большинством живущих в них людей. В условиях преобразования общества появляются новые социальные нормы и ценности, правила и образцы социального поведения, изменяются социальные представления, отношения, ожидания и идеалы, на которые личность и разные социальные группы начинают ориентироваться и по-другому их оценивать.

Формирование различных структур сознания личности, в том числе и ценностной структуры, в большой степени детерминировано теми социально-экономическими условиями, в которых она осуществляет свою жизнедеятельность. Общей почвой ценностных представлений в общественном сознании являются социальные и ма-

териальные условия жизни общества, его экономическое развитие. Когда в обществе трансформируются социально-экономические условия, люди изменяют свои приоритеты в ценностных ориентациях, адаптируясь к новой социальной среде. На основе жизненного опыта личности, перестройки ее жизненных планов и взаимоотношений с окружающей социальной действительностью происходит переоценка человеком системы своих ценностей.

Ценностные ориентации личности принципиально по-разному формируются в условиях устойчивого развития общества и в радикально изменяющихся социально-экономических условиях. В периоды экономических трансформаций может иметь место преобразование всей личностной системы ценностей, а не только отдельных их видов или групп. Чем более динамичными и радикальными по содержанию являются социально-экономические преобразования в обществе, тем сильнее изменяются ценностные ориентации личности, тем более противоречивым и менее прогнозируемым становится процесс их формирования.

Изменения системы ценностных ориентаций сопровождаются сильными эмоциональными переживаниями человека, общим психологическим дискомфортом, который может приводить и к личностным изменениям. Когда личность не успевает адаптироваться к быстро меняющимся условиям, разрушение сложившихся социальных стереотипов и установок в той или иной степени сопровождается «культурным шоком». Ситуация, в которой оказывается человек в условиях радикальных преобразований в обществе, напоминает ту, которая возникает при встрече с другим обществом, с другой культурой. Состояние «культурного шока» сопровождается чувством дискомфорта от различия «своей» и «чужой» культур. В разных ситуациях люди с различной степенью остроты переживают культурный шок, что зависит как от дистанции, которая существует между разными культурами, так и от индивидуальных особенностей самого человека (Андреева, 1999).

Радикальные экономические преобразования общества сопровождаются возрастанием физических, психологических и моральных нагрузок на человека, что может приводить к выраженному социальному и психологическому стрессу. В свою очередь, стрессовая ситуация, тем более кризис, могут оказать деформирующее влияние на психологию личности. Какими бы жизненными событиями ни вызывался кризис, он затрагивает наиболее фундаментальные, жизненно значимые потребности и ценности. Для кризисного пе-

риода характерно переосмысление человеком своей жизни, ее наиболее существенных составляющих: жизненных целей и ожиданий, отношений с окружающими и образа жизни в целом (Психология, 1998). И это неизбежно влечет за собой изменения в ценностных ориентациях, взаимоотношениях с людьми, в самоотношении и т. д. В итоге, в период радикальных трансформаций условий жизнедеятельности больших групп людей, изменившаяся социальная среда детерминирует перестройку их жизненных планов, системы ценностных ориентаций, идеалов в соответствии с новыми социально-экономическими условиями.

Данное исследование посвящено изучению закономерностей динамики ценностных ориентаций личности и различных социальных групп в условиях радикальных социально-экономических трансформаций российского общества с 1994 по 2006 г. Одной из основных целей являлось изучение того, как в динамике ценностных ориентаций личности отражаются кризисные и относительно стабильные социально-экономические условия в исторический период интенсивных макросоциальных изменений. Были поставлены следующие задачи:

1. Осуществить сравнительный анализ структуры ценностных ориентаций личности в 2006 г. и в середине 1990-х годов.
2. Проанализировать общую динамику ценностных ориентаций личности в период 1994–2006 гг. для выявления ее исторической специфики.
3. Изучить структуру и динамику ценностных ориентаций личности в периоды после острых социально-экономических кризисов (после 1992–1993 и 1998 гг.).
4. Выявить наиболее распространенные в обществе психологические типы ценностных ориентаций современной личности.
5. Рассмотреть социальные представления о роли денег в индивидуальной и общественной жизни, ценностный, мотивационный и эмоциональный компоненты отношения к деньгам личности с разным типом ценностных ориентаций.

Результаты исследования позволяют продвинуться в понимании закономерностей взаимодействия макросоциальных изменений и психологических феноменов сознания личности и социальных групп, способствуя выявлению значимых тенденций в исторических изменениях ценностных ориентаций в целом. Исследование помогает понять, чем обуславливается социальное поведение личности

и группы на уровне не столько отдельных поступков в конкретных социальных ситуациях, сколько более длительных поведенческих программ, направленных на достижение отдаленных целей. Оно способствует пониманию направлений общего социального развития конкретных социально-демографических и социально-экономических групп, так как изменения ценностных ориентаций во многом характеризуют приоритеты социального развития. В целом изучение динамики ценностных ориентаций личности в связи с социально-экономическими трансформациями в обществе помогает построению обоснованного прогноза социального развития личности и социальных групп.

Знание особенностей общественной психологии, путей ее становления и изменения имеет важное значение для социального управления. Необходим научный анализ динамики общественного сознания как неотъемлемого компонента развития экономики, социальной сферы и в целом культуры общества, а также для предупреждения негативных социально-психологических проявлений в обществе. Проблема динамики ценностных ориентаций в условиях социально-экономических изменений касается вопросов, связанных с личностным развитием, с конструктивным преодолением личностью кризисных периодов, в основе которых лежит неизбежное переосмысление значимости жизненных ценностей и их смыслового содержания.

Методики и организация исследования

Ценностные ориентации понимаются нами как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысло-жизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций. Образуя высший уровень диспозиционной иерархии в структуре личности, ценностные ориентации являются основаниями для оценки окружающей действительности и детерминируют предрасположенность личности к той или иной социальной активности.

Для изучения ценностных ориентаций личности применялся адаптированный вариант методики М. Рокича «Ценностные ориентации». В исследовании используется предложенное М. Рокичем группирование ценностей на терминальные и инструментальные.

Терминальные ценности (ценности-цели) определяются как такие значимые объекты социальной действительности, на которые распространяются убеждения личности в том, что с личной, групповой или общественной точек зрения они стоят того, чтобы к ним стремиться, чтобы их добиваться. Инструментальные ценности (ценности-средства) – это такие качества и способы действий, на которые распространяются убеждения личности в том, что с личной, групповой или общественной точек зрения они являются более предпочтительными в большинстве социальных ситуаций.

Для диагностики психологических свойств личности применялись шкалы 16-факторного опросника Кэттелла (форма С): фактор MD «адекватность самооценки», фактор G «подверженность чувствам – высокая нормативность поведения», фактор Н «робость–смелость», фактор L «доверчивость–подозрительность», фактор М «практичность–мечтательность» и фактор Q2 «конформизм–нонконформизм». Для выявления преобладающего типа отношения личности к людям была использована методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Для оценки отношения личности к соревнованию (конкуренции) с другими людьми использовалась 5-позиционная текстовая шкала от утверждения «Мне абсолютно чуждо это чувство» до «Предпочитаю жить и работать в условиях конкуренции». Применялась специально разработанная программа стандартизированного опроса, включающая разделы, направленные на изучение различных характеристик экономического сознания личности (Журавлев, Журавлева, 2002).

Для оценки динамики ценностных ориентаций в конкретные исторические периоды был использован метод поперечных «срезов». Исследовательские «срезы» осуществлялись каждые 2–3 года в течение 12 лет в относительно спокойные в социально-экономическом плане периоды (не менее чем через 1 год после острых экономических кризисов): в 1994, 1997, 1999, 2001, 2003 и 2006 годах. При планировании эмпирического исследования учитывалась в первую очередь интенсивность изменений социально-экономических условий в обществе. Периоды острых кризисных социально-экономических условий в обществе идентифицировались по следующим основным признакам: резкое падение уровня производства, нарушение интеграционных связей между отраслями производства, резкое возрастание безработицы, резкое падение курса рубля по отношению к твердой валюте, интенсивные инфляционные процессы. Состояние ценностных ориентаций личности впервые было зафик-

сировано осенью 1994 г. после острого социально-экономического кризиса 1992–1993 гг.; далее – в период, отличавшийся более высокой, по сравнению с первым, экономической стабильностью, осенью 1997 г. Третий исследовательский «срез» был сделан примерно через год после экономического дефолта августа 1998 г. – осенью 1999 г. Четвертый исследовательский «срез» был выполнен весной 2001 г. в условиях относительной экономической стабилизации. Пятый и шестой исследовательские «срезы» были осуществлены осенью 2003 г. и осенью 2006 г. в период наметившегося экономического роста. Сравнительный анализ ранговых структур ценностных ориентаций личности в разные исследовательские «срезы» был выполнен с помощью Т-критерия Стьюдента.

В исследовании принимали участие жители Московского региона: за шесть исследовательских «срезов» было опрошено 3251 человек, которые распределились по годам исследования следующим образом: 215 чел. в 1994 г., 314 чел. в 1997 г., 887 чел. в 1999 г., 456 чел. в 2001 г., 745 чел. в 2003 г. и 634 чел. в 2006 г. Увеличение общей выборки объяснялось прежде всего постепенно нараставшими исследовательскими возможностями, а также необходимостью более надежного анализа ценностных ориентаций отдельных социальных групп.

Каждая выборка примерно в равных частях распределялась по следующим социальным группам: работники государственных предприятий; работники предприятий без образования юридического лица (ПБЮЛ, а в 1990-е годы – индивидуальных частных предприятий); работники открытых акционерных и закрытых акционерных обществ (ОАО и ЗАО, последние являлись объектом исследования с 1997 г.); военнослужащие (только по ведомству МО РФ); предприниматели сферы малого бизнеса; безработные; студенты и старшие школьники.

Выбор исследуемых групп производился по трем критериям: по основному роду занятий (работающие, учащиеся и безработные), по форме экономической деятельности (наемные работники и предприниматели различных сфер малого бизнеса), по форме собственности предприятий, на которых работали респонденты (работники государственных и частных предприятий, открытых и закрытых акционерных обществ). Учитывались также демографические критерии: пол, возраст (от 15 до 55 лет), уровень образования и семейный статус. Тем самым достигалась высокая степень разнородности выборки.

Ценностные ориентации личности в условиях социально-экономических изменений в российском обществе

Исследование показало, что ценностное сознание личности в период радикальных социально-экономических преобразований в обществе характеризовалось значительными изменениями. За прошедшее десятилетие, с середины 1990-х гг. XX в. (1994–1997) по 2006 г., в ценностных приоритетах россиян состоялся переход от ориентации на самоутверждение, на личностный рост, на достижение положительного социально-психологического самочувствия и на альтруистические ценности – к более выраженной направленности на ценности личной жизни, на достижение делового успеха и высокого материального благосостояния.

В новых социально-экономических условиях направленность личности на самоутверждение постепенно перестала входить в структуру наиболее значимых жизненных приоритетов. Так, от «среза» к «срезу», все менее значимой для респондентов становилась ценность независимости, которая переместилась с 4-й ранговой позиции на 8-ю (см. таблицу 1). К 2003 г., по-видимому, в связи со снижением общего темпа жизни в условиях экономического роста, достоверно снизилась в ряду жизненных целей и значимость активной жизни – с 9-го на 11-е место (см. рисунок 1).

В результате социально-экономических преобразований в обществе менее значимым для россиян стало стремление к достижению положительного социально-психологического самочувствия. Как показано в таблицах 1 и 2, ценность уверенности в себе постепенно перешла с 7-го на 8-е место, а ценность жизнерадостности к 1997 г. с 8-го переместилась на 10–11-е.

В период социально-экономических преобразований в обществе наблюдалось смещение общих акцентов в ценностных ориентациях от направленности на личностный рост и альтруистические ценности к направленности на ценности прагматические. Так, к 1997 г. значимость мудрости с 9-го ранга снизилась на 10-й, самоконтроль в период 1994–1999 гг. опустился с 5-го ранга на 9-й, альтруистические ценности счастья других и чуткости в период 1994–2001 гг. снизились соответственно с 14-го на 15-й ранг и с 16-го на 18–19-е ранговые места. Прагматические ценности, наоборот, вошли в структуру наиболее приоритетных ценностных ориентаций россиян. Ценность эффективности в делах после дефолта 1998 г. поднялась с 13-го на 7–10-е ранговые позиции. В свою очередь, ценность сме-

Таблица 1
Ранговая структура ценностных ориентаций (терминальных ценностей) личности по разным исследовательским «срезам»

Терминальные ценности	1994	1997	1999	2001	2003	2006
Здоровье	1	1	1	1	1	1
Семья	2	2	2	2	2	2
Любовь	3	3	3	3	3	3
Работа	8	4	4	5	4	6
Материальная обеспеченность	4	6	5	4	5	5
Друзья	5	5	6	6	6	4
Свобода	6	8	7	7	8	7
Уверенность в себе	7	7	8	8	7	8
Мудрость	9	10	10	10	9	9
Активная жизнь	11	9	9	9	10	11
Творчество	10	13	11	11	14	13
Познание	12	12	12	12	12	12
Богатство	13	11	13	13	11	10
Счастье других	14	14	15	15	13	14
Красота	15	17	14	14	15	15
Развлечения	18	15	17	16	17	16
Собственность	17	18	18	17	16	17
Бессмертие	16	16	16	18	18	18

Примечание: В таблице приведены приписанные ранги, в основе которых лежат средние ранговые значения.

лости в отстаивании взглядов в 2001–2006 гг. с 11–12-х мест также переместилась на более высокое 7-е. Таким образом, можно констатировать, что в массовом сознании произошло некоторое снижение значимости альтруистической стратегии поведения, традиционной для российской ментальности и направленной на обеспечение благополучия других людей.

В период исследования достоверно возросла для россиян значимость достижения делового успеха. Значимость работы к 1997 г. переместилась с 8-го на 4–6-е места, от «среза» к «срезу» рос приори-

Таблица 2

Ранговая структура ценностных ориентаций
(инструментальных ценностей) личности по разным
исследовательским «срезам»

Инструментальные ценности	1994	1997	1999	2001	2003	2006
Образованность	1	2	1	1	1	1
Честность	3	1	2	4	2	2
Твердая воля	2	3	3	2	3	3
Предприимчивость	6	4	4	3	4	5
Ответственность	9	6	5	5	5	4
Независимость	4	5	6	6	8	8
Терпимость	7	7	7	8	6	6
Самоконтроль	5	8	9	9	9	9
Эффективность в делах	11	13	8	7	7	10
Жизнерадостность	8	10	10	10	11	11
Смелость в отстаивании взглядов	10	12	12	11	10	7
Богатство	13	11	11	12	12	13
Воспитанность	12	9	13	14	13	12
Широта взглядов	16	14	14	15	14	14
Рационализм	14	17	15	13	15	16
Исполнительность	18	15	16	16	16	15
Собственность	15	18	17	17	18	17
Чуткость	17	16	18	19	17	18
Непримиримость к недостаткам в себе и других	19	19	19	18	19	19

Примечание: В таблице приведены приписанные ранги, в основе которых лежат средние ранговые значения.

ритет таких ценностей-средств, как образованность (со 2-го места на 1-е) и ответственность (с 9-го места на 4-е). Кроме того, в условиях экономического роста к 2006 г. большую значимость для россиян приобрело достижение высокого уровня материального благосостояния: терминальная ценность богатства переместилась с 13-го ранга на 10-й (см. рисунок 2). В ценностном сознании опрошенных постепенно возрастал и ранговый «вес» ценностей личной жизни:

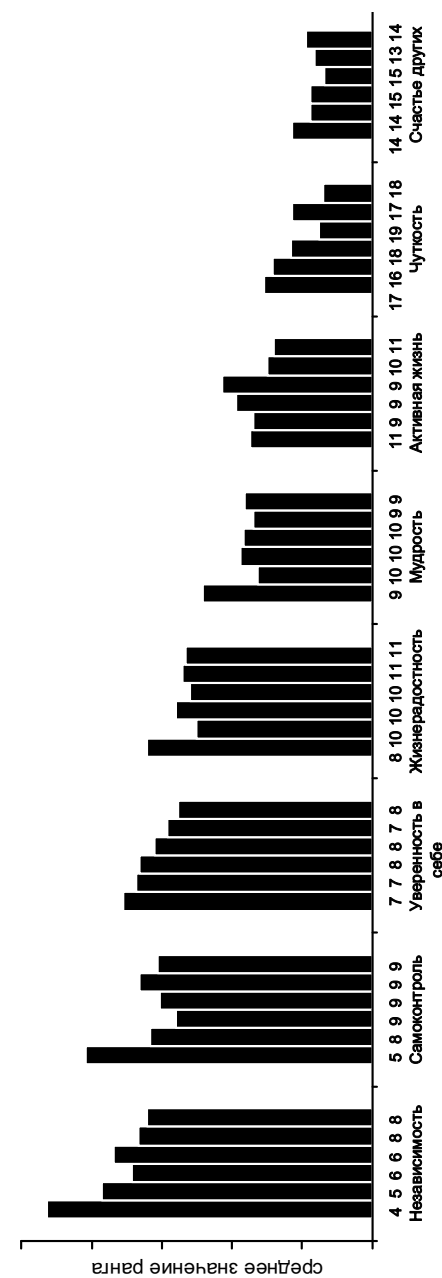

Рис. 1. Динамика ценностных ориентаций личности, значимость которых снизилась в период с 1994 по 2006 г. В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2–1997 г., в столбце 3–1999 г., в столбце 4–2001 г., в столбце 5–2003 г., в столбце 6–2006 г.

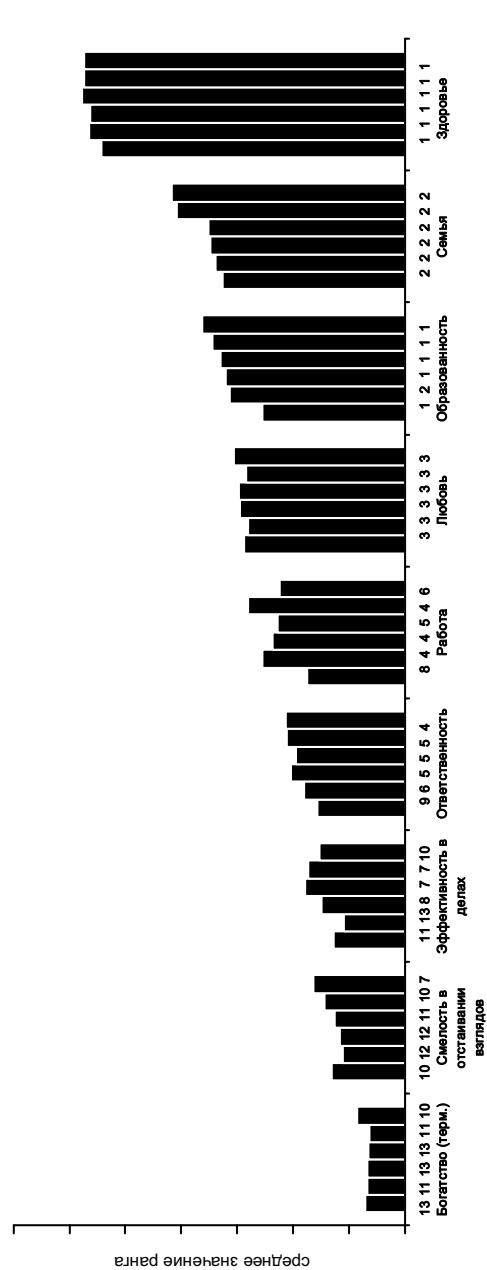

Рис. 2. Динамика ценностных ориентаций личности, значимость которых возрала в период с 1994 по 2006 г. В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2–1997 г., в столбце 3–1999 г., в столбце 4–2001 г., в столбце 5–2003 г., в столбце 6–2006 г.

семьи и любви, сохранивших соответственно 2-е и 3-е места, а с 1994 по 2001 г. все более значимой для личности становилась ценность здоровья (1-е место).

Особый интерес представляют результаты, раскрывающие, как в динамике ценностных ориентаций личности отражаются условия острого экономического кризиса в обществе. Результаты исследования свидетельствуют о том, что резкие изменения социально-экономических условий жизнедеятельности, связанные с кризисами 1992–1993 и 1998 гг., сопровождались ярко прослеживаемой динамикой в структуре ценностных ориентаций россиян. В это время выявленная волнообразная динамика двух комплексов терминальных и инструментальных ценностей проявилась в том, что когда в ценностном сознании личности возрастала значимость одного комплекса ценностей, тогда достоверно снижалось значение другого.

Следует подчеркнуть, что значимость преобладающей части ценностей, обнаруживших динамику в посткризисном «срезе» 1999 г., продолжала изменяться и в следующий относительно стабильный в социально-экономическом плане период («срез» 2001 г.). Это свидетельствует о долговременности и выраженности отсроченных последствий экономической дестабилизации в обществе, проявляющихся в ценностном сознании людей, что может объясняться его инерционными процессами.

Для того чтобы проследить все выявленные тенденции в динамике ценностных ориентаций, ниже рассматриваются те ценностные ориентации личности, значимость которых изменялась не только в высоко достоверных границах, но и в более широких пределах: на уровне значимости $p \leq 0,15$ при сравнении одной из трех пар исследовательских «срезов» (1994–1997 гг., 1997–2001 гг. или 2001–2003 гг.), $p \leq 0,35$ при сравнении второй из оставшихся пар и $p \leq 0,65$ при сравнении последней из трех пар (см. таблицу 3).

Динамика ценностных ориентаций респондентов в период после острого социально-экономического кризиса была выявлена дважды – в 1994 и в 1999–2001 гг. В эти периоды, как показано на рисунках 3 и 4, она характеризуется прежде всего переходом от направленности на этические ценности (честность, воспитанность, исполнительность) и активное проведение досуга (общение с друзьями, развлечения), типичной именно для периодов стабилизации экономических условий, к направленности на творческую самореализацию (творчество, познание, свободу, активную жизнь) и прагматические цен-

Таблица 3
Динамика ценностных ориентаций личности в периоды после острых социально-экономических кризисов (1994 и 1999–2001 гг.)

Ценности	Приписанный ранг (среднее значение ранга)			Уровень значимости различий между эмпирическими «срезами», полученный для Т-критерия Стьюдента			
	1994	1997	2001		1994–1997	1997–2001	2001–2006
Ценности, значимость которых возрастает после острых экономических кризисов							
Творчество	10 (6,95)	13 (7,48)	11 (7,14)	13 (7,53)	0,0002	0,003	0,00001
Рационализм	14 (7,05)	17 (7,41)	13 (7,01)	16 (7,34)	0,02	0,002	0,002
Свобода	6 (6,11)	8 (6,46)	7 (6,09)	7 (6,57)	0,08	0,03	0,001
Познание	12 (7,18)	12 (7,44)	12 (7,23)	12 (7,40)	0,06	0,07	0,07
Твердая воля	2 (5,48)	3 (5,67)	2 (5,47)	3 (5,72)	0,44	0,31	0,12
Эффективность в делах	11 (6,72)	13 (6,90)	7 (6,21)	10 (6,47)	0,31	0,00001	0,05
Активная жизнь	11 (7,13)	9 (7,15)	9 (6,93)	11 (7,30)	–	0,08	0,0001

Предприимчивость	6 (5,98)	4 (5,93)	3 (5,55)	5 (5,90)	–	0,04	0,02
Собственность (инстр.)	15 (7,21)	18 (7,54)	17 (7,35)	17 (7,38)	0,008	0,07	–
Ценности, значимость которых снижается после острых экономических кризисов							
Честность	3 (5,64)	1 (4,78)	4 (5,64)	2 (5,53) 2003 г.	0,001	0,0001	0,54 2001– 2003 гг.
Воспитанность	12 (6,75)	9 (6,51)	14 (7,14)	12 (6,77)	0,20	0,00001	0,002
Развлечения	18 (7,73)	15 (7,59)	16 (7,77)	16 (7,67)	0,11	0,01	0,05
Друзья	5 (5,85)	5 (5,46)	6 (5,91)	4 (5,58)	0,001	0,01	0,02
Исполнительность	18 (7,49)	15 (7,29)	16 (7,38) 1999 г.	15 (7,29)	0,11	0,33 1997– 1999 гг.	0,25 1999– 2006 гг.

Примечание: В предпоследнем столбце таблицы представлены данные сравнения 1997–2001 гг., а не 1997–1999 гг. в связи с тем, что динамика указанных ценностей, за исключением проявившей устойчивую в 1999–2001 гг. ценности исполнительности, в 1997–1999 гг. и 1999–2001 гг. являлась однонаправленной и уровень значимости различий между эмпирическими «срезами» в 1997 и 2001 гг. в большей степени показывает выраженные происходившие изменений в ценностных ориентациях личности за этот период. В последнем столбце таблицы представлены данные сравнения 2001–2006 гг., а не 2001–2003 гг. в связи с тем, что динамика указанных ценностей, за исключением проявившей устойчивую в 2003–2006 гг. ценности честности, в 2001–2003 гг. и 2003–2006 гг. являлась однонаправленной и уровень значимости различий между эмпирическими «срезами» 2001 и 2006 гг. в большей степени показывает выраженные происходившие изменений в ценностных ориентациях личности за этот период. Символ «<->» означает устойчивость в динамике ценности в указанный период.

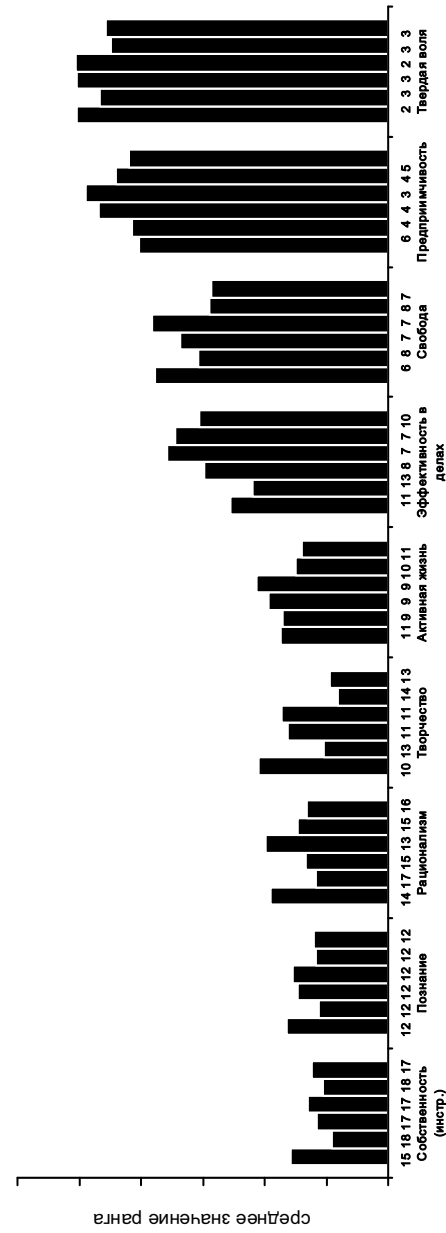

Рис. 3. Динамика ценностных ориентаций личности, значимость которых возрастает в периоды после острых социально-экономических кризисов (1994 и 1999–2001 гг.). В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2–1997 г., в столбце 3–1999 г., в столбце 4–2001 г., в столбце 5–2003 г., в столбце 6–2006 г.

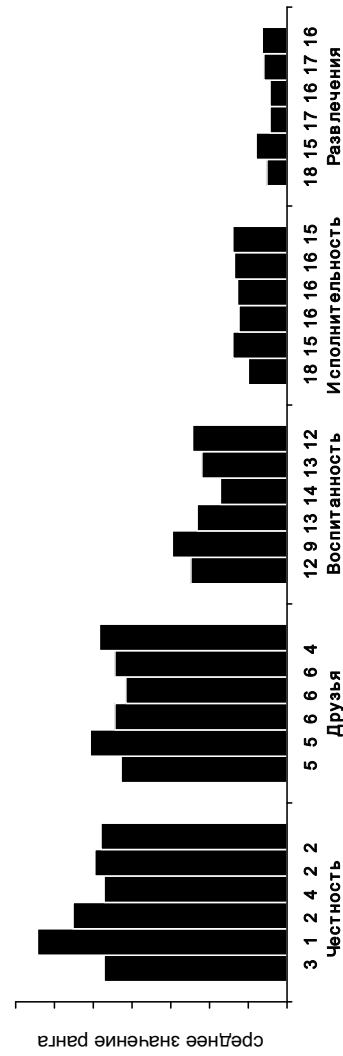

Рис. 4. Динамика ценностных ориентаций личности, значимость которых снижается в периоды после острых социально-экономических кризисов (1994 и 1999–2001 гг.). В столбце 1 показана значимость ценности в 1994 г., в столбце 2–1997 г., в столбце 3–1999 г., в столбце 4–2001 г., в столбце 5–2003 г., в столбце 6–2006 г.

ности (твердую волю, предприимчивость, эффективность в делах, рационализм, собственность), ярко выраженной в периоды макроэкономической дестабилизации.

Условия острого экономического кризиса сопровождаются замещением характерной для стабильного общества направленности на этические ценности ориентацией на ценности прагматические. Так, в иерархии инструментальных ценностей опрошенных честность опускается с 1-го рангового места на 4-е, воспитанность – с 9-го места на 14-е, исполнительность – с 15-го места на 16-е. В то же время твердая воля, наоборот, перемещается с 3-го на еще более высокое 2-е место, предприимчивость – с 4-го на 3-е место, эффективность в делах резко поднимается с 13-го на более высокое 7-е место, рационализм – с 17-го на 13-е место, собственность – с 18-го на 17-е место. Возрастающее значение прагматических ценностей и снижение значимости этических ценностей, вероятно, объясняется тем, что необходимость выживания в сложнейших кризисных условиях нередко сопряжена с допущением нарушения этических норм. Но в условиях социально-экономической стабилизации и улучшения экономической ситуации отмечается возвращение к более выраженной ориентации личности на гуманистическое отношение к окружающему миру, к другим людям.

Тот факт, что в периоды экономической дестабилизации в обществе менее проявляются ориентации личности на активное проведение досуга, по-видимому, связан с уменьшением свободного времени, необходимого для досуга, общения с друзьями (передвижение с 5-го на 6-е ранговое место), развлечений (с 15-го на 17-е место). Периоды после острых социально-экономических кризисов характеризуются ростом в иерархии ценностных ориентаций личности приоритета творческой самореализации: собственно творчества, переместившегося с 13-го на 11-е место; познания, значимость которого по средним значениям по выборке возросла, но при этом оно сохранило 12-й ранг; свободы, поднявшейся с 8-ой на 7-ю ранговую позицию; активной жизни, значимость которой по средним значениям возросла, но осталась на 9-м месте. Возрастающее значение творческой самореализации в условиях ухудшения экономической ситуации в обществе можно объяснить актуализацией «защитного» психологического механизма в жизнедеятельности личности в условиях высокого общего ее темпа и в целом усложнившейся жизни людей.

Психологические типы ценностных ориентаций личности в современном российском обществе

Каждому человеку присущи неповторимый комплекс потребностей, своя система взглядов на мир и пространство психологических отношений. Каждый имеет собственные нравственные принципы, жизненные смыслы и идеалы, поэтому разные люди по-разному относятся к одним и тем же ценностям, по-разному выстраивают их в своем сознании, что в свою очередь влияет на их социальные представления и социальное поведение.

С одной стороны, ценностное сознание личности обнаруживает черты, присущие социальным группам, народу, обществу в целом. При этом большое значение имеют социально-экономические и социально-культурные условия социализации личности. Социальные и профессиональные характеристики личности (жизненный опыт, образ жизни, социальный статус, сфера профессиональной деятельности) также оказывают значимое влияние на формирование личностной системы ценностей. В то же время формирование ценностных ориентаций происходит во взаимосвязи с многочисленными личностными свойствами. Поэтому сформировавшийся тип ценностных ориентаций во многом зависит от индивидуальных особенностей личности.

Выявленные различия и сходства в структуре ценностных ориентаций личности выступило основанием для построения их типологии, в результате которого могут быть выделены достаточно устойчивые группы людей с близкой структурой ценностных ориентаций. Целью данной части исследования было изучение наиболее распространенных психологических типов ценностных ориентаций личности в современном российском обществе.

Наряду с первичной обработкой результатов использовался кластерный анализ для выделения типов ценностных ориентаций личности и Т-критерий Стьюдента для выявления различий между этими типами. По результатам исследования выявленные сочетания ценностных приоритетов интегрируются в следующих типах ценностной направленности личности (см. таблицы 4 и 5).

Тип 1. Социально ответственный тип, ориентированный на межличностные отношения. К этому типу относится наибольшее число – треть опрошенных (28%). Респонденты данного типа прежде всего характеризуются направленностью на семью, работу и общение с друзьями. Ведущее положение среди инструменталь-

ных ценностей занимают ориентации на ценности социальной ответственности и этические ценности: честность, ответственность, терпимость и воспитанность. В структуре жизненных ценностей направленность на профессиональную самореализацию (работу в ряду терминальных ценностей и исполнительность в ряду инструментальных ценностей) является максимально выраженной по выборке и преобладает над значимостью экономических ценностей (материальной обеспеченности в ряду ценностей-целей, собственности в ряду ценностей-средств). Таким образом, для представителей данного типа высоко значимой является направленность на межличностные отношения и социальную ответственность. Относительно низко значимыми выступают ценности активного проведения досуга и самоутверждения: развлечения (18-е место), смелость в отстаивании взглядов (11-е место), независимость (9-е место), свобода (8-е место) и твердая воля (7-е место). Значительно менее важными для представителей этого типа, по сравнению с другими опрошенными, являются прагматические ценности: эффективность в делах (12-е место), предприимчивость (13-е место) и рационализм (18-е место).

Опрошенные, принадлежащие к данному типу ценностной направленности, чаще других в своей деятельности характеризуются низко выраженным стремлением к соревнованию с другими людьми, а также высокой оценкой собственных возможностей (высокими значениями по фактору MD). Представителям этого типа чаще, чем другим, свойственны низкие значения по фактору Н, т. е. эмоциональная сдержанность, деликатность, внимание к другим людям. Данный тип ценностной направленности одинаково часто представлен в выборке мужчин (26%) и женщин (29%). К нему принадлежат респонденты всех возрастных категорий (23–25%), но преобладают опрошенные старше 35 лет – 39–43%, а в наименьшей степени он представлен молодежью 18–25 лет (16%). Среди представителей рассматриваемого личностного типа преобладают работники государственного сектора экономики: госпредприятий и военнослужащие (40%), а также работники открытых акционерных обществ (бывших крупных госпредприятий) – 36%. Этот тип ценностных ориентаций одинаково часто встречается и во всех других социальных группах (20–26%).

Тип 2. Активный тип, ориентированный на ближайшее социальное окружение, характеризует 17% респондентов. Наиболее приоритетными для представителей этого типа являются ориентации на семью, работу и любовь. Основные жизненные цели опро-

шенных этого типа связаны прежде всего с достижением семейного благополучия. Значимость ценности семьи для опрошенных второго и четвертого типов максимальна по выборке. Первостепенное значение для этого личностного типа среди инструментальных ценностей имеют ценности социальной ответственности: терпимость, самоконтроль, ответственность, воспитанность. Обращает на себя внимание общая активность жизненной позиции, основными чертами которой являются ориентации на активную жизнь (9-е место), смелость в отстаивании взглядов (5-е место) и непримиримость к недостаткам в себе и других (15-е место). Представителями данного типа низко ранжируется комплекс экономических ценностей: богатство как терминальная ценность является предпоследней, 17-й по значимости, собственность как инструментальная – последней, 19-й. Относительно низко значимы для респондентов этого типа и прагматические ценности: предприимчивость занимает 10-е место, эффективность в делах – 11-е.

К личностным особенностям опрошенных данного типа ценностной направленности относятся низкие значения по факторам L и Q2, т. е. открытость, доброжелательность, терпимость, легкость в налаживании социальных контактов, а также предпочтение работать и принимать решения вместе с другими людьми, ориентация на социальное одобрение. Данный тип часто характеризуется низкой выраженностью прямолинейно-агрессивного типа отношения к людям, т. е. настойчивостью в достижении целей и энергичностью.

Данная структура ценностных ориентаций чаще встречается среди женщин (21%), чем среди мужчин (11%). Этот тип составляют представители всех возрастных групп (15–18%), однако чаще опрошенные в возрасте 18–25 лет (21%) и реже – респонденты старше 45 лет (13%). К данному типу в 18–22% случаев принадлежат представители разных социальных групп, реже – работники государственных предприятий (15%) и безработные (14%), еще реже – военнослужащие (5%).

Тип 3, ориентированный на самоутверждение, включает 16% опрошенных. Жизненная позиция личности этого типа связана с направленностью на свободу, любовь и общение с друзьями. Среди инструментальных ценностей большое значение имеет ориентация на самоутверждение: твердость воли, независимость, эффективность в делах, смелость в отстаивании взглядов. Этот личностный тип отличается выраженной направленностью на творческую самореализацию и духовные ценности: мудрость (7-е место), позна-

ние (9-е место), активную жизнь (10-е место), широту взглядов (11-е место), творчество (12-е место). Значительно менее важными для респондентов этого типа, по сравнению с другими опрошенными, являются ориентации на профессиональную самореализацию: работу (8-е место) и исполнительность (19-е место). Относительно низкий ранг занимает ценность материальной обеспеченности (5-е место).

В большей степени, чем других опрошенных, представителей этого типа характеризует стремление к соревнованию с другими людьми в своей деятельности, высокие значения по фактору Н, т. е. смелость, предприимчивость, активность, готовность к риску, способность принимать неординарные решения, склонность к авантюризму и проявлению лидерских качеств. Представителей данного типа часто отличают низкие значения по фактору G, т. е. импульсивность, гибкость по отношению к социальным нормам. Часто им свойственна выраженность властно-лидирующего и прямолинейно-агрессивного типов отношения к людям. Первый из этих типов отличается такими особенностями, как завышенная оценка собственных возможностей, нетерпимость к критике, потребность руководить другими, а другой тип характеризуется настойчивостью в достижении целей, строгостью в оценке окружающих, прямолинейностью, вспыльчивостью.

К данному типу несколько чаще принадлежат мужчины (19%), чем женщины (14%); чаще к нему относятся молодые опрошенные в возрасте до 25 лет (23–24%), чем представители возрастных категорий 26–45 лет (11–15%) и старше 45 лет (7%). Рассматриваемый тип ценностных ориентаций в основном характеризует учащуюся молодежь: старших школьников и студентов (25–26%), а также работников частного сектора экономики: индивидуальных частных предприятий и закрытых акционерных обществ (20–21%). Среди представителей других социальных групп он встречается в 11–13% случаев, а реже всего к нему принадлежат работники государственного сектора экономики: госпредприятий и военнослужащие (8%).

Тип 4, ориентированный на достижение материального благополучия семьи. Он выступает вторым по частоте встречаемости и охватывает четверть респондентов (25%). В качестве основных жизненных целей этого типа личности выступают ориентации на семью, материальную обеспеченность и работу. Ценностное сознание данного личностного типа в наибольшей степени по выборке характеризуется направленностью на счастливую семейную жизнь. Среди

инструментальных ценностей лидирующее положение занимают деловые качества и упорство в достижении целей: предприимчивость, твердая воля, эффективность в делах, ответственность и рационализм. В структуре инструментальных ценностей значимость прагматических ценностей преобладает над значимостью этических. Последние не входят в систему первых десяти жизненных ценностей: чуткость занимает последнюю 19-ю ранговую позицию, воспитанность – 16-ю, терпимость – 14-ю, честность – 12-ю. Сравнительно низко значимыми для представителей этого типа являются ценности жизнерадостности и активного проведения досуга: общение с друзьями (7-е место), развлечения (16-е место) и собственно жизнерадостность (15-е место).

К личностным особенностям опрошенных с данным типом ценностных ориентаций относятся высоко выраженное стремление к соревнованию с другими людьми, а также высокие значения по фактору G, т. е. ответственность, уравновешенность, настойчивость в достижении целей, деловая направленность. Данная структура ценностных ориентаций одинаково часто характеризует мужчин (26%) и женщин (25%). Этот тип составляют опрошенные, относящиеся к разным возрастным категориям (24–25%), но несколько чаще к нему принадлежат респонденты в возрасте 26–35 лет (31%). Прежде всего к данному типу ценностной направленности относятся предприниматели (40%), военнослужащие (34%), безработные (30%) и работники закрытых акционерных обществ (27%). В 21–23% случаев он встречается в других социальных группах. Реже всего этот личностный тип характеризует представителей учащейся молодежи: студентов и старших школьников (16–17%).

Тип 5, ориентированный на достижение высокого уровня материального благосостояния. К нему относится наименьшее число (14%) опрошенных. Приоритетными жизненными целями респондентов, характеризующихся данным типом ценностных ориентаций, являются ориентации на семью, любовь и материальную обеспеченность. Ведущее положение в ряду инструментальных ценностей занимают достижение высокого уровня материального благосостояния и ориентации на прагматические ценности – предприимчивость, независимость и эффективность в делах. Значительно менее важными для опрошенных с данной структурой ценностных ориентаций являются этические ценности: честность (11-е место), терпимость (13-е место), воспитанность (15-е место) и чуткость (16-е место), а также ориентации на волевые ценности: уверенность

в себе (9-е место), самоконтроль (10-е место), ответственность (12-е место) и исполнительность (17-е место).

В структуре терминальных ценностей также обнаруживается выраженная направленность на достижение богатства (7-е место). Большое значение для этого личностного типа имеют такие жизненные цели, как собственность (8-е место), развлечения (11-е место) и красота (12-е место). Сравнительно низко ими ранжируются ценности духовного развития: мудрость выступает 14-й по значимости, познание и широта взглядов находятся на 18-м месте.

Личностные характеристики опрошенных этого типа отличают низкие значения по фактору MD, т. е. склонность занижать свои возможности, критичность по отношению к себе, а также низкие значения по фактору G, т. е. импульсивность, гибкость по отношению к социальным нормам. Для данного личностного типа характерны высокие значения по факторам L и Q2, т. е. подозрительность, эгоцентричность, а также неконформизм, независимость, следование по самостоятельно выбранному пути. Данный тип часто характеризуется выраженностью недоверчивого, скептического отношения к людям, т. е. неконформностью, недоверчивым отношением к окружающим, замкнутостью.

Этот тип ценностных ориентаций чаще характеризует мужчин (18%), чем женщин (11%), прежде всего – молодых опрошенных в возрасте до 35 лет (15–18%). Также в 7% случаев он встречается в возрастной группе 36–45 лет и в 12% – у респондентов старше 45 лет. К данному личностному типу относятся чаще всего представители наименее социально защищенных социальных групп: старшие школьники и неработающие респонденты (19–20%), в других социальных группах он встречается в 12–16% случаев. Реже всего к нему относятся представители наиболее защищенных социальных групп: предприниматели (7%) и работники открытых акционерных обществ (9%).

В последние два десятилетия значительные изменения были характерны для экономических представлений личности о различных экономических объектах: о деньгах, богатстве, благосостоянии, собственности. В связи с этим особого внимания заслуживает изучение экономического сознания личности, различные компоненты которого интенсивно трансформировались у подавляющего большинства российского населения. Экономическое сознание личности в значительной степени обусловлено культурными, экономическими, социальными, политическими факторами. При этом

Таблица 4
Распределение рангов терминальных ценностей у представителей разных психологических типов

Терминальные ценности	Типы ценностных ориентаций				
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
Здоровье	1	1	1	1	1
Семья	2	2	11	2	2
Любовь	5	4	3	5	3
Работа	3	3	8	4	5
Материальная обеспеченность	6	5	5	3	4
Друзья	4	6	4	7	6
Уверенность в себе	7	7	6	6	9
Свобода	8	8	2	8	8
Мудрость	9	10	7	9	14
Активная жизнь	13	9	10	10	10
Богатство	12	17	14	12	7
Познание	10	15	9	11	18
Счастье других	11	12	16	13	17
Творчество	14	13	12	14	15
Красота	15	14	13	17	12
Собственность	16	11	17	15	16
Развлечения	18	16	15	16	11
Бессмертие	17	18	18	18	13

отношение к экономическим объектам во многом определяется психологическими особенностями личности, и, с нашей точки зрения, прежде всего типом ее ценностных ориентаций. В рамках данного исследования был выполнен анализ отношения современной личности к деньгам, включающий изучение социальных представлений о роли денег в индивидуальной и общественной жизни, его ценностного (значимости денег для личности), мотивационного (интенсивности желания личности иметь деньги) и эмоционального (степени щедрости, проявляющейся в обращении с деньгами) компонентов.

В результате сравнительного анализа отношения к деньгам личности с разными типами ценностных ориентаций были получены

Таблица 5

Распределение рангов инструментальных ценностей у представителей разных психологических типов

Инструментальные ценности	Типы ценностных ориентаций				
	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4	Тип 5
Образованность	2	3	2	2	2
Честность	1	13	9	12	11
Твердая воля	7	7	1	3	6
Предприимчивость	13	10	7	1	3
Ответственность	3	4	5	5	12
Терпимость	4	1	12	14	13
Эффективность в делах	12	11	4	4	5
Независимость	9	8	3	6	4
Самоконтроль	6	2	10	9	10
Смелость в отстаивании взглядов	11	5	6	7	9
Жизнерадостность	8	6	8	15	7
Богатство	15	18	16	18	1
Воспитанность	5	9	14	16	15
Широта взглядов	16	12	11	10	18
Рационализм	18	16	13	8	14
Исполнительность	10	17	19	11	17
Чуткость	14	14	15	19	16
Собственность	19	19	18	13	8
Непримиримость к недостаткам в себе и других	17	15	17	17	19

следующие данные. Выраженность таких показателей, как интенсивность желания иметь деньги, а также в целом их значимость, от первого личностного типа к пятому возрастает. Опрошенные, принадлежащие к социально ответственному типу ценностных ориентаций, реже других характеризуются высокой значимостью денег (33%) и очень высоким желанием иметь деньги (35%), тогда как для опрошенных, ориентированных на достижение богатства, эти показатели максимальны по выборке (57% и 50%). При этом степень щедрости личности, проявляющаяся в обращении с деньгами, наоборот, от первого к пятому типу снижается.

От первого типа ценностной направленности к пятому возрастает в целом позитивность оценки роли денег в индивидуальной и общественной жизни. Социальных представлений о том, что деньги возвышают человека, а также делают жизнь человека содержательной и счастливой, придерживаются 58–60% респондентов, принадлежащих к социально ответственному и активному типам ценностной направленности, 61–62% опрошенных, направленных на самоутверждение, 66–69% тех, кто, в первую очередь, ориентирован на достижение материального благополучия семьи, и 72–76% опрошенных, ориентированных на достижение высокого уровня материального благосостояния. Свое согласие с утверждением, что ради денег стоит жить, выразили лишь 7–11% респондентов, характеризующихся первыми четырьмя типами ценностной направленности, тогда как среди опрошенных, ориентированных, в первую очередь, на достижение богатства, так полагают 28%.

При этом от первого к пятому типу отмечается снижение частоты встречаемости нейтральных и негативных оценок роли денег в индивидуальной и общественной жизни. Если 23–33% респондентов, принадлежащих к первым трем типам, считают, что ничего хорошего в деньгах нет, то среди представителей ценностной направленности на достижение материального благополучия семьи и богатства, так полагают лишь 14–16%. Более трети (40–43%) опрошенных социально ответственного и активного типов, а также ориентированных на самоутверждение, согласны с утверждением, что деньги портят людей. А в группе респондентов, в первую очередь, ориентированных на достижение материального благополучия семьи, такого мнения придерживается только каждый третий (34%), а среди опрошенных с выраженной направленностью на достижение богатства такие ответы встречаются еще реже, лишь у каждого четвертого (26%).

Результаты исследования социальных представлений о функции денег в жизни личности показали, что опрошенных, принадлежащих к социально ответственному и активному типам (типы 1 и 2), отличает в целом более низкая социальная значимость денег. Они реже других опрошенных (31%) отмечают свое согласие с социальными представлениями о том, что именно деньги являются средством достижения значимых целей в жизни (17–20%). Так же, как и представители третьего и четвертого типов, они реже, чем опрошенные, ориентированные на достижение богатства (29%), считают, что деньги прежде всего позволяют удовлетворять любые желания (15–19%). Они реже полагают, что именно деньги дают возможность

стать значимым, уважаемым человеком (6–9%), а также что только с их помощью можно хорошо проводить время и развлекаться (3–4%). Тогда как в группе респондентов с выраженной направленностью на самоутверждение и богатство такие ответы зафиксированы несколько чаще – в 11–12% и 9% случаев соответственно. Среди представителей социально ответственного и активного типов ценностной направленности (типы 1 и 2) чаще, чем в трех других (7–9%), встречаются социальные представления о том, что деньги, в первую очередь, позволяют помогать другим людям (13–14%). Опрошенные этого психологического склада чаще придерживаются взглядов о том, что деньги прежде всего создают нормальные условия жизни (53–56%) и позволяют удовлетворять самые необходимые потребности (54–57%). Тогда как респонденты с выраженной направленностью на самоутверждение и богатство так полагают значительно реже – в 41–49% и 44–49% случаев соответственно.

Полученные результаты показали, что различия между рассматриваемыми типами ценностной направленности личности обнаружены по всем выделенным компонентам ее отношения к деньгам: ценностному (значимости денег для личности), мотивационному (интенсивности желания личности иметь деньги), эмоциональному (степени щедрости, проявляющейся в обращении с деньгами), социальным представлениям о роли и функции денег в индивидуальной и общественной жизни. Таким образом, ценностные ориентации личности во многом определяют формирование ее экономических представлений. По результатам исследования, каждый из психологических типов характеризуют принципиально отличные от других представления личности о ценности и роли денег в жизни.

Выводы

1. В период социально-экономических изменений в российском обществе с 1994 по 2006 г. обнаружена общая динамика возрастания значимости для личности прагматических ценностей (эффективности в делах, смелости в отстаивании взглядов), достижения делового успеха (повысилась ценность работы, образованности, ответственности), высокого материального благосостояния (богатства) и личной жизни (семьи, любви). Менее значимой в изучаемый исторический период макроэкономических преобразований в обществе стала направленность на личностный рост (мудрость, самоконтроль), альтруистичес-

кие ценности (счастье других, чуткость), самоутверждение (независимость, активную жизнь) и достижение положительного социально-психологического самочувствия (жизнерадостность, уверенность в себе).

2. В периоды после острых социально-экономических кризисов (1992–1993 гг. и 1998 г.) в системе жизненных приоритетов россиян возрастает значимость прагматических ценностей (эффективности в делах, рационализма, твердой воли, предприимчивости), творческой самореализации (творчества, познания, свободы, активной жизни). В то же время в ценностном сознании респондентов снижается значимость этических ценностей (честности, воспитанности, исполнительности) и ориентации личности на «активное» проведение досуга (общения с друзьями, развлечений).
3. Выполненное исследование позволило выделить 5 психологических типов ценностных ориентаций современной личности. Первый тип – социально ответственный, ориентированный на межличностные отношения. В первую очередь он характеризуется направленностью на семью, работу и общение с друзьями. Ведущее положение среди инструментальных ценностей занимают этические ценности. Второй тип – активный, ориентированный на ближайшее социальное окружение. Наиболее приоритетными являются ориентации на семью, работу и любовь. Первостепенное значение среди инструментальных ценностей имеют ценности социальной ответственности. Третий тип – ориентированный на самоутверждение. Жизненные цели связаны с направленностью на свободу, любовь и общение с друзьями. Он отличается выраженной направленностью на творческую самореализацию. Четвертый тип – ориентированный на достижение материального благополучия семьи. В качестве основных жизненных целей выступают ориентации на семью, материальную обеспеченность и работу. Среди инструментальных ценностей лидирующее положение занимают деловые качества и упорство в достижении целей. Пятый – тип, ориентированный на достижение высокого уровня материального благосостояния. Наиболее приоритетными жизненными целями людей этого типа являются ориентации на семью, любовь и материальную обеспеченность. Первостепенное значение имеет достижение богатства. Ведущее положение в ряду инструментальных ценностей занимают ориентации на прагматические ценности.

4. Сравнительный анализ отношения к деньгам личности с разным типом ценностных ориентаций показал, что различия между рассматриваемыми типами ценностной направленности обнаружены по всем выделенным компонентам ее отношения к деньгам: ценностному (значимости денег для личности), мотивационному (интенсивности желания личности иметь деньги), эмоциональному (степени щедрости, проявляющейся в обращении с деньгами), к социальным представлениям о роли и функции денег в индивидуальной и общественной жизни.

Литература

- Абульханова К. А., Воловикова М. И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. № 5. С. 5–14.
- Андреева Г. М. Социальное познание: Проблемы и перспективы. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Гринин Л. Е. Психология экономических кризисов // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 75–99.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Журавлев А. Л., Журавлева Н. А. Программа социально-психологического исследования экономического сознания личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 11–41.
- Лапин Н. И. Пути России: Социокультурные трансформации. М.: ИФ РАН, 2000.
- Макропсихология современного российского общества / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Позняков В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
- Психология: Учебник / Под ред. А. А. Крылова. М.: Проспект, 1998.
- Рассадина Т. А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 95–101.
- Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1999.

ПОНИМАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Е. Пащенко де Превиль, Е. Дрозда-Сенковска

Глубокие изменения, затрагивающие все сферы российского общества, и их влияние на личность продолжают быть в центре внимания исследователей различных отраслей науки, в том числе – социальных психологов. Областью нашего научного интереса является понимание личностью ответственности и эволюция этого понимания в период демократизации российского общества.

Принимая во внимание важность феномена ответственности как одного из механизмов регулирования отношений между личностью и обществом (Bierhoff, Auhagen, 2001) для социальной организации каждого общества, мы полагаем, что изменения социальной, политической и экономической систем по определению должны отразиться на данном феномене и, как следствие, на понимании ответственности личностью.

Теоретической базой нашего исследования выступила теория социальных представлений, которая, акцентируя внимание на взаимозависимости социальных и личностных феноменов и их динамике, изучает то, как формируются и изменяются представления о тех или иных социально значимых объектах.

Опираясь на тот факт, что формирование социальных представлений обусловлено общим социальным контекстом, а именно социальными, историческими, идеологическими условиями (Rouquette, Rateau, 1998), мы предприняли изучение социальных представлений об ответственности в двух странах – России и Франции. Они различаются не только по перечисленным выше условиям, но и по динамике изменения этих условий, что, в свою очередь, позволило предположить, с одной стороны, существование различий в представлениях об ответственности российских и французских студентов (которые

явились респондентами нашего исследования), а с другой – неодинаковую динамику изменений их представлений.

Мы полагаем, что значительные изменения, затрагивающие центральное ядро представлений об ответственности, будут наблюдаться в представлениях молодых россиян, ибо российское общество подверглось масштабным изменениям, касающимся всех сфер жизни и деятельности личности, тогда как в представлениях молодых французов будут наблюдаться лишь небольшие изменения, в силу того что французское общество характеризовалось во время проведения нашего исследования относительной стабильностью.

Всего в нашем исследовании приняли участие 5152 человека: 1903 человека в 1997–1998 гг. и 3249 – в 2004–2005 гг. На момент проведения исследования все они были студентами вторых и третьих курсов факультетов правоведения, психологии и экономики московских и парижских университетов.

Использовались методы, широко применяемые при изучении социальных представлений, а именно: метод свободных ассоциаций, метод «парных сравнений» и метод «автораспределения».

В 1997–1998 гг. нами использовались пять слов-стимулов: *ответственность*, *индивидуальная ответственность*, *социальная ответственность*, *юридическая ответственность* и *моральная ответственность*. В 2004–2005 гг. к этим пяти терминам, соответствующим различным типам ответственности, мы добавили новое слово-стимул: *коллективная ответственность*.

Данные, полученные при использовании метода свободных ассоциаций, были обработаны с помощью программного обеспечения EVOС2000 (Vergès, 2000) с целью осуществления двух типов анализа – прототипического и категориального (Vergès, 1992) – применительно к ассоциациям на каждое слово-стимул.

При обработке данных, полученных с помощью методов «парных сравнений» и «автораспределения», использовалась программа Statistica. При анализе применялись методы: «Иерархический кластерный анализ (по методу Варда)», «Многомерное шкалирование» и «Дисперсионный анализ».

Исследование 1997–1998 гг.

Анализ данных, полученных при использовании методов свободных ассоциаций и парных сравнений в 1997–1998 гг., позволил выявить особенности социальных представлений российских и француз-

ских студентов и обнаружить различные тенденции в понимании ими ответственности (подробнее см.: Pachtchenko de Préville, 2006).

Во-первых, отметим существование *значительных различий у русских и французских студентов в понимании ответственности и ее типов*. Основное различие заключалось в приоритете у молодых французов ответственности, принимаемой на себя, а у россиян – ответственности, в первую очередь связанной с долгом и вменяемой в обязанность.

Отметим, что идея принятия ответственности присутствовала также и в представлениях французских студентов и отсутствовала у российских по отношению к *индивидуальной ответственности*. К тому же, понимание индивидуальной ответственности опиралось у россиян и французов на различные личностные характеристики: для русских студентов оно было связано с качествами, востребованными в профессиональной деятельности (дисциплина, точность, пунктуальность и т. д.), тогда как для французских – с идеей зрелости, т. е. личностного качества.

Что касается *моральной ответственности*, различия между двумя выборками респондентов оказались менее выражены, сравнительно с другими типами ответственности. Многие понятия являются общими для молодых россиян и французов: так, их представления о моральной ответственности связаны в первую очередь с совестью и долгом. Данное сходство указывает на то, что мораль является понятием более универсальным, чем другие виды ответственности, и, следовательно, более независимым от различного вида контекстов: политического, экономического, социального, особенно если учесть, что речь идет о двух странах с давними христианскими традициями.

Юридическая ответственность связывалась всеми студентами (и русскими, и французскими) с законностью (главным образом с правом и законом), но для россиян, в отличие от их французских сверстников, этот тип ответственности на момент проведения исследования был тесно связан с наказанием.

Для русских студентов *социальная ответственность* была связана с идеями общества и законности, но также и с моральными качествами. Для французских студентов существовала тесная связь между этим типом ответственности и идеями солидарности и уважения.

Вторым важным моментом, который необходимо отметить в отношении особенностей представлений об ответственности и ее различных типов у молодых россиян и французов, является то, что *оди-*

наковые понятия имеют разное значение для представителей двух выборок.

Продемонстрируем это на примере понятия *долга*: для русских студентов речь идет главным образом о моральном долге, тогда как для молодых французов о моральном долге речь идет только в случае моральной ответственности¹, – они понимают долг скорее как гражданский.

Третий важный момент: *общие тенденции были выявлены в понимании ответственности студентами обеих стран, обучающимися одинаковым специальностям; это особенно отчетливо прослеживается на примере индивидуальной ответственности.*

Так, в результате кластерного анализа у русских и французских студентов юридического факультета был выделен кластер «Ответственность, связанная с нарушением закона», но для россиян эта ответственность связывалась с наказанием, в том числе выражающимся в виде тюремного заключения (то есть с уголовной ответственностью), а для французов – с причинением ущерба и его возмещением (то есть с гражданской ответственностью). Из этого можно заключить, что и для русских, и для французских студентов юридического факультета индивидуальная ответственность связана с ответственностью за последствия того, что было сделано, но для французов это связано с возмещением убытков, а для россиян – с наказанием за содеянное. То есть идея санкционирования, присутствующая в представлениях об индивидуальной ответственности (наблюдающаяся и в отношении других типов ответственности), русскими и французскими студентами понимается по-разному: первыми – в терминах наказания, тогда как вторыми – в терминах возмещения нанесенного ущерба.

У французских и русских студентов факультетов психологии был выделен кластер «Ответственность, связанная с деятельностью», но для россиян она связана с сотрудничеством, тогда как для французских студентов-психологов – со способностью принимать решения в общем контексте деятельности. Отметим, что для русских и французских студентов-психологов общей в их представлениях об индивидуальной ответственности является идея *долженствования*.

1 За исключением французских студентов, обучающихся на факультете психологии, для которых речь идет о моральном долге и в случае юридической ответственности.

Из вышесказанного можно заключить, что у русских студентов юридического факультета понимание ответственности (и особенно юридической) содержало ярко выраженную составляющую – уголовную ответственность, а идея гражданской ответственности отсутствовала в их представлениях. Можно сказать, что ответственность означала для них: «Делай то, что ждут от тебя, иначе ты будешь наказан». Для французских студентов ответственность в целом и юридическая ответственность – в частности определяются как гражданская ответственность, которая защищает человека и гарантирует ему возмещение ущерба в условиях правового государства. Для русских студентов-психологов сотрудничество является одной из составляющих их представлений, – возможно, как сохранившийся отпечаток коллективистического общества. Для французских студентов-психологов акт «принятия решения» может рассматриваться как признак субъективности, – следствие того, что во Франции личности никогда не было отказано в праве принимать решение, как это было в России в годы социализма, когда партия, коллектив принимали решения для и за индивида.

Кроме того, на основании результатов многомерного шкалирования мы смогли сделать еще одно важное заключение относительно влияния специальности, по которой обучаются студенты, на их представления. Социальные представления об ответственности французских и русских студентов-психологов структурируются по оси «субъект ответственности», а французских и русских студентов-юристов – по оси «объект ответственности» (Pachtchenko de Préville, 2006, с. 266–277). Этот результат может быть объяснен ссылкой на *теорию организующих принципов* (Doise, 1990, 1992), согласно которой «социальные представления обозначают принципы, генерирующие личностные позиции, связанные со специфическим включением в совокупность общественных отношений и организующие символические процессы, опосредующие эти отношения» (Doise, 1985, с. 245). Как отмечает А. Валянс, там, где *теория центрального ядра* (Abric, 1976, 1994, 2003; Flament, 1989; Moliner, 1988, 1994, 1995) «говорит о консенсусных элементах, организующих представление для определенной социальной группы, *теория организующих принципов* указывает на организующие принципы, которые формируют смысловые рамки, общие для групп» (Valence, 2010, с. 71).

То есть можно заключить, что специальность, по которой обучаются студенты двух стран, где было проведено исследование, оказы-

вает организующее влияние на представления об ответственности и ее типах, наряду с влиянием общего социального контекста (социальных, экономических, идеологических условий), – другими словами, национальной принадлежности.

Наконец, структурный анализ результатов исследования 1997–1998 гг. позволил заключить, что центральное ядро социальных представлений об ответственности у французских студентов содержало элементы: «взрослый», «обязательство» и «принятие ответственности», то есть было сформировано из понятий, связанных с идеей добровольного принятия личностью на себя ответственности, тогда как центральное ядро социальных представлений об ответственности русских студентов было сформировано из элементов «долг» и «обязанность», что, скорее всего, отражало их понимание ответственности как предписанной извне.

Н. Я. Данилевский в свое время писал о том, что западное право сумело совместить два аспекта юридической задачи: регулирование отношений между личностью и государством и взаимоотношений между людьми (Данилевский, 1995). Благодаря тому, как они интегрированы в западное правовое сознание, права и обязанности служат опорой взаимной ответственности: ответственности государства перед личностью, которой гарантируются ее права, и личности перед государством, которая гарантирует ему выполнение своих обязанностей. В России и в общественной жизни, и в сознании отдельного человека эта взаимность была нарушена: права были вытеснены, заменены обязанностями¹. Об этом более века спустя свидетельствуют результаты нашего исследования.

Наши результаты согласуются с мнением Ж.-К. Абрика и других ученых (Abric, 1994; Rouquette, Rateau, 1998) о том, что формирование центрального ядра зависит от социально-исторических условий, окружающих индивидов, что позволяет нам объяснить выявленные различия через различия социально-политических контекстов и экономических систем двух стран – России и Франции.

Таким образом, анализ результатов нашего первого этапа исследования позволил прийти к заключению о различном понимании ответственности российскими и французскими студентами в конце 1990-х годов. Французские студенты связывали ответственность

1 Как показал проведенный нами анализ словарей русского языка (XIX и XX вв.), ссылки на долг по отношению к ответственности у россиян имеют длительную традицию (Pachtchenko de Prévile, 2006).

в первую очередь с ее добровольным принятием на себя и с идеей социальной зрелости. У молодых россиян, напротив, наблюдалось преобладание идеи долга и обязанностей. Наши результаты подтвердили выводы, полученные Ш. Курильски-Ожевен, М. Арутюнян и О. Здравомысловой (Kourilsky-Augeven, Arutiunyan, Zdravomyslova, 1996) в результате исследования правовой социализации подростков в России и Франции. Согласно авторам, французские подростки связывают ответственность со зрелостью, самоопределением и самосознанием, то есть ответственность понимается ими в рамках внутреннего контроля. Для юных россиян же ответственность связана с долгом по отношению к другому человеку или по отношению к объекту; ответственность для них является аналогом обязанности, она предписана и оценена извне.

Другой особенностью представлений об ответственности российских студентов, отмеченной в результате нашего исследования, явилась их моральная коннотация: молодые россияне чаще и более определено, чем их французские сверстники, связывали ответственность и ее различные типы с моральными понятиями. Этот результат может быть проинтерпретирован исходя из особенностей российского менталитета, описанных К. А. Абульхановой (Абульханова, 1997). Прежде всего, у российских субъектов отмечается преобладание моральных аспектов над правовыми. Вслед за А. В. Брушлинским, мы полагаем, что это может быть следствием слабости правового государства в России, которое в момент этого этапа нашего исследования находилось в процессе становления (Брушлинский, 1997). Данный факт может объяснить, почему правовое сознание было так слабо развито у россиян.

Одной из особенностей представлений российских студентов об ответственности явилось также то, что они усматривали ее прямую связь (и в особенности – юридической ответственности) с наказанием. Это подтверждает тенденции, наблюдаемые О. П. Николаевой (Николаева, 1993). В отличие от представителей западных стран, высокий процент россиян соблюдает законы из страха быть наказанным.

Что касается представлений об ответственности французских студентов, в них преобладала идея субъекта ответственности: категория «субъект» была выделена в семантическом поле их представлений практически обо всех типах ответственности, объединяя наибольшее число высказываний. Кроме того, в отношении французских студентов отметим интересный факт: молодые французы

ассоциировали ответственность с правами, практически не упоминая об обязанностях. Вероятно, на момент исследования для них был характерен взгляд на общество как на объект. Результаты исследований, проведенных в России под руководством К. А. Абульхановой-Славской (Белицкая, 1993, 1995), показали, что именно восприятие себя и общества или как субъектом, или как объектом определяет построение личностью своих отношений с обществом (Абульханова-Славская, 1995, 1997).

Моральный аспект играл очень малую роль в совокупности представлений французских студентов об ответственности и ее типах, в отличие от институционального, который выражался главным образом через ссылки на правовые институты. Наконец, идея принуждения и санкционирования у французских студентов была заметно менее выраженной, чем у россиян, подтверждая видение французскими респондентами ответственности как добровольной, а не навязанной извне.

К моменту нашего первого этапа исследования Россия уже пережила глубокие социальные, политические, экономические и другие изменения. Однако мы могли констатировать, что они не оказали существенного влияния на социальные представления об ответственности молодых россиян. Так же, как Д. Оберле и Е. Дрозда-Сенковска (Oberlé, Drozda-Senkowska, 2001), мы полагаем, что изменения в мышлении должны появиться позже. К тому же уже было отмечено, что для изменений социальных представлений необходим достаточно длительный отрезок времени (Guimelli, 1989; Vergès, 1989). С этой точки зрения заслуживает внимания сравнение результатов первого (1997–1998 гг.) и второго (2004–2005 гг.) этапов нашего исследования: они разделены значительным отрезком времени, в течение которого в российском обществе происходило развитие и углубление демократических преобразований. Изменилось ли понимание ответственности?

Исследование 2004–2005 гг.

Одним из наиболее интересных результатов нашего анализа данных второго этапа нашего исследования является тот факт, что в 2004–2005 гг. мы смогли отметить стабильность представления об ответственности у французских студентов и глубокое изменение, затрагивающее центральное ядро представления, – у молодых россиян. Это позволяет говорить об изменении представления об ответст-

венности у российских студентов между первым и вторым этапами нашего исследования.

Структурный анализ результатов 2004–2005 гг. помог выявить в качестве центральных элементов представления об ответственности у французских студентов «принятие ответственности» и «обязательство», в то время как центральное ядро представлений об ответственности российских студентов было сформировано из понятий «добросовестность», «исполнительность» и «надежность». Так как два представления считаются различными, если они имеют различные центральные ядра (Abric, 1994), мы можем снова сделать вывод о различии социальных представлений об ответственности французских и российских студентов (подробнее см.: Pachtchenko de Préville, 2006; Пащенко де Превиль, Дрозда-Сенковска (в печати)).

Таким образом, мы вновь наблюдаем различие в представлениях об ответственности русских и французских студентов, но оно основано на иных критериях, чем в 1997–1998 гг. Молодыми французами ответственность продолжает пониматься как ответственность личности, принимающей ее на себя, а в понимании ответственности молодыми россиянами наблюдается тенденция смещения акцента в сферу труда, то есть понимание ответственности у россиян кардинально преобразилось с появлением в ядре понятий, связанных с качествами личности, необходимыми для осуществления деятельности, которые заменили в ядре элементы, связанные с долженствованием.

Категориальный анализ подтвердил вышеобозначенные тенденции: эволюция понимания ответственности отражает процесс интериоризации ответственности, которая становится личным делом (Pachtchenko de Préville, 2006).

Мы можем объяснить эти изменения в наблюдаемой эволюции представления об ответственности молодых россиян через эволюцию российского общества: уничтожение плановой экономики в пользу рыночной привело к возрастающей важности профессиональной деятельности, в которой карьера уже не гарантируется государством, а зависит от личности. Это ставит в центр внимания россиян, наряду с уже отмеченными центральными элементами, «пунктуальность», «работу» и «серьезность». На данном этапе нашего исследования мы отметили, что в представлениях молодых россиян об ответственности акцент сместился от моральной составляющей и долженствования к видению человека, включенного в «социально-гражданский» процесс и стремящегося найти свое место в новой социально-экономической системе. Моральные коннотации (*совесть*,

порядочность) уступили приоритетное место понятиям, связанным с работой и с качествами личности, востребованными в профессиональной деятельности (*добросовестность, надежность, серьезность, пунктуальность и исполнительность*).

Представление об ответственности французских студентов продолжает оставаться сосредоточенным главным образом на ее добровольном характере. Что касается выявленных изменений, отметим, что в 2004–2005 гг. французские студенты, в высказываниях которых по поводу ответственности присутствовало понятие долга, были более многочисленны, чем в 1997–1998 гг. Это может означать, что ответственность для них стала состоять не только из прав (как отмечалось в нашем первом исследовании), но и из обязанностей¹. Русские студенты также приводят термин долг в своих ассоциациях к ответственности, который, однако, не является больше ядерным элементом их представлений об ответственности, как это было в 1997–1998 гг., и уже не имеет морального оттенка.

Со статистической точки зрения следует отметить наличие одинаковых понятий, приведенных респондентами двух национальностей (хотя и с разными процентами частотной встречаемости), что может служить показателем сближения понимания ими ответственности. Однако достаточно четкие различия продолжают проследиваться как в отношении представлений в целом об ответственности, так и о ее различных типах: индивидуальной, социальной, юридической, моральной, где более значительные изменения произошли у молодых россиян. Так, следует отметить тенденцию перехода к представлению россиянами личности как субъекта ответственности. Она выражается через появление с высокой частотностью наряду с низким рангом (показателей ядерности элемента, согласно П. Вержесу (Verges, 1992)) в их ассоциациях к этому типу ответственности таких терминов, как «самостоятельность», «личность» и «добросовестность». Понятие долга продолжает сохранять свою центральную позицию, в отличие от понятий «обязанность», «совесть» и «честность», которые, по результатам прототипического анализа данных, полученных в 2004–2005 гг., уже не выделяются как ядерные.

1 Ссылки на обязанность по отношению к ответственности у французских респондентов уже наблюдались в начале 2000-х годов (Bordel, 2002), но не в 1996 г. (Kourilsky-Augeven et al., 1996). Заметим, однако, что у французов отмечается стабильность представлений о выполнении обязанностей, связанных с семьей и работой (В que, 2001).

Следует отметить, что изменения в представлениях об ответственности и ее типах по результатам нашего исследования являются наиболее сильно выраженными для молодых россиян в отношении именно индивидуальной ответственности: в 2004–2005 гг. в семантическом поле их представлений об этом типе ответственности было выявлено в два раза больше категорий. Их необычно низкое количество в 1997–1998 гг. может быть объяснено тем фактом, что в условиях патерналистской советской системы индивид не существовал как действующее лицо ответственности, решения за него принимало государство, лишая его тем самым инициативы (Абульханова-Славская, 1991). Выделенные в этот период категории отражали понимание индивидуальной ответственности как навязанной извне, а в случае необходимости – с помощью силы. Во втором исследовании выделяются категории, связанные с личностными качествами человека, его навыками, его социальной ролью, а также выделяется категория, связанная с юридической регламентацией индивидуальной ответственности.

Что касается изменений в представлениях об индивидуальной ответственности французских студентов, отметим наблюдаемый по результатам прототипического анализа в 2004–2005 гг. (Pachtchenko de Préville, 2006) приоритет понятия «долг» над «обязательством» и «автономностью» в представлениях об индивидуальной ответственности у молодых французов (в 1997–1998 гг. долг находился в числе элементов потенциальной зоны изменения социального представления, в терминах П. Вержеса).

Но, несмотря на некоторое сближение между выборками в понимании как ответственности в целом, так индивидуальной ответственности, сохраняются и устойчивые различия. Индивидуальная ответственность для французских студентов по-прежнему имеет субъективный характер, и она для них в большей степени связана с институциональным измерением ответственности, чем для российских сверстников, для которых она теперь в большей степени стала связанной со сферой деятельности. Отметим, что для российских студентов индивидуальная ответственность продолжает сохранять моральную коннотацию, но гораздо менее выраженную, чем в конце 1990-х годов.

В отношении моральной ответственности можно отметить стабильность представлений российских и французских студентов, которая выявляется через сравнение результатов двух этапов нашего исследования. В 2004–2005 гг. в словесной продукции и молодых

россиян, и молодых французов выделяются практически те же самые высокочастотные термины и те же самые категории, что и в 1997–1998 гг. То есть эволюция представления о моральной ответственности является менее выраженной, это соответствует постоянству нравственных ценностей, составляющих ее основу.

Различие в представлениях о моральной ответственности между двумя выборками заключается в том, что особенностью представлений российских студентов является связь их моральных понятий со сферой так называемой «этики личности». Для россиян моральная ответственность – это дело каждого индивида, то есть для них речь идет об индивидуальной морали. С этой точки зрения, подчеркнем наличие в их ответах понятия «честь», которое практически не встречается в ответах французских студентов. Представление о моральной ответственности молодых французов направлено на так называемую общественную мораль (Апресян, 2006).

Пример юридической ответственности является особенно интересным с точки зрения наблюдения эволюции представлений.

В 1997–1998 гг. разница в представлениях об этом типе ответственности у молодых россиян и французов была впечатляющей: если общие понятия право и закон превалировали в обеих выборках, в ответах российских студентов присутствовали с высокой частотностью понятия «наказание» и «тюрьма», которые к тому же приводились ими в первых рангах ответов, что, согласно П. Вержесу (Vergès, 1992), может служить показателем их принадлежности к центральному ядру. Юридическая ответственность понималась российскими студентами главным образом как уголовная, тесно связанная с наказанием и лишением свободы. Для молодых французов, как мы это уже отметили выше, юридическая ответственность являлась гражданской, выражающейся в терминах причиненного ущерба и его возмещения, что, в сущности, может пониматься как оппозиция идее наказания, свойственной россиянам. Отметим также, что французские студенты ассоциировали понятие «долг» практически только с юридической ответственностью, тогда как россияне связывали его с ответственностью в целом и другими ее типами. То есть здесь можно сказать, что для французской молодежи только юридическая ответственность имела оттенок внешнего принуждения.

Отметим изменения, которые произошли между двумя моментами исследования в представлениях российских студентов о юридической ответственности, свидетельствующие об эволюции понимания этого типа ответственности молодыми россиянами. Хотя наказа-

ние в 2004–2005 гг. продолжает занимать видное место в их представлениях (находится в зоне потенциально ядерных элементов), россияне больше не связывают этот тип ответственности с тюремным наказанием. В их ассоциациях появляются понятия «правá» (в смысле индивидуальных свобод и возможностей, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности, обеспечения ее развития и полноценного участия в жизни общества), «адвокат» (гарант защиты индивидуальных прав) и «кодекс» (гарант законности, противопоставленный произволу власти). На наш взгляд, это отражает достаточно определенно прогресс демократии, который находит свое отражение в общественном сознании. Здесь мы видим источник сближения представлений о юридической ответственности молодых россиян и французов.

Что касается результатов исследования представлений о социальной ответственности, наблюдаемые изменения являются менее характерными, но отражают те же тенденции. На первом этапе нашего исследования представления россиян об этом типе ответственности являлись тесно связанными с обществом и долженствованием (долг и обязанность), а представления молодых французов – с солидарностью и уважением. Надо сказать, что представление об этом типе ответственности не претерпело значительных изменений между двумя этапами нашего исследования у французских студентов. У россиян же, напротив, мы видим иную картину, обусловленную изменениями, произошедшими в российском обществе (в какой-то мере можно говорить здесь об «обратной стороне монеты» демократизации и индивидуализации российского общества). С социальной ответственностью стали ассоциироваться понятия, связанные с областью индивидуальной морали, – например, нравственность и порядочность. Мы интерпретируем это как следствие ослабления государственной власти. На момент исследования русское общество уже пережило уничтожение советского государства, однако демократическое государство находилось еще в стадии становления. Не имея больше возможности полагаться на нормы и стандарты, предписанные извне, для регулирования общественных отношений люди стали полагаться и рассчитывать на моральные качества личности для обеспечения порядка общественной и даже экономической жизни. В связи с этим примечательно, что в 2004–2005 гг. слово долг цитируется российскими студентами по отношению к этому типу ответственности чаще, чем слово закон, тогда как обратная тенденция наблюдалась в 1997–1998 гг. Если закон является внешним ме-

ханизмом регуляции, то долг может рассматриваться как внешнее принуждение, но которое также выполняется, исходя, например, из побуждений совести.

На втором этапе исследования мы обратились еще к одному типу ответственности – ответственности коллективной – с целью более четко обозначить оппозицию индивидуальной ответственности, так как на первом этапе исследования в качестве оппозиции ей выступала социальная ответственность, что являлось не совсем адекватным (хотя и, безусловно, заслуживало внимания).

Из анализа ответов россиян явно видно, что они рассматривают коллективную ответственность сквозь призму личностных качеств. Вероятно, потому, что на момент проведения исследования обеспечение «функционирования российского общества» легло в какой-то степени на плечи индивидов, его составляющих, и было вменено им в обязанность, развивая такие качества, как честность и порядочность. У французских респондентов, напротив, коллективная ответственность ассоциировалась не с качествами личности, а с такими более общими понятиями, как уважение и солидарность.

Говоря об итогах второго этапа нашего исследования и выявленных изменениях в представлениях об ответственности, отметим еще раз, что эти изменения наиболее сильно выражены у российских студентов. Что касается французских студентов, можно говорить об относительной стабильности их представлений об ответственности и ее типах, хотя определенные изменения просматриваются в ходе нашего анализа. Проиллюстрируем это, опираясь на результаты категориального анализа.

Категория «субъект» является по-прежнему актуализированной в семантическом поле представлений молодых французских о всех типах ответственности с высоким процентом встречаемости терминов, ее составляющих. Другой категорией, также присутствующей в их представлениях обо всех типах ответственности, является категория «межличностные отношения», которая, однако, менее статистически значима. Категория «принуждение» вдвое увеличила свою частотную наполняемость в 2004–2005 гг. (в сравнении с нашим первым исследованием) по отношению к ответственности в целом, но ее статистический вес уменьшился для индивидуальной ответственности и практически не изменился для ответственности моральной и юридической.

Моральный аспект присутствует у французских студентов во втором исследовании в отношении практически всех видов ответствен-

ности (за исключением индивидуальной), а в первом исследовании эта категория выделялась у молодых французских только для моральной и, как это ни парадоксально звучит, для юридической ответственности.

Итак, на основе сопоставления результатов двух этапов нашего исследования мы можем говорить об эволюции в представлениях об ответственности и ее различных типах у российских и французских студентов. Так, российские студенты чаще приводят понятия, связанные с качествами личности, касающимися отношений между людьми и профессиональной сферы деятельности: добросовестность, серьезность, точность. Это может отражать необходимость социальной адаптации и поиска своего места в новой экономической реальности. Данная черта прослеживается во взглядах на ответственность в целом, но наиболее ярко проявляется в отношении к индивидуальной ответственности: идея самостоятельности, уже присутствующая в нашем первом исследовании, усилилась с течением времени, молодые россияне стали практически в три раза чаще ассоциировать это понятие с индивидуальной ответственностью.

Среди новых тенденций следует выделить еще одну, а именно увеличение в ответах российских студентов ссылок на закон: российское законодательство развивается и приспособляется к различным аспектам жизни, но, как показывает практика, повседневное применение закона в России не всегда является эффективным. Этим, пожалуй, можно объяснить наличие в наших результатах ссылок на качества личности, на которую можно положиться в процессе деятельности, в том числе профессиональной.

С другой стороны, некоторые понятия, которые являлись составной частью социальных представлений молодых россиян в нашем первом исследовании, имели явную тенденцию к сокращению в 2004–2005 гг. Так, ссылка на совесть, ранее очень сильно представленная по отношению к нескольким видам ответственности (ответственности в целом, индивидуальной и моральной ответственности), в 2004–2005 гг. не явилась больше высокочастотным элементом в представлениях россиян об ответственности в целом. Более того: она теперь является периферическим элементом, относящимся ко второй периферии, в терминах Ж.-К. Абрика (Abric, 2003), и звучит в два раза реже в ассоциативном ряду по отношению к ин-

дивидуальной ответственности. Таким образом, моральная составляющая, оставаясь, тем не менее, специфической характеристикой представлений молодых россиян, по сравнению с их французскими сверстниками, оказалась гораздо менее выраженной во время нашего второго исследования.

Идея принуждения и наказания являлась, наряду с моральной составляющей, особенностью социальных представлений об ответственности молодых россиян в конце 1990-х годов. Ослабление идеи наказания, особенно в виде лишения свободы, сразу бросается в глаза при анализе результатов второго этапа исследования. Эти термины присутствуют в ответах российских студентов лишь в остаточной форме; данный факт может означать, что молодые россияне перестали ассоциировать ответственность с уголовными санкциями. Таким образом, если ссылка на мораль продолжала составлять в момент второго исследования специфику русского менталитета, то идея наказания, судя по нашим результатам, явилась ослабленной или даже совсем исчезла из понимания ответственности молодыми россиянами.

По поводу французских студентов отметим, что их представления характеризуются относительной стабильностью, объясняемой стабильностью общего социального контекста во Франции в интервале между двумя этапами нашего исследования. Что касается изменений, следует отметить, что французские студенты в 2004–2005 гг. были более многочисленны в определении ответственности в связи с долгом, чем в нашем первом исследовании, в котором, напомним, они ссылались практически только на права. Мы интерпретируем это отсутствие ссылки в конце 1990-х годов на долг влиянием французского государства всеобщего благосостояния, которое предоставляет своим гражданам широкую социальную защиту. Французские подданные имеют тенденцию ожидать и требовать «то, что они заслуживают» в демократической стране, и эти требования могут носить активный характер (забастовки, демонстрации). Восстановление равновесия в тандеме «право–обязанность» произошло между 1997–1998 и 2004–2005 гг., однако ссылка на личную ответственность и добровольный характер ее принятия по-прежнему осталась у французских студентов сильно выраженной.

Опираясь на сравнение результатов первого и второго этапов нашего исследования, следует подчеркнуть, что эволюция в понимании ответственности явно прослеживается, однако она происходит с разной степенью интенсивности у молодых россиян и французских.

Заключение

Результаты нашего исследования позволили продемонстрировать влияние социального, политического и экономического контекста, а также его изменений на понимание ответственности. Анализ данных первой серии исследования, полученных в 1997–1998 гг., выявил различия в представлениях об ответственности молодых россиян и французских. Для российских студентов речь шла скорее об ответственности, детерминированной извне, тогда как в представлениях французских студентов доминировало понимание ответственности, добровольно принятой на себя личностью. Вторая серия исследования, проведенная в 2004–2005 гг., продемонстрировала стабильность представлений французской молодежи, тогда как понимание ответственности юными россиянами существенно изменилось: в представлениях о ней приоритетное место стало отводиться качествам личности.

Литература

- Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 7–37.
- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Абульханова-Славская К. А. Субъект как символ российского самосознания // Сознание личности в кризисном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 10–27.
- Апресян Р. Г. Понятие общественной морали // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 3–17.
- Белицкая Г. Э. Типы проблемности социального мышления личности // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 75–80.
- Белицкая Г. Э. Социальная компетентность личности // Субъект и социальная компетентность личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 109–137.
- Брушлинский А. В. Менталитет российский и национальный // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. С. 38–51.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. 6-е изд. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та–Глагол, 1995.

- Николаева О. П.* Сравнительный анализ развития правового сознания (в условиях различных государств) // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1993. С. 63–74.
- Пащенко-де Превиль Е., Дрозда-Сенковска Е.* Изучение трансформации социальных представлений: лонгитюдное эмпирическое исследование социальных представлений об ответственности. (В печати).
- Abric J.-C.* Jeux, conflits et représentations sociales / Thèse d'Etat. Aix en Provence: Université de Provence, 1976.
- Abric J.-C.* Les représentations sociales, aspects théoriques // Pratiques sociales et représentations / Ed J. C. Abric. Paris: PUF, 1994. P. 11–36.
- Abric J.-C.* La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d'étude des représentations sociales / Ed J. C. Abric. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80.
- Bègue M.* Place des valeurs dans la pensée sociale: une étude empirique. Thèse de Doctorat non publiée. Université Paris 8. 2001.
- Bierhoff H. W., Auhagen A. E.* Responsibility as a fundamental human phenomenon // Responsibility. The many faces of a social phenomenon / Eds A. E. Auhagen, H. W. Bierhoff. London: Routledge, 2001. P. 1–8.
- Bordel S.* Les dimensions objective et subjective du jugement de responsabilité. Thèse de doctorat en psychologie non publiée. Université de Rennes 2. 2002.
- Doise W.* Les représentations sociales: définition d'un concept // Connexions. 1985. № 45. P. 243–253.
- Doise W.* Les représentations sociales // Traité de psychologie cognitive. V. 3 / Eds R. Ghiglione, C. Bonnet, J.-F. Richard. Paris: Dunod, 1990. P. 111–176.
- Doise W.* L'ancrage dans les études sur les représentations sociales // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 189–195.
- Flament C.* Structure et dynamique des représentations sociales // Les représentations sociales / Ed D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 204–219.
- Guimelli C.* Pratiques nouvelles et transformations sans rupture d'une représentation sociale: la représentation de la chasse et de la nature // Perspectives cognitives et conduites sociales. T. 2. Représentations et processus sociocognitifs / Eds J.-L. Beauvois, R.-V. Joule, J.-M. Monteil. Cousset: Del Val, 1989. P. 117–141.
- Kourilsky-Augeven C., Arutiunyan M., Zdravomyslova O.* Socialisation juridique et modèle culturel: l'image du droit en Russie et en France. Paris: LGDJ, 1996.

- Moliner P.* Les méthodes de repérage et d'identification du noyau des représentations // Structure et transformation des représentations sociales / Ed C. Guimelli. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 199–232.
- Moliner P.* Validation expérimentale de l'hypothèse du noyau central des représentations sociales // Bulletin de psychologie. 1988. № 387. P. 759–762.
- Moliner P.* Noyau central, principes organisateurs et modèle bi-dimensionnel des représentations sociales – Vers une intégration théorique? // Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 1995. № 28. P. 44–55.
- Oberlé D., Drozda-Senkowska E.* Réflexions critiques sur l'étude du changement // Psychologie et Société. 2001. T. 2–3. P. 7–24.
- Pachtchenko de Préville E.* Penser la responsabilité en Russie et en France: études des représentations sociales chez les étudiants russes et français. Thèse doctorat. Lille: ANRT, 2006.
- Rouquette M.-L., Rateau P.* Introduction à l'étude des représentations sociales. Grenoble: PUG, 1998.
- Valence A.* Les représentations sociales. Bruxelles: De Boeck, 2010.
- Vergès P.* Représentations sociales de l'économie: une forme de connaissance // Les représentations sociales / Ed D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 387–405.
- Vergès P.* L'Evocation de l'argent: Une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de Psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.
- Vergès P.* Représentations sociales partagées, périphériques, indifférentes, d'une minorité: méthodes d'approche // Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale. 1995. № 28. P. 77–95.
- Vergès P.* EVOC2000© software for the analysis of the free association task. LAMES CNRS, 2000.

ПСИХОЛОГО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРАЗДНИКА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

А. М. Борисова

Социально-экономические изменения в нашей стране повлекли за собой изменения и во всех остальных сферах жизни. Система социальных и духовно-нравственных ориентиров остается все еще не выстроенной до конца. Идет поиск новых жизненных приоритетов. Можно сказать, что в настоящее время наше общество переживает период идеологического, мировоззренческого кризиса. В таких условиях особое значение имеет анализ роли того сохраняемого, что есть в культуре, которая, как известно, хранит, транслирует и генерирует определенные программы деятельности, поведения и общения, составляющие совокупный социально-исторический опыт.

Указывая на непосредственную тесную связь культуры с мировоззрением, В. С. Степин выделяет так называемые «основания культуры» (глубинные программы социальной жизнедеятельности), которые определяют тип общества на каждой конкретной стадии исторического развития и составляют мировоззрение соответствующей исторической эпохи (Степин, 2007, с. 215). Под основаниями культуры он понимает «предельно обобщенную систему мировоззренческих представлений и установок, которые формируют целостный образ человеческого мира» (там же, с. 216). Формами, в которых реализуются данные представления, являются мировоззренческие универсалии; они систематизируют и аккумулируют человеческий опыт. В системе этих универсалий складывается характерный для конкретного культурно-исторического этапа образ человека и представление о его месте в мире. На уровне же личности они определяют способ осмысления, понимания и переживания человеком мира. Через их усвоение происходит социализация индивида и формирование его как личности. Усвоение мировоззрен-

ческих универсалий означает «усвоение того целостного образа человеческого мира, который формирует своеобразную матрицу для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках данного типа культуры» (там же).

«Для человека, сформированного соответствующей культурой, смыслы ее мировоззренческих универсалий чаще всего выступают как нечто само собой разумеющееся, как презумпции, в соответствии с которыми он строит свою деятельность и которые он обычно не осознает в качестве глубинных оснований своего миропонимания и мироощущения. Типы миропонимания и мироощущения, свойственные разным типам общества, определены различным содержанием категорий, лежащих в основании культуры», – заключает В. С. Степин (там же, с. 219).

Праздничная культура как неотъемлемая часть культуры в целом также обладает определенными мировоззренческими основаниями, поскольку хранит богатый социально-исторический опыт, накапливаемый столетиями. Поэтому праздник является одним из ярких и информативных явлений, которое, с одной стороны, в определенный исторический момент отражает общественно-социальную ситуацию, а с другой – демонстрирует устои и ценности культуры. Как отмечает историк и философ Е. Б. Рашковский, «Где бы мы ни жили, каких бы традиций ни придерживались, праздник был, есть и остается потребностью человеческой души. <...> Празднику свойственно вырывать душу из лихорадки и житейского автоматизма <...> полнота смысла, насыщающего душу в праздничных переживаниях, изливается и в наше будничное существование. И тогда последнее наполняется внутренним порядком и смыслом. Осмысливается...» (Рашковский, 2008, с. 148–149). Автор подчеркивает, что для соблюдения эмоционального, интеллектуального и духовного здоровья человека праздник просто необходим.

С самого своего рождения человек так или иначе оказывается включенным в определенный культурно-исторический контекст, в котором протекает его жизнь. Как существо социальное, как «часть бытия» (Рубинштейн, 1997, с. 71) он существует в постоянной и неразрывной связи с окружающим его миром, природой и другими людьми. Приобщение человека к бытию происходит «через его познание и эстетическое переживание – созерцание» (там же, с. 72). Эта созерцательность есть способ чувственного эстетического, познавательного отношения ко Вселенной, к миру, к бытию. В праздни-

ки человеку дается возможность открыть для себя созерцательность как способ восприятия действительности и своего места в окружающем мире.

Разделяя все эмоциональные переживания на три основных уровня, С.Л. Рубинштейн связывает последний из них с обобщенными чувствами, схожими по уровню обобщенности с отвлеченным мышлением. Поскольку эти чувства, по его мнению, выражают общие мировоззренческие установки, он называет их *мировоззренческими чувствами*.

В своей последней работе «Человек и мир» Рубинштейн отождествляет мировоззренческие чувства с понятием рефлексии, с появлением которой связано философское осмысление жизни: «Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней <...> Отсюда с этого момента возникает проблема „ближнего“ и „дальнего“, проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения человека к жизни, к окружающему его и осознанного отношения, опосредствованного через „дальнее“» (там же, с. 79).

В общей проблеме детерминации поведения человека эта рефлексия, или мировоззренческие чувства, являются внутренними условиями, которые участвуют в становлении общего соотношения внешних и внутренних условий. От такого обобщенного отношения человека к жизни зависят поведение субъекта в любой ситуации, в которой он находится, и степень его подвластности этой ситуации или свободы в ней. «В чувствах человека в форме непосредственного переживания выражаются все установки человека, включая и мировоззренческие, идеологические, все его отношение к миру и прежде всего к другим людям» (Рубинштейн, 1989, с. 178). Основы чувства как такового Рубинштейн видит не в замкнутом внутреннем мире сознания, а в выходящих за пределы сознания отношениях личности к миру, которые осознаются с различной степенью полноты и адекватности.

Взгляды Е.Б. Рашковского на мировоззрение человека во многом схожи с идеями С.Л. Рубинштейна. Согласно его мнению, в самом общем смысле мировоззрение можно определить как систему взглядов на объективный мир и место человека в этом мире; «понятие мировоззрения означает весь склад и характер сознательно-го отношения к Бытию и ко Вселенной» (Рашковский, 2008, с. 150). Указывая на прямую связь мировоззрения с праздниками, Раш-

ковский выделяет системообразующие аспекты мировоззрения на основе категории «отношение»: *отношение к святыне, отношение к природе, отношение к социальной реальности, отношение человека к самому себе и отношение ко времени*. В этих образующих, но нашему мнению, заключено глубинное содержание праздника. Универсальность праздника как явления (события) в жизни человека заключается в том, что, проживая его, человек приобретает опыт переживания, прочувствования этих отношений; праздник как бы «объективирует» данные отношения, проявляет их для осознания личностью. Без внутреннего содержания, без своеобразной смысловой наполненности праздник в его истинном понимании существовать не может.

Исходя из исторической последовательности развития праздничной культуры в России, можно выделить условно три периода: дореволюционный, советский и постперестроечный.

Важная особенность праздника в дореволюционной России заключалась в первую очередь в том, что он был обусловлен природными явлениями и географическими особенностями той местности, в которой проживали люди. Поскольку большая часть населения на тот исторический момент трудилась на земле, то хозяйственные знания, накопленные путем долгого коллективного опыта и приспособленные к разным природным условиям, были бесценны. Годовой ритм состоял из чередования будней и праздников, последние из которых были обусловлены как важными историческими событиями, так и этапами земледельческих и других хозяйственных работ (начало или окончание пахоты, уборка урожая, сбор ягод, выход на охоту и т. п.). Вторым аспектом, который оказывал влияние на содержательную основу праздника, являлся тот факт, что Россия была тогда христианской державой и, соответственно, поддерживала и провозглашала ценности христианской веры. Точками и ориентирами отсчета годового времени служили христианские праздники. Основой годового ритма жизни было чередование будней и праздников. Время праздников считалось священным и было наполнено подлинной радостью. «Жизнь без праздника, что еда без хлеба», – гласит одна из поговорок. Праздник – это прежде всего свобода от работы, в это время занимались только необходимыми делами. В праздничные дни все выглядело обновленным, заметно менялось поведение людей (Громыко, 1991; Шангина, 2004). Характерными чертами праздничной жизни были застолье, прием гостей и хождение в гости, пение песен, пляски, совместные гуляния. Праздники

играли очень большую роль в жизни людей, так как способствовали укреплению родственных связей, сближали односельчан, поддерживая в них чувство коллективизма, давали передышку в череде тяжелых работ. Общение в праздничные дни благоприятствовало получению новостей о событиях в своей и в других странах, обмену информацией между жителями одной местности и осознанию общих интересов и задач.

Этап изменения традиционного содержания праздников начался после Октябрьской революции. Были учреждены 10 общегосударственных праздников революционного характера и разрешены особые дни отдыха (не больше 10 дней в году) во время принятых в данной местности религиозных праздников (престольных праздников) (Золотова, 2002, с. 162–163). В первое десятилетие советской власти наряду с новыми сохранялись и старые календарные праздники. Постепенно отношение советской власти к народным и религиозным праздникам становилось все более негативным, началась антирелигиозная пропаганда. Исчезли из общественной жизни Рождество, Крещение, Пасха, Троица и др. Их продолжали отмечать в семье, тайком, под угрозой быть осужденными. Все больше внедрялись в жизнь праздники советские. Особой популярностью стала пользоваться годовщина революции, благодаря не только активной политике советского государства, но и тому, что этот праздник по срокам совпадал с окончанием уборки урожая и началом осенне-зимних посиделок. Празднование 1 Мая и 8 Марта более активно отмечалось в городах, где проходили праздничные демонстрации и концерты в эти дни. После окончания Великой Отечественной войны появился праздник День Победы. В 1950–1960 гг. был поставлен вопрос о новых гражданских праздниках, которые теперь рассматривались как важный способ воспитания «нового человека» (введены праздники Проводов русской зимы и Праздник русской березки). Празднование в 1988 году тысячелетия Крещения Руси способствовало возвращению Церкви ее особой роли в общественной и культурной жизни нашей страны, а также возобновлению традиционных праздников.

В постперестроечный период (1990-е годы) наблюдается все большее смещение по срокам новых праздников Проводов русской зимы и Русской березки к Масленице и Троице соответственно. С увеличением потока информации о традиционных русских календарных праздниках все большее количество людей пытается следовать народным традициям.

В последние годы большую популярность получил такой праздник, как День города. Разнообразие современных праздников и отдельных их элементов объясняется, по справедливому замечанию М. Н. Шмелевой, тем, что «они порождены реальностью и лишены сакральности, а потому более свободны в своем развитии» (цит. по: Золотова, 2002, с. 186) Символический смысл праздников давно забыт, но стремление сохранить преемственность традиций активизирует творческую активность народных масс, подкрепленную деятельностью профессионалов. Создаваемые новые календарные праздники, иногда включающие в себя элементы старого праздничного календаря, являются «вторичными формами культуры», по определению К. В. Чистова (Чистов, 1986), а возрастание их роли в современной жизни – неизбежное следствие урбанизации. По наблюдениям Т. Н. Золотовой и ее коллег, выдвигание на первый план зрелищности праздников снижает активность населения, в то же время некоторые формы (конкурсы частушек, русской пляски и т. п.) способствуют привлечению к активному участию в празднике людей.

Несмотря на то, что праздник как явление общественной жизни имеет важное значение для человека, в психологии пока мало исследований, ему посвященных (см.: Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Тихомирова, 2008; Золотова, 2002).

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы показать, что праздник как общественно-культурное явление выполняет мировоззренческую функцию в формировании личности.

Нами была разработана *программа исследования*, которая включала три этапа.

На **первом этапе** было выдвинуто предположение о влиянии мировоззрения на выбор того или иного праздника, которое основано на разнице в мировоззренческих установках, естественно сложившейся между разными поколениями наших граждан. Наряду с проведением анкетирования, этот этап также включал анализ дневников, воспоминаний и других источников, по которым можно было составить картину праздничной жизни дореволюционной и после-революционной России. С помощью анкеты М. И. Воловиковой было опрошено 169 респондентов, принадлежащих к трем поколениям: молодые (возраст от 19 до 30) – 68 человек, средние по возрасту (старше 30 и до 49) – 15 человек и пожилые (старше 50-и) – 86 человек. Из них мужчин – 23 человека, женщин – 143 человека.

В анкете нужно было указать ассоциации, возникающие со словом «праздник», и рассказать о празднике, который больше всего за-

помнился, а также отметить, чем именно он запомнился. Оказалось, что выбор того или иного праздника как наиболее запомнившегося определяется прежде всего возрастом респондентов (см. таблицу 1). Характер описания также напрямую зависит от возрастной группы.

Объяснение данному факту, на наш взгляд, заключается в том, что мировоззрение людей старшего и среднего возраста складывалось под воздействием советской идеологии, а молодым респондентам выпал «перестроечный» период, настроения которого сильно отличались от взглядов предыдущей эпохи и идеология как таковая, можно сказать, отсутствовала. Поскольку предпочтения, выраженные респондентами из средней и старшей возрастных групп, во многом совпадали, мы решили объединить их в одну группу, учитывая также тот факт, что группа среднего возраста не так многочисленна.

Как видно из приведенной выше таблицы 1, наибольшее количество респондентов среднего и старшего возраста отдали предпочтение Новому году. Среди молодежи он хоть и занимает лидирующее положение, но оказался на втором месте после дня рождения, которому было отдано большинство голосов. У старших респондентов на второй позиции после Нового года оказался День Победы, причем большая часть воспоминаний относится именно ко дню 9 мая 1945 года. Наряду с днем рождения, респонденты этой группы особо выделяли юбилей, который занял третье место и набрал 6%, в то время как дню рождения было отдано всего 3% голосов (не в связи с юбилеем).

Таблица 1

Частотное распределение запомнившихся праздников
(в %, по всей выборке)

Название праздника	Респонденты до 30 лет	Респонденты от 30 лет и старше
Новый год	25	32
День Победы	2,9	18
День рождения	32,4	3
Юбилей	–	5
1 мая	–	6
7 ноября	–	6
Выпускной	4,4	3
Свадьба	2,9	5

Из приведенных данных видно, что каждая возрастная группа выбирала те праздники, которые отмечались в их жизненный период. Так, респонденты старшей группы упоминали в своих анкетах такие праздники, как 1 Мая, 7 ноября. У молодежи они, разумеется, отсутствовали, а вместо советских праздников появились День города, День первокурсника. Любопытно, что некоторая солидарность в предпочтениях и молодого и старшего поколений выразилась в выборе ими Нового года и свадьбы (близкие значения в обеих группах).

Качественный анализ заполненных анкет показал, что ответы респондентов старшего (более 50 лет) и среднего (30–50 лет) возрастов между собой очень схожи и отличаются большей информативностью. Респонденты этих возрастных групп подробнее описывают наиболее запомнившийся праздник, делятся своими переживаниями и мыслями, а не ограничиваются общими фразами, как это нередко наблюдается у лиц моложе 30 лет. Воспоминания людей старшего возраста включают описания чувств, которые они испытывали в тот или иной момент, включая мельчайшие подробности.

Для большинства молодых респондентов характерна некоторая поверхностность в описаниях наиболее запомнившегося праздника, а также краткость в ответах. Молодые москвичи часто выражают не то, что он/она чувствовали в определенный момент, а описывают общую обстановку праздника. Можно предположить, что молодых людей прежде всего интересует скорее развлекательная сторона праздника, а не его содержание.

Полученные данные были обработаны по методу Пьера Вержеса (см.: Pachtchenko de Prévile, 2006), который заключается в расчете частоты появления ассоциаций и ранга ассоциации. Место в общем перечне ассоциаций (1-е, 2-е, 3-е и т.д.) называется рангом ассоциации. На основе пересечения двух показателей – медианы частоты и среднего ранга слова (ассоциации) – образуются четыре сектора («квадрата»). Далее ассоциации располагаются согласно этим двум показателям в определенный сектор. Указанные в таблице значения, приведенные в скобках, отражают: первое число – частоту упоминания ассоциации, второе – средний ранг ассоциации. При анализе рассматривались только те слова, которые называли не менее 5% респондентов.

Большая частота и малый ранг определяют ассоциации, которые образуют центральную область социальных представлений, их гипотетическое ядро, «квадрат I».

Таблица 2

Частотность и ранг ассоциаций со словом «праздник» по всей выборке

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<1,97	≥1,97
≥23,4	I радость (50; 1,5) веселье (70; 1,67)	III подарок (23; 2,4)
<23,4	II Новый год (15; 1,6) отдых (12; 1,9) хлопоты (9; 1,88)	IV друзья (18; 2,16) музыка (15; 2,4) стол (13; 2,15) гости (10; 2)

В таблице 2 в скобках представлены (1) частотность и (2) ранг ассоциаций со словом «праздник», которые мы получили по результатам нашего исследования. Заметим, что в анкете были предусмотрены только три ассоциации, хотя обычно в соответствии с методом обработки Вержеса можно давать неограниченное количество ассоциаций.

В целом по выборке в ядро представлений («квадрат I») попали ассоциации *веселье* и *радость* (они имеют наибольшее количество упоминаний в 1-м ранге, по сравнению с другими рангами). Заметим, что по частоте лидирует ассоциация *веселье*, а средний ранг меньше у ассоциации *радость*. То, что эти два слова, часто употребляющиеся вместе, различаются по смыслу, было показано в исследовании С. В. Тихомировой, проведенном на молодежной выборке (Тихомирова, 2008).

Меньшая частота в малом ранге («квадрат II») гипотетически указывает на направление, в котором будут развиваться социальные представления. По нашим данным его образуют: *Новый год*, *отдых*, *хлопоты*.

Большая частота упоминаний ассоциаций в большом ранге («квадрат III») выявляет социальные представления, сформированные под влиянием СМИ и под другими внешними влияниями. Данное место заняла ассоциация со словом *подарок*. Может быть, это связано с активным использованием праздничной темы в целях рекламирования того или иного товара.

Остальные ассоциации («квадрат IV») образуют периферийный слой. Это *друзья*, *музыка*, *стол*, *гости*.

Некоторые ассоциации, имеющие малую (в основном единичную) частотность, не вошли в общий анализ, но для нас они представляют интерес, так как дополняют уже сложившуюся картину представлений о празднике у старшего и молодого поколений. Респонденты старшей и средней возрастных групп называли такие ассоциации: *ликование*, *красочно*, *детство*, *молодость*, *желание вспомнить прошлое*, *восторг*, *вдохновение*, *душевно*, *теплота*, *благополучие*, *традиция*, *массовость*, *зрелищность*, *единение*, *запах елки*, *запах мандаринов*, *отдохновение*. У молодых респондентов «единичные» ассоциации совсем иные: *игра*, *конкурсы*, *розыгрыши*, *фейерверк*, *азарт*, *позитив*, *развлечения*, *удовольствия*, *шутки*, *юмор*, *внутренний подъем*.

В таблицах 3 и 4 представлены результаты распределения ассоциаций в разных возрастных группах.

Результаты анализа распределения частоты и ранга ассоциаций, отраженные в таблицах 3 и 4, указывают на специфичность представлений молодых москвичей по сравнению с двумя другими группами. Так, у молодых лидирующее положение заняла ассоциация со словом *веселье*, а у пожилых – со словом *радость*, кроме того, в ядро их представлений вошли также *хлопоты* и *отдых*, а у молодых – *воздушные шарик*. *Друзья* вместе с *музыкой*, *развлечениями* и *счастьем* у молодежи оказались на периферии. У молодых развитие представлений идет в направлении – *танцы*, *смех*, а у старших и пожилых – *Новый год*, *друзья*, *выходной*. Уточнения, которые можно сделать с помощью данных таблиц 3 и 4, касаются представлений, активированных СМИ: *подарок* остался здесь только у молодежи, для старших это *еда*.

Таблица 3

Частотность и ранг ассоциаций со словом «праздник» у молодежи

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2,13	≥2,13
≥13,08	I радость (23; 1,52) веселье (46; 1,59) шарик (15; 1,73)	III подарок (15; 2,27)
<13,08	II танцы (6; 1,83) смех (8; 2)	IV друзья (10; 2,5) музыка (9; 2,2) развлечения (9; 2,33) счастье (6; 2,83)

Таблица 4

Частотность и ранг ассоциаций со словом «праздник» у лиц среднего и старшего возраста

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<2,02	≥2,02
≥11,86	I радость (26; 1,58) веселье (25; 1,88) хлопоты (12; 1,92) отдых (12; 1,83)	III еда (13; 2,39)
<11,86	II друзья (10; 1,9) Новый год (11; 1,55) выходной (7; 1,86)	IV стол (11; 2,18) подарок (8; 2,63)

Второй этап нашего исследования включал мониторинг отношения к новому государственному празднику (2007–2009 гг.), имеющему ярко выраженную идеологическую направленность, а именно – к празднику 4 ноября. Здесь использовалась другая анкета М. И. Воловиковой, и данное исследование связано с изучением психолого-мировоззренческого аспекта представлений о празднике. Всего было опрошено 288 респондентов разного возраста. Страна проживания – Россия (регионы и города). Анкета содержала 4 коротких вопроса. Три из них касались непосредственно 4 ноября (закончить предложение: «Для меня праздник 4 ноября – это...»; назвать слова, возникающие в связи со словами «праздник 4 ноября»; был ли праздник 4 ноября, который запомнился, и почему), один был связан с 7 ноября («Что для вас означает старый (теперь) праздник 7 ноября?»).

Выяснилось, что у части респондентов возникают психологические проблемы, связанные с введением нового государственного праздника: не все готовы принять День народного единства. Большинство отвечающих не знает, что празднуется в этот день, и примерно треть респондентов не может дать название данному празднику. Некоторые пожилые люди рассматривают введение 4 ноября как умышленную замену 7 ноября, что вызывает в них негативные чувства, которые иногда сопровождаются требованием «вернуть им их 7 ноября». Подавляющее большинство, выражая свое отношение к новому празднику, либо испытывает недоумение, либо раздражение и даже «отвращение к затеям манипуляторов». Половина опро-

шенных имеет четкое убеждение, что это праздник искусственного происхождения, навязанный властями. Приблизительно треть респондентов довольствуется тем, что в этот день не надо идти на работу/учебу и можно отдохнуть, они рассматривают этот день как еще один выходной.

Полученные данные доказывают, что новый праздник принимается личностью только тогда, когда он содержательно не противоречит ее мировоззренческим представлениям. Иначе новая дата (в эмпирическом исследовании сравнивались 4 и 7 ноября) вступает в противоречие, во-первых, с уже сложившимися в данной культуре традициями, а во-вторых – с представлением о том, что праздник должен иметь под собой совершенно четкие основания, а «не притягиваться за уши» (по словам респондентов) к какому-либо событию.

К **третьему этапу** нашего исследования была составлена новая анкета, в которую были включены вопросы из предыдущих анкет, использованных на первых двух этапах исследования. Этот вариант анкеты позволил собрать данные одновременно по трем интересующим нас направлениям: 1) ассоциации со словом «праздник» без ограничения их количества, 2) наиболее запомнившийся праздник и 3) отношение к празднику 4 ноября. С помощью данной анкеты нам удалось объединить те области нашего исследования, которые необходимы для дальнейшего более детального рассмотрения.

Всего в исследовании приняли участие (за 2011 год): 25 респондентов из Москвы, 88 – из Иркутска) и 184 – из Башкирии. Итого 297 человек. Подавляющее большинство выборки составили Юноши и девушки (от 17 до 27 лет). На данный момент результаты находятся в обработке.

Исходя из того что в исследовании приняла участие в основном молодежь, можно предположить, что выбор запомнившихся праздников будет несильно отличаться от данных, полученных нами на первом этапе исследования. Скорее всего, это будут все те же День рождения, Новый год и выпускной. Что касается 4 ноября, то мы предполагаем, что противоречий мировоззренческого характера и – как их следствие – неприятия нового праздника здесь будет меньше, так как нет определенных ожиданий, которые, как правило, формируются на основе представлений уже имеющихся и уже отмечавшихся праздников. У молодежи нет так называемого «оформленного» образца праздника, как, например, у советских праздников или традиционных/православных, имевших повсеместное распространение до революции.

В целом результаты проведенного эмпирического исследования хотя и носят предварительный характер, позволяют сделать следующие выводы.

Как культурно-историческое явление праздник имеет определенное мировоззренческое содержание, которое, с одной стороны, ориентирует человека в его отношениях с другими людьми и миром, а с другой – подвергается трансформациям, вызванным происходящими в обществе изменениями.

Мировоззренческая функция праздника раскрывается через категорию «отношение». В той или иной степени в любом празднике должны быть представлены отношения к природе, к социуму, ко времени, отношение человека к самому себе и к тому, что для него свято. Наиболее полно система отношений человека и мира представлена в праздниках, имеющих религиозные основания, хотя попытка сохранять подобную содержательную наполненность прослеживается и в праздниках советского периода.

Основное значение праздника для личности состоит в том, что он формирует картину цельного мира, служит поддержанию сущностной взаимосвязи событий и явлений, сохраняет связь поколений, позволяет каждому независимо от возраста почувствовать себя по-хорошему ребенком, т. е. человеком, умеющим удивляться, прозревать – видеть в обычных вещах и явлениях сокровенное, чтобы стать, как пишет Т. А. Флоренская, «цельным» (Флоренская, 2006).

Можно предположить, что в современной России присутствуют по крайней мере два совершенно противоположных и конфликтующих друг с другом образа «настоящего праздника»: праздник как возможность прикоснуться к высшим смыслам бытия и праздник-развлечение. Важно, чтобы базовым оставалось все-таки тяготение к возвышающему душу празднику.

Очевидным является проявление интереса государственной власти к праздничной культуре как к действенному социальному и идеологическому рычагу воздействия на общество. Полученные нами результаты показывают, что введение новых праздников должно сопровождаться предварительной подготовкой населения. При этом важно учитывать следующий факт: новый праздник может быть принят только при условии, что содержательно он не будет вступать в противоречие с уже сложившимися мировоззренческими представлениями людей.

Литература

- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: ПерСэ, 2003.
- Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991.
- Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002.
- Рашковский Е. Б. Православные праздники. М.: Эксмо, 2008.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Т. 2. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2007.
- Тихомирова С. В. Динамика социальных представлений о празднике современной российской молодежи: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Флоренская Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский хронограф, 2006.
- Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986.
- Шангина И. И. Русские праздники. От святок до святок. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Pachtchenko de Prévaille E. Penser la responsabilité en Russie et en France: études des représentations sociales chez les étudiants russes et français. Thèse doctorat. Lille: ANRT, 2006.

РЕГУЛЯЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ БУДУЩЕГО ОТЦА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ПРЕНАТАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. В. Ковалева

Изучение семьи как основы пренатального развития ведется по нескольким направлениям. Во-первых, это анализ *контроля поведения* (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010) – основы саморегуляции человека – при осложненном и благополучном течении беременности. Работа, предпринятая в этом направлении, привела к следующим результатам: была выявлена и продемонстрирована связь составляющих контроля поведения (когнитивного и волевого контролей) и эмоциональной регуляции с уровнем ментальных, поведенческих и темпераментальных показателей постнатального развития детей. Нам также удалось показать связь составляющих контроля поведения с представлениями женщин о собственном раннем детском опыте, который играет роль дополнительного ресурса в общей системе регуляции поведения во время беременности. Теоретической базой этой работы явились положения субъектного подхода.

Другим направлением наших исследований стало изучение семьи как *коллективного субъекта* (Журавлев, 2002). В результате было установлено, что в супружеской паре на этапе беременности происходит специфическая для этой ситуации координация поведения супругов, которая имеет характер компенсации или согласования и отвечает задачам вынашивания (Ковалева, 2009).

Целью настоящей статьи является анализ вклада отцовского фактора в пренатальное развитие ребенка. Отец и мать – обязательные условия зарождения новой жизни, но ее развитие, особенное, пренатальное, связывают исключительно с матерью, а пренатальная связь между беременной и плодом объясняется работой нейрогуморальных механизмов (Филиппова, 1999). Такой взгляд не оставляет возможностей для истолкования пренатальной связи

между отцом и будущим ребенком. Однако континуально-генетический принцип, разработанный в субъектном подходе, позволяет выделить отцовский фактор как самостоятельный и не ограничивать его сугубо генетическим вкладом. Самые первые проявления психического происходят не только в связи с реализацией генетической программы, но и в индивидуальных условиях материнской среды, имеющей собственные закономерности становления и проявления, которые связаны и с представлениями о прародительском воспитательном стиле, и с особенностями организации поведения в супружеской паре – коллективном субъекте.

Как было сказано выше, наши предположения проверялись на примере пренатальной ситуации как модели сразу двух особых событий на жизненном пути человека – беременности как сложной жизненной ситуации в жизни женщины и ситуации формирования системы «мать–дитя», в которой ребенок получает первый опыт реализации собственной активности в условиях материнской среды. Были исследованы и проанализированы показатели контроля поведения беременных с благополучным и осложненным вынашиванием. Показано, что благополучному вынашиванию соответствует более высокий уровень развития и согласования составляющих контроля поведения – когнитивной, эмоциональной и волевой, а также более высокий уровень локуса контроля в области достижений и в вопросах здоровья. Эти женщины также имели более позитивный ранний детский опыт: согласно их представлениям, родители считали их компетентными детьми. Темпераментальные, когнитивные и поведенческие показатели детей, родившихся у женщин с благополучным вынашиванием, также отличались более высоким уровнем: дети были активны, ориентированы на контакт с человеком и предметной средой, оптимистичны, легко обучаемы, а их физиологические реакции были более регулярны. Таким образом, эмоционально устойчивое состояние, большой репертуар когнитивных, волевых, личностных и семейных возможностей для преодоления трудностей периода беременности составляет основу для формирования более адаптивного индивидуального опыта плода, потенциал которого используется после рождения (Ковалева, 2004).

Нами также была проанализирована роль отца в период беременности. Было показано, что положительный ранний детский опыт, поддерживающее и заинтересованное поведение родителей по отношению к мальчику, в его взрослой жизни, во время ожидания собственного ребенка, способствует более активному поведе-

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-06-00260а.

нию (в частности, такие будущие отцы планировали присутствовать на родах) (Матвиенко, Ковалева, 2005). Также было установлено, что в супружеской паре на этапе беременности происходит специфическое для этой ситуации взаимное согласование поведения супругов, которое имеет компенсаторный характер и одновременно отражает тенденцию воспроизводить в собственном поведении стиль отношений в прародительских семьях (Ковалева, 2006).

Теоретическая гипотеза нашего исследования заключалась в предположении, что отцовский вклад в пренатальное развитие не ограничивается трансляцией генетической информации своему ребенку, а заключается в разделении ответственности за поддержание специфического поведения (своего и будущей матери), соответствующего задачам вынашивания.

Исследовательская гипотеза состояла в следующем: особенности регуляции поведения будущих отцов связаны с постнатальными показателями психического развития их детей, причем эти связи не модулируются материнскими показателями, а сами определяют связь беременной и плода, то есть имеют значение самостоятельных факторов.

В нашу задачу входило изучение связей широкого круга показателей регуляции поведения будущих отцов и матерей с показателями психического развития (характеристиками темперамента) их детей после рождения.

Участниками эксперимента стали 15 супружеских пар, находящихся на третьем триместре беременности, и их дети после рождения в возрасте 8 месяцев.

Методика исследования

Использовались следующие методики: для изучения показателей когнитивного контроля – опросник «Стиль саморегуляции поведения-98» В. И. Моросановой; волевого контроля – «Шкалы контроля за действием» Ю. Куля; эмоциональной регуляции – «Методика диагностики самооценки» Ч. Д. Спилберга; интернальности – «Методика диагностики уровня субъективного контроля» Дж. Роттера; психического состояния – Методика «Рельеф психического состояния» А. О. Прохорова; копинг-стратегий – «Опросник диагностики совладающего поведения в стрессовой ситуации» (КПСС) в адаптации Т. Л. Крюковой (Моросанова, Коноз, 2001; Шапкин, 1997; Практическая психодиагностика, 1998; Прохоров, 1998; Крюкова, 2004).

Изучались следующие показатели:

1. Когнитивный контроль (КК)	Планирование Программирование Гибкость Моделирование Оценка результата Самостоятельность Общий уровень регуляции
2. Волевой контроль (ВК)	Контроль за действием при неудаче Контроль за действием при планировании Контроль за действием при принятии решения
3. Эмоциональная регуляция (ЭР)	Реактивная тревожность Личностная тревожность
4. Субъективный контроль (Локус контроля) (ЛК)	Общая интернальность Интернальность в достижениях, в неудачах, в межличностных отношениях, на производстве, в семье, в вопросах здоровья
5. Копинг-стратегии (КС)	Копинг, ориентированный на проблему, на эмоции, на избегание, на отвлечение, на социальное отвлечение

Для исследования показателей детского развития использовалась Шкала оценки поведения ребенка «Шкалы развития младенца» Н. Бэйли и Опросник для родителей Ж. Баллеги «День ребенка», направленный на выявление характеристик ребенка, связанных со стилевыми и темпераментальными особенностями его поведения (Сергиенко, 1996; Сергиенко, Виленская, 2003).

Изучались следующие показатели:

1. Поведенческое развитие	Общий уровень развития поведения Эмоциональный контроль Моторный контроль Уровень социальной вовлеченности
2. Темпераментальные показатели	Напряжение (слабое, среднее, высокое) Контроль Ориентация на себя, на человека Пассивность Разрядка Защитные реакции Автономность Послушание матери Любовь к матери, к отцу Имитация матери, отца Агрессия по отношению к матери, к отцу Реакция на мать, отца Зависимость от матери Страх Неприятные ощущения

Проводился корреляционный анализ Спирмена. Известно, что одной из проблем корреляционного анализа является то, что обнару-

женные связи могут не иметь независимый характер, а определяться общей связью с третьей переменной, – тем более это возможно при изучении пренатальной связи отца и ребенка. Мы использовали метод расчета частных корреляций для выделения самостоятельных связей, не обусловленных материнскими показателями. Все значимые корреляции между показателями отцов и детей проверялись на наличие общих связей с показателями матерей (с учетом тенденций). В случае наличия таких связей рассчитывались частные корреляции для определения переменной-модератора.

Таким образом, все корреляции между показателями отцов и детей оказались поделены на три группы. В первую вошли 20 корреляций, для которых не было найдено общих связей с показателями матерей. Следовательно, они могут быть обусловлены:

- 1) наследованием ребенком черт отца;
- 2) стилем воспитания отца и формированием на этой основе той или иной черты ребенка;
- 3) проявлением каких-либо качеств матери, не учтенных в исследовании;
- 4) самостоятельным характером связи, анализ которого и входит в задачи настоящей работы.

В этой группе корреляций показатели КК отца образуют следующие связи с показателями ребенка:

Планирование (Пл)/Реакция на отца (Ро) $r(S)=-0,626^{**}$;
 Планирование (Пл)/Слабое напряжение (Слн) $r(S)=-0,557$;
 Моделирование/Агрессия к матери (Агм) $r(S)=-0,515^{*}$;
 Оценка результата (Ор)/Ослабление связи (Ос) $r(S)=-0,694^{**}$;
 Ор/Защиты $r(S)=0,582$.

ВК:

Контроль за действием при неудаче (Кдн)/Реакция на мать $r(S)=-0,515^{*}$;
 Кдн/Страх $r(S)=-0,543^{*}$;
 Кд при планировании/Автономность $r(S)=0,525^{*}$;
 Кд при реализации/Любовь к отцу $r(S)=-0,578^{*}$;
 Кдр/Ориентация на человека (Оч) $r(S)=0,574^{*}$.

Интернальность:

Инт. в достиж./Оч $r(S)=0,505^{*}$;
 Инт. в межл. отнош./Неприятные ощущения $r(S)=0,545^{*}$;

Инт. в вопросах здоровья/Эмоциональный контроль $r(S)=-0,625$;
 Из/Ос $r(S)=-0,499$.

ПС:

Психические процессы (Пп)/Агрессия к отцу $r(S)=0,581^{*}$;
 Пп/Слн $r(S)=-0,616^{**}$;
 Переживания/Слн $r(S)=-0,525$.

КС:

Копинг, ориентированный на проблему (Пок)/Послушание матери $r(S)=0,569^{*}$;
 Пок/Страх $r(S)=0,612^{**}$;
 Копинг, ориентированный на социальное отвращение/Ро $r(S)=0,653^{**}$

Примечание: * – $p \leq 0,05$, ** – $p \leq 0,01$, *** – $p \leq 0,001$.

Результаты исследования

Не интерпретируя отдельно каждую корреляцию, попробуем в целом объяснить полученные данные. Наиболее целостную и непротиворечивую картину составляют связи, в которых задействованы показатели контроля поведения отца. Дети, чьи отцы в пренатальный период показали высокий уровень КК и ВК, отличаются активностью, отсутствием страха перед незнакомыми ситуациями, низким уровнем негативных реакций на отца и агрессии к матери, автономностью, развитостью защит, более высокой ориентацией на человека, в отличие от самостимуляции. Эти черты характерны для стеничного типа темперамента, возможно, унаследованного детьми от отцов. Однако выявленные корреляции могут иметь и психологическое объяснение. Мужчины с активной позицией по отношению к актуальной ситуации, ведущие себя последовательно и уверенно, могут создавать атмосферу надежности в семье во время беременности жены, что поддерживает или компенсирует ее состояние и регуляцию поведения и формирует благоприятные условия вынашивания.

Наличие связи между показателем ВК контролем за действием при реализации с низким уровнем любви ребенка к отцу противоречиво лишь на первый взгляд, но на самом деле вполне соответствует поведению активного и автономного ребенка, который больше интересуется внешней ситуацией, чем проявляет привязанность

к родителям. Гораздо более сложные связи образуют показатели интернальности, ПС и КС будущих отцов. Объясним здесь только некоторые из них.

Детей ответственных отцов (высокая интернальность) можно охарактеризовать как зависимых: они ориентированы на человека, привязаны к родителям и в то же время недостаточно контролируют свои эмоции и испытывают много неприятных ощущений. Больше других в связях задействован показатель, раскрывающий меру ответственности отца за собственное здоровье. Это неоднозначный показатель, его высокий уровень может быть связан и с ипохондрией, и с недостаточной поддержкой другого человека в момент болезни из-за мнения, что каждый сам должен отвечать за свое здоровье. В любом случае можно предположить, что такая позиция не отвечает задачам беременности, когда необходимо соблюдать баланс собственной ответственности, поддержки и доверия медикам, сопровождающим вынашивание. Подобный анализ возможен и для связей показателей ПС и КС.

Во вторую группу корреляций вошли 20 связей между показателями отцов и детей, которые не имеют независимого значения, а определяются связями этих показателей с показателем матерей. Полученные частные корреляции оказались ниже первоначального значения и уровня значимости и, соответственно, не рассматривались.

В третью группу вошли 4 связи, частные корреляции которых оказались, во-первых, на уровне значимости 0,05 и выше, и, во-вторых, их значение оказалось выше корреляций между показателями матерей и детей. Корреляции представлены в таблице 1.

Корреляции, в которые входят такие показатели отца, как интернальность общая и в семейных отношениях, реактивная тревожность и копинг-стратегия, ориентированная на разрешение проблемы, не только могут быть интерпретированы как связи, имеющие самостоятельный характер и наглядно демонстрирующие роль отца в пренатальный период. Полученные частные корреляции позволяют нам выдвинуть предположение, что эти показатели совместно с показателями матерей и детей образуют корреляционные плеяды, ведущая роль в которых отводится именно показателям отца.

Рассмотрим здесь лишь одну из таких плеяд. Такие показатели матери, как реактивная тревожность и копинги, ориентированные на избегание проблемы и отвлечение, положительно связаны с высоким уровнем разрядки напряжения у ребенка. В третьем триместре

Таблица 1

Коэффициенты корреляций между показателями регуляции поведения будущих родителей и показателями психического развития младенцев (прямые и частные корреляции)

Показатели		r(S) отца/ ребенка	r(S) отца/ матери	r(S) матери/ ребенка	Част- ная r
Отца/ребенка	Матери				
Интернальность общая/защиты	Интернальность общая	0,63	0,52	0,44	0,52
Интернальность в семье/защиты	Интернальность общая	0,65	0,49	0,44	0,55
	Моделирование (КК)	0,65	0,49	0,46	0,55
Реактивная тревожность/ разрядка	Программирова- ние (КК)	0,77	-0,51	-0,48	0,69
	Реактивная тре- вожность (ЭР)	0,77	0,64	0,60	0,62
	Переживание (ПС)	0,77	-0,57	-0,52	0,67
	Физиологическая реактивность (ПС)	0,77	-0,47	-0,59	0,68
	Копинг, ориенти- рованный на избе- гание (КС)	0,77	0,43	0,55	0,70
	Копинг, ориенти- рованный на от- влечение (КС)	0,77	0,55	0,58	0,65
Проблемно ори- ентированный копинг/Агм	Личностная тревожность (ЭР)	-0,62	-0,52	0,46	-0,50

женщина готовится к родам, ее способность длительно поддерживать деятельность и сохранять связь с плодом очень важна для благополучных родов. Поэтому быстрое реагирование на изменение условий ситуации и копинг-стратегии, которые не подразумевают концентрацию на актуальных задачах, могут приводить к формированию у плода паттерна активного реагирования-разрядки в отличие от способности продолжительно выдерживать напряжение. Однако эти связи между показателями по уровню значимости находятся на уровне тенденции. Наш анализ показывает, что ведущую роль в их образовании играет реактивная тревожность будущего

отца, т. е. стресс мужчины в связи с предстоящими родами имеет большую эволюционную значимость, чем стресс самой беременной. Таким образом, последние недели вынашивания требуют согласования в эмоциональной регуляции родительской пары – поведение будущей матери должно опираться на уверенную и стабильную позицию будущего отца.

Подобный анализ с привлечением частных корреляций позволяет увидеть психологическую роль отца в формировании как ситуации вынашивания, так и постнатальных характеристик ребенка. В целом можно сказать, что наши данные свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы о самостоятельности отцовского фактора пренатального развития. Особенности регуляции поведения отца, воздействуя не напрямую, могут формировать среду, соответствующую или не соответствующую потребностям плода.

Литература

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Виленская Г. А., Сергиенко Е. А.* Тест-опросник «День ребенка»: цели, возможности, структура, применение // Психолог в детском саду. 2003. № 1. С. 3–25.
- Ковалева Ю. В.* Регуляция поведения в семье во время беременности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 1. № 1. С. 135–142.
- Ковалева Ю. В.* Изучение семейной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 466–482.
- Крюкова Т. Л.* Психология совладающего поведения. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004.
- Матвиенко С. В., Ковалева Ю. В.* Психологические основы решения будущих отцов присутствовать при рождении своего ребенка // Научный поиск: Сборник научных работ студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Ярославль: Аверс-Пресс, 2005. С. 190–193.
- Моросанова В. И., Коноз Е. М.* Диагностика и психологическая характеристика саморегуляции при экстраверсии и нейротизме: Учебно-методич. пособие для преподавателей психологии и сту-

- дентов, школьных психологов и учителей. Набережные Челны: Институт управления, 2001.
- Практическая психодиагностика: Методики и тесты: Учеб. пособие / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах», 1998.
- Прохоров А. О.* Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Сергиенко Е. А., Рязанова Т. Б., Виленская Г. А., Дозорцева А. В.* и др. Возможности использования теста Бэйли для оценки раннего развития (на примере близнецового исследования) // Психологическое обозрение. 1996. № 1 (2). С. 34–41.
- Филиппова Г. Г.* Психология материнства и ранний онтогенез: Учеб. пособие. М.: Жизнь и мысль, 1999.
- Шапкин Е. А.* Экспериментальное изучение волевых процессов. М.: Смысл, 1997.

РАЗДЕЛ 3

СПОСОБНОСТИ И РЕСУРСЫ ЛИЧНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ У РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ ИНТЕНСИВНОСТЬЮ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

Н. Н. Казымова, Ю. В. Быховец

В связи с увеличением количества терактов в психологической науке остро актуальными становятся психологические проблемы восприятия теле- и радиотрансляций с места событий. Постоянное освещение катастроф, трагических и криминальных событий в СМИ создает у определенной (уязвимой) части населения общий фон неуверенности и тревоги, который является почвой для невротических и стрессовых расстройств. Кроме того, чрезмерная фиксация на негативной информации в СМИ формирует определенное психологическое состояние, заключающееся в ощущении утраты контроля над обстоятельствами, существенными для собственной жизни, что также может оказывать психотравмирующее действие. К регистру травматических стрессоров, вызывающих нарушения психического и социального функционирования, в настоящее время добавилось воздействие фактора террористической угрозы. Так, в американском исследовании Р. Проппер с соавт. показано, что частый просмотр телепередач, освещающих события 11 сентября 2001 г., сопряжен с симптоматикой посттравматического стрессового расстройства и с депрессией, а непосредственное участие в травматическом событии и воздействие СМИ является объединенным фактором формирования постстрессовых состояний (Propper et al., 2007). Особый эффект воздействия телевизионных образов был обнаружен на выборке респондентов, которые явились непосредственными жертвами теракта. Описаны два случая острого психотического расстройства, возникшего через две недели после 11 сентября 2001 г. Авторы подчеркивают роль телевизионного освещения в развитии

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-06-00127а.

психотических расстройств. Таким образом, показано, что террористические акты способны вызывать различные формы психической дезадаптации (Marshall et al., 2007) как у непосредственных, так и у косвенных их жертв (Тарабрина, 2004; Кекелидзе, 2002; Ениколопов, 2006; Быховец, Тарабрина, 2005, 2010). Под косвенными жертвами подразумевается часть населения, которая получала информацию о терактах из СМИ и других форм межличностной коммуникации и у которой после этого определилась психопатологическая симптоматика. Исследование, проведенное в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН, показало, что переживание террористической угрозы взаимосвязано с интенсивностью посттравматических стрессовых реакций, с проявлениями психопатологической симптоматики, а также с предшествующим травматическим опытом. Доказано, что переживание террористической угрозы, понимаемое как субъективная оценка риска стать жертвой теракта, относится к числу стрессоров высокой интенсивности, способных вызывать у уязвимой части населения психопатологические симптомы (Быховец, 2008).

Переживание террористической угрозы оказывает непосредственное влияние на психику человека, подвергая испытанию его эмоционально-личностную устойчивость (Быховец, Тарабрина, 2010). Психологическая структура переживания угрозы, согласно нашему представлению, состоит из трех компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого. *Когнитивный компонент* – это репрезентация осознаваемого уровня реальности угрозы, ее вероятности и возможных последствий. Второй компонент – *эмоциональный*: восприятие внешней среды и оценка субъективной значимости для человека отдельных компонентов ситуации непосредственно связано с вовлеченностью эмоций. *Поведенческий компонент* – это те особенности поведения, которые субъективно оцениваются человеком как реакции на теракт. Таким образом, переживание террористической угрозы интерпретируется как обобщенное и относительно устойчивое переживание, которое для некоторой части людей приобретает особую значимость, становясь важной составной частью их актуального психического состояния.

Переживание террористической угрозы нельзя объяснить ни с помощью модели «невидимой» травмы, возникающей при радиационном облучении, ни механизмами воздействия событийных стрессоров (Быховец, Тарабрина, 2010). Это особая форма травмирующего воздействия; сложный конструкт переживания террорис-

тической угрозы возникает под влиянием внешних и внутренних факторов, среди которых ведущее место занимают информационные сообщения о террористических действиях в СМИ и других средствах социальной коммуникации. Интериоризация такой информации способствует возникновению признаков посттравматического стресса (ПТС) и других форм психической дезадаптации у уязвимой части населения. Таким образом, переживание террористической угрозы является травматическим стрессором. К числу особенностей данного вида стрессора относится его обращенность в будущее человека: переживание угрозы жизни относится к будущему человека и формируется, как правило, после того, как он стал жертвой или свидетелем терактов и их последствий (как непосредственным, так и косвенным). Анализ и прогнозирование вероятности стать жертвой теракта становятся основой для возникновения эмоционально-когнитивных структур, содержащих представления о террористической угрозе. У людей, которые были непосредственными или косвенными свидетелями теракта, возникают ожидания повторных терактов, которые они не в силах предупредить. Эта личная, субъективная оценка проявляется либо в повышенном беспокойстве, либо во внешнем равнодушии перед лицом будущей опасности, либо в других формах отношений к реальности угрозы. Различия в объективности оценки «террористической угрозы» после теракта могут быть рассмотрены как результат переживания теракта. Впоследствии, даже если объективных оснований для переживаний угрозы теракта в действительности не будет, некоторые люди будут антиципировать такое угрожающее воздействие (Тарабрина и др., 2007). Человек начинает чувствовать личную уязвимость перед террористическим актом. Происходит осознание того, что теракт может прервать жизнь любого человека.

Таким образом, переживание террористической угрозы является многоаспектным психологическим конструктом, включающим когнитивный, эмоциональный и поведенческий уровни, т. е. субъективная оценка угрозы риска стать жертвой теракта проявляется как в мыслях, эмоциях, так и в изменении существующих у индивида привычных форм поведения.

В изучении психологических последствий воздействия террористической угрозы на широкие слои населения (косвенные жертвы) можно выделить несколько подходов. Представители первого изучают сами негативные последствия: предметами исследований являются стресс, психопатологическая симптоматика, уровень пси-

хологического неблагополучия, кризисы, конфликты и пр. Однако возможно подойти к изучению данной проблемы и в позитивном ключе: необходимы исследования социально-психологических факторов преодоления последствий переживания террористической угрозы, жизнестойкости в условиях повышенной угрозы жизни, компенсаторных механизмов, психологических защит, копинг-стратегий, т. е. тех ресурсов, за счет которых люди справляются с переживанием данного вида угрозы. Можно говорить об индивидуально-психологических ресурсах (характеристиках и свойствах личности) и о ресурсах социально-психологических, – под ними обычно подразумеваются преимущества, которые дают деньги, социальная поддержка (социальные взаимосвязи и взаимоотношения), социальные навыки и власть.

Психологические качества человека нередко рассматриваются как ресурсы, позволяющие более эффективно действовать и добиваться успеха, преодолевать стрессы и справляться с жизненными трудностями. Здесь особенно следует выделить ресурсы личности, которые относятся к психологическому времени и временной перспективе. По мнению Л. А. Регуш, будущее представлено жизненными целями, планами и ориентациями (Мандрикова, 2008). Механизм прогнозирования будущего предполагает применение различных форм активности по построению образа себя в будущем, по гибкому планированию своей будущей жизни. Проектирование себя в будущее как активный процесс работы воображения, самосознания является важным механизмом саморегуляции и может быть рассмотрен как фактор снижения переживания террористической угрозы. Наличие в структуре мотивации человека близких и дальних целей, связанных с проявлением разного рода активности в собственной жизни, является личностным ресурсом, способным становиться механизмом снятия тревоги. Ж. Нюттен рассматривал временную перспективу как мотивационное образование. Он отмечал, что психологическое будущее выстраивается на репрезентационном уровне когнитивного функционирования, важным условием позитивного влияния будущего на настоящее поведение человека является уровень реальности будущего (Мандрикова, 2008). Уровень реальности обеспечивает регулирующее влияние временной перспективы будущего в целенаправленном поведении и противостоит уходу в нереальный мир фантазий.

Способность самостоятельно определять цели своей жизни, проецировать себя в будущее, наличие в ментальности человека про-

тяженной и содержательно насыщенной временной перспективы будущего является чрезвычайно важной составляющей его психического здоровья (Рубинштейн, 1976). Ш. Бюлер, которая рассматривала в качестве главной движущей силы развития врожденное стремление человека к самоосуществлению, убедительно доказывала, что полнота самоосуществления, самоисполненности прямо связана со способностью человека ставить перед собой цели, адекватные его внутренней сущности, и что обладание такими жизненными целями – условие сохранения психического здоровья личности (Руководство практического психолога ..., 1995). В современной психологии представление о психическом и психологическом здоровье неразрывно связывается с наличием глубокой временной перспективы, с наличием целей и планированием будущего (В. Франкл, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев и др.). Наличие у человека адекватных обстоятельствам и личностным ресурсам жизненных целей способствует действительно прогрессивному развитию его личности и является основой психического здоровья.

Как уже было указано выше, жизнь в современном мире происходит в условиях постоянной угрозы терроризма; люди приходят к осознанию того, что террористический акт может произойти в любой момент и в любом месте, что вызывает (или повышает) у некоторой (уязвимой) части населения различные формы психической дезадаптации. Люди, испытывающие сильную тревогу, как ситуативную, так и личностную, чаще ощущают потерю контроля и переживают жизненную перспективу как зависящую от внешних обстоятельств – такую, на которую невозможно повлиять. Мы предполагаем, что наличие в структуре мотивации жизненных целей, связанных с продуктивной активностью (профессиональный рост, карьера, самореализация, познание, получение информации), является фактором снижения общей тревоги, которая возникает в условиях жизни в мегаполисе.

Важной переменной является также протяженность жизненной перспективы. Здесь необходимо указать на тезис Т. Гисме о значимости временного расстояния до цели: чем больше расстояние, тем субъективно меньше данная цель оказывает влияние на настоящее поведение (Мандрикова, 2008). Исходя из этого тезиса, можно заключить, что преобладание отсроченных на долгое время вперед событий в структуре жизненной мотивации человека в меньшей степени вносит вклад в развитие тревоги, а события ближайшего будущего или актуального периода жизни в большей степени со-

здают напряжение человеку. По мнению П. И. Яничева, психологическое будущее по отношению к психологическому настоящему мотивирует и придает ценность или обесмысливает и обесценивает: «Не только настоящее оказывает влияние на будущее, но и в свою очередь те или иные ожидания и представления о будущем воздействуют на поведение человека в настоящем и переживание им своего настоящего; позитивные ожидания по отношению к будущему придают настоящему ценность, негативные обесценивают его» (Яничев, 1999, с. 50).

Цель настоящей работы – выявление мотивационных и временных особенностей жизненной перспективы в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы.

Предметом данного исследования стала связь интенсивности переживания террористической угрозы (возникающего у уязвимой части населения после информационных сообщений о терактах) с содержанием и протяженностью жизненной (временной) перспективы.

Задачи исследования:

1. Описать мотивационные и временные параметры жизненной перспективы респондентов всей выборки.
2. Определить возрастные и половые особенности в содержании и протяженности временной перспективы.
3. Выявить различия в структуре мотивации и темпоральных характеристиках временной перспективы в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы.

Методика исследования

Всего в исследовании приняли участие 223 респондента в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст по выборке – 23 года). Участники были разделены на подгруппы в соответствии с возрастом и полом. В юношескую группу (17–21 год) вошли 121 человек (средний возраст 19,66 лет): 72 девушки (средний возраст 19,74 года) и 49 юношей (средний возраст 19,54). Группу среднего возраста составили респонденты 22–35 лет (средний возраст 26,90 лет): 57 женщин (средний возраст 26,72) и 45 мужчин (средний возраст 27,14 лет).

Для измерения интенсивности субъективного переживания террористической угрозы в исследовании использовался Опросник

переживания террористической угрозы (ОПТУ-50), разработанный в Лаборатории психологии посттравматического стресса ИП РАН (Быховец, Тарабрина, 2010).

Изучение характеристик временной перспективы будущего проводилось с помощью Метода мотивационной индукции (ММИ), разработанного Ж. Нюттеном и адаптированного для русскоязычной выборки Н. Н. Толстых (Толстых, 2005). Бланк методики содержит 30 неоконченных предложений (индукторы: 20 положительных и 10 негативных), побуждающих человека написать о своих планах, целях, желаниях, намерениях и т. д. Полученным таким образом ответам присваиваются два кода: темпоральный и код анализа содержания мотивации. Операция темпорального кодирования состоит в том, чтобы каждому мотивационному объекту, каждому событию, цели, о которой думает человек, даже если он не указывает точного времени его наступления, приписать свой временной знак, который можно более или менее точно установить, имея представление о социокультурной жизни субъекта. Ж. Нюттен дает высокодифференцированную систему темпоральных символов (в категориях периодов календарного времени и социальной жизни человека). Использование временного кода позволяет измерить глубину временной перспективы человека. Безотносительно к временной локализации мотивационные объекты классифицируются по их содержанию. Ж. Нюттен выделяет 10 главных категорий содержательной стороны мотивации, охватывающих различные стороны жизнедеятельности (Нюттен, 2004).

Статистическая обработка данных производилась при помощи программных пакетов Statistica 8.0 и SPSS 13.0.

Результаты исследования

1. Одной из задач нашей работы было описание структуры жизненной перспективы респондентов всей выборки. В таблице 1 представлены данные описательной статистики мотивационных и темпоральных категорий ММИ (N=223). Наиболее часто встречающимися в ответах испытуемых категориями стали мотивы, относящиеся к собственной личности (S), социальным контактам (C), самореализации (SR), продуктивной активности (R) и мотивы и цели, формулируемые для других людей (C3). Цели, желания, мотивы, о которых сообщали участники исследования, наиболее часто планируются ими на 1–2 года (Y) и на первый период взрослой жизни (A1).

Таблица 1
Описательная статистика мотивационных и темпоральных категорий ММИ во всей выборке

	Собственная личность	M	min	max	σ	
Категории содержания мотивации	S	6,16	0	20	3,38	
	Spre	0,98	0	6	1,21	
	Saut	1,62	0	14	1,89	
	SR	3,06	0	12	2,54	
	R	3,61	0	19	2,76	
	C	5,12	0	19	3,44	
	C3	2,15	0	12	2,08	
	C3H	0,79	0	6	1,27	
	E	0,89	0	7	1,22	
	Tx	0,21	0	4	0,52	
	P	1,88	0	12	2,14	
	L	1,96	0	27	2,65	
	Tt	0,09	0	5	0,48	
	Темпоральные категории	TDWM	2,04	0	28	3,05
Y		5,39	0	24	5,19	
A1		5,70	0	21	5,36	
A,O		2,07	0	10	2,40	
L		7,43	0	25	4,36	
I		3,15	0	16	2,89	
x		0,54	0	5	0,98	
X		0,03	0	1	0,16	
		Ближайшее будущее (до 1 месяца)				
		1–2 года				
		Первый период взрослой жизни				
		Зрелость, старость				
		Вся предстоящая жизнь				
		«Открытое настоящее»				
	Историческое будущее					
	Период после смерти					

Далее был проведен сравнительный анализ содержания мотивации у респондентов с различным уровнем переживания террористической угрозы для каждой возрастной группы в отдельности.

В каждой группе были выделены подгруппы с высоким («В») и низким («Н») уровнем переживания угрозы терактов по показателю методики ОПТУ. При таком разделении в группу «Н» вошли те участники исследования, чьи значения общего балла ОПТУ не менее чем на $\frac{1}{2}$ стандартного отклонения ниже средней величины, а в группу «В» – те участники, чьи значения общего балла ОПТУ превышают среднее значение не менее чем на $\frac{1}{2}$ стандартного отклонения. Протоколы респондентов со средним уровнем переживания угрозы терактов из анализа были исключены. Различия в изучаемых переменных между подгруппами анализировались с помощью U-критерия Манна–Уитни.

В юношеской группе в подгруппу с высоким баллом по ОПТУ вошли 39 человек ($M=146,69$), с низким баллом – 37 человек ($M=91,81$). Применение критерия U Манна–Уитни позволило обнаружить в выделенных подгруппах различия в частоте упоминания отдельных категорий содержания мотивации. Так, в ответах респондентов с высоким уровнем переживания террористической угрозы мотивы в отношении третьих лиц (категория С3: пожелания, обеспокоенность жизнью других) встречаются значимо чаще, чем в ответах группы с низким уровнем переживания ($M_1=1,14$; $M_2=2,18$; $U=466,5$; $p=0,007$). Респонденты с низким уровнем переживания террористической угрозы чаще пишут о мотивах, связанных с отдыхом и развлечениями ($M_1=2,00$; $M_2=1,21$; $U=523,0$; $p=0,039$).

В группе респондентов среднего возраста получены сходные данные: респонденты с высоким уровнем переживания террористической угрозы ($n=32$, $M=146,06$) в своих анкетах чаще указывают цели и мотивы, формулируемые ими для других людей ($M_1=1,68$; $M_2=2,97$; $U=329,0$; $p=0,021$).

Статистически достоверных различий по темпоральным характеристикам временной перспективы внутри возрастных подгрупп с различным уровнем переживания угрозы терактов выявлено не было ($p>0,05$).

2. В исследованиях Н. Н. Толстых показана динамика содержания мотивации и протяженности временной перспективы будущего во времени. Каждый этап развития человека вносит качественно своеобразный вклад в развитие временной перспективы личности. Таким образом, показано, что в различных возрастных и половых

группах содержание временной перспективы различается (Толстых, 2009). Относительно второй переменной нашего исследования – переживания террористической угрозы – также есть данные о зависимости ее интенсивности от социально-демографических параметров (Быховец, 2008; Знаков, 2010; Galea et al., 2002). Этот материал явился основанием для более детального анализа полученных в нашем исследовании данных с учетом возраста и пола респондентов. Был проведен сравнительный анализ изучаемых параметров в разных половозрастных группах.

Сравнение возрастных групп по всем категориям ответов в ММИ не дало значимых различий. Категории мотивационного содержания перспективы будущего имеют сходную частоту упоминания в обеих группах.

Статистически значимые различия обнаружены лишь для темпоральных параметров перспективы будущего. В *группе юношеского возраста* чаще указываются такие планы и цели, реализация которых должна состояться в ближайшие 1–2 года (категория Y) ($M_1=8,53$; $M_2=1,68$; $U=1225,50$; $p=0,000$). В *группе респондентов среднего возраста* чаще указываются планы, относящиеся к периоду первой половины социальной автономии (25–45 лет) или взрослой жизни ($M_1=2,10$; $M_2=9,98$; $U=1093,00$; $p=0,000$). Данный результат связан с тем, что для каждой из возрастных групп указанный период является актуальным периодом жизни: для юношеской группы это 1–2 года, что соответствует времени обучения в высших учебных заведениях (средний возраст опрашиваемых – 19,66). Возраст респондентов средней группы – 22–35 лет, что соответствует началу взрослой жизни, обозначаемому категорией A1. Таким образом, возрастных различий не обнаружено: большей мотивационной наполненностью обладают актуальные для каждого возраста периоды социальной жизни.

Различия между респондентами разных возрастов в интенсивности переживания террористической угрозы также не были обнаружены ($p>0,05$).

Дальнейший анализ полученных данных проводился без учета возраста респондентов. Сравнительный анализ ответов на пункты ММИ мужчин и женщин обнаружил различия в частоте упоминания следующих мотивационных и темпоральных категорий опросника. Так, женщины чаще пишут о мотивах, связанных с самосохранением ($M_1=1,09$; $M_2=0,82$; $U=4966,50$; $p=0,014$), достижением личностной автономии ($M_1=1,89$; $M_2=1,23$; $U=4317,00$; $p=0,000$), самореализа-

цией ($M_1=3,47$; $M_2=2,51$; $U=4856,00$; $p=0,010$), с продуктивной активностью ($M_1=3,83$; $M_2=3,32$; $U=5063,00$; $p=0,034$), с социальными контактами ($M_1=5,924$; $M_2=4,02$; $U=3885,00$; $p=0,000$), с пожеланиями другим людям ($M_1=2,62$; $M_2=1,51$; $U=4232,00$; $p=0,000$) и с познанием ($M_1=1,07$; $M_2=0,66$; $U=4896,50$; $p=0,008$). Среди временных категорий ММИ у женщин чаще встречаются категории начала взрослой жизни ($M_1=6,33$; $M_2=4,84$; $U=5019,00$; $p=0,027$), «открытого настоящего» ($M_1=4,36$; $M_2=1,49$; $U=2435,00$; $p=0,000$) и исторического будущего ($M_1=0,63$; $M_2=0,43$; $U=5243,00$; $p=0,038$). Эти различия могут быть объяснены большей, по сравнению с мужчинами, открытостью и готовностью женщин делиться своими внутренними целями и желаниями. Сравнение мужчин и женщин по показателю методики ОПТУ выявило, что женщины острее переживают террористическую угрозу ($M_1=123,50$; $M_2=112,95$; $U=4600,00$; $p=0,002$).

Полученный результат позволил предположить влияние половых различий на содержание перспективы будущего в группах респондентов с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы.

Показано, что женщины с высоким уровнем переживания террористической угрозы ($n=43$) чаще, чем женщины с низким уровнем ($n=41$), используют в своих ответах категорию C3 ($M_1=1,98$; $M_2=3,00$; $U=617,00$; $p=0,017$). К этой категории относится такая мотивация, в которой субъект выражает свои надежды, желания или опасения, касающиеся других людей (к примеру, «...чтобы родители не болели»). Цели и мотивы, формулируемые для других людей, содержат целый комплекс сложных переживаний, чувств, желаний, о которых субъект по каким-то причинам затрудняется говорить от первого лица. В таких высказываниях респондентов часто речь идет о беспокойстве и волнении за родных и близких людей. В тех случаях, когда реальной опасности нет, такими опасениями могут маскироваться беспокойство и тревога по поводу собственного благополучия. Согласно гештальт-терапевтической теории, подобные высказывания «про других» считаются проективными по своему характеру. Таким образом, более частое упоминание этой категории в ответах респондентов с высоким уровнем переживания террористической угрозы может рассматриваться как проекция собственных тревог на других людей в связи с дефицитом личностной рефлексии собственных переживаний.

Сравнение мужчин с высоким ($n=33$) и низким ($n=27$) уровнем переживания террористической угрозы позволило обнаружить раз-

личие в частоте упоминания категории Spge: мужчины с высоким баллом по ОПТУ чаще сообщают о мотивации, связанной с самосохранением ($M_1=0,56$; $M_2=1,21$; $U=323,00$; $p=0,046$). При этом мотивы защиты и сохранения Я могут относиться как к физическому уровню (не болеть, выздороветь, оставаться здоровым и т. д.), так и к психологическому – обеспечить себе внутреннее равновесие, устойчивость, психологическое благополучие. Люди, склонные к невротическим проявлениям, боятся тревоги, напряжения и хотят быть спокойными и расслабленными. Они желают быть защищенными от критики и пренебрежительного отношения со стороны других людей либо же боятся, что их планы и устремления не сбудутся.

По данным отечественных и зарубежных исследователей, террористическая угроза является стрессором, способным вызвать у косвенных жертв терактов признаки посттравматического стресса (Быховец, 2008; Ениколопов и др., 2004; Нуркова и др., 2003; Dixon et al., 1993). В число характерологических особенностей, предрасполагающих к развитию признаков посттравматического стресса, входит повышенная тревожность. Показано также, что личностная тревожность оказывает влияние на интенсивность переживания террористической угрозы (Быховец, Тарабрина, Бакусева, 2010). Тревожность понимается как устойчивая склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие и реагировать на такие ситуации тревогой. В контексте настоящего исследования тревожность рассматривается как одна из характеристик эмоциональной сферы субъекта, обуславливающая его способность адекватно оценивать реальность террористической угрозы. Соответственно, переживание террористической угрозы можно рассматривать как конкретно направленную тревогу (там же). Таким образом, полученные в настоящем исследовании результаты позволяют утверждать, что и мужчины, и женщины с высоким уровнем переживания террористической угрозы демонстрируют признаки повышенной тревожности. Эта тревожность, являясь индивидуально-психологической особенностью человека, находит свое отражение в компонентах временной перспективы будущего, а именно в содержании мотивации: у женщин она выражается в беспокойстве за близких людей, а у мужчин в обеспокоенности за самих себя. Полученный результат, во-первых, подтверждает тезис о психотравмирующем

влиянии террористической угрозы на уязвимую часть населения, а во-вторых – вносит существенный вклад в понимание психологических последствий воздействия стрессоров высокой интенсивности на психику человека.

Литература

- Быховец Ю. В. Представления о террористическом акте и переживание террористической угрозы жителями разных регионов РФ: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психотравмирующее воздействие террористической угрозы // Материалы XIV съезда Российского общества психиатров. М., 2005. С. 158.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы. Руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В., Бакусева Н. Н. Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ-21) // Психологические исследования. Вып. 5 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 36–49.
- Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 11. С. 28–32.
- Ениколопов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 73–81.
- Знаков В. В. Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // Вопросы психологии. 2010. № 4. С. 64–74.
- Кекелидзе Е. И. Психиатрия чрезвычайных ситуаций // Фармакотерапия в неврологии и психиатрии. М., 2002. С. 159–174.
- Мандрикова Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 4. С. 56–65.
- Нуркова В. В., Бернштейн Д. М., Лофтус Э. Ф. Эхо взрывов: сравнительный анализ воспоминаний москвичей о террористических актах 1999 г. (Москва) и 2001 г. (Нью-Йорк) // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 64–72.
- Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

- Руководство практического психолога: психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И. В. Дубровиной. М.: Издат. центр «Академия», 1995.
- Тарабрина Н. В. Психологические последствия террористических актов // Материалы 2-й Международной конференции «Мировое сообщество против глобализации, преступности и терроризма». М., 2004. С. 212–215.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчан З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Толстых Н. Н. Использование метода мотивационной индукции для изучения мотивации и временной перспективы будущего // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 77–94.
- Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск–Москва: Универсум, 2009.
- Яничев П. И. Субъективные модели прошлого, настоящего и будущего в подростковом и юношеском возрасте // Наш проблемный подросток. Учебн. пособие. СПб., 1999. С. 50–60.
- Dixon P., Rehling G., Shiwach R. Peripheral victims of the Herald of Free Enterprise disaster // Journal Medical Psychology. 1993. V. 66. P. 193–202.
- Galea S., Ahern J., Resnick H., Kilpatrick D., Bucuvalas M., Gold J., Vlahov D. Psychological sequelae of the September 11 terrorist attacks in New York City // New England Journal of Medicine. 2002. V. 346 (13). P. 982–987.
- Marshall R. D., Bryant R. A., Amsel L., Suh E. J., Cook J. M., Neria Y. The psychology of ongoing threat: Relative risk appraisal, the September 11 attacks, and terrorism-related fears // American Psychologist. May–Jun 2007. V. 62 (4). P. 304–316.
- Propper R. E., Stickgold R., Keeley R., Christman S. D. Is Television Traumatic? Dreams, Stress, and Media Exposure in the Aftermath of September 11, 2001 // Psychological Science. 2007. V. 18. № 4. P. 334–340.

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ С РАЗЛИЧНОЙ ТЯЖЕСТЬЮ ВОЕННОЙ ТРАВМЫ

А. Н. Зелянина, М. А. Падун

Участие в военных действиях является травматическим стрессором, т. е. ситуацией, связанной с угрозой жизни. Для Российской Федерации актуальность изучения психологических последствий военной травмы возрастает многократно в связи с антитеррористическими операциями на Северном Кавказе и вновь вспыхивающими вооруженными конфликтами.

В российских и зарубежных психологических исследованиях последствий участия в боевых действиях в центре внимания находятся прежде всего сам посттравматический стресс (ПТС) и его механизмы (Тарабрина, 2000, 2001, 2003, 2007; Зеленова и др., 1997). В исследованиях показано, что существует связь между параметрами боевой обстановки и развитием впоследствии посттравматического стрессового расстройства (Зеленова, Лазебная, Тарабрина, 1997). Выраженность ПТС сопряжена с тенденцией к представлению себя в более выгодном свете, с возникновением стойких и длительных отрицательных эмоций с компенсацией за счет дистанцирования от окружающего и ухода во внутренний мир, с нарастанием тревоги и депрессии, с формированием ограничительного поведения (Forbes, Creamer, McHugh, 1999; Gaston, Brunet, Koszycki, Bradwejn, 1996; Тарабрина, 2000).

Вместе с тем, выраженный посттравматический стресс характерен примерно для 15% лиц с психотравмой (Kulka et al., 1990), в то время как личностные трансформации встречаются у большей части индивидов, переживших воздействие травматического стрессора. В отечественных и зарубежных исследованиях показано, что влияние психотравмирующей ситуации на личность имеет не только негативные последствия. Наличие постоянной опасности, риска способствует более серьезному, философскому отношению

к жизни, более глубокому пониманию жизненных ценностей, повышению самостоятельности, самоуважения и активности (Сидоров, Литвинцев, Лукманов, 1999; Стрельникова, 2005; Падун, Тарабрина, 2003; Лыткин, 2001; Morris, Shakespeare-Finch, Rieck, Newbury, 2005; Calhoun, Tedeschi, 1999; и др.).

Личностные изменения у участников боевых действий рассматриваются преимущественно через призму понятия «комбатантная акцентуация» (Лыткин, Шамрей, Койстрик, 1999; Лыткин, 2001; Bogus, 1974; Китаев-Смык, 2002; Колодзин, 1992; Glenn, Beckham, Feldman et al., 2002; Solter, Thaller, Karlovic, 2002; Литвинцев, Снедков, Резник, 2005, Соловьев, 2000; и др.). В литературе отражены основные положения, подтверждающие правомерность выделения данного типа акцентуации личности. Остановимся на них подробнее.

1. Разнообразие акцентуаций в довоенный период обусловлено различными социальными, биологическими, культуральными факторами. В боевой период военнослужащие находятся в одинаковых условиях и подвергаются воздействию однотипных стресс-факторов (Лыткин, 2001). По этой причине спектр проявлений комбатантных акцентуаций меньше, чем в довоенное время, и ограничивается в основном тремя типами акцентуаций: тревожной, циклотимической и возбудимой (Короткова, 2000). По мнению Е. В. Снедкова, в условиях продолжительного участия в войне закрепляются две основные черты: хронической тревожности и импульсивности (Снедков, 1998).
2. Изменение личностных характеристик в боевой обстановке происходит намного быстрее, чем формирование акцентуации в мирное время, что приводит к дисгармонии личности, выражающейся преимущественно в поведенческих девиациях (Ахмедова, 2004).
3. Комбатантные акцентуации могут рассматриваться в качестве динамически ситуативного субклинического варианта ПТС, на фоне которого при неблагоприятных условиях могут происходить дальнейшая психопатизация личности, развитие психогенных расстройств, формирование наркологической патологии (Шамрей, Лыткин, 2006).

Помимо важности теоретического осмысления посттравматических изменений, необходимость изучения личностных характеристик участников боевых действий диктуется также практической психологией в связи с тем, что многие специалисты оценивают успеш-

ность психокоррекции на основании признаков посттравматического стресса, не рассматривая динамику личностных трансформаций (Колов, 2007). Известно, что любая психокоррекция должна быть направлена на актуализацию имеющихся у человека психологических и психофизиологических ресурсов, которые включают «поведенческую активность, соматические и психические возможности, вегетативные и обменные процессы, а также личностные характеристики» (Бодров, 2006, с. 279).

Другим важным аспектом, освещенным в данной работе, является поиск ответа на вопрос, каким образом тяжесть боевой травмы (интенсивность боевого опыта и ранение) связаны с личностными характеристиками ветеранов боевых действий. Интерес к изучению влияния ранения на личность человека обусловлен тем, что, во-первых, специфика военной травмы у лиц, получивших ранения, качественно отличается от таковой у тех, кто не был ранен или контужен. При этом в большинстве отечественных исследований, выполненных в поле ПТС, лица, имеющие в анамнезе ранения, в выборку не включались (Зеленова, Лазебная, Тарабрина, 1997; Лазебная, Зеленова, 1999; Тарабрина, 2000, 2001, 2003; Падун, 2003; Миско, Тарабрина, 2004; Лазебная 2004, 2007; Лазебная, Зеленова, 2007). Во-вторых, исследования, касающиеся изучения влияния ранений на психику человека в период пребывания в госпиталях, говорят о взаимосвязи физической травмы с риском развития тяжелых психических расстройств (Fontana, Rosenheck, 1999; Boudreaux et al., 1998), о разнообразных психопатологических симптомокомплексах, наблюдаемых у раненых (Иванов, Жуматий, Рубцов, 2003), а также о различных реакциях на начальном этапе лечения на психотравмирующую ситуацию, связанную с получением ранения: повышение ситуационной тревожности, настороженности и подозрительности, сниженной способности контролировать свои эмоции и необходимости в групповой поддержке (Боченков, Маклаков, Мухин и др., 1997). Таким образом, в большинстве исследований последствия получения ранений рассматривались скорее как психические состояния, но не как фактор отдаленных личностных изменений.

Все изложенное выше обусловило выбор темы и определило основную цель работы, которая заключалась в изучении личностных характеристик у ветеранов с различной тяжестью военной травмы.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Акцентуации ветеранов отличаются от характерологических черт испытуемых, не принимавших участие в войне.

- Акцентуации участников боевых действий сопряжены с характером пережитой травмы (интенсивностью боевого опыта, наличием и тяжестью ранения).

Методы исследования

Исследование проводилось на базе Общероссийской общественной организации инвалидов войны в Афганистане и Архангельской региональной организации Общероссийской общественной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана». Респондентами стали 142 человека, лица мужского пола, ветераны боевых действий в Афганистане и участники боевых действий в Чеченской республике, не имеющие ранений и с ранениями легкой и средней степени тяжести. Средний возраст респондентов по всей выборке составил $30,60 \pm 4,78$ лет.

В выборку не включались следующие категории военнослужащих: ветераны с тяжелыми ранениями, участники боевых действий, у которых имели место ранения в голову и черепно-мозговые травмы. Кроме того, не вошли в выборку ветераны с ампутациями. Ранения участников обследования носили разнообразный характер: касательные, проникающие, осколочные, пулевые, с несколькими зонами поражения. Данные о наличии или отсутствии, а также тяжести ранения были взяты из медицинских карт.

Контрольную группу составили 160 человек, работники ОАО «Соломбальский целлюлозно-бумажный комбинат», лица мужского пола, служившие в армии, но не принимавшие участие в боевых действиях. Средний возраст респондентов контрольной группы – $30,58 \pm 3,03$ лет.

Из стандартизованных психометрических методик применялись Шкала оценки интенсивности боевого опыта и Методика многостороннего исследования личности.

Шкала оценки интенсивности боевого опыта состоит из семи пятибалльных (0–4) оценочных шкал. Представляет собой конкретную (качественную и количественную) характеристику боевой нагрузки, отражающую степень вовлеченности обследуемого в военные события по конкретным видам деятельности. Перечень вопросов определяет включенность в прошлом ветерана в типичные для локальных войн события и боевые задачи (Тарабрина, 2001).

С целью определения типа личности был использован многопрофильный опросник ММПИ, адаптированный Ф. Б. Березиным

и М. П. Мирошниковым, – «Методика многостороннего исследования личности» (ММИЛ). Методика содержит 377 вопросов и включает в себя три шкалы, которые позволяют оценить отношение испытуемого к тестированию и суждения о достоверности результатов исследования, однако эти шкалы имеют и значимые психологические корреляты. Также методика включает в себя десять основных шкал, номера и названия которых приведены на рисунке 1.

Результаты исследования

Для проверки первой гипотезы о том, что акцентуации ветеранов отличаются от характерологических черт испытуемых, не принимавших участие в войне, проведен сравнительный анализ между личностными особенностями участников боевых действий и испытуемых контрольной группы.

Прежде чем приступить к анализу полученных результатов, проводилась отбраковка личностных профилей, построенных на основании результатов по шкалам достоверности (шкала L, шкала F, шкала K) опросника ММПИ. По этой причине в выборку не вошли 25 человек (из них 15 участников боевых действий и 10 респондентов контрольной группы), так как их результаты тестирования оказались недостоверными.

В процессе обработки полученных данных было отмечено, что по всем шкалам личностного опросника между группой комбатантов и группой испытуемых контрольной группы получены достоверные различия ($p \leq 0,001$) за исключением шкалы выраженности мужских и женских черт характера и шкалы аутизации (см. рисунок 1).

У ветеранов отмечается тенденция к контролю своего поведения, что делает невозможным открытое проявление асоциальных действий, даже если имеет место неприятие морально-этических норм. В отдельных случаях участники боевых действий могут производить впечатление интрапунитивных и свои экстрапунитивные тенденции удовлетворять, вызывая чувство вины у окружающих, особенно если имеют право на подобного рода поведение. В связи с этим может наблюдаться стремление к видам деятельности, дающим эту возможность. Если же стремление к деятельности, в которой экстрапунитивные тенденции находят социально приемлемое выражение, заблокировано, у ветеранов может возникать чувство угрозы их собственному благополучию, а иногда и выраженные реакции

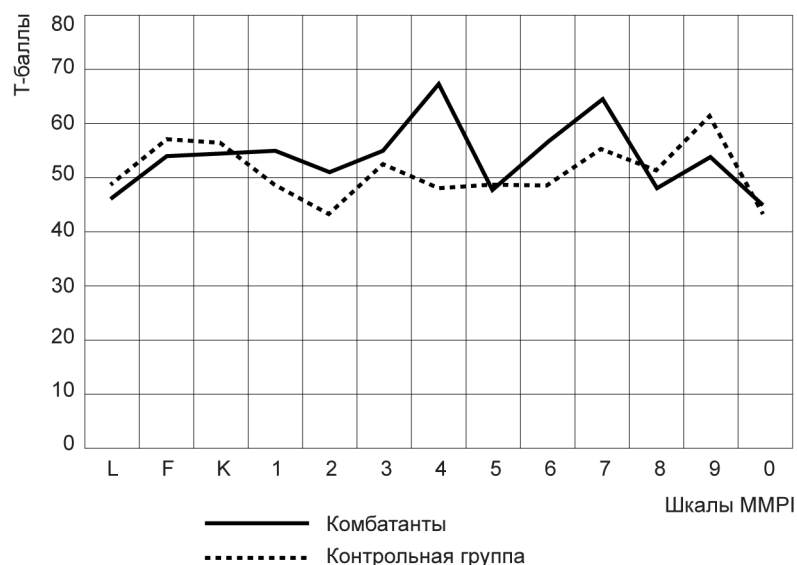

Рис. 1. Личностные черты комбатантов и респондентов контрольной группы (MMPI)

Обозначения: L – шкала лжи, F – шкала достоверности, K – шкала коррекции, 1 – шкала соматизации тревоги, 2 – тревога и депрессивные тенденции, 3 – шкала вытеснения факторов, вызывающих тревогу, 4 – шкала реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении, 5 – шкала выраженности мужских и женских черт характера, 6 – шкала ригидности аффекта, 7 – шкала фиксации тревоги и ограничительного поведения, 8 – шкала аутизации, 9 – шкала отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций, 0 – шкала социальных контактов.

тревоги, о чем свидетельствует повышение профиля по шкале реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (4-я шкала: $67,40 \pm 6,00$ T-баллов) и по шкале фиксации тревоги и ограничительного поведения (7-я шкала: $64,55 \pm 7,67$ T-баллов).

В отношении испытуемых, которые составили контрольную группу, можно сказать, что они характеризуются, по сравнению с ветеранами, достоверно более выраженной оптимистичностью, общительностью, способностью к высокой активности, непринужденностью в общении с тщательным анализом своих действий, о чем свидетельствует наличие пиков по шкалам отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций (9-я шкала: $60,38 \pm 8,99$ T-баллов),

а также по шкале фиксации тревоги и ограничительного поведения (7-я шкала: $54,67 \pm 11,51$ T-баллов).

Результаты, полученные при использовании личностного опросника, у респондентов контрольной группы более близки, по сравнению с ветеранами, к нормативным стандартам, выработанным к Миннесотскому многоаспектному личностному опроснику Ф. Б. Березиным с соавт. (Березин и др., 1995). По этой причине данные контрольной группы можно считать нормой и использовать для сравнения с результатами участников боевых действий.

С целью более детального изучения личностных характеристик участников боевых действий контингент ветеранов в количестве 142 человека был поделен на две группы. Первую группу составили участники боевых действий с гармоничным типом личности (84 человека, 59% выборки). Во вторую группу вошли комбатанты с акцентуированным типом личности (58 человек, 41%).

За основу разделения контингента в зависимости от наличия или отсутствия акцентуации была взята интерпретация теста MMPI Ф. Б. Березина и М. П. Мирошникова, в которой говорится, что распределение показателей базисных шкал теста MMPI указывает на наличие акцентуации в случае повышения значений от 70 до 80 T-баллов.

В группе участников боевых действий с акцентуациями характера были выделены несколько видов комбатантных акцентуаций.

В группу с explosивно-эпилептоидным типом акцентуации вошли 4 человека (4-я шкала реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и 6-я шкала ригидности аффекта), в группу с возбудимым вариантом акцентуации вошло 12 человек (4-я шкала реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении); в группу с эпилептоидной (застревающей) акцентуацией вошло 3 человека (6-я шкала ригидности аффекта); в группу с тревожно-импульсивным типом акцентуации – 20 человек (4-я шкала реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и 7-я шкала фиксации тревоги и ограничительного поведения); в группу с психастенической акцентуацией вошло 12 человек (7-я шкала фиксации тревоги и ограничительного поведения); в группу с тревожно-депрессивным типом акцентуации – 6 человек (2-я шкала тревоги и депрессивных тенденций, 7-я шкала фиксации тревоги и ограничительного поведения).

При акцентуации по *эксплозивно-эпилептоидному типу* отмечается склонность к асоциальному поведению, недоброжелательность к окружающим в сочетании с пренебрежением морально-этичес-

кими нормами, обычаями, правилами, запретами. В связи с этим у данной группы ветеранов возрастают трудности социальной адаптации и снижается эффективность корректирующих мероприятий.

Участники боевых действий с *тревожно-импульсивным типом* акцентуации склонны к повышению поведенческой активности в ситуации стресса, но с тщательным контролем своего поведения. У ветеранов с *тревожно-депрессивным типом* акцентуации имеется склонность к стоп-реакциям, блокировке активности, или ведóмому поведению. Отмечается тенденция полагаться на то, как все само собой складывается, нежели самим пытаться повлиять на судьбу. Для некоторых лиц с данным типом акцентуации характерна негативная оценка дальнейшей жизненной перспективы с постоянной внутренней напряженностью, тревогой и страхами.

Участники боевых действий с *возбудимым вариантом акцентуации* характеризуются повышенной импульсивностью с затрудненным самоконтролем, склонностью к асоциальным поступкам, протестом против принятых норм.

Ветераны с *эпилептоидной (застревающей) акцентуацией* характеризуются обостренным чувством справедливости, наличием доминирующей идеи с последующим ее отстаиванием. Если реализация идеи встречает сопротивление, то это ведет к эксплозивно-агрессивным реакциям. Социально нежелательное поведение сопровождается интенсивной разработкой концепции, которая призвана объяснить его возникновение и сохранить приемлемое для человека представление о собственной личности.

Лицам с акцентуацией по *психастеническому типу* свойственны неуверенность в себе, нерешительность, обязательность, ответственность, ориентация на мнение группы, сильно развитое чувство долга и приверженность к общепринятым нормам, тенденция реагировать повышенным чувством вины и самобичеванием на малейшие неудачи.

В контрольной группе выявлены акцентуации характера следующих типов: тревожно-депрессивного – 6 человек (шкала тревоги и депрессивных тенденций, шкала фиксации тревоги и ограничительного поведения), истероидного – 9 человек (шкала вытеснения факторов, вызывающих тревогу), эксплозивно-эпилептоидного – 10 человек (шкала реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и шкала ригидности аффекта), гипертимного – 13 человек (шкала отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций), тревожно-мнительного – 5 человек (шкала фиксации

тревоги и ограничительного поведения), ипохондрического – 6 человек (шкала соматизации тревоги).

Для проверки второй гипотезы о том, что выраженность акцентуаций участников боевых действий сопряжена с характером пережитой травмы (интенсивностью боевого опыта, наличием и тяжестью ранения), проведен корреляционный анализ. Выявлены прямые достоверно значимые корреляционные связи между параметром интенсивности боевого опыта и показателями методики ММИЛ (корреляционный анализ проведен посредством коэффициента корреляции Спирмена, так как данные выборки не подчиняются закону нормального распределения). С повышением интенсивности боевого опыта у комбатантов возрастает тенденция к умалчиванию об истинном положении вещей (шкала F: $r_s=0,339$; $p\leq 0,001$), нарастают депрессивность и тревога (шкала 2: $r_s=0,260$; $p\leq 0,001$), увеличивается тенденция к вытеснению из сознания обуславливающих тревогу факторов (шкала 3: $r_s=0,522$; $p\leq 0,001$), которая выражается в стремлении быть в центре внимания, в поисках признания и поддержки, в ориентированности на внешнего наблюдателя. Увеличивается соматизация тревоги (шкала 1: $r_s=0,203$; $p\leq 0,01$), которая выражается в беспокойстве за состояние своего физического здоровья, пессимизме, неверии в успех, особенно в отношении медицинской, психологической и социальной помощи. Нарастают депрессивность и тревога (шкала 2: $r_s=0,260$; $p\leq 0,001$; шкала 7: $r_s=0,417$; $p\leq 0,001$).

Особое место среди различных психотравмирующих факторов боевой обстановки занимают эпизоды непосредственного контакта со смертью, в рамках которых большое значение имеет факт наличия ранения и его тяжести. С целью подтверждения влияния фактора ранения на структуру личностно-смысловых особенностей и выраженность посттравматической симптоматики в группе участников боевых действий был выполнен анализ по критерию Краскала–Уоллеса (непараметрический аналог ANOVA) (таблица 1).

С увеличением тяжести ранения достоверно возрастает соматизация тревоги (шкала 1: $N=34,472$; $p\leq 0,001$), реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (шкала 4: $N=22,639$; $p\leq 0,001$), выражающаяся в пренебрежении к общепринятым нормам, моральным и этическим ценностям, установившимся правилам поведения, которая может проявляться в гневных и агрессивных реакциях. С увеличением тяжести ранения повышается и параметр ригидности аффекта (шкала 6: $N=29,931$; $p\leq 0,001$),

Таблица 1
Фактор ранения и личностные характеристики участников боевых действий

Признак	1 группа – нет ранений (52 человека)		2 группа – легкие ранения (42 человека)		3 группа – ранения средней степени тяжести (48 человек)		Н
	M±δ	Md (Q1–Q3)	M±δ	Md (Q1–Q3)	M±δ	Md (Q1–Q3)	
Шкала L	44,79±2,67	44,00 (42,00–51,00)	46,38±2,54	45,00 (42,00–52,00)	47,38±2,98	48,00 (42,00–52,00)	26,389***
Шкала F	56,21±4,30	57,00 (45,00–60,00)	54,33±7,53	59,00 (39,00–61,00)	51,71±7,52	46,00 (43,00–61,00)	2,570
Шкала K	54,40±2,05	55,00 (50,00–58,00)	55,74±2,68	57,00 (49,00–60,00)	54,85±2,58	55,00 (50,00–59,00)	7,209
Шкала 1	53,54±1,49	54,00 (49,00–59,00)	55,83±2,99	55,00 (49,00–62,00)	56,90±3,35	57,00 (50,00–62,00)	34,472***
Шкала 2	50,17±6,05	49,00 (44,00–68,00)	50,88±6,68	50,00 (39,00–67,00)	51,83±7,50	48,00 (45,00–65,00)	3,270
Шкала 3	55,10±2,29	56,00 (48,00–58,00)	55,43±3,25	55,00 (45,00–60,00)	55,40±3,50	54,00 (48,00–61,00)	0,419
Шкала 4	64,31±6,14	68,00 (55,00–75,00)	68,69±6,03	69,00 (55,00–79,00)	69,62±4,27	70,00 (60,00–70,00)	22,639***
Шкала 5	48,63±3,36	49,00 (43,00–54,00)	48,95±1,59	49,00 (45,00–51,00)	48,88±1,73	49,00 (44,00–51,00)	0,038
Шкала 6	53,85±3,37	53,00 (50,00–65,00)	56,95±4,32	56,00 (51,00–66,00)	58,88±4,75	58,00 (52,00–68,00)	29,931***
Шкала 7	64,15±6,84	68,00 (49,00–76,00)	64,74±7,51	69,00 (49,00–77,00)	64,81±8,73	64,50 (49,00–79,00)	3,522
Шкала 8	47,62±3,59	46,00 (43,00–56,00)	48,02±3,38	48,00 (43,00–55,00)	48,48±5,56	48,00 (40,00–56,00)	2,330
Шкала 9	53,35±1,58	53,00 (51,00–56,00)	53,76±2,50	55,00 (48,00–57,00)	53,10±2,15	53,00 (49,00–57,00)	4,571
Шкала 0	43,60±3,13	43,50 (36,00–49,00)	45,00±3,32	45,00 (36,00–49,00)	45,23±3,05	44,00 (40,00–50,00)	5,569

Примечание: Md – медиана; Q1 – минимальное значение; Q3 – максимальное значение; *** – уровень значимости $p \leq 0,001$; Н – значение критерия Краскала–Уоллеса; M±δ – среднее и стандартное отклонение.

характеризующийся интенсивной разработкой концепции, которая призвана сохранять приемлемое для человека представление о себе.

Таким образом, у ветеранов с легкими ранениями и ранениями средней степени тяжести наблюдается тенденция к представлению себя в более выгодном свете (шкала лжи ММИЛ), возрастают трудности социальной адаптации (сочетание высоких баллов по шкалам 4 и 6 ММИЛ) с сопутствующей раздражительностью и тревогой за состояние своего здоровья (шкала 1 ММИЛ). Кроме того, ветераны, имеющие ранения, представляют собственную жизнь менее осмысленной и целенаправленной, в большей степени неудовлетворены собой, в отличие от участников боевых действий, не получивших ранения.

Проведенное исследование показало, что даже в случае отсутствия выраженного посттравматического стресса у участников боевых действий наблюдаются личностные характеристики, которые отличают ветеранов от не воевавших граждан. Акцентуации респондентов контрольной группы более разнообразны. Ограниченный спектр проявления комбатантных акцентуаций, согласно В. М. Лыткину, объясняется тем, что последние «формируются путем напластывания на преморбидные признаки акцентуаций довоенного периода новых черт характера в результате специфического воздействия боевого стресса и внутриличностного конфликта между социально-нравственной позицией, возникшей в условиях боевых действий, и неприятием ее обществом в мирное время» (Лыткин, 2001, с. 54).

Одним из значимых факторов боевой обстановки, оказывающих влияние на личностные характеристики участников боевых действий, являются ранения различной степени тяжести. Специфику личностных характеристик ветеранов, имеющих в анамнезе ранения, можно рассмотреть в двух аспектах.

Во-первых, у раненых участников боевых действий психотравма оказывается более масштабной, по сравнению с ветеранами, которые не получили ранений, поскольку дополнительным психотравмирующим фактором является нарушение целостности организма. Вероятно, у раненых ветеранов в большей степени, чем у участников боевых действий без ранений, изменяются глубинные представления о мире и о себе, что выражается в нарушении внутренних убеждений о доброжелательности окружающего мира, о его справедливости, о ценности и значимости собственного Я (Падун, 2003).

Во-вторых, специфику личностных свойств участников боевых действий с ранениями в анамнезе можно рассматривать с точки

зрения психологии телесности. При нарушении целостности организма изменяется протекание психических процессов, снижаются операционально-технические возможности людей, происходит сужение основного круга отношений человека с миром, нарушаются степень критичности и самоконтроля, блокируется удовлетворение социальных потребностей: потребности в благополучии, благосостоянии, независимости и самостоятельности (Николаева, 1987). Центральным психологическим механизмом личностных изменений у раненых является перестройка мотивационной сферы, где главным смыслообразующим мотивом становится сохранение жизни и восстановление здоровья (Тхостов, 1990; Менделевич, 2002).

У участников боевых действий более выражены акцентуации характера, чем у неволевавших граждан. Наиболее распространенным типом акцентуации у участников боевых действий является тревожно-эксплозивный.

Высокая интенсивность боевого опыта, а также факт наличия ранения сопряжены с соматизацией тревоги, с реализацией эмоциональной напряженности в непосредственном поведении и с ригидностью аффекта.

Литература

- Ахмедова Х. Б. Посттравматические личностные изменения у гражданских лиц, переживших угрозу жизни // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 93–102.
- Березин Ф. Б., Мирошников М. Ф. Миннесотский многоаспектный личностный опросник ММРП. Архангельск: Правда Севера, 1995.
- Бодров В. А. Ресурсный подход и регуляция стресса // Психология профессиональной деятельности. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 277–283.
- Боченков А. А. Особенности психофизиологического состояния и поведенческих реакций военнослужащих, находящихся на стационарном лечении по поводу боевых ранений // Медицинская реабилитация раненых и больных / Под ред. Ю. Н. Шанина. СПб.: Специальная литература, 1997. С. 156–158.
- Зеленова М. Е. Психологические особенности посттравматических

стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–47.

Иванов А. Л., Жуматий Н. В., Рубцов В. В. Опыт Всероссийского реабилитационного центра по социально-психологической реабилитации военнослужащих, получивших тяжелые ранения и увечья при выполнении служебного долга в Чеченской республике // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2003. № 4. С. 21–34.

Китаев-Смык Л. А. Психология Чеченской войны. М.: Наука, 2002.

Колов С. А. Клинические, психологические и социальные характеристики участников боевых действий и их динамика в процессе групповой психотерапии: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2007.

Колодзин Б. Как жить после психической травмы. М.: Изд-во НИИ «Геодезия», 2000.

Короткова Н. В. Психологические и медико-социальные особенности ветеранов локальных войн: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000.

Лазебная Е. О. Травматическая стрессовая ситуация и посттравматический адаптационный процесс // Психология состояний. Хрестоматия / Под ред. А. О. Прохорова. М.: Пер Сэ; СПб.: Речь, 2004. С. 373–386.

Лазебная Е. О. Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 561–576

Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 5. С. 62–74.

Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 576–590.

Литвинцев С. В., Снедков Е. В., Резник А. М. Боевая психическая травма. М.: Медицина, 2005.

Лыткин В. М. Теоретическое обоснование концепции «Комбатантная акцентуация личности» // Проблемы реабилитации. 2001. № 1. С. 50–55.

- Лыткин В. М., Шамрей В. К., Койстрик К. Н. Посттравматические стрессовые расстройства. СПб., 1999.
- Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М.: Мед-пресс-информ, 2002.
- Миско Е. А., Тарабрина Н. В. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 44–52.
- Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.
- Падун М. А. Особенности базисных убеждений у лиц, переживших травматический стресс: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003.
- Падун М. А., Тарабрина Н. В. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 1. С. 121–141.
- Сидоров П. И., Литвинцев С. В., Лукманов М. Ф. Психическое здоровье ветеранов афганской войны. Архангельск: Изд. центр СГМУ, 1999.
- Снедков Е. В. Медико-психологические последствия боевой психической травмы: клинико-динамические и лечебно-реабилитационные аспекты // Современная психиатрия. 1998. № 1. С. 21–26.
- Соловьев И. В. Посттравматический стрессовый синдром: Причины, условия, последствия. М.: Август Борг, 2000.
- Стрельникова Ю. Ю. Психологические последствия участия в вооруженных конфликтах (на примере сотрудников органов внутренних дел): Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005.
- Тарабрина Н. В. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов-инвалидов (участников боевых действий) // Клиническая психология. Хрестоматия / Под ред. М. Перре, У. Баумана. СПб.; М.; Харьков; Минск: Питер, 2000. С. 325–252.
- Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В. Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Тарабрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И. Психология посттравматического стресса. Часть 1. Теория и методы / Под ред. Н. В. Тарабриной. М.: Когито-Центр, 2007.

- Тхостов А. Ш., Арина Г. А. Теоретические проблемы исследования внутренней картины болезни // Психологическая диагностика отношения к болезни. Л., 1990. С. 32–38.
- Шамрей В. К., Лыткин В. М. Динамика личностных изменений у ветеранов локальных войн и вооруженных конфликтов // Военно-медицинский журнал. 2006. № 7. С. 4–10.
- Borus I. F. Incidence of Maladjustment in Vietnam Returnees // Arch. Gen. Psychiat. 1974. № 4. P. 554–557.
- Boudreaux E., Kilpatrick D. G., Resnick H. C., Best C., Saunders B. E. Criminal Victimization, Posttraumatic Stress Disorder, and Comorbid Psychopathology Among a Community Sample of Women // Journal of Traumatic Stress. 1998. V. 11. № 4. P. 665–678.
- Calhoun L. G., Tedeschi R. G. Facilitating posttraumatic growth. London, 1999.
- Fontana A., Rosenheck R. A Model of War Zone Stressors and Posttraumatic Stress Disorder // Journal of Traumatic Stress. 1999. V. 12. № 1. P. 111–126.
- Forbes D., Creamer M., McHugh T. MMPI-2 Data for Australian Vietnam Veterans with Combat-Related PTSD // Journal of Traumatic Stress. 1999. V. 12. № 2. P. 371–378.
- Gaston L., Brunet A., Koszycki D., Bradwejn J. MMPI Profiles of Acute and Chronic PTSD in Civilian Sample // Journal of Traumatic Stress. 1996. V. 9. № 4. P. 817–832.
- Glenn D. M., Beckham J. C., Feldman M. E. et al. Violence and hostility among families of Vietnam veterans with combat-related posttraumatic stress disorder // Violence Vict. 2002. V. 17. № 4. P. 473–489.
- Kulka R. A., Schlenger W. E., Fairbank J. A., Hough R. L., Jordan B. K., Marmar C. R. et al. Trauma and the Vietnam War generation: Report of findings from the National Vietnam Veterans Readjustment Study. NY: Brunner/Mazel, 1990.
- Morris B. A., Shakespeare-Finch J., Rieck M., Newbury J. Multidimensional nature of posttraumatic growth in an Australian population // Journal of Traumatic Stress. 2005. V. 18. № 5. P. 575–585.
- Solter V., Thaller V., Karlovic D., Crnkovic D. Elevated serum lipids in veterans with combat-related chronic posttraumatic stress disorder // Croat. Med. J. 2002. V. 43. № 6. P. 685–689.

ЛИЧНОСТЬ КАК РЕГУЛЯТОР СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ (НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАТИВНОГО ПЕРСОНАЛА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ)

О. А. Ворона, Т. Ю. Короченко

Эффективность профессиональной деятельности человека в любой сфере связана с его индивидуально-психологическими характеристиками. Такая взаимосвязь проявляется тем ярче, чем значительнее факторы риска в профессии и серьезнее последствия неправильных действий. Условия современного электроэнергетического производства формируют повышенные и все возрастающие требования к персоналу, к психическим процессам и другим функциям и свойствам человека – оператора, непосредственно обслуживающего энергоустановки. Трудно переоценить социальное значение рассматриваемой проблемы: безошибочность работы оперативного персонала обеспечивает экологическую и биологическую безопасность населения, является гарантом снабжения как отдельных граждан, так и целых регионов энергетическими ресурсами.

Постановка проблемы «личность и труд» в психологии принадлежит К. К. Платонову. Он выдвинул идею иерархической структуры личности, подсистемы которой он рассматривает «как ступени иерархической лестницы, у которой низшие ступени подчинены и управляются (субординированы) высшими, а высшие, включая в себя низшие и опираясь на них, не сводятся к их сумме, так как переходы от ступени к ступени осуществляются как скачки на основе появления системных качеств» (Платонов, 1986). В качестве четырех подструктур личности он выделял: 1) социально обусловленные содержательные черты личности (направленность, отношения, моральные качества и т. д.); 2) личный опыт (привычки, умения, знания, навыки); 3) индивидуальные особенности психических процессов (воля, чувства, восприятие, мышление, ощущения, эмоции, память); 4) «биопсихические» свойства (темперамент, половые, возрастные свойства).

Позиция К. К. Платонова согласуется с личностным подходом С. Л. Рубинштейна к пониманию психических процессов, состояний и свойств и содержит в себе идею о том, что личность представляет собой иерархию разных уровней ее организации. Высшие уровни личностной организации выступают как ведущие по отношению к системе психических процессов, состояний, свойств, в том числе природных, темпераментальных и т. д.; а сама личность выступает как регулятор всех уровней своей, в том числе природной, организации (Психологическая наука в России, 1997, с. 311).

Системная методология, предложенная Б. Ф. Ломовым, предполагает выделение и исследование системообразующих факторов взаимодействия субъекта со средствами деятельности и влияние на них совокупности внутренних и внешних условий (Ломов, 1984).

Изучение психологических аспектов профессиональной надежности человека и применение методологии системного подхода к изучению проблемы безопасности деятельности ставит вопрос о личностной детерминации профессиональной деятельности в области электроэнергетики. В этом ключе необходимо исследование психологических аспектов профессиональной надежности работников энергетической отрасли и роли личности как регулятора системы профессионально важных психологических свойств (совокупности индивидуальных особенностей). Сложность и ответственность труда, а также напряженность и подчас экстремальный характер условий деятельности требует от сотрудников оперативных служб энергетической отрасли способностей к мобилизации на различных уровнях индивидуально-личностной системы и создания специфической системы профессионально важных качеств.

Проблему «личность и труд» можно изучать многосторонне. Мы выделяем два ее аспекта: 1) исследование профессионально важных качеств и их роли для эффективного осуществления деятельности; 2) исследование системообразующих свойств личности профессионала, то есть изучение иерархии компонентов личности в определенном виде профессиональной деятельности, определяющей стабильность профессионального выбора и эффективность профессиональной адаптации (адаптивной устойчивости личности в выбранном ею конкретном виде деятельности). В рамках второго аспекта особо значимым представляется принцип единства сознания и деятельности, открытый С. Л. Рубинштейном.

Первый аспект вышеназванной проблемы достаточно детально разработан в психологии труда. Профессионально важные качества

ва – это психологические особенности личности работника, оказывающие влияние на трудовую деятельность и имеющие важное значение для ее выполнения. Понятие профессионально важных качеств было введено в отечественную психологию В. Д. Шадриковым. Профессионально важные качества и их системы выступают в роли тех внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия и требования деятельности. Развитие профессионально важных качеств и их систем выступает узловым моментом формирования психологической системы деятельности (Шадриков, 1996, с. 67).

Профессионально важными качествами могут выступать общесоматические (конституциональные) и нейродинамические свойства человеческого организма, свойства психических процессов, направленность личности, ее потребности, интересы, мировоззрение и убеждения, моральные качества, – иными словами, любой параметр субъекта деятельности, оказывающий влияние на ее эффективность (Маркова, 1996). В. А. Бодров полагает, что профессионально важные качества – это «вся совокупность психологических качеств личности, а также целый ряд физических, антропометрических, физиологических характеристик человека, которые определяют успешность обучения и реальной деятельности» (Бодров, 2003, с. 73).

Формирование системы профессионально важных качеств происходит на основе того, что у человека уже есть определенные качества, а при освоении профессии происходит их перестройка в соответствии с особенностями данной профессиональной деятельности; однако в процессе профессиональной деятельности могут появляться и развиваться и новые качества и способности.

Основными профессионально важными качествами для оперативного персонала в энергетике являются те характеристики, которые играют значимую роль в обеспечении эффективной безаварийной деятельности. Профессиональная деятельность специалистов-энергетиков во многом специфична, что связано со сложностью оборудования, частыми внештатными и аварийными ситуациями, риском для жизни, жесткой регламентацией труда, работой на высоте и на открытых площадках в любое время года и многими другими факторами. В большинстве случаев деятельность сопряжена с необходимостью принятия решения в условиях дефицита времени и с высокой ответственностью за правильность принятых решений (Абрамова, Белехов, 1988).

В качестве своеобразного биологического фундамента профессионально важных качеств такой деятельности могут выступать определенные темпераментальные и психофизиологические особенности. К ним могут быть отнесены такие показатели, как скорость реакции, особенности функционального состояния, гибкость, подвижность, скорость протекания нервных процессов, характеристики утомляемости, истощаемости или работоспособности нервной системы, которые определяют уровень функциональных возможностей центральной нервной системы в целом. Именно на этой основе со временем формируются не только отдельные функциональные системы (например, моторная координация – слаженность и координированность движений и действий) и психические процессы человека (профессиональное восприятие, развитая оперативная память, мышление, в том числе техническое, развитые пространственные представления и пр.), но и характерологические и личностные особенности.

На основе психофизиологических процессов формируются когнитивные составляющие профессионально важных качеств, особенности познавательных процессов. К профессионально важным характеристикам внимания относятся: внимательность к деталям, способность к произвольной концентрации внимания, к распознаванию небольших отклонений параметров технологических процессов от заданных значений по различным признакам, быстрая переключаемость и помехоустойчивость. Значимыми характеристиками памяти являются достаточный объем оперативной памяти, памяти на условные обозначения-знаки, символы, планы, схемы, графики, а также способность произвольно запоминать, хранить и воспроизводить достаточно большие объемы информации – правила и инструкции. Профессионально важными характеристиками мышления являются скорость мыслительных процессов (умение решать проблемные ситуации в короткие сроки, быстро ориентироваться в окружающей обстановке), способность к анализу и синтезу, планированию, пониманию словесного и графического материала, склонность к конструированию и проектированию (Дмитриева, Крылов, 1979).

Одним из основных факторов напряженности труда оперативного персонала является высокий уровень эмоциональной нагрузки, обусловленный степенью ответственности за безопасность других лиц, значимостью ошибки, степенью риска для собственной жизни, а также возможностью внезапного возникновения аварийных си-

туаций и необходимостью их быстрого устранения. Деятельность электромонтеров предъявляет повышенные требования к их психической устойчивости. Поэтому следующий уровень профессионально важных качеств представителей энергетической отрасли формируют характеристики эмоционально-волевой сферы: нервно-психическая и эмоциональная устойчивость, уравновешенность, способность адекватно реагировать на стрессовые факторы, способность сохранять производительность деятельности при наличии риска или опасности, адекватный уровень личностной и реактивной тревожности (отсутствие во внештатной обстановке напряженности, растерянности, излишней нервозности, замешательства, чрезмерной осторожности). При неблагоприятных условиях организации деятельности и недостаточных психофизиологических и эмоционально-волевых ресурсах человека происходит снижение адаптационных возможностей его организма. Вследствие данного факта в процессе работы раньше наступают утомление и переутомление. Это создает негативный эмоциональный фон, в результате которого возникают чувство усталости, избыточное напряжение психических ресурсов и дезадаптация в профессиональной деятельности, способная приводить к снижению эффективности выполнения работы, к профессиональному выгоранию и психосоматическим нарушениям.

На психологическом уровне приоритетными для специалистов в области энергетики считается тенденция к более зрелым моделям поведения, отсутствие импульсивности, наличие достаточно развитых навыков решения проблем и выражения своих негативных переживаний. Высокий самоконтроль, ответственность, организованность, склонность к анализу способствуют достижению оптимального эмоционального и функционального состояния. Важными считаются умение подчиняться инструкциям, дисциплинированность, добросовестность, аккуратность в работе, предусмотрительность, бдительность, способность заменять эмоции рациональным объяснением происходящего, благодаря чему строится хорошо контролируемое поведение. От способности быстро интерпретировать, логически объяснять задачу, особенно в условиях дефицита информации, зависит своевременность принятия решения и, как следствие, предотвращение аварийной ситуации. Для рассматриваемой сферы профессиональной деятельности это имеет, по сути, едва ли не решающее значение: в условиях ожидания изменений информации (показаний приборов), а затем и необходимости мгновенного

реагирования для предотвращения или ликвидации аварии, необходимо умение заменять эмоции разумным объяснением происходящего.

Необходимыми профессионально важными личностными качествами являются устойчивость и адекватность самооценки в сочетании с умеренной самокритичностью, требовательностью как к себе, так и к другим. Развитие этих качеств является стимулом для самосовершенствования, повышения контроля собственного поведения и поведения других людей в целях снижения вероятности ошибок.

Коммуникативные качества, такие как толерантность, умение разбираться во взаимоотношениях, работать в команде, обращаться за помощью и поддержкой, разрешать межличностные противоречия также можно отнести к профессионально важным качествам, которые отражаются в возможности реализации совместных проектов и являются одним из источников повышения эффективности труда.

Несоответствие личностных особенностей требованиям деятельности влечет за собой информационные перегрузки, психологическое перенапряжение, чрезмерную личностную ответственность и может приводить к стрессовым срывам, неврозам, эмоциональному и профессиональному выгоранию, т. е. неспособности человека успешно справляться с профессиональной деятельностью в целом. Следствием этого являются потери в производительности труда. Таким образом, разумный учет личностных, психологических и психофизиологических особенностей людей может способствовать получению значительного экономического эффекта.

В исследованиях В. Д. Шадрикова и его учеников показано, что в процессе профессионализации личности образуются интегративные ансамбли (симптомокомплексы) качеств. Компонентный состав профессионально обусловленных ансамблей постоянно изменяется, усиливаются корреляционные связи. Однако для каждой профессии существуют относительно устойчивые ансамбли профессиональных характеристик. В зарубежной профессиональной педагогике они возведены в ранг ключевых квалификаций (Зеер, 2003, с. 50).

Можно предположить, что для оперативного персонала электроэнергетики существует некий комплекс психофизиологических и эмоционально-личностных характеристик, которые обуславливают профессиональную эффективность сотрудника и создают своеобразную систему психологической защиты, выступающую в качестве

ве характеристики надежности личности – способности выполнять профессиональную деятельность в различных трудовых условиях (Никифоров, 1996).

Таким образом, в психологическом аспекте эффективность профессиональной деятельности и оптимальная профессиональная работоспособность сотрудников энергетической отрасли связана с комплексом психофизиологических и эмоционально-личностных характеристик. Особое значение имеют уровень функционального состояния, процессуальные и качественные характеристики психических (познавательных) процессов – внимания, памяти, интеллекта, особенности эмоционально-волевой сферы. Подсистема личностных характеристик и коммуникативных особенностей в системе профессионально важных качеств выполняет неоднозначную роль: с одной стороны, она способствует эффективной и безопасной деятельности, с другой – личностный уровень позволяет компенсировать слабость некоторых психофизиологических или когнитивных характеристик. Поэтому исследование влияния личностных особенностей специалистов электроэнергетики на выполнение профессиональной деятельности в настоящее время является крайне актуальным.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что в структуре личности оперативного персонала энергетической отрасли имеются свои интегрирующие факторы уровней и компонентов психологической системы профессионально важных свойств.

С целью изучения роли личностных особенностей в профессиональной деятельности оперативного персонала энергетической отрасли было обследовано 250 сотрудников филиала ОАО «МРСК Сибири» – «Читаэнерго» в возрасте от 20 до 60 лет. Основной контингент составили дежурные электромонтеры по обслуживанию подстанций, по эксплуатации распределительных сетей, электромонтеры оперативно-выездных бригад, диспетчеры энергосистем, являющиеся важным функциональным звеном в системе обеспечения надежной и безаварийной работы электрических сетей. Данная профессиональная группа относится к категории операторов, непосредственно воздействующих на оборудование энергоустановок, находящееся под напряжением.

Цель исследования – выявить личностные характеристики персонала энергетической отрасли, выступающие в качестве регулятора системы их профессионально важных психологических свойств.

Методика исследования

Психологическим инструментарием исследования разных уровней личностных свойств оперативного персонала энергетической отрасли стали методики изучения психофизиологических характеристик деятельности сотрудников и особенностей их познавательной деятельности (характеристики внимания, памяти, мышления, процесса решения интеллектуальных задач), а также методики диагностики личностных качеств и особенностей характера.

Исследование психофизиологических характеристик и особенностей когнитивных (познавательных) процессов (внимания и памяти) проводилось с помощью компьютерной системы психофизиологического обследования PDS-4: «Простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР)», «Сложная зрительно-моторная реакция из двух альтернатив (СЗМР)», «Таблица 3×3»; «Оперативная память». Оценивались такие психофизиологические характеристики деятельности, как уровень активации центральной нервной системы, уровень и стабильность сенсомоторных реакций и зрительно-моторных реакций человека, уровень произвольного внимания и оперативного запоминания информации в сочетании с показателями быстродействия, безошибочности и стабильности реакций. Кроме того, исследование основных характеристик внимания (объем, избирательность, способность к концентрации и помехоустойчивость, продуктивность психической деятельности в процессе выполнения заданий) проводилось также с помощью бланковых методик: «Корректирующая проба», «Проба Мюнстерберга».

Оценка интеллектуальных процессов и особенностей мыслительной деятельности проводилась с помощью методик: «Краткий ориентировочный тест (КОТ)» «Прогрессивные матрицы Дж. Равена». Оценивались такие компоненты интеллектуального развития, как способность к обобщению и анализу информации, пространственное мышление, устойчивость мыслительной деятельности, гибкость мышления.

Диагностика личностных качеств и особенностей характера проводилась с помощью «Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ)»; «16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла» «Методики определения уровня субъективного контроля (УСК)» и «Методики диагностики реактивной и личностной тревожности Спилбергера–Ханина».

Обработка полученных данных проводилась с помощью программного пакета Statistica 6.0; использовались ранговый коэффи-

коэффициент корреляции Спирмена и ранжирование числа корреляций каждой компоненты психологической системы.

Анализ результатов исследования

Корреляционный анализ позволил выделить значимые корреляционные связи показателей личностных черт с психофизиологическими характеристиками деятельности и характеристиками познавательных процессов. С помощью метода ранжирования были определены личностные характеристики, показатели которых имеют наибольшее количество значимых корреляционных связей с другими характеристиками.

Результаты анализа корреляционных связей шкал опросника ММИЛ и их иерархия в структуре личностных характеристик оперативного персонала представлены в таблице 1.

Анализ показал, что наибольшее количество значимых связей имеют показатели шкалы 1 «Невротический сверхконтроль», которая характеризует склонность к контролю своих эмоций, ориентацию в поведении на традиции, общепризнанные нормы, гиперсоциальность установок. Отрицательные связи этой шкалы обнаружены с показателями уровня активации ЦНС ($r=-0,16^{*1}$), быстродействия ($r=-0,16^{*}$), уровнем произвольного внимания в методике «3×3» ($r=-0,20^{**}$), безошибочностью ($r=-0,13^{*}$), быстродействием ($r=-0,13^{*}$), оценкой уровня оперативной памяти ($r=-0,34^{***}$) и показателем безошибочности в этой методике ($r=-0,32^{*}$). Значимая отрицательная связь данной шкалы выявлена и с показателем помехоустойчивости и избирательности внимания ($r=-0,16^{*}$), показателями практически по всем шкалам интеллектуального развития, выявляемым посредством методики КОТ и тестом Равена (значение коэффициента корреляции составляют от $r=-0,18^{*}$ до $r=-0,33^{*}$). Положительные связи этой шкалы выявлены с показателем среднего времени реакций ($r=0,13^{*}$; $0,17^{*}$; $0,18^{**}$), количеством ошибок на внимание в методике «3×3» ($r=0,19^{**}$) и корректурной пробе ($r=0,23^{***}$), количеством ошибок при выполнении заданий на оперативное запоминание информации ($r=0,34^{***}$). Таким образом, повышение показателей по этой шкале сопряжено со снижением качества выполнения психофизиологических проб и познавательных процессов.

1 Значимые связи помечены: * – $p<0,05$; ** – $p<0,01$; *** – $p<0,001$.

Таблица 1

Иерархия показателей ММИЛ по результатам ранжирования количества значимых корреляционных связей в системе профессионально важных психологических свойств

Шкала	Количество корреляций	Ранг
1 шкала (Hs)	60	1
2 шкала (D)	57	2
8 шкала (Sc)	52	3
4 шкала (Pd)	49	5
7 шкала (Pt)	49	5
0 шкала (Si)	49	5
6 шкала (Pa)	33	7
3 шкала (Hu)	26	8
5 шкала (Mf)	20	9
9 шкала (Ma)	17	10

Примечание: 1 шкала (Hs) – Соматизации тревоги (невротического сверхконтроля); 2 шкала (D) – Тревоги и депрессивных тенденций; 3 шкала (Hu) – Вытеснения факторов, вызывающих тревогу (эмоциональной лабильности); 4 шкала (Pd) – Реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности); 5 шкала (Mf) – Выраженности мужских и женских черт характера (мужественности/женственности); 6 шкала (Pa) – Ригидности аффекта; 7 шкала (Pt) – Фиксации тревоги и ограничительного поведения; 8 шкала (Sc) – Аутизации (индивидуальности); 9 шкала (Ma) – Отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций (оптимистичности); 0 шкала (Si) – Социальных контактов (социальной интроверсии).

Среди личностных черт, выявляемых с помощью опросника Р.Б. Кеттелла, шкала невротического сверхконтроля значимо отрицательно коррелирует с выраженностью таких черт, как уровень эмоциональной устойчивости (фактор С, $r=-0,35^{***}$), показатель смелости и степени активности в социальных контактах (фактор Н, $r=-0,26^{***}$), уровень интеллектуального развития (фактор В, $r=-0,23^{***}$) и параметром «Высокий самоконтроль» (фактор Q3, $r=-0,21^{**}$). Положительные связи шкалы 1 – Соматизации тревоги (невротического сверхконтроля) – выявлены с факторами Q4 «Расслабленность–напряженность» ($r=0,41^{***}$), O «Спокойствие–тревожность» ($r=0,36^{***}$), Q2 «Конформизм–самодостаточность» ($r=0,19^{**}$), I «Жесткость–сензитивность» ($r=0,17^{*}$) и L «Доверчивость–подозрительность» ($r=0,15^{*}$). Следовательно, повышение оценок по шкале невротического сверхконтроля сопряжено с выраженностью таких

характерологических особенностей, как эмоциональная нестабильность, тревожность, робость в социальных контактах, неконформизм (самодостаточность) повышенная напряженность, фрустрированность, чувствительность, впечатлительность, сниженный самоконтроль, конкретность и некоторая ригидность мышления.

Следующей по иерархии шкалой, показатели которой имеют большое количество связей с другими уровнями психологической системы, является шкала 2 – Тревоги и депрессивных тенденций – ММИЛ, которая отражает такие личностные особенности обследуемых, как преобладающее пониженное настроение, пессимистическая настроенность, опечаленность, удрученность собственным положением, желание уйти от решения сложных жизненных ситуаций. Повышение показателей по этой шкале также сопряжено с увеличением среднего времени реакции в психофизиологических пробах, снижением показателей быстродействия, снижением качества произвольного внимания и помехоустойчивости, оперативной памяти и интеллектуальных процессов. Оценки по шкале депрессивности значимо отрицательно коррелируют со шкалой интеллектуального развития опросника Кеттелла и показателем эмоциональной нестабильности и сниженным самоконтролем поведения. Среди особенностей характера, связанных со шкалой тревоги и депрессивных тенденций, выявляются большая консервативность, подчиненность, сдержанность, напряженность (фрустрированность). Они более робки в социальных контактах, чувствительны, тревожны. Повышение показателя по этой шкале также связано с более высокими показателями неконформизма (самодостаточности).

Показатели шкалы 8 ММИЛ – аутизации (индивидуалистичности), занимающей третье место в иерархии по количеству значимых связей, связаны с увеличением времени реакций в психофизиологических пробах, снижением показателей быстродействия, но большей стабильностью сенсомоторных реакций. Повышение показателей индивидуалистичности связаны с увеличением количества ошибок в заданиях на концентрацию внимания и снижением помехоустойчивости и избирательности внимания, а также с ухудшением качества оперативного запоминания информации и со снижением показателей мыслительных процессов. На психологическом уровне показатели этой шкалы связаны со снижением показателей эмоционально-волевой сферы (эмоциональной нестабильностью, снижением нормативности поведения, повышением тревожности, сниженным самоконтролем, большей напряженностью). Коммуни-

кативные качества и характеристики межличностного взаимодействия также обнаружили значимые связи со шкалой аутизации – повышение показателей по шкале сопровождается усилением таких качеств, как замкнутость, социальная робость, сдержанность в поведении, самодостаточность, прямолинейность (негибкость во взаимодействии) и подозрительность. Показатель интеллектуального развития опросника Кеттелла также значимо отрицательно связан со шкалой аутизации (индивидуалистичности).

Таким образом, основными системообразующими качествами личности, выявленными с помощью ММИЛ, являются показатели шкал соматизации тревоги, тревоги и депрессивных тенденций и аутизации (индивидуалистичности). Именно эти шкалы образуют наибольшее число значимых связей с другими профессионально важными психологическими свойствами персонала энергетической отрасли. Следующими по значимости выступают показатели шкал 4 – реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности), шкалы 7 – фиксации тревоги и ограничительного поведения, и шкалы 0 – социальных контактов (социальной интроверсии).

Показатели шкалы 4 – реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности) – обнаружили значимые отрицательные связи с уровнем активации ЦНС, характеристиками быстродействия (сопровождаются увеличением скорости реакций) и стабильности реакций. Кроме того, наблюдается увеличение количества ошибок и ухудшение в качестве выполнения проб на оперативное запоминание информации и концентрацию внимания, снижение показателей интеллектуальных процессов. На психологическом уровне импульсивность связана с выраженностью таких черт, как эмоциональная нестабильность, тревожность, низкий самоконтроль, повышенная напряженность, социальная робость, подозрительность, негибкость в межличностном взаимодействии.

Оценки по шкале 7 ММИЛ – фиксации тревоги и ограничительного поведения – отрицательно связаны с показателями быстродействия, уровня оперативной памяти. Повышение показателей тревоги благоприятно отражается на показателях стабильности реакций, но сопровождается увеличением количества ошибок в процессе концентрации внимания, при исследовании помехоустойчивости, а также в заданиях на запоминание информации и решение интеллектуальных задач. На психологическом уровне увеличение

тревоги сопряжено с более выраженным проявлением таких черт, как замкнутость, социальная робость, сдержанность, самодостаточность (нонконформизм), подозрительность – в сфере межличностного взаимодействия; в эмоционально-волевой сфере – эмоциональная нестабильность, низкая нормативность поведения, тревожность, низкий самоконтроль и напряженность; в сфере интеллектуальных особенностей значимых связей не обнаружено.

Показатели шкалы 0 (социальной интроверсии) на психофизиологическом уровне связаны со снижением уровня активации ЦНС, показателей быстродействия и с увеличением среднего времени реагирования, количества упреждающих реакций и ошибочных действий в целом в разных методиках. Повышение показателей по шкале сопровождается снижением качества выполнения заданий на концентрацию внимания, оперативную память, оценку уровня интеллектуального развития (по методикам КОТ и тесту Кеттелла). Однако повышение показателей интроверсии также положительно отражается на показателях стабильности реакций. Соответственно, более благоприятными для качества выполнения оказываются показатели сниженной социальной интроверсии, а значит, большая экстравертированность обследуемых. На психологическом уровне интровертированность сопровождается выраженностью таких черт, как консерватизм (в интеллектуальной сфере), в эмоционально-волевой сфере – эмоциональная нестабильность, тревожность, напряженность, низкий самоконтроль; в коммуникативной сфере – замкнутость, социальная робость, сдержанность, самодостаточность, подчиненность.

Шкалы ригидности аффекта, эмоциональной лабильности, мужественности/женственности и оптимистичности в нашем исследовании показали наличие меньшего количества значимых связей с профессионально важными психологическими свойствами, следовательно, их вклад хотя и является значимым, но не может быть назван в качестве системообразующего. Однако можно отметить связь аффективной ригидности с увеличением количества упреждающих реакций, увеличением среднего времени реакций и снижением показателей быстродействия. Повышение показателей по шкале сопровождается ухудшением качества выполнения методик на оценку качества оперативного запоминания информации и концентрацию внимания. На психологическом уровне увеличение показателя аффективной ригидности сопровождается большей выраженностью такого показателя интеллектуальной сферы, как мечтательность

(непрактичность), эмоционально-волевой сферы – эмоциональная нестабильность, сензитивность, тревожность, низкий самоконтроль и напряженность; в сфере коммуникативных качеств повышение оценок по шкале аффективной ригидности сопряжено с усилением таких качеств, как социальная робость и самодостаточность (нонконформизм).

Шкала эмоциональной лабильности на психофизиологическом уровне также связана с увеличением количества упреждающих реакций, снижением стабильности реакций. На уровне познавательных процессов обнаружены значимые связи только с некоторыми шкалами теста Равена (субтесты С и Е). На психологическом уровне увеличение эмоциональной лабильности связано с фактором М «Мечтательность», более высокими оценками эмоциональной нестабильности, тревожности, напряженности, а в коммуникативной сфере – экспрессивностью, социальной смелостью и большей доверчивостью при установлении контактов.

Анализ связей шкалы 5 – мужественности/женственности (более низкие показатели по шкале показывают большую выраженность в характере и поведении мужских черт) – демонстрирует, что снижение показателей сопряжено с достоверным повышением оценок уровня сенсомоторных реакций, снижением времени реакций и увеличением показателей быстродействия, улучшением уровня произвольного внимания, улучшением показателей безошибочности и качества выполнения субтеста А в тесте Равена. На психологическом уровне показатели мужественности сопряжены с полюсом фактора I «Жесткость», L «Подозрительность» и N «Прямолинейность» опросника Кеттелла.

Повышение показателей по шкале 9 – отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций (оптимистичности) – сопряжено на психофизиологическом уровне только с показателем количества ошибок при оценке оперативной памяти. На психологическом уровне оптимистичность связана с такими эмоционально-волевыми особенностями, как эмоциональная нестабильность, тревожность, низкий самоконтроль, напряженность, и такими коммуникативными качествами, как подозрительность и прямолинейность.

Таким образом, анализ связей показателей методики ММИЛ продемонстрировал, что повышение показателей по всем шкалам методики так или иначе негативно связано с результатами выполнения психофизиологических проб и показателями психических (познавательных) процессов, причем в большей степени это каса-

ется шкал, входящих в так называемую «невротическую триаду» – соматизации тревоги, тревоги и депрессивных тенденций и, в несколько меньшей степени, вытеснения факторов, вызывающих тревогу (эмоциональной лабильности). Кроме того, к числу системообразующих, т. е. имеющих большое количество связей с другими уровнями системы, психологических свойств относятся шкалы аутизации, фиксации тревоги и ограничительного поведения, социальной интроверсии и ригидности аффекта. Возможно, что повышение показателей по этим параметрам играет негативную роль в функционировании психологической системы (поскольку связано с ухудшением показателей психофизиологических характеристик и показателей психических процессов).

Анализ связей реактивной тревожности, измеряемой с помощью опросника Спилбергера–Ханина, показал, что повышение уровня тревоги связано со снижением активации ЦНС, с меньшей стабильностью реакций, с увеличением средней скорости реакций и количества ошибок. Также обнаружены значимые связи со снижением показателей памяти и внимания.

Выявлены значимые корреляции реактивной тревожности и с личностными особенностями сотрудников. Положительные значимые связи обнаружены со следующими шкалами ММИЛ: 1 – соматизации тревоги (невротического сверхконтроля), 2 – тревоги и депрессивных тенденций, 4 – реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности), 6 – ригидности аффекта, 7 – фиксации тревоги и ограничительного поведения, 8 – аутизации, 9 – отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций (оптимистичности), 0 – Социальных контактов (социальной интроверсии). Значимые отрицательные связи обнаружены со шкалой коррекции (данные представлены на рисунке 1).

Возрастание уровня реактивной тревожности связано с большей выраженностью таких эмоционально-волевых особенностей, выявляемых с помощью опросника Кеттелла, как «Эмоциональная неустойчивость», «Низкая нормативность поведения», «Тревожность», «Низкий самоконтроль», «Напряженность (фрустрированность)». Выявлены также факторы, относимые к блоку коммуникативных особенностей и особенностей межличностного взаимодействия и коррелирующие с уровнем реактивной тревожности, – это «Замкнутость», «Робость», «Сдержанность (пессимистичность)» и «Нонконформизм».

Проведенный анализ связей личностной тревожности, измеряемой с помощью опросника Спилбергера–Ханина, с показателями

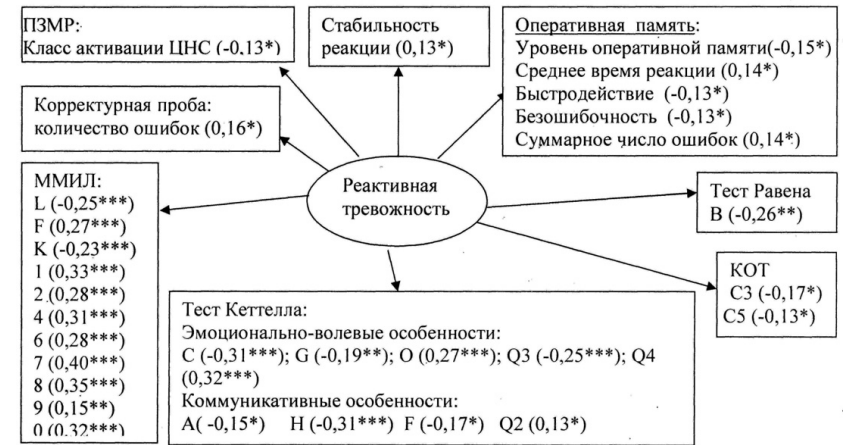

Рис. 1. Значимые связи показателя реактивной тревожности с другими профессионально важными психологическими свойствами оперативного персонала

психофизиологических и познавательных процессов (данные представлены на рисунке 2) продемонстрировал, что высокие показатели личностной тревожности связаны с более низкими уровнями активации ЦНС, менее стабильными реакциями и более длительным временем реагирования, а также с увеличением среднего времени реакций. Результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень личностной тревожности связан с ухудшением некоторых психофизиологических параметров деятельности.

Более высокие уровни личностной тревожности сопряжены со сниженными уровнями произвольного внимания и более низкими показателями концентрации внимания. Уровень личностной тревожности не обнаружил значимых связей с показателями переключения, распределения внимания и помехоустойчивости.

Выявлены также значимые связи уровня личностной тревожности и оперативной памяти: более высокий уровень тревожности связан со снижением объема оперативного запоминания и увеличением количества ошибок. Значимые отрицательные связи уровня личностной тревожности обнаружены и с показателями интеллекта: повышение уровня тревожности коррелирует со снижением качества и количества выполняемых интеллектуальных операций.

Кроме того, выявлены значимые корреляции личностной тревожности и с личностными особенностями сотрудников. Положительные

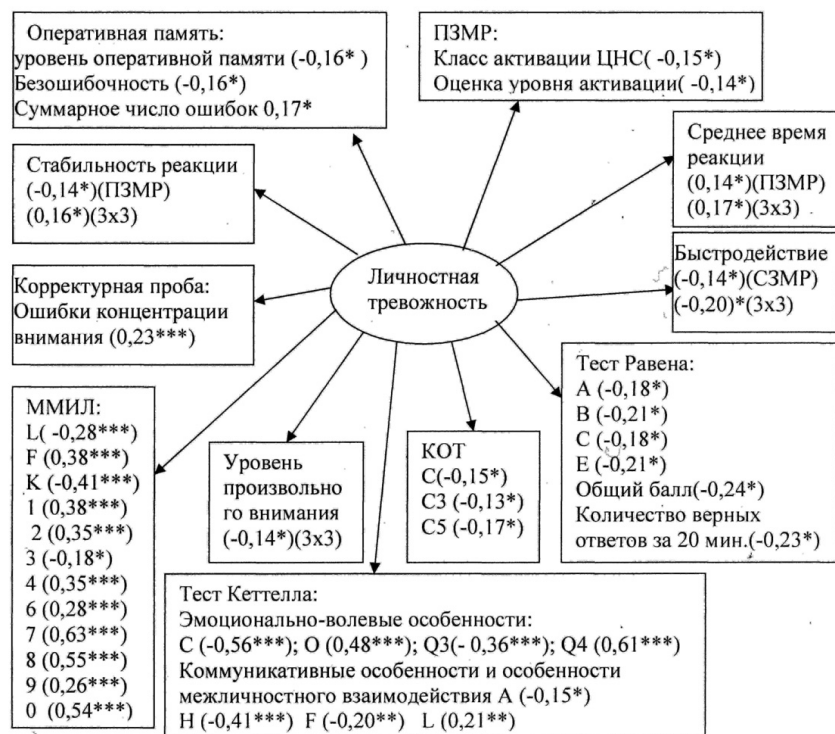

Рис. 2. Значимые связи показателя личностной тревожности с другими профессионально важными психологическими свойствами операционного персонала

значимые связи обнаружены со шкалами ММИЛ: 1 – соматизации тревоги (невротического сверхконтроля), 2 – тревоги и депрессивных тенденций, 4 – реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности), 6 – ригидности аффекта, 7 – фиксации тревоги и ограничительного поведения, 8 – аутизации, 9 – отрицания тревоги и гипоманиакальных тенденций (оптимистичности), 0 – социальных контактов (социальной интроверсии). Значимые отрицательные связи обнаружены со шкалой коррекции и шкалой 3 – вытеснения факторов, вызывающих тревогу (эмоциональной лабильности)

Возрастание уровня личностной тревожности связано с большей выраженностью таких эмоционально-волевых особенностей, выявляемых с помощью опросника Кеттелла, как эмоциональная не-

устойчивость, тревожность, низкий самоконтроль, напряженность. Выявлены также факторы, относимые к блоку коммуникативных особенностей и особенностей межличностного взаимодействия и коррелирующие с уровнем личностной тревожности, – это замкнутость, робость, подозрительность, сдержанность (пессимистичность).

Уровень общей интернальности, определяемый с помощью опросника УСК, значимо связан с такими психофизиологическими характеристиками деятельности, как уровень активации ЦНС и сенсомоторных реакций, скорость реакции и скорость выполнения заданий, а также с показателями стабильности, продуктивности психической деятельности. Чем выше показатель интернальности, тем меньше количество ошибок допускается в деятельности, выше показатели оперативной памяти, интеллекта и характеристики внимания (данные представлены на рисунке 3).

Общий показатель интернальности обнаружил наличие значимых связей с показателем интеллектуального развития опросника Кеттелла, с эмоционально-волевыми особенностями – эмоциональной устойчивостью, нормативностью поведения, спокойствием, вы-

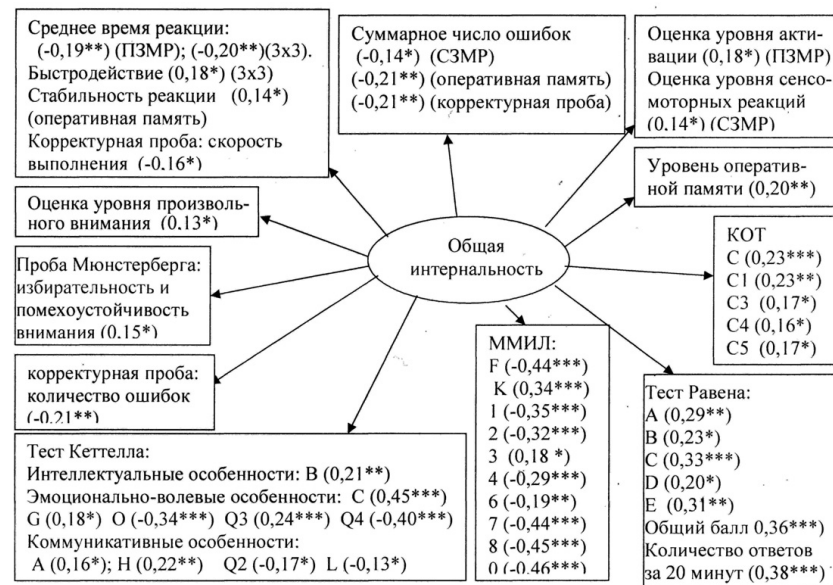

Рис. 3. Связи показателя общей интернальности с другими профессионально важными психологическими свойствами операционного персонала

соким самоконтролем, расслабленностью. Среди коммуникативных особенностей, измеряемых с помощью этого опросника, значимые связи с уровнем интернальности были обнаружены у таких характеристик, как общительность, смелость, конформизм, доверчивость.

Уровень общей интернальности отрицательно связан практически со всеми диагностическими шкалами опросника ММИЛ, кроме шкалы 3 – вытеснения факторов, вызывающих тревогу (эмоциональной лабильности), с которой обнаружена значимая положительная связь.

Проведенный анализ значимых связей факторов опросника Р. Б. Кеттелла с показателями других методик и определение их иерархии по количеству корреляционных связей показал, что базовым интегрирующим фактором системы профессионально важных психологических свойств оперативного персонала является параметр «Интеллектуальное развитие» (см. таблицу 2).

Показатель фактора В «Интеллектуальное развитие» имеет наибольшее количество связей с психофизиологическими показателями (уровнем активации ЦНС и сенсомоторных реакций, показателями быстродействия, стабильности и безошибочности реакций). Значимые связи выявлены и с показателями психических, познавательных процессов – уровнем произвольного внимания, помехоустойчивости и оперативной памяти, показателями невербального и вербального интеллекта. На психологическом уровне данный фактор коррелирует с интернальностью в области достижений, неудач и в сфере межличностных отношений. Отрицательные значимые связи этого фактора обнаружены с такими шкалами ММИЛ, как шкала 1 – соматизация тревоги, 2 – тревоги и депрессивных тенденций, 4 – Реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (импульсивности) и 8 – аутизации (индивидуальности).

Следующими по значимости выступают факторы, относящиеся к показателям эмоционально-волевой сферы: С «Эмоциональная устойчивость», О «Спокойствие» (как уверенность в себе и своих силах), Q4 «Расслабленность–напряженность», I «Жесткость–сензитивность». Эти факторы также обнаруживают значимые связи с психофизиологическими характеристиками, с показателями познавательных процессов (внимания, памяти и интеллекта), с уровнем субъективного контроля (показателями интернальности в различных сферах жизни) и с другими личностными особенностями.

Таблица 2

Иерархия факторов опросника Р. Б. Кеттелла по результатам ранжирования количества значимых корреляционных связей в системе профессионально важных психологических свойств

Шкала	Количество корреляций	Ранг
В «Интеллектуальное развитие»	60	1
С «Эмоциональная неустойчивость–эмоциональная устойчивость»	55	2
О «Спокойствие–тревожность»	53	3
Q4 «Расслабленность–напряженность»	37	4
I «Жесткость–сензитивность»	34	5
А «Замкнутость–общительность»	30	6
Q3 «Низкий самоконтроль–высокий самоконтроль»	29	7
Н «Социальная робость–социальная смелость»	25	8
F «Сдержанность–экспрессивность»	22	9,5
Q2 «Конформизм–самодостаточность»	22	9,5
Q1 «Консерватизм–радикализм»	19	11
М «Практичность–мечтательность»	18	12
Е «Подчиненность–доминантность»	17	14
L «Доверчивость–подозрительность»	17	14
N «Прямолинейность–дипломатичность»	17	14
G «Низкая нормативность поведения–высокая нормативность поведения»	16	16

Полученные результаты подтверждают тезис Л. С. Выготского о связи интеллекта и аффекта, который полагал, что существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов (Выготский, 2000, с. 272). В нашем исследовании идея о связи этих групп факторов нашла свое подтверждение: перечисленные факторы, относимые к блоку эмоционально-волевых характеристик, значимо коррелируют с показателем фактора В «Интеллектуальное развитие».

В контексте результатов исследования представляется возможным рассмотреть перспективу компенсации функционирования психофизиологического уровня и уровня психических процессов у оперативного персонала энергетической отрасли за счет личностных характеристик, характеристик более высокого уровня и, кроме

того, легче поддающихся развитию и коррекции. Установленные связи личностных особенностей и особенностей характера с особенностями функционирования базовых уровней личности предоставляют возможность более детального изучения роли личностного уровня как регулятора системы профессионально важных психологических свойств оперативного персонала энергетической отрасли.

Литература

- Абрамова В. Н., Белехов В. В. Психологические методы в работе с кадрами на АЭС. М.: Энергоатомиздат, 1988.
- Бодров В. А. Диагностика и прогнозирование профессиональной мотивации в процессе психологического отбора // Психологический журнал. 2003. № 1. С. 73.
- Выготский Л. С. Психология. М.: Эксмо, 2000.
- Дмитриева М. А., Крылов А. А. Психология труда и инженерная психология. Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1979.
- Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 1976.
- Зеер Э. Ф. Психология профессий. М.: Деловая книга, 2003.
- Климов Е. А. Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: МГФ «Знание», 1996.
- Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1996.
- Платонов К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Толочек В. А. Современная психология труда: Учебное пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
- Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд. корпорация «Логос», 1996.

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ

Т. В. Галкина

Введение

Актуальной задачей психологической науки является изучение факторов, влияющих на формирование адекватной самооценки, способной быть подлинным рычагом саморегуляции поведения, деятельности, общения. Формирование адекватной и гибкой самооценки – чрезвычайно важная психолого-педагогическая задача, имеющая практическую направленность, поскольку ее решение позволяет оптимизировать процесс социальной адаптации личности, что особо актуально в наше тревожное и нестабильное время. Самооценка не есть нечто данное, изначально присущее личности. Формирование самооценки происходит в процессе социализации личности, ее деятельности и межличностного взаимодействия. В качестве основных условий развития самооценки в онтогенезе психологи выдвигают такие факторы, как общение с окружающими и собственная деятельность ребенка. То, какой будет самооценка, во многом зависит от особенностей взаимодействия с ребенком, отношения к нему окружающих его людей: родителей, педагогов, сверстников. Особую роль в формировании самооценки играет ранний возраст и особенно первый год жизни ребенка, когда он впервые вступает во взаимодействие с окружающим миром. Посредником в этом процессе для него является мать. В период младенчества, когда ребенок еще беспомощен и нуждается в защите и заботе, мать удовлетворяет его первоочередные потребности в пище, тепле, физическом комфорте. На этой основе у ребенка возникает привязанность к матери как к объекту, обеспечивающему ему поддержку и все необходимое для существования. Под привязанностью в психологии понимается избирательное отношение ребенка к матери, обеспечивающей ему надежную безопасность и эмоциональную поддержку

(Сергиенко, Виленская, 2005). Однако ученые выявили наличие качественно разных отношений в диадическом взаимодействии матери и ребенка. В результате проведенных исследований были установлены различные типы привязанности ребенка к матери, было показано их влияние на его дальнейшее психическое развитие и формирование личностных особенностей.

Таким образом, в нашем исследовании мы ставим перед собой задачу изучить, как особенности взаимоотношений в диаде «мать–ребенок» в раннем детстве (конкретнее – тип привязанности ребенка к матери) связаны с особенностями самооценки личности в юношеском возрасте.

Постановка проблемы

Самооценка – оценка личностью самой себя, своих качеств и возможностей, особенностей совершаемых действий и поступков, места среди других людей – имеет «ядерный» статус в системе психологических феноменов, влияющих на особенности взаимодействия человека с окружающей его социальной средой. Самооценка – особое образование самосознания личности, результат обобщающей работы в сфере самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе. Самооценка, являясь «основным внутренним рычагом саморегуляции поведения и деятельности» (Чеснокова, 1977), в значительной мере определяет процесс социальной адаптации личности, причем, чем адекватнее самооценка, тем успешнее осуществляется этот процесс. Таким образом, адекватная самооценка напрямую связана с процессом саморегуляции поведения, общения и социального взаимодействия людей.

Под адекватной самооценкой понимается объективное отражение основных составляющих собственной личности. Адекватная самооценка ведет, как правило, к самокритичности и требовательности к себе, формирует уверенность в своих силах и адекватный уровень притязаний личности, т. е. способность правильно соотносить свои силы с задачами разной степени трудности и с требованиями окружающих, а также ставить перед собой достижимые цели. Человек с адекватной самооценкой к оценке достигнутого подходит не только «со своими мерками», но и с учетом мнения об этом других людей (Галкина, 2009).

Нарушение адекватной самооценки (особенно в сторону ее занижения) приводит к тому, что человек боится проявлять свои до-

стижения в той или иной деятельности, заранее ожидая неудачу (Бернс, 1986). Так, результаты экспериментального исследования Э. Аронсон и Дж. Миллс показали, что испытуемые, уровень достижений которых в эксперименте существенно превышал уровень их притязаний, ощущали дискомфорт и стремление привести результативность своей деятельности в соответствие со своими ожиданиями (Aronson, Mills, 1959). Очевидно, что такая стратегия поведения является тормозом в процессе саморазвития личности, ее самоактуализации. Таким образом, неадекватно заниженная самооценка (ниже реальных возможностей человека) обычно приводит к неуверенности в себе, робости и отсутствию дерзаний, невозможности реализовать свои способности. Субъекты, имеющие такую самооценку, не ставят перед собой труднодостижимые цели, ограничиваясь решением заведомо выполнимых задач, при этом они слишком критичны и требовательны к себе (Столяренко, 1997).

У субъектов с неадекватно завышенной самооценкой также возникает неправильное представление о себе, но с противоположным знаком: для них характерен идеализированный образ своей личности и возможностей, собственной ценности для окружающих и для общего дела. В случаях завышенной самооценки субъект склонен игнорировать неудачи ради сохранения привычной высокой оценки самого себя, своих поступков и дел. Происходит эмоциональное «отталкивание» всего, что нарушает его представление о себе. Неудача представляется как следствие чьих-то козней или неблагоприятно сложившихся обстоятельств, ни в коей мере не зависящих от собственных действий и усилий.

Достаточно очевидно, что как заниженная, так и завышенная самооценки являются серьезным препятствием для успешного социального взаимодействия личности с окружающей средой.

Самооценка – динамичное образование, постоянно претерпевающее те или иные изменения на протяжении всей жизни человека. Социум в значительной степени влияет на возникновение определенных особенностей самооценки личности. Во многих исследованиях подчеркивается, что формирование самооценки непосредственно связано с особенностями взаимоотношения субъекта с социальной средой. Значительное влияние на формирование самооценки оказывает процесс общения. В общении усваиваются формы, виды и критерии оценок. В индивидуальном опыте происходит их апробация, наполнение личностными смыслами. По мере интеллектуального развития ребенок из оценок себя окружающими постепен-

но вычленяет критерии и способы оценивания другого и переносит их на себя. Начинается процесс их опосредствования собственным знанием себя (Галкина, 2011).

Считая самооценку наиболее сложным продуктом сознательной деятельности ребенка, Б. Г. Ананьев отмечал, что ее исходные формы являются прямым отражением оценок взрослых, а подлинная самооценка появляется тогда, когда она наполняется новым содержанием, благодаря «личному участию» ребенка в ее производстве (Ананьев, 1948, 1980).

Развитие у ребенка способности оценивать себя соотносится с такими феноменами, как самовыделение и принятие себя в расчет; возникновение этических образований, обуславливающих произвольность поведения; появление представлений о своих возможностях.

Указывается также на социальный характер формирования самооценки, одним из выражений которого является механизм двустороннего сравнения (Кон, 1984). С одной стороны, такое сравнение осуществляется по классической схеме, предложенной У. Джемсом, рассматривающим самоуважение как функцию, зависящую от отношения степени успешности к уровню притязаний субъекта. С другой стороны, самооценка формируется под влиянием сравнения себя с другими людьми.

М. Мид по этому поводу высказала следующую точку зрения: с самого своего рождения, а иногда и до него человек становится объектом отношений другого человека, прежде всего – родителей (Мид, 1989). Отношение к ребенку предшествует его самоотношению; сознание его другими предшествует его самосознанию. Мид предположила, что самосознание человека – это преобразованная и перенесенная вовнутрь точка зрения других по поводу данного субъекта. Преобразованная точка зрения других выступает как «генерализованный другой», как воплощение усвоенных человеком социальных норм. Переход социальных норм вовнутрь происходит в процессе непосредственного общения и совместной деятельности с другими людьми. Взаимодействуя с другими людьми (родителями, учителями, братьями, сестрами), ребенок усваивает значимые для него точки зрения людей своего ближайшего окружения и, присваивая их, формирует на этой основе свой самосознание и самооценку. Таким образом, самосознание человека выступает как присвоенное им осознание его другими, самооценка на ранних этапах своего развития также может рассматриваться как присвоенная оценка ближайших окружающих людей.

На формирование самооценки, особенно в раннем возрасте, большое влияние оказывает мать. Е. А. Маслова пишет, что на раннем этапе жизни, когда ребенок еще не осознает себя как отдельное от окружающих существо, его отношение к себе опосредуется отношением к нему матери (Маслова, 2002). Ребенок сначала начинает ощущать себя любимым или отвергнутым, а лишь затем приобретает способности и средства когнитивного самопознания. Иначе говоря, самовосприятие – «какой я» – складывается раньше, чем понимание «кто я». Материнское отношение – принятие, привязанность, одобрение (или их антагонисты) – становится первым социальным «зеркалом» для сознания ребенка.

На основе заботы и поддержки, оказываемой матерью в первый год жизни, у ребенка образуется привязанность к ней как к объекту, обеспечивающему эту поддержку. Свойства матери как объекта привязанности (ее физическая и психологическая доступность, а также качество и своевременность оказываемой поддержки) служат источником формирования поведения привязанности и базовой структуры личности, обеспечивающей стратегическое отношение субъекта к миру и своему существованию в нем – «рабочих моделей» себя и мира (Матушевская, 2005). Понятие «рабочие модели», введенное в науку представителями когнитивной психологии, часто используется в работах Дж. Боулби (Bowlby, 1969; Боулби, 2003).

Рабочая модель себя определяется тем, как ребенка воспринимает его мать. Например, отвергаемые, непринимаемые дети воспринимают себя как не заслуживающих любви и внимания окружающих. При дисгармоничных отношениях с матерью формируется негативная модель окружающих. Внимательное и чуткое отношение матери к ребенку убеждает его, что и другие люди относятся к нему доброжелательно. Так складывается позитивная рабочая модель себя и других. При позитивной модели себя у ребенка формируются инициативность, самостоятельность, уверенность и самоуважение.

С возрастом рабочие модели становятся все более привычными и устойчивыми. В принципе, они могут изменяться под влиянием нового опыта, если он вступает в явное противоречие с существующими представлениями о себе и о мире, но вместе с тем именно представления, уже сложившиеся на основе предшествующих взаимодействий, регулируют восприятие и интерпретацию всего вновь обретаемого опыта. Следует отметить, что человек неосознанно стремится к поддержанию стабильности своих представлений о себе и окружающем мире, организуя и интерпретируя свою жизнь

и отношения с людьми таким образом, чтобы его образы Я и мира получали подтверждение. С возрастом эти представления подкрепляются и перерастают в более устойчивую систему – систему самооценки, на основании которой происходит регуляция поведения. Это объясняет существенную стабильность сложившихся в детстве отношений привязанности и базовой модели себя в последующие годы (Матушевская, 2005).

В дошкольном возрасте большое влияние на процесс формирования самооценки оказывает игра, в которой развивается регулятивная функция самооценки. На формирование самооценки в младшем школьном возрасте влияют учитель и его оценка, а также опыт собственной учебной деятельности (ее успешность/неуспешность). В процессе же формирования самооценки подростков важнейшую роль играют уже не оценки учителя, а особенности взаимоотношений и общения подростка со сверстниками и взрослыми (Галкина, 2011).

Таким образом, мы видим, что процесс формирования самооценки, а, следовательно, и ее особенности тесно связан с характеристиками взаимоотношений субъекта с окружающей его социальной средой, при этом на начальных этапах становления системы самооценок особая роль отводится социальному взаимодействию в диаде «мать–ребенок».

Проблема детско-родительских, в первую очередь, детско-материнских, отношений разрабатывается в рамках различных психологических направлений. Установлено, что полноценное развитие личности возможно только при условии включенности родителей в процесс ее воспитания и социализации. Как отмечают психологи и психиатры, причины многих психических заболеваний, противоправного поведения, дезадаптации личности в обществе часто кроются именно в нарушении родительско-детских отношений и, прежде всего, диадических отношений в системе «мать–ребенок» на ранних этапах онтогенеза (Галкина, 2011).

Наиболее полной и интегрирующей с точки зрения различных представителей концепции диадических отношений в системе «мать–ребенок» является теория привязанности, разработанная Дж. Боулби и его коллегой М. Эйнсворт, уделившими особое внимание детско-материнским отношениям (Ainsworth, 1964; Bowlby, 1969). Основным предметом их исследований является влияние ранних лет жизни ребенка на его последующее развитие, психическое здоровье и личностные особенности (Боулби, 2003; Эйнсворт, 1994).

Под *привязанностью* в данной теории понимается как эмоциональная связь, возникающая между ребенком и человеком, осуществляющим основной уход за ним и наиболее активно вступающим с ним в социальное взаимодействие (фигурой привязанности), так и особый вид поведения ребенка, направленный на сохранение контакта с фигурой привязанности как с источником защиты и поддержки. Именно поведению привязанности, его формам, стадиям, условиям активизации и функциям в теории Дж. Боулби уделяется особое внимание (Боулби, 2003; Crittenden, 1995).

Дальнейшей разработке теории Дж. Боулби посвятила свои исследования М. Эйнсворт, выделив и описав основные типы привязанности (Ainsworth, 1964; Эйнсворт, 1994). Выделяется три типа привязанности ребенка к матери в зависимости от его реакции на ее появление и уход, а также от собственной познавательной активности ребенка в новой обстановке:

- 1) *небезопасная привязанность избегающего типа* (avoidant attachment, тип А);
- 2) *надежная безопасная привязанность* (secure attachment, тип В);
- 3) *небезопасная привязанность амбивалентно-сопротивляющегося типа* (ambivalent-resistant attachment, тип С) (Матушевская, 2005).

Позже был описан еще один тип привязанности:

- 4) *небезопасная привязанность с дезорганизацией* (тип D) (Ainsworth et al., 1972, 1978).

Указанные типы привязанности выделены М. Эйнсворт с помощью разработанного ею теста «Незнакомая ситуация». Процедура тестирования построена на предположении, что, оказавшись в незнакомой ситуации и с чужим человеком, ребенок может демонстрировать способность к адаптации и силу привязанности к матери. Анализ поведения детей в данной ситуации позволил Эйнсворт выделить указанные выше типы привязанности младенца к матери (описание результатов проведенного М. Эйнсворт исследования см. также: Сергиенко, Виленская, 2005).

Н. В. Матушевская, анализируя работы М. Эйнсворт, пишет, что формирование *избегающего типа привязанности* наиболее вероятно в том случае, когда мать нечувствительна к потребностям и состояниям ребенка, отвергает или ограничивает его активность. Соответственно, ребенок отдаляется от матери, избегает общения

с ней и не может использовать ее как надежную опору в своем исследовательском поведении. При условии, если мать реагирует на потребности ребенка не систематически, в зависимости от собственного настроения, непоследовательно, непредсказуемо, возникает привязанность *амбивалентно-сопротивляющегося типа*. Дети у таких матерей тревожны, малоактивны в освоении окружающего мира и не уверены в себе (Матушевская, 2005).

Конкретный тип привязанности, по мнению М. Эйнсворт, складывается уже к первому году жизни ребенка и достаточно стабильно сохраняется на последующих возрастных этапах.

Дальнейшие исследования позволили выделить следующие *типы привязанности*:

1. *Тревожная привязанность* (крайняя форма надежной привязанности), при которой ребенок «проверяет» объект привязанности на «готовность». Он ждет мать, но одновременно все время боится, что мать не откликнется на его «призыв».
2. *Симбиотическая привязанность*, при которой состояние привязанности нарушено в результате того, что ребенок не смог отсоединиться от первичного объекта и присоединиться к другому. Так, М. Митт отмечает, что если ребенок замкнут на связи с матерью, то ему сложно устанавливать контакты с другими объектами, следствием чего может стать возникновение «кризиса адаптации» (Филиппова, 2002). Согласно В. В. Столину, симбиотические отношения приводят к недоразвитию чувства психологической и социальной отделенности, препятствуют развитию самостоятельности личности (Столин, 1983).

Результаты многих исследований последних десятилетий как в зарубежной (Hetherington, Park, 1994; Main, Kaplan, Cassidy, 1985; Main, Cassidy, 1988; Sroufe, 1985; и др.), так и в отечественной психологии (Авдеева, Хаймовская, 2003; Капцова, 2002; Матушевская, 2005; Покатаева, 2004; Пушкарева, 2004; Сергиенко, Виленская, 2005; Соколова, 1989; Филиппова, 2002; и др.) показали, что тип привязанности ребенка на ранних этапах развития оказывает существенное влияние практически на все аспекты его психического и личностного развития, а также на успешность социализации.

В контексте рассматриваемой нами проблемы представляют интерес исследования, проведенные М. Майн с соавторами, в которых изучалось влияние привязанности на самооценку детей 6-летнего возраста. Для определения самооценки использовалось кукольное

интервью. Разные куклы задавали вопросы: «Тебе нравится твое имя? Нравишься ли ты себе? Хочешь ли ты стать лучше?» и т. д. Оказалось, что дети с *безопасной привязанностью* (тип В), воспринимают себя в позитивном свете, но при этом способны осознать не самые лучшие свои качества. Они имеют высокую самооценку, демонстрируют большую когнитивную компетентность и гармоничные отношения со сверстниками. Дети с *небезопасной избегающей привязанностью* (тип А) представляют себя как полное совершенство, тогда как *небезопасно амбивалентно-привязанные* дети (тип С) не демонстрируют определенных представлений о себе. Дети, *небезопасно привязанные с дезорганизацией* (тип D) судят о себе исключительно негативно (Main, Kaplan, Cassidy, 1985).

В сфере когнитивного развития нарушение отношений привязанности наиболее сильно сказывается в поисковом, исследовательском поведении и стиле решения задач. Ранняя *безопасная привязанность* обеспечивает более сложные формы исследовательского поведения (Main, Kaplan, Cassidy, 1985). Показано, что дети с этим типом привязанности проявляют повышенный познавательный интерес, упорство и удовольствие при разрешении проблемных ситуаций. Оказалось, что подобное поведение редко встречается у 2-летних детей с *небезопасной привязанностью* (Sroufe, 1985).

Л. Сроуфом было также выявлено, что дети с надежным типом привязанности, иногда испытывая трудности в обучении и решении познавательных задач в дошкольном возрасте, все же имеют высокий потенциал интеллектуального развития, который реализуется чуть позже – в школьном возрасте (там же).

Результаты ряда исследований показали, что тип привязанности у младенцев в дальнейшем связан с особенностями их социальных отношений со сверстниками (Sroufe, 1985; Hetherington, Park, 1994).

Так, в работе Л. Сроуфа на основе лонгитюдного изучения 40 детей, начиная с 12-месячного возраста и до 3,5 лет, выявлено, что младенцы, имевшие безопасную и небезопасную привязанности, в 12 месяцев развивали различные социальные и эмоциональные паттерны. *Безопасно привязанные* оценивались воспитателями как дети с высокой самооценкой, способные к эмпатии, характеризующиеся преобладанием позитивных аффектов над негативными. Они более активны, инициативны, ответственны. Во взаимоотношениях со сверстниками эти дети обнаруживают большую выносливость, используя позитивные эмоции; они отличаются меньшей агрессивностью, отсутствием плаксивости. Воспитатели оценивали таких

детей как социально компетентных, обладающих хорошими социальными навыками и имеющих большое число друзей. Безопасно привязанные дети более популярны среди сверстников, чем дети, имеющие *небезопасную привязанность* (Sroufe, 1985).

В исследовании Е. Хетерингтона и Р. Парка подобная связь между типом ранней привязанности и более поздней компетентностью в дружбе была обнаружена у дошкольников и детей начальной школы (Hetherington, Park, 1994).

Было выявлено также, что дети с безопасной или надежной привязанностью проявляют больше самостоятельности, социальной компетентности во взаимодействии со сверстниками в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте. Они успешно адаптируются к новым воспитателям, учителям, проявляют активность, самостоятельность и ответственность (Main, Cassidy, 1988).

Обнаружена зависимость между качеством привязанности и характером самоописания респондента (Авдеева, Хаймовская, 2003). Испытуемые с надежной привязанностью считают, что с ними легко общаться, и большинству окружающих они симпатичны. Испытуемые с амбивалентно-сопротивляющейся привязанностью отмечают, что они сомневаются в себе, что другие люди их часто не понимают и недооценивают. Испытуемые с избегающей привязанностью по своим ответам располагались между этими двумя группами, но ближе – к последней.

Е. А. Капцова, исследуя особенности самосознания подростков при различном восприятии ими семейной ситуации, выявила, что те из них, которые воспринимают семейную ситуацию как благоприятную, имеют более позитивное отношение к себе и своему будущему (по сравнению с группой, воспринимающей свою семейную ситуацию как неблагоприятную). Они также характеризуются менее выраженным чувством вины, меньшими страхами, связанными с взаимоотношениями со сверстниками. При этом наибольшее влияние на становление образа Я оказывает мать. Подростки с более позитивным отношением к себе наиболее часто идентифицируют себя с матерью как с самым близким человеком. В 60% случаев ее образ является привлекательным в эмоциональном плане (Капцова, 2002).

В исследованиях Т. Н. Пушкаревой, направленных на выявление влияния созданного в первые годы жизни образа матери и способа взаимодействия с ней на формирование в дальнейшем позитивного образа Я, было показано, что взаимодействие ребенка с чуткой матерью, успешно справляющейся с материнскими функциями

и удовлетворяющей его базовые потребности, позволяет ему сформировать собственный позитивный образ. В дальнейшем это помогает ему достаточно успешно пройти все стадии психосексуального развития (Пушкарева, 2004).

М. В. Покатаева провела сравнительное изучение особенностей привязанности ребенка к матери и его образом себя в двухдетной семье. Установлено, что ненадежная привязанность ребенка к матери, возникшая в раннем детстве, неблагоприятно сказывается на образе Я ребенка младшего подросткового возраста (тревожность, страхи, неудовлетворенность своим положением, отсутствие уверенности в себе и безопасного доверия к окружающему миру). Сформированная в раннем детстве надежная привязанность ребенка к матери благоприятно сказывается на образе Я ребенка младшего подросткового возраста (доверие к окружающему миру и уверенность в себе, положительное отношение к себе, принятие себя) (Покатаева, 2002).

Результаты работы Е. Т. Соколовой показали, что неразвитость отношений между матерью и ребенком приводит не только к низкой самооценке, но в дальнейшем – к стабильному отвержению ребенком собственного Я, что может вызвать отвержение мира вообще (Соколова, 1989).

В середине 1990-х гг. зарубежными исследователями было установлено, что в зависимости от типа привязанности формируются рабочие модели себя и других, которые определяют дальнейшее развитие личности и ее отношений с миром. Так, К. Бартеломью были выделены четыре типа привязанности: *надежный* (secure); *испуганно-избегающий* (fearful-avoidance); *озабоченный* (preoccupied) (иначе – *тревожно-амбивалентный*); *отвергающе-избегающий* (dismissing-avoidance) и соответствующие им рабочие модели себя и других. Бартеломью, разрабатывая концепцию рабочих моделей, дала подробное описание индивидуальных различий в отношениях привязанности в зависимости от сформировавшихся рабочих моделей себя и других (тревога соответствует модели себя, избегание – модели других) (см. Первин, Джон, 2001).

Как показано в работах К. Бартеломью, *надежному типу привязанности* соответствует *позитивная рабочая модель себя и других*.

Индивиды с этим типом привязанности имеют положительный опыт взаимоотношений с другими. Сталкиваясь с проблемами или неприятностями, они гибко реагируют на них; активно борются, действуют, как правило, используя множество эффек-

тивных стратегий, включая обращение к другим как к источнику поддержки.

Такие индивиды имеют положительную модель себя; степень уверенности в себе колеблется у них от умеренной до высокой. При этом они проявляют тенденцию находиться в умеренном диапазоне эмоциональной зависимости.

Они имеют положительную модель других, демонстрируют теплые эмоциональные отношения к окружающим. Такие люди способны конструктивно разрешать конфликты. Соответственно, впечатления других о них, как правило, позитивны. Их оценивают как теплых, дружелюбных людей, на которых можно положиться. В свою очередь, оценка их другими и уважительное отношение с их стороны являются для этих людей значимыми. Важны для них и дружеские отношения, в которых они ценят проявление близости, интимности, взаимопонимания. Они открыты другим и могут откровенно выражать свои негативные чувства. Их романтические отношения также характеризуются интимностью, близостью, взаимным уважением и эмоциональной включенностью. Они не всегда имеют совершенные отношения, но могут реалистично оценивать их и своих партнеров.

Испуганно-избегающему типу привязанности соответствует *негативная модель себя и негативная модель других*. Индивиды, относящиеся к этой категории, ненадежные, колеблющиеся, уязвимые, застенчивые и неловкие. На возникающие проблемы они реагируют эмоционально, но при этом неспособны на активный поиск выхода из сложившейся ситуации, не просят помощи у других. Они понимают, что ощущают себя дискомфортно, но не решаются признаться в этом другим; не могут ярко выражать свои чувства.

Они имеют негативную модель себя, низкую степень самоуверенности. Модель себя отражает их высокую эмоциональную зависимость от других. Они боятся быть не принятыми и не понравиться другим; их беспокоит, что другие могут воспринять их как глупых, непривлекательных, надоедливых и скучных. Иногда они утверждают, что в глазах других выступают как высокомерные или надменные, но настаивают, что это неправильная интерпретация их застенчивости. Они хотели бы быть более открытыми и уверенными в себе.

Им сложно доверять другим. Они стремятся контактировать с окружающими, однако чувствуют, что не соответствуют предъявляемым требованиям. Эти индивиды чрезвычайно чувствительны

к любым признакам отвержения. Во взаимоотношениях с другими они зависимы и часто оценивают себя как одиноких. Их беспокоит, что им никогда не удастся найти партнера и что их никто не полюбит.

Эти индивиды имеют отрицательную модель других. Они избегают конфликтов и проявления своих чувств перед другими, поскольку боятся быть отвергнутыми. Им некомфортно проявлять свои эмоции. Они застенчивы и недоверчивы. Им требуется много лет, чтобы установить дружеские отношения. Они с трудом вовлекаются в романтические отношения из-за страха быть отвергнутыми. В романтических отношениях они пассивны, зависимы, ненадежны, склонны чувствовать свою вину за возникшие проблемы. Они с трудом вступают во взаимодействие и показывают чувства своему партнеру, так как боятся, что это разрушит их отношения; и столь же трудно им разорвать отношения, потому что они опасаются, что никогда не найдут других партнеров.

Озабоченному (тревожно-амбивалентному) типу привязанности соответствует *негативная модель себя, но позитивная модель других*.

Они эмоциональны, экспрессивны, театральны, аффективны, слишком открыты. На возникающие проблемы реагируют сильно; очень чувствительны. Им сложно справиться со своими проблемами без помощи других; сразу появляется импульс обратиться за поддержкой. Они имеют низкую уверенность в себе; самооценка неустойчивая и сильно зависит от мнения других; ревнивые и страдают от страха сепарации. Имея позитивную модель других, они отчаянно ищут компанию, чрезмерно нуждаются в близости во взаимоотношениях. У них ненасыщаемая потребность во внимании и одобрении. Могут находиться в конфликте с окружающими, создавая впечатление, что им постоянно чего-то недодают или их недооценивают. Для таких людей очень важна тесная дружба; многого ожидают от друзей; нагнетают в себе потребность в «единственном лучшем друге». Из-за своих высоких запросов иногда видят своих друзей как ненадежных, а себя ощущают используемыми кем-то. Их дружба характеризуется чрезвычайной самооткрытостью, конфликтностью и «затягиванием в свои сети».

Романтические отношения для них имеют высочайший приоритет (партнер становится всем), что может явиться причиной конфликта между «романами» и дружбой. Эти конфликты могут принимать различные формы: игнорирование друзей во время романтических отношений; использование друзей для манипулирования партнером; рассмотрение друзей как потенциальных сексу-

альных партнеров или же конкурентов. Они постоянно вовлечены в романтические отношения, часто влюбляясь с первого взгляда и при этом не видя партнера и отношения с ним в реалистичном свете. Взаимоотношения насыщены «эмоциональными крайностями» – гневом, страстью, ревностью; сами инициируют конфликт, открыто выражая свои негативные чувства, при этом с трудом разрывают отношения, иногда сохраняя их, несмотря на проблемы.

Предполагается, что позитивная модель других у этих индивидов маскирует менее осознанную негативную модель; при этом идеализация других действует как защита против осознания того, что значимые люди могут не проявлять заботы о них или быть недоступными.

Отвергающе-избегающему типу привязанности соответствует позитивная модель себя, но негативная модель других.

Эти люди создают впечатление холодных, рациональных, эмоционально неотзывчивых, равнодушных, отстраненных. При столкновении с проблемами они сдерживают свои эмоции, реконструируют проблему, принижая ее важность; избегают обращения за помощью и поддержкой; имеют тенденцию к эмоциональной независимости, полагаются только на себя; не испытывают ревности и тревоги, когда разделены с близкими людьми. Степень уверенности в себе у них – от умеренной до высокой.

Создается впечатление, что они не очень-то любят других людей: часто бывают циничны, критичны, холодны по отношению к другим, соблюдают дистанцию в эмоциональных отношениях.

Эти индивиды могут описывать свои дружеские отношения как превосходные, но их дружба поверхностна, и основана на взаимной выгоде, а не на эмоциональной близости. Романтические отношения характеризуются недостатком интимности, низким самораскрытием, малой экспрессивностью; они, как правило, не проявляют эмоций в отношениях и предпочитают избегать конфликтов, быстро устают от отношений. Они не только не полагаются на партнеров для получения поддержки, но и испытывают дискомфорт, когда обращаются за помощью к ним самим. Как правило, они выдвигают следующие причины, чтобы не быть вовлеченными в близкие отношения: не интересно, слишком заняты, мало времени, вообще это им не нужно, быстро все надоедает. Но при этом многие из них состоят в долговременных романтических отношениях, в основе чего лежат сугубо рациональные мотивы, а не эмоциональная включенность в эти отношения.

Предполагается, что на бессознательном уровне такие индивиды чувствуют страх за свое Я. Их принятие отстраненной позиции по отношению к другим – это способ защиты хрупкого чувства себя от потенциальной угрозы, исходящей от других.

Описанные выше рабочие модели могут быть осознаны личностью в той или иной степени, но, как правило, они действуют автоматически.

Таким образом, согласно К. Бартеломью, «испуганно-избегающие индивиды» принимают избегающую ориентацию к отношениям привязанности, чтобы не быть обиженными или отвергнутыми партнером, а «отвергающе-избегающие» используют эту ориентацию для защиты своей самоуверенности и независимости. Бартеломью утверждает, что эти четыре типа привязанности могут быть описаны с точки зрения двухмерного пространства, включающего рабочие модели человека относительно себя и других. Например, «надежные индивиды» характеризуются как поддерживающие позитивные репрезентации себя (видят себя достойными уважения и любви) и других (видят других как отзывчивых и заботливых). Каждый из четырех типов привязанности представляет уникальную комбинацию позитивной и негативной модели себя и других.

Последующие исследования показали, что паттерны привязанности у взрослых людей оказываются связанными с выбором партнера и стабильностью любовных связей, с развитием депрессивных состояний и трудностями в межличностных отношениях, с проблемой преодоления личностных кризисов. Эти исследования позволяют утверждать, что принадлежность личности к единственному паттерну не абсолютна, что в различных ситуациях, по отношению к разным социальным объектам могут иметь место различные паттерны привязанности (Первин, Джон, 2001).

В результате многочисленных исследований взрослых людей, их отношений привязанности в детстве и влияния этих отношений на дальнейшее развитие С. Джордж, М. Каплан и М. Мейн выделили три категории респондентов по критерию «тип привязанности»: автономно-надежные (autonomous-secure), озабоченные (preoccupied), дистанцированные (dismissing) (George, Kaplan, Main, 1985).

Первые – автономно-надежные – характеризуются сбалансированным представлением о своих отношениях с родителями, ценят отношения привязанности и рассматривают их как важный фактор своего личностного развития. Этот тип соответствует надежной привязанности, описанной М. Эйнсворт.

Вторые – *озабоченные* – не могут представить целостной картины своих отношений с родителями, при этом вспоминают о многочисленных конфликтах, существовавших между ними, и детские обиды кажутся им актуальными и по сей день. Этот тип отношений исследователи нашли сходным с *амбивалентно-сопротивляющимся* типом, выделенным М. Эйнсворт.

Третьи – *дистанцированные* – не способны вспомнить что-либо о близких отношениях в детстве. В некоторых случаях они идеализируют своих родителей, при этом отрицая влияние раннего опыта привязанности на дальнейшее развитие. Их немногочисленные воспоминания о ранних отношениях включают, главным образом, эпизоды отвергания. Этот тип соответствует *избегающей привязанности*, по М. Эйнсворт.

В дополнение к этим трем типам привязанности был выделен *неразрешенный* (unresolved) тип. В отчетах респондентов, относящихся к этому типу, доминируют рассказы о травмах, связанных с потерей близкого человека или с жестоким обращением с ними, что остается для них актуальным.

Среди работ современных ученых, занимавшихся исследованием типов привязанности во взрослом возрасте, наибольший интерес для нас представляют исследования Н. В. Матушевской. Для изучения качества привязанности ею был адаптирован предложенный М. Бреннан и его коллегами в 1998 г. и доработанный ими в 2000 г. опросник ECR-R – «The Experiences in Close Relationships – Revised – Questionnaire» (Fraley, Waller, Brennan, 2000; Матушевская, 2005). В работе доказано, что при надежном типе привязанности к матери в детстве существенно повышается вероятность образования надежной привязанности в романтических отношениях (85% исследуемой выборки). При ненадежной привязанности к матери (дистанцированный, озабоченный, испуганно-избегающий типы привязанности) вероятность надежной привязанности к мужу значительно ниже (47%). Среди испытуемых, представляющих ненадежные типы привязанности, около половины (от 40 до 60% в разных типах) проявляют в отношениях с мужем тот же тип привязанности, который существовал в отношениях с матерью.

Полученные данные говорят о явно выраженной стабильности сформированных в детстве паттернов взаимодействия с близкими людьми. Из этого следует, что благополучные отношения с матерью формируют у человека способность выстраивать теплые и доверительные отношения и во взрослой жизни. Сформированная в мате-

ринско-детском взаимодействии позитивная модель себя и других (и, как правило, связанная с ней адекватная самооценка) становится призмой, через которую человек интерпретирует весь свой текущий опыт. Он воспринимает других людей как заслуживающих доверия и сам способен стать «надежной базой доверия» для другого человека.

Эмпирическое исследование

Исследование взаимосвязи особенностей самооценки в юношеском возрасте с типом привязанности ребенка к матери в раннем детстве было проведено нами совместно с О. С. Егоровой, нашей дипломницей из Московского гуманитарного университета.

Были выдвинуты следующие *гипотезы*:

- 1) содержание отдельных аспектов самооценки личности (самоинтерес, самопринятие, самоуважение, ожидание положительного отношения к себе) непосредственно связано с типом привязанности, сложившимся на ранних этапах онтогенеза;
- 2) надежный тип привязанности к матери в детстве повышает вероятность формирования адекватной самооценки, позитивного и заинтересованного отношения к себе;
- 3) при дистанцированном, испуганно-избегающем и озабоченном типе привязанности к матери существует тенденция к снижению вероятности формирования позитивного отношения к себе, при этом складывается неадекватно заниженная самооценка, ожидание отрицательного отношения к себе, неуважение себя как личности.

Участники исследования: 91 человек (42 девушки и 39 юношей) в возрасте от 18 до 24 лет разных профессий и различного социального статуса.

Процедура проведения эмпирического исследования: исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым и состояло из двух этапов.

Целью *первого* этапа было выявление качества (типа) привязанности испытуемого к матери в детстве. Использовались проективная рисуночная методика «Я в детстве со своей мамой» и опросник «Взаимоотношения с матерью» Н. В. Матушевской. Присутствие экспериментатора было обязательным: он фиксировал в протоколе все особенности поведения и технику рисования испытуемых. Снача-

ла звучала просьба сделать рисунок, а после того, как он был закончен, испытуемым предлагалось заполнить опросник. В некоторых случаях проводилась дополнительная беседа, целью которой было уточнение неоднозначных или выяснение не совсем понятных психологу аспектов поведения испытуемых.

Целью *второго* этапа было изучение особенностей самооценки личности. Методики заполнялись испытуемыми самостоятельно после разъяснения им цели исследования и инструкции. Использовались методики: «Личностный дифференциал»; сокращенный вариант тест-опросника самоотношения В. В. Столина и С. Р. Пантелеева; методика «Реальная и идеальная самооценка» А. А. Реана и Я. Л. Коломинского.

Методики исследования

1. *Опросник «Взаимоотношения с матерью»*, направленный на выявление типа привязанности, содержит 36 вопросов, из которых одна половина направлена на выявление уровня тревожности, а другая – на определение уровня избегания в отношениях испытуемых в детстве со своей матерью. Опросник позволяет получить выраженные в баллах (от 1 до 7) данные по двум шкалам – тревожности и избегания. По результатам этих измерений можно выявить взаимосвязь между уровнями тревожности и избегания в отношениях испытуемого с объектом привязанности. В соответствии с результатами испытуемые могут быть отнесены к одному из *четырех* типов привязанности: *надежный* (низкий уровень тревоги, низкий уровень избегания), *озабоченный* (высокий уровень тревоги, низкий уровень избегания), *испуганно-избегающий* (высокий уровень тревоги, высокий уровень избегания) и *отвергающе-избегающий (дистанцированный)* (низкий уровень тревоги, высокий уровень избегания). Однако подобное деление испытуемых по принадлежности к одному из названных типов относительно: человека со *средневыраженными показателями* по двум шкалам можно отнести к определенному типу привязанности весьма условно.
2. *Проективная рисуночная методика «Я в детстве со своей мамой»*, использованная в исследовании для выявления симптомокомплексов типов привязанности, является модифицированным вариантом рисуночной методики «Моя семья». Интерпретация данных проводилась по параметрам, принятым в психо-

диагностике для рисуночных (графических) тестов (Филиппова, 2002; Потемкина О. Ф., Потемкина Е. В., 2006; и др.). Основными параметрами оценки выступали: структура рисунка, особенности нарисованных персонажей и взаимодействие между ними, сам процесс рисования, поведение испытуемого во время выполнения задания.

Для сопоставления данных рисуночной проективной методики с результатами опросника «Взаимоотношения с матерью» при интерпретации рисунков были также выделены шкалы тревожности и избегания. По формальным и содержательным показателям были выявлены симптомокомплексы для каждой шкалы. Каждому симптомокомплексу по шкалам тревожности и избегания был присвоен определенный балл: 1 – низкий уровень, 2 – средний, 3 – высокий (подробно о выделенных симптомокомплексах см.: Галкина, 2011). Таким образом, по результатам обеих шкал для автора каждого рисунка можно диагностировать уровень тревожности и избегания в отношениях с матерью.

3. *Методика «Личностный дифференциал» (ЛД)*, направленная на изучение определенных свойств личности, ее самосознания, особенностей межличностных отношений, использовалась для диагностики особенностей самосознания и самооценки личности. Изучались факторы: «оценка» (О), «сила» (С), «активность» (А). В данном исследовании нас интересовали, прежде всего, данные по факторам «оценка» и «сила».
4. Для выявления особенностей самоотношения был использован *сокращенный вариант тест-опросника самоотношения (ОСО) В. В. Столина и С. Р. Пантелеева*. Данная версия опросника позволяет сделать выводы относительно особенностей общего самоотношения (шкала интегрального самоотношения) и его основных аспектов. Особенности наиболее глобальных из них отражают шкалы: самоуважения (I), аутосимпатии (II), ожидания положительного отношения (III), самоинтереса (IV). Измеряются также показатели по шкалам самоуверенности (1), ожидания отношения других (2), самопринятия (3), саморукводства (4), самообвинения (5), самоинтереса (6), самопонимания (7). В нашем исследовании использовались шкалы I, II, III, IV, 1, 2, 3.
5. Особенности самооценки испытуемых исследовались также с помощью методики «Реальная и идеальная самооценка» А. А. Реана и Я. Л. Коломинского в варианте 20 ранжируемых качеств.

При статистической обработке данных использовались методы кластерного анализа, ранговой корреляции по критерию r Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам опросника «Взаимоотношения с матерью» низкий уровень тревожности показали 28% испытуемых; средний уровень тревожности – 52%; высокий уровень тревожности – 20%. По уровню выраженности избегания в отношениях с матерью испытуемые разделились следующим образом: низкий уровень – 25% испытуемых; средний уровень – 52%; высокий уровень – 23%. Данные, полученные на основе рисуночной методики «Я в детстве со своей мамой», дали следующее распределение испытуемых: низкий уровень тревожности в отношениях с матерью – 11% испытуемых; средний уровень тревожности – 46%; высокий уровень тревожности – 43%. По уровню выраженности избегания в отношениях с матерью низкий уровень выявлен у 15% испытуемых, средний – у 46%, высокий – у 39%.

Для подтверждения достоверности результатов, полученных по опроснику «Взаимоотношения с матерью», был использован метод ранговой корреляции (коэффициент корреляции r Спирмена) между данными опросника и рисуночной методики. Корреляционный анализ показал значимую зависимость по шкалам тревоги (0,57) и по шкалам избегания (0,41).

Использование при обработке результатов метода кластерного анализа позволило распределить всех респондентов по группам в соответствии с описанными выше типами привязанности. В результате были выделены 5 групп (кластеров) (см. рисунок 1).

В *первый кластер* вошли испытуемые с низкими показателями по шкале тревоги и избегания по опроснику, а также с высокими показателями по шкалам тревоги и избегания по рисуночной методике. Данную группу испытуемых мы отнесли к имеющим *испуганно-избегающий тип привязанности*. Мы предполагаем, что у респондентов этой группы был достаточно большой процент социально желательных ответов при заполнении опросника. Поскольку отношения с близкими людьми были у них в детстве напряженными, отношения с матерью – болезненными и травмирующими, в процессе взросления они часто вытесняются. Наши предположения подтверждаются рисунками испытуемых, данные которых противоречат тем, которые получены на основе опросника (низкие показатели трево-

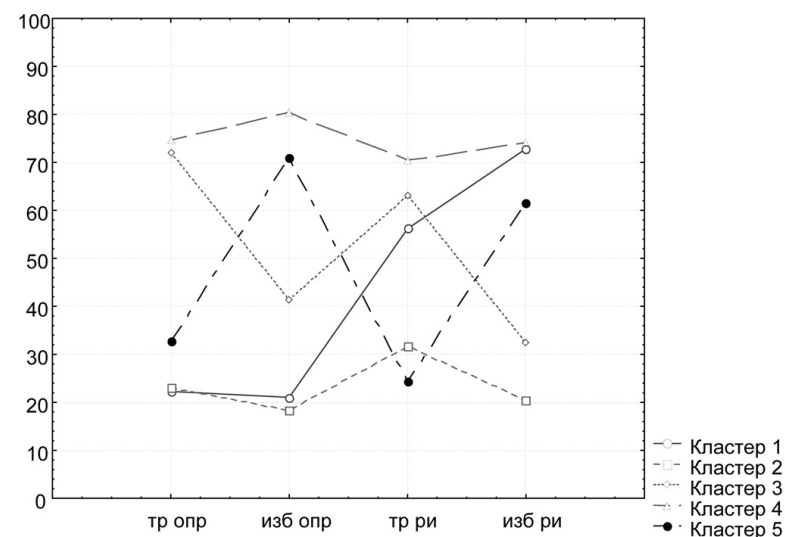

Рис. 1. Распределение испытуемых по группам в соответствии с типами привязанности

Обозначения: тр опр – показатель по шкале тревоги по опроснику; тр ри – показатель по шкале тревоги по рисунку; изб опр – показатель по шкале избегания по опроснику; изб ри – показатель по шкале избегания по рисунку.

ги и избегания по опроснику и высокие показатели по рисуночной методике). При этом респонденты, относящиеся к данной группе, часто отказывались рисовать, указывая на невозможность выполнить задание по тем или иным причинам («не помню себя в детстве», «не умею рисовать» и т. д.), что уже само по себе является достаточно показательным диагностическим фактом. Исходя из этого, при отнесении данной группы респондентов к определенному типу привязанности, мы ориентировались в большей степени на результаты рисуночной методики, полагая, что в данном случае проективная методика дает более объективные, нежели опросник, результаты.

Во *второй кластер* вошли испытуемые, характеризующиеся как наиболее благополучные, так как они имеют низкие показатели по всем шкалам – как по опроснику, так и по рисуночной методике. Данную группу испытуемых мы отнесли к имеющим *надежный тип привязанности*.

В *третий кластер* вошли респонденты с высокими показателями по шкале тревоги и средними (ближе к нижнему) показателя-

ми по шкале избегания по опроснику; со средними показателями по шкале тревоги и низкими показателями по шкале избегания по рисуночной методике. Респондентов, вошедших в третий кластер, отнесли к имеющим *озабоченный тип привязанности*.

В *четвертый кластер* вошли испытуемые, характеризующиеся как наименее благополучные, поскольку они имеют высокие показатели по всем шкалам, как по данным опросника, так и по результатам рисуночной методики. Для этой группы характерен *типичный испуганно-избегающий тип привязанности*, который был в определенной степени характерен также для испытуемых, входящих в первый кластер.

В *пятый кластер* вошли испытуемые, у которых оказались низкие показатели по шкале тревоги по двум методикам и высокие показатели по шкале избегания. Этот кластер соотносится с *дистанцированным (тревожно-амбивалентным) типом привязанности*.

Таким образом, в каждом кластере представлены показатели, соответствующие определенному типу привязанности. Для удобства работы в дальнейшем с выявленными типами привязанности каждому из них был приписан код от 1 до 4 (см. таблицу 1).

Для сопоставления полученных данных по двум факторам – типу привязанности и самооценки – все они были занесены в общую таблицу. Зависимыми переменными (их всего 11) в данном случае являются показатели по всем методикам и шкалам исследования самооценки, отражающие: уровень самооценки (Реан); интегральное чувство «за» или «против» собственного Я (шкала S); самоуважение (шкала I; O); аутосимпатия (II); ожидание положительного отношения от других (III; 2); самоинтерес (IV); самоуверенность

Таблица 1

Распределение испытуемых по типам привязанности

Тип привязанности	Код тр	Число респондентов	Процентное соотношение	Степень выраженности признака	
				Тревога	Избегание
Надежный	4	24 чел.	26,36%	Низкая	Низкая
Озабоченный	1	20 чел.	21,97%	Высокая	Низкая
Испуганно-избегающий	3	28 чел.	30,78%	Высокая	Высокая
Тревожно-амбивалентный	2	19 чел.	20,89%	Низкая	Высокая

Таблица 2

Корреляционная матрица всех измеряемых переменных

	Реан	S	I	II	III	IV	1	2	3	O	C
Реан	1,00	0,08	0,26	-0,05	0,01	0,38	0,04	0,01	0,00	0,33	0,17
S	0,08	1,00	0,57	0,20	0,34	0,22	0,38	0,23	0,36	0,20	0,29
I	0,26	0,57	1,00	0,16	0,09	0,14	0,37	-0,00	0,20	0,17	0,36
II	-0,05	0,20	0,16	1,00	-0,08	-0,07	0,10	-0,20	0,28	0,07	0,13
III	0,01	0,34	0,09	-0,08	1,00	0,11	0,12	0,56	0,08	0,06	-0,08
IV	0,38	0,22	0,14	-0,07	0,11	1,00	0,11	0,07	0,12	0,31	0,29
1	0,04	0,38	0,37	0,10	0,12	0,11	1,00	0,03	0,24	0,01	0,55
2	0,01	0,23	-0,00	-0,20	0,56	0,07	0,03	1,00	0,14	-0,01	-0,12
3	0,00	0,36	0,20	0,28	0,08	0,12	0,24	0,14	1,00	0,03	0,15
O	0,33	0,20	0,17	0,07	0,06	0,31	0,01	-0,01	0,03	1,00	-0,06
C	0,17	0,29	0,36	0,13	-0,08	0,29	0,55	-0,12	0,15	-0,06	1,00

Примечание: Жирным шрифтом выделены значимые корреляции между переменными.

(1; C); самопринятие (3). Для точности и наибольшей достоверности полученных результатов некоторые аспекты самооценки были измерены по двум шкалам. С целью сопоставления и анализа данных, полученных при исследовании самооценки, был проведен корреляционный анализ между всеми переменными, в результате чего получена следующая корреляционная матрица (см. таблицу 2).

Значимые (но не сильные) корреляции между изучаемыми переменными (см. таблицу 2) указывают на определенную психометрическую ценность подобранных методик.

В результате математической обработки данных по всем измеряемым переменным были выявлены их средние значения, позволяющие судить об уровне выраженности изучаемых показателей самооценки в каждой группе испытуемых с разным типом привязанности. В таблице 3 представлены полученные данные по 11 шкалам.

Из таблицы 3 видно, что самый низкий показатель по самооценке выявлен в группе респондентов с испуганно-избегающим типом привязанности; в остальных группах самооценка является адекватной. Данные, полученные по шкале I (самоуважение) опросника В. В. Столина и С. Р. Пантелеева и по шкале O (оценка) методики «Личностный дифференциал», указывают на то, что уровень самоуважения при надежном типе привязанности значительно выше, чем при испуганно-избегающем.

Таблица 3
Средние значения всех измеряемых переменных

Тип привязанности	Реан (Р)	S	I	II	III	IV	1	2	3	O	C
Надежный (4)	0,43	87,48	77,94	74,72	65,35	63,50	58,65	63,83	70,84	13,40	5,15
Озабоченный (1)	0,43	81,28	61,48	77,17	77,17	50,86	70,89	78,82	69,63	10,47	6,58
Испуганно-избегающий (3)	0,31	78,27	53,55	60,24	60,24	59,16	68,58	70,52	75,01	9,32	5,61
Тревожно-амбивалентный (2)	0,51	79,02	65,03	51,71	51,71	72,06	75,68	58,31	75,60	11,25	10,04

В большей степени положительного отношения от других ожидают индивиды с озабоченным типом привязанности; в меньшей степени – при тревожно-амбивалентном, что видно по показателям шкалы III (ожидание положительного отношения от других) и шкалы 2 (отношение других). По данным шкал 1 (самоуверенность) и C (уверенность в себе) выявлено, что индивиды с тревожно-амбивалентным типом привязанности имеют завышенные показатели, что характеризует их как чрезмерно самоуверенных. При надежном типе привязанности уровень уверенности в себе носит адекватный характер.

Ярко выражено различие между испытуемыми с озабоченным типом привязанности и с тревожно-амбивалентным. Первые в меньшей степени проявляют интерес к своим мыслям и чувствам, нежели вторые, у которых данная характеристика носит ярко выраженный характер. По шкалам S (интегральное чувство «за» или «против» собственного Я), II (аутосимпатия) и 3 (самопринятие) значимых различий между группами не было выявлено.

Заключение

Обобщив все полученные в исследовании результаты, мы можем констатировать, что существуют различия в самооценках юношей и девушек с разными типами привязанности.

Так, оказалось, что средние значения уровня самооценки статистически достоверно различаются между собой в зависимости от типа привязанности. Это подтвердило нашу гипотезу о взаимосвязи

особенностей самооценки личности с определенным типом привязанности, сложившимся на ранних этапах онтогенеза.

Было выявлено, что при *надежном типе* привязанности самооценка личности носит адекватный характер. Индивиды, имеющие этот тип привязанности, характеризуются как верящие в свои силы, способности, энергичные, самостоятельные. Они в целом одобряют и уважают себя как личность, и одновременно ожидают позитивного отношения к себе от других. Данные респонденты принимают себя, но при этом не всегда уверены в себе. На фоне других показателей данный признак носит положительный характер, так как способствует развитию личности, в частности, устранению возникающего напряжения путем накопления знаний и более полного раскрытия своего потенциала. Таким образом, подтвердилось наше предположение о повышении вероятности формирования адекватной самооценки, позитивного и заинтересованного отношения к себе при надежном типе привязанности к матери.

Индивиды с *озабоченным типом* привязанности несколько отличаются от респондентов с надежным типом: они имеют ярко выраженные признаки аутосимпатии и самопринятия, а также ожидают положительного отношения к себе. Из-за этого у них могут возникать проблемы в общении с другими, так как при чрезмерной выраженности данных признаков их критика со стороны других может расцениваться как оскорбление и вызывать обиду. При этом такой человек причину конфликта будет искать скорее в другом (внешний локус контроля), нежели в себе, что, в свою очередь, может препятствовать личностному развитию.

Индивиды с *тревожно-амбивалентным типом* привязанности характеризуются как чрезмерно самоуверенные. На фоне низких показателей по критериям аутосимпатии и ожиданиям положительного отношения к себе от других самоуверенность у них носит характер защиты от тревоги и чувства амбивалентности по отношению к себе. Им присущи, с одной стороны, самообвинения, проявление негативных эмоций в виде раздражения и презрения, с другой стороны – уважение себя как личности, представление о том, что они интересны другим. Они чаще рассчитывают на свои силы, редко обращаются за помощью к другим, принимают себя такими, какие они есть.

При *испуганно-избегающем типе* привязанности самооценка личности неадекватно занижена, что отражается в заниженных показателях по критериям самоуважения, самоинтереса, самоуверенно-

сти. В совокупности данные особенности самооценки проявляются в видении в себе по преимуществу недостатков, готовности к самообвинению. Индивиды с испуганно-избегающим типом привязанности не готовы общаться с собой «на равных», часто считают себя неинтересными для других, что, в свою очередь, может привести к нарастанию тревоги и избеганию других людей.

Полученные данные частично подтверждают наше предположение о том, что при дистанцированном (тревожно-амбивалентном), испуганно-избегающем и озабоченном типах привязанности к матери формируется неадекватно заниженная самооценка, складывается ожидание отрицательного отношения к себе, проявляется неуважение себя как личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что ранние материнско-детские отношения оказывают значительное влияние на дальнейшее развитие как личности в целом, так и ее самосознания и самооценки – в частности.

Литература

- Авдеева Н. Н., Хаймовская Н. А. Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М.: Смысл, 2003.
- Ананьев Б. Г. К постановке проблемы развития детского самосознания // Известия АН РСФСР. Вып. 18. М., 1948. С. 102–124.
- Ананьев Б. Г. Психология педагогической оценки // Б. Г. Ананьев. Избранные психологические труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 2. С. 130–267.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Боулби Дж. Привязанность / Под общ. ред. Г. В. Бурменской. М.: Гардарики, 2003.
- Галкина Т. В. Адекватная самооценка как регулятор социального взаимодействия подростков: миф или реальность? // Познание и общение: теория, эксперимент, практика / Под ред. В. А. Барбанщикова, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 170–181.
- Галкина Т. В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Капцова Е. А. Особенности самосознания подростков при различном восприятии семейной ситуации: Дис.... канд. психол. наук. М., 2002.

- Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
- Маслова Е. А. Особенности малой социальной группы детей дошкольного возраста. Магнитогорск: МаГУ, 2002.
- Матушевская Н. В. Теория привязанности: история и современное состояние исследований // Перинатальная психология и психология родительства. 2005. № 2. С. 41–79.
- Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
- Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Покатаева М. В. Детские взаимоотношения в контексте привязанности // Психологическая наука и образование. 2002. № 4. С. 63–69.
- Потемкина О. Ф., Потемкина Е. В. Психологический анализ рисунка и текста. СПб.: Речь, 2006.
- Пушкарева Т. Н. Основы и клиническое значение материнской привязанности // Клиническая психология и психотерапия. 2004. № 1.
- Сергиенко Е. А., Виленская Г. А. Социализация в ранние периоды онтогенеза человека // Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития / Под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. С. 99–107.
- Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Просвещение, 1989.
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
- Столяренко Л. Д. Основы психологии: Учебн. пособие для вузов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебн. пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
- Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977.
- Эйнсворт М. Привязанности за порогом младенчества // Детство идеальное и настоящее. Новосибирск, 1994. С. 110–130.
- Ainsworth M. D. Patterns of attachment behavior shown by the infant in interaction with his mother // Merrill-Palmer Quarterly. 1964. 10 (1). P. 51–58.
- Ainsworth M. D., Bell S. M., Stayton D. J. Individual differences in the development of some attachment behaviors // Merrill-Palmer Quarterly. 1972. 18 (2). P. 123–143.
- Ainsworth M. D., Blehar M. C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.

- Aronson E., Mills J. The effect of severity of initiation on liking for a group // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1959. V. 59. P. 177–181.
- Bowlby J. Attachment and loss. V. 1. NY, 1969.
- Crittenden P. M. Attachment and psychopathology // *John Bowlby's attachment theory: Historical, clinical and social significance* / Eds S. Goldberg, R. Muir, J. Kerr. NY, 1995. P. 367–406.
- Fraley R. C., Waller N. G., Brennan K. A. An item-response theory analysis of self-report measures of adult attachment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 78. P. 350–365.
- George C., Kaplan M., Main M. Adult attachment interview. Unpublished manuscript. University of California, Berkeley, 1985.
- Hetherington E. M., Park R. D. *Child Psychology. A contemporary viewpoint*. NY, 1994.
- Main M., Kaplan N., Cassidy J. Security in infancy, childhood and adulthood: A move to the level of representation // *Growing points of attachment theory and research. Monographs of the Society for Research in Child Development* / Eds I. Bretherton, E. Waters. 1985. V. 50. 209. P. 66–104.
- Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at age 6: Predictable from infant attachment classifications and stable over a 1-month period // *Developmental Psychology*. 1988. V. 24. P. 415–426.
- Sroufe L. A. Attachment classification from the perspective of infant-caregiver relationships and infant temperament // *Child Development*. 1985. V. 56. P. 1–14.

ДЕТИ С НАРУШЕНИЯМИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЛИЧНОСТЬ, РАЗВИТИЕ, КОРРЕКЦИЯ

Л. Жербер-Хуснутдинова

Постановка проблемы

Все возрастающее число рождающихся в последние годы «особенных» детей (гиперактивных, с синдромом Аспергера, детей-аутистов и «индиго» (Кэррол, Тоубер, 2007)) становится характерной чертой современного общества. Главная их особенность – это низкая социальная адаптивность. Сталкиваясь с данным феноменом в своей работе психолога-консультанта, мы дали ему название «нарушения социального интеллекта», подразумевая определенный набор психологических характеристик: неспособность к социальному прогнозированию, принятию и пониманию скрытого смысла социального послания; эмоциональная «глухость» (непонимание переживаний другого по проявляемым им эмоциям); буквальное восприятие любого социального посыла (Жербер-Хуснутдинова, 2010).

Социальная дезадаптивность детей «нового времени», их закрытость от внешнего мира – это реакция на чрезмерные внешние раздражения, эмоциональное потрясение, стресс, определенную психологическую травму. Когда внешний мир травмирует их – они вырабатывают свои защитные механизмы против его воздействия. Главным защитным механизмом становится уход в свой внутренний мир (Флоренская, 2006).

Личность таких детей характеризуется яркими особенностями. Прежде всего – это удивительно честные дети. Отсутствие социальной интуиции, неспособность моментально включаться в социальную игру по определенным законам (часто неписаным), невозможность «подыгрывать» ситуации обеспечивает абсолютную честность в любых проявлениях активности этих детей. Второе – такие дети очень креативны и рано начинают проявлять свой творческий по-

тенциал. Это может быть как конкретная область искусства – рисование, музыка, скульптура и т. д. (конечно, в их «детских» формах), так и общий стиль поведения и взаимодействия ребенка с окружающим миром, и то, как он подходит к решению тех или иных задач. Третье – их уникальная работоспособность и погруженность в деятельность. Но только в ту деятельность, которую они избирают сами. Четвертое – у таких детей наблюдается незрелость непосредственных форм контакта с внешним миром, недоразвитость приспособительных, инстинктивных реакций, но при этом им даются достаточно легко сложные формы деятельности, построение отвлеченных схем.

В своем исследовании мы исходили из устоявшегося в психологии понимания социального интеллекта как чрезвычайно важного качества человека, позволяющего понимать себя и других, устанавливать оптимальные взаимоотношения с людьми, т. е. определяющего возможности адаптации индивида в обществе, его жизни среди людей (Ясюкова, 2010). Развитие личности ребенка и его эмоциональное благополучие во многом детерминированы тем, как складываются его отношения с внешним миром, т. е. зависят от развития его социального интеллекта. Дж. Гилфорд рассматривал социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, связанных с познанием поведенческой информации, как способность предвидения последствий поведения (Гилфорд, 1965). По мнению Гилфорда, социальный интеллект представляет систему интеллектуальных способностей, независимую от факторов общего интеллекта.

В структуре социального интеллекта в настоящее время принято выделять следующие аспекты: социальная перцепция, социальные знания, социальная интуиция, сопереживание, социальная память и социальная адаптация (Стернберг и др., 2002).

Д. В. Ушаков дал характеристику структурных особенностей социального интеллекта: континуальный характер, использование невербальной репрезентации, потеря точного социального оценивания при вербализации, формирование в процессе социального научения, использование «внутреннего» опыта (Ушаков, 2004).

Опираясь на эту характеристику, а также на положение о том, что развитие общих умственных способностей оказывает позитивное влияние на развитие навыков общения (Ясюкова, 2010), мы выдвинули гипотезу о возможности обучения детей с нарушениями социального интеллекта навыкам успешного общения и поведения через развитие у них способности действовать «в уме» (Пономарев,

1976) в процессе решения творческих задач и в ситуациях эмоционально окрашенных ролевых игр.

Тем самым мы определили цель собственной работы как развитие социального интеллекта детей посредством создания определенных условий творческого и эмоционального обучения, где главный акцент делается на развитии способности действовать «в уме» (т. е. выстраивании внутреннего плана действий).

Способность действовать «в уме» является базовой составляющей интеллектуальных способностей и, по справедливому замечанию В. Н. Дружинина, выступает своеобразным g-фактором интеллекта (Дружинин, 1999). Согласно концепции Я. А. Пономарева, существует определенный психологический механизм поведения и творчества, центральным звеном которого является способность действовать «в уме». В развитии способности действовать «в уме» (или иначе – внутреннего плана действий) наблюдается пять основных этапов:

- 1) этап фона (испытуемые неспособны действовать во внутреннем плане в масштабах задач, предъявляемых экспериментом);
- 2) этап репродукции (решение задач только во внешнем плане, во внутреннем – лишь репродукция готовых решений);
- 3) этап манипулирования (задачи могут быть решены манипуляцией представлениями предметов);
- 4) этап транспонирования (при повторном обращении к задаче найденный методом манипуляции путь может составить основу плана повторных действий);
- 5) этап regimentирования (строится план, программа системы действий) (Пономарев, 1976, 1990).

Вышеперечисленные этапы были выявлены Я. А. Пономаревым при экспериментальной работе с детьми младшего школьного возраста, что позволило наблюдать и фиксировать процесс развития способности действовать «в уме» (СДУ). Одновременно ученый проводил исследование закономерностей решения творческих задач интеллектуально развитыми взрослыми. Сопоставление результатов двух серий экспериментальных исследований (на детях и взрослых) позволило Я. А. Пономареву сформулировать закон ЭУС («этапы–уровни–ступени») – закон преобразования этапов развития системы в структурные уровни ее организации и ступени дальнейших развивающих взаимодействий (Пономарев, 1976, 2006 и др.). Таким образом, Пономарев своими исследованиями показал, что этапы

развития любого психического процесса (или способности, явления, в частности, способности действовать «в уме») не исчезают бесследно, а преобразуются в структурные уровни его организации и выступают затем в виде функциональных ступеней решения творческих задач или любых проблем в новых (или экстремальных) для человека ситуациях (Журавлев, Галкина, 2010).

Согласно концепции Пономарева, подтвержденной многочисленными исследованиями его учеников, высокий уровень развития способности действовать «в уме» обеспечивает успешность в решении широкого круга различных задач, в том числе творческих, а также специфических задач на самооценку и оценку других людей (Галкина, 2010, 2011). Достаточно очевидно, что способность к адекватной оценке себя и других связана, в частности, и с особенностями развития социального интеллекта. Таким образом, мы можем предположить, что развитие способности действовать «в уме» будет связано и с процессом развития социального интеллекта.

Данный подход использовался нами при реализации программы формирующих воздействий в работе с детьми, имеющими нарушения социального интеллекта.

Эмпирическое исследование

Исследование проводилось на протяжении 3,5 лет и состояло из психологического обследования (несколько срезов с использованием различных психодиагностических процедур) и программы формирующих воздействий. Участниками исследования стали 25 детей 5–7 лет (преимущественно мальчики), которым было отказано в дошкольном обучении в классической системе образования Чехии.

Первый проведенный нами психодиагностический срез (с использованием теста Векслера WISP, состоящего из субтестов вербальной и невербальной шкалы) показал, что все дети обладали либо средним (для их возраста), либо высоким общим интеллектом. Однако при этом их поведение демонстрировало яркие нарушения социального интеллекта, проявляющиеся в неспособности успешно функционировать в детском коллективе, адекватно понимать эмоциональное состояние и личностные особенности окружающих, устанавливать дружеские отношения с одноклассниками, рационально разрешать возникающие конфликты, корректно взаимодействовать с учителями. Все эти особенности развития социального интеллекта были отражены в характеристиках, содержащих

оценки и мнения экспертов – педагогов начальной школы – по поводу поведения этих детей.

Мы провели анализ онтогенетического развития детей, участвующих в нашем исследовании, обращая особое внимание на особенности социальной ситуации их развития. Оказалось, что каждый ребенок пережил в раннем детстве определенный стресс, ставший краеугольным камнем – моментом отсчета проявлений симптомов отклонения от «нормального социального развития» (точнее симптомов специфического социального развития, сопровождающегося достаточно высокими достижениями в области интеллектуального развития). Данный факт (влияние внешнего стрессового фактора) позволил нам сделать допущение о возможности коррекции имеющихся нарушений социального интеллекта, так как они были спровоцированы внешним фактором (дети стали психологически закрываться и избегать социальных контактов вследствие психологической травмы).

Для детей были созданы условия максимальной защищенности, безопасности – они обучались индивидуально и в небольших группах. Занятия проводились 4 раза в неделю (2 дня занятий, день – перерыв, два дня занятий, два дня перерыв) на базе студии эстетического развития «Театр плюс ИЗО» г. Праги (Чехия). Занятия имели эстетическую направленность: с детьми много рисовали, слушали музыку, лепили из пластилина и тут же разыгрывали небольшие спектакли с вылепленными куклами. Дети изучали алфавит, учились читать и писать, занимались математикой.

Важный акцент делался на развитии способности действовать «в уме», построении внутреннего плана действий и его переноса в социальные взаимоотношения. Ежедневно с детьми проводились ролевые игры («актерами» могли быть как сами дети, так и вылепленные ими куклы). Ситуации игр разрабатывались в соответствии с индивидуальными трудностями детей в общении (работа строилась на постоянной обратной связи – родители раз в неделю давали своеобразный отчет о жизни ребенка вне занятий). Именно анализ ситуаций ролевой игры и обсуждение переживаемых и демонстрируемых детьми эмоций являлись ядром занятий и, как показало исследование, стимулирующе влияли на формирование навыков социально-адекватного поведения и общения. В нашей программе формирующих воздействий важным элементом был урок эмоционального развития – познание детьми эмоционального спектра в разных его формах (на этих уроках «изучались» эмоции: дети ри-

совали разные эмоциональные состояния, подбирали цвета к ним, карточки со словами-характеристиками, слушали музыку и т. д.).

Конечно, процесс обучения детей по нашей программе формирующих воздействий весьма отличался от занятий в классической школе (имеется в виду дошкольная ступень обучения в классической системе образования Чехии). Все занятия строились и проводились в зависимости от состояния ребенка, от его сегодняшних возможностей: урок мог продолжаться 10 минут, а мог и 50. Именно гибкость и возможность «услышать» ребенка, понять его актуальное состояние характеризовали наши занятия.

Периодически проводилось психологическое обследование детей с описанием достижений в развитии каждого ребенка. Использовались рисуночные методики (проективные – «Рисунок человека», «Несуществующее животное»), проводился анализ цветовых предпочтений в рисунках каждого ребенка, давался тест Н. Я. Семаго «Эмоциональные лица» (Семаго, 1998), использовались различные вариации основной идеи данного теста – эмоции демонстрировались самими детьми или должны были быть узнаваемыми ими в различных игровых ситуациях.

Для диагностики способности действовать «в уме» (СДУ) использовалась как оригинальная методика Я. А. Пономарева «Игра в классики» (Пономарев 1976; Галкина, 2010, 2011), так и наш собственный вариант игры в «крестики-нолики» (Жербер-Хуснутдинова, 2010). Последний построен по образцу методики «Игра в классики»: испытуемому после объяснения правил игры предлагается поиграть в нее «в уме», т. е. не записывая значки, а удерживая последовательность действий в голове. В результате нескольких раундов, если ребенок вообще справляется с предложенным заданием, он должен обнаружить определенные закономерности – необходимость захватить центральный квадрат в таблице, а затем один из угловых квадратов. Дети с низким уровнем развития СДУ практически неспособны удерживать «в уме» последовательность ходов, и их игра обрывается после 1–2 ходов. Дети с более высоким уровнем развития СДУ (средний уровень) удерживают «в уме» общую картину игры, но движутся в ней хаотично, не выявляя каких-либо закономерностей. Дети с высоким уровнем развития СДУ не только удерживают «в уме» всю последовательность ходов на протяжении всей игры, но и выявляют вышеуказанные закономерности, которые позволяют им успешно справляться с заданием и регулярно выигрывать.

Проведенное лонгитюдное исследование показало, что нарушения социального интеллекта не являются некорректируемыми.

В процессе специального обучения (по разработанной нами программе формирующих воздействий) дети с высоким уровнем развития способности действовать «в уме» перенимали и развивали внешние модели поведения, а затем успешно демонстрировали их в общении. К возрасту 10–12 лет они полностью адаптировались в коллективе и не испытывали никаких затруднений в общении. Дети с низким уровнем развития СДУ не так легко обучались моделям социального поведения, однако по мере развития СДУ возрастала адекватность их понимания социальных ситуаций и степень ориентации в них. В ранее проведенном нами исследовании (Хуснутдинова, 1993), были сделаны определенные выводы, касающиеся специфики взаимосвязи развития СДУ и креативности, влияния средовых факторов на интенсивность развития СДУ и т. п. Данные выводы можно обогатить положением о возможности развития социального интеллекта детей через развитие у них способности действовать «в уме». С нашей точки зрения, способность к формированию внутреннего плана действий является одной из важнейших (базовых) в успешном развитии социального интеллекта ребенка. Мы полагаем, что благополучное внедрение и реализация этой способности в социальных отношениях может явиться перспективным направлением коррекционной работы с детьми, имеющими определенные нарушения социального интеллекта.

Выводы

Полученные в проведенном исследовании результаты позволяют подвергнуть сомнению положение Дж. Гилфорда, в котором утверждается независимость социального интеллекта от общего (Гилфорд, 1965). По результатам нашего исследования, общий интеллект оказывает непосредственное влияние на развитие социального интеллекта (СДУ является базовой составляющей общих интеллектуальных способностей). Подобный вывод был сделан и Л. А. Ясюковой, показавшей, что особо значимым фактором развития социального интеллекта детей являются их общие умственные способности (и зарождающееся понятийное мышление), которые могут компенсировать функциональную незрелость головного мозга (так называемая компенсация «сверху», по Л. С. Выготскому), обеспечивая успешное решение проблем социальной адаптации (Ясюкова, 2010).

Развитие способности действовать «в уме», эмоциональной сферы и операций понятийного мышления, обогащение жизненного опыта ребенка, расширяющее его общую осведомленность, а также дальнейшее внедрение результатов такой формирующей программы в процесс решения проблем, возникающих в сфере общения, являются базой для развития социального интеллекта детей и коррекции его нарушений.

Литература

- Галкина Т. В. Развитие концепции Я. А. Пономарева о центральном звене психологического механизма поведения // Психология интеллекта и творчества. Традиции и инновации. Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина (ИП РАН, 7–8 октября 2010 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 22–35.
- Галкина Т. В. Самооценка как процесс решения задач: системный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433–456.
- Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999.
- Жербер-Хуснутдинова Л. Формирующий эксперимент в исследовании развития социального интеллекта детей младшего школьного возраста // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В. А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 607–610.
- Журавлев А. Л., Галкина Т. В. Основные вехи жизненного пути и научного творчества Я. А. Пономарева // Я. А. Пономарев. Психика и интуиция. Неопубликованные материалы, стихи, рисунки и фотографии / Редакторы-составители А. Л. Журавлев, Т. В. Галкина. М.: ООО «ТИД «Арис», 2010. С. 6–54.
- Кэррол Л., Тоубер Дж. Дети Индиго. М.: София, 2007.
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Пономарев Я. А. К теории психологического механизма творчества // Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / Под ред. Я. А. Пономарева. М.: Наука, 1990. С. 13–37.
- Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.

- Семаго Н. Я. Исследование эмоционально-личностной сферы ребенка при помощи комплекса проективных методик // Школа здоровья. 1998. Т. 5. № 3–4.
- Стернберг Р., Форсайт Дж. Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002.
- Ушаков Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Ушакова, Д. В. Люпина. М., 2004. С. 11–29.
- Флоренская Т. А. Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский хронограф, 2006.
- Хуснутдинова Л. Г. Исследование речемыслительной креативности личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.
- Хуснутдинова Л. Г. Концепция интеллектуальной активности в работе с детьми с нарушениями социального интеллекта // V съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. М.: Российское психологическое общество. 2012. Т. I. С. 420–421.
- Ясюкова Л. А. Социальный интеллект младших школьников // Психология интеллекта и творчества. Традиции и инновации. Материалы научной конференции, посвященной памяти Я. А. Пономарева и В. Н. Дружинина (ИП РАН, 7–8 октября 2010 г.) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 355–363.

КОМПЕНСАЦИЯ НЕУДАЧИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРЕМЛЕНИЯ К АВТОНОМИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Т. А. Будневская, Т. С. Стоделова, Н. Е. Харламенкова

Постановка проблемы

Существует вполне устоявшееся мнение, согласно которому подростковый возраст является достаточно интенсивным периодом жизни, предъявляющим особые требования к личности и ее активности, к умению перестраивать и пересматривать прежние мнения и оценки. Изменение личностной позиции обусловлено прежде всего влиянием той физической трансформации, которая происходит с подростком на данном этапе жизни. При этом отмечается, что в современных исследованиях «все более усиливается тенденция различать пубертат (соматический) и отрочество (аффективное и межличностное)» (Бержере, 2001, с. 60). Действительно, в подростковом возрасте связь соматического и психического становится наиболее очевидной и имеет тенденцию обнаруживать себя в самых разнообразных формах. Однако нередко происходит так, что интерес исследователя ограничивается областью психических феноменов, которые анализируются относительно независимо от динамики телесного, соматического. В настоящей работе этот разрыв будет частично преодолен.

В период пубертата человек наиболее остро ощущает потребность в том, чтобы разрушить родительские идентификации и упрочить свою индивидуальность, подчеркнув самостоятельность, независимость, автономность. Подростковая автономность проявляется в демонстрации взрослости при недостаточно развитой внутренней независимости личности. Согласно мнению Е. В. Кумыковой, под *внутренней независимостью личности* следует понимать эмпирическую

(т. е. реализуемую) свободу, организующую автономность и целостность жизненного пути личности как субъекта жизнедеятельности (Кумыкова, 2010). Изучая внутреннюю независимость женщин молодого и зрелого возраста, автор отмечает, что она сопряжена с полоролевой идентификацией, со степенью зрелости личностной идентичности, с реализацией потребности в автономии и с активностью жизненной позиции.

Маргарет Малер, исследуя начальные фазы в формировании Эго, показывает, что при всех благоприятных условиях взросления весьма редко встречается равномерно прогрессирующее личностное развитие. Она связывает эту особенность взросления с тем, что «сепарация–индивидуация» как процесс психического рождения индивидуума является производным и зависит от «симбиотических истоков человеческого состояния, а именно от симбиоза с другим человеческим существом» (Малер, Пайн, Бергман, 2011, с. 319). Цель, которая должна быть достигнута в процессе сепарации–индивидуации, состоит в достижении определенной константности объекта и константности Я, а также в приобретении двух уровней идентичности: 1) осознания себя как отдельного целостного существа и 2) появления признаков осознания гендерной самоидентичности. Стремление принять свою отдельность нередко наталкивается на препятствия, фрустрируется из-за страхов, характерных для раннего детского возраста. Это – страх потери объекта, страх потери любви, сепарационная тревога и страх кастрации. Установление ментальных репрезентаций Я как однозначно отдельных от репрезентаций объекта («внутренней матери») открывает путь к формированию самоидентичности. Из этого следует, что на последующих стадиях развития личность заново ставит и решает проблему своей автономии, но уже в соответствии с новыми социальными ориентирами. Наиболее активно в связи с этой проблемой обсуждается подростковый возраст.

В период пубертата наблюдаются колебания между острой потребностью в социальных контактах и желанием уединиться, между отвержением одиночества и стремлением к интимности. Ф. Жамме пишет, что одной из особенностей регуляции подростками отношений с другими людьми являются «колебания между тревожностью, обусловленной страхом сепарации, и тревожностью, обусловленной страхом перед вторжением других в их внутренний мир» (Жамме, 2007, с. 47). Согласно автору, общим знаменателем, связывающим разнообразие особенностей подросткового периода, является фе-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 10-06-00301а.

номен зависимости. «Субъект, психическое равновесие которого существенно зависит от его взаимоотношений с внешними объектами и от специфических установок этих объектов, может рассматриваться как зависимый» (там же). Нетрудно в связи с этим заметить, что подростковый возраст является повторением процесса сепарации – индивидуации, развертывающегося, согласно М. Малер, от рождения до трех лет, или кульминацией борьбы за автономию. Ряд авторов рассматривает зависимость как обращение к внешней реальности с целью защиты от истощенной или угрожающей внутренней психической жизни. Именно поэтому сепарация обусловлена целым рядом факторов, которые в своей совокупности определяют готовность субъекта к отделению с целью достижения автономии. Диффузия идентичности, чувство неуверенности и беспомощности, неспособность получать удовольствие от собственной деятельности вынуждают подростка искать поддержку у другого человека, которая, в свою очередь, препятствует обращению к внутреннему диалогу и структурированию Эго-идентичности. Возникает порочный круг: эмоциональная зависимость входит в прямое противоречие с потребностью отстаивать свою автономию. Для формирования чувства автономии необходимо, согласно Ф. Жамме, повышение ценности Я за счет получения удовольствия от успешной работы, подкрепление подростка в самоисследовании и попытках дифференциации Эго, прояснение и адекватная символизация чувств и ожиданий, которые угрожают развитием деструктивных фантазий.

Согласно Э. Эриксону, для перехода на новый уровень развития личность должна достигнуть определенной психофизиологической зрелости, а общество – быть готовым предоставить ей новые возможности, по отношению к которым устанавливаются новые ориентиры. Иными словами, для развития автономии необходимо, во-первых, достижение подростком определенного психофизиологического статуса, который служит для окружающих признаком готовности человека к изменению. Во-вторых, общество не только фиксирует эти изменения, обнаруживает их, но и изменяет свое отношение к повзрослевшему ребенку, предлагая ему новые способы функционирования и одновременно запрещая использовать прежние. По мнению Ф. Дольто, запрет на прежние способы удовлетворения потребности¹ связан с закономерностями развития ребенка

1 Например, отлучение от груди к концу первого года жизни ребенка является необходимой мерой, которая переживается им как запрет, или, в терминологии Ф. Дольто, как оральная кастрация. Дольто по-

и может приводить как к проблемам в развитии, так и к новым достижениям. Если запреты правильно символизируются, объясняются ребенку родителем, который предлагает ему новые способы взаимодействия, то развитие, согласно Дольто, идет по пути сублимации; если же запреты не обсуждаются, то невольно ведут к страданию и к серьезным отклонениям в развитии. «Автономия ребенка по отношению к имеющим права инстанциям в пространстве безопасности – это завоевание чувства свободы, чувства, неотделимого от чувства быть человеческим существом» (Дольто, 2006, с. 242).

Итак, условиями развития автономии являются: 1) психофизиологическая готовность подростка к автономии и 2) готовность окружения принять это условие (быть терпимым по отношению к ребенку, по Ф. Дольто), предоставив подростку возможность иметь это чувство и развивать его в себе. Несмотря на общую осведомленность родителей и общества в целом о принципиальной важности подросткового периода в личностном развитии, отмеченные нами условия развития автономии не всегда соблюдаются. Прежде всего это касается психологической готовности подростка, а также установок родителей и других взрослых людей на возможность предоставления ему самостоятельности; свои ограничения накладывает и дизонтогенез. Остановимся на этих данных подробнее и рассмотрим различные способы и пути достижения автономии при наличии серьезных фрустрирующих обстоятельств.

Психофизиологический статус подростка и развитие автономии

Одной из проблем подросткового возраста является формирование половой идентичности. Новый физический статус подростка тесно связан как с предъявлением обществом новых социальных ориентиров, так и с реконструкцией представлений о себе под влиянием отраженного самоотношения.

казывает, что при отлучении от груди мать сама должна быть готова к иной коммуникации с ребенком, открывая ему новые возможности – «это введение ребенка, отделенного от абсолютно необходимого присутствия матери, в связь с другим: ребенок попадает в условия речевого поведения, которые ему позволяют принять присутствие любого человека, с которым мать поддерживает хорошие отношения и с кем он сам развивает возможности для коммуникации, открытые в коммуникации с матерью или отцом и развитые с другими» (Дольто, 2006, с. 94).

Значение половой идентичности для систематизации представлений о себе до сих пор активно обсуждается в научной литературе. Так, Р. Бернс считает, что осознание себя как представителя определенного пола не имеет большого веса в Я-концепции взрослого человека (Бернс, 1986). С другой стороны, Ф. и Р. Тайсоны, например, уделяют этому фактору серьезное внимание, указывая на то, что в разные возрастные периоды наблюдается то увеличение, то снижение веса половой идентичности в самоидентичности в целом (Тайсон Ф., Тайсон Р., 1998).

Формирование половой идентичности происходит под влиянием различных факторов, одним из которых является биологическая детерминанта. Существует мнение, «что роль биологических процессов состоит в согласовании между собой хромосомного, гормонального, морфологического и социального факторов, в совокупности определяющих нормальное развитие чувства половой идентичности» (Баттерворт, Харрис, 2000, с. 304).

Известны работы, в которых исследуется связь раннего полового созревания, ускоренного развития с особенностями поведения и психологии подростка. Показано, например, что при раннем половом созревании девочки склонны к различным поведенческим девиациям, например, к курению и употреблению алкоголя, при этом фиксируемые аддикции не связаны с личностными особенностями и с особенностями взаимодействия внутри группы сверстников, но определяются местом проживания подростков. Обнаружено, что выявленные особенности наблюдаются у девочек, живущих в городе (Dick et al., 2000). Аналогичные результаты получены в исследовании К. Хардена и Дж. Мендела. Оказалось, что девочки с признаками раннего полового созревания склонны не только к девиантному, но и к делинквентному поведению (Harden, Mendle, 2011). Дж. Бельски с соавт. обнаружили, что при наличии у девочки признаков раннего полового созревания увеличивается риск делинквентного поведения, алкогольной и наркотической зависимости, интенсифицируется сексуальное поведение. Выявленные эффекты проявляются при условии выраженной агрессии у матери (Belsky et al., 2010).

Можно сказать, что проблемное поведение является реакцией на зависимость подростка от родителя и выступает своеобразным барьером между самим подростком и объектами его привязанности. Оно демонстрирует выраженную потребность подростка в общении, но не оставляет возможности для спонтанного взаимодействия с другими людьми, которое начинает приобретать искусственный,

предопределенный характер (Ф. Жамме). Отыгрывающее и аддиктивное поведение проявляется как своеобразная компенсация сепарации, к которой подросток оказывается не готовым.

При задержках полового развития, наоборот, потребность в автономии не выражена, но некоторые эмоциональные и поведенческие эффекты также наблюдаются. Прежде всего, имеются в виду хромосомные аномалии, которые в подростковом возрасте приводят к дисфункциям, вызванным дисгенезией гонад. Такой аномалией является синдром Шерешевского–Тернера, при котором наблюдается психофизический инфантилизм, проявляющийся в сочетании инфантильных черт во внешнем облике (низкий рост, диспластичность телосложения) и в психике (склонность к фантазированию, детские реакции на окружающий мир, поверхностные незрелые суждения, неустойчивые интересы, недостаточно мотивированные поступки) (Райская, 2000). Кроме того, у них наблюдаются признаки дезадаптированности, характерные для субъектов, находящихся на более ранних стадиях развития (Харламенкова, Стоделова, 2000).

Родители девочек с синдромом Тернера склонны проявлять повышенную гиперопеку и контроль, которые, с одной стороны, формируются на фоне проявлений симптомов заболевания (низкий рост, инфантильные черты во внешнем облике и поведении, отсутствие пубертата) (Райская, 2000; Харламенкова, Стоделова, 2000) и являются реакцией на беспомощность дочери, а с другой – возникают под влиянием чувств вины и гнева, являющихся следствием оценки ими меры своего вклада в болезнь ребенка. Наблюдается и другая крайность. Это – депривация и отчуждение со стороны родителей. И в первом, и во втором случае данные варианты развития отношений способствуют снижению уровня социальной адаптации подростка, усиливают тревогу, страх, подозрительность, ипохондрию и, в свою очередь, препятствуют переходу детско-родительских отношений на качественно новый уровень, необходимый для дальнейшего развития личности. Тем самым затрудняется процесс психологической, эмоциональной сепарации подростка от родителей, что является препятствием на пути поиска и обретения собственной идентичности, целостности и независимости. Похожие данные были получены при исследовании семей с детьми, больными диабетом, и с детьми – спинальными больными (Butner et al., 2009; Friedman et al., 2009).

Девочки с синдромом Тернера, согласно исследованию Н. Е. Харламенковой и Т. С. Стоделовой, находятся на более ранних стадиях

развития по сравнению со сверстниками того же возраста, но в то же время включены в социальный контекст, имеют возможность наблюдать за поведением, отношениями, изменениями у нормально развивающихся подростков, общаясь с ними, и подражать им, видя в них образцы для идентификации (Харламенкова, Стоделова, 2000). Таким образом, обнаруживается, с одной стороны, выраженная потребность в зависимости, поддержке и внимании родителей, а с другой – потребность в обретении и формировании собственной идентичности, поиск своего собственного психологического пространства, которые вступают в противоречие.

Имеются аналогичные исследования, показывающие, что нарушения репродуктивной функции у девушек (Шорина, Тринева, 2006; Малыш, 2004) влияют на их отношения с родителями. Высокая потребность в зависимости, заботе, внимании со стороны обоих родителей и одновременно конфликтность во взаимоотношениях создают препятствия на пути отделения и обретения собственной, независимой идентичности.

Наличие таких препятствий способствует появлению компенсирующего поведения, направленного на устранение напряжения, вызванного невозможностью сепарации, необходимой для дальнейшего развития. Под компенсацией понимают возмещение недоразвитых или нарушенных функций путем использования сохраненных или перестройки частично нарушенных функций (Психологический словарь, 1983). Согласно А. Адлеру, на личностном уровне компенсация направлена на устранение чувства неполноценности и может обнаруживать себя в виде невротического стремления к власти либо в форме преодоления своих недостатков путем усердной тренировки. Первый путь усиливает чувство неполноценности, второй – ее снижает или даже устраняет. У девочек с синдромом Тернера компенсаторная функция проявляется в виде чрезмерного контроля ситуации (Харламенкова, Стоделова, 2000) и в несвойственных детскому возрасту степенности, рассудительности и обстоятельности, в хорошей ориентировке в практических вопросах. Однако в целом девочки с аномалиями полового развития демонстрируют, скорее, зависимость от взрослых, чем самостоятельность, что, с нашей точки зрения, подтверждает важность учета такого условия внешней и внутренней сепарации, как достижение подростком определенного психофизиологического статуса, подкрепляемого соответствующими оценками взрослых. С точки зрения юнгианской психологии, физические трансформации «захватывают» не только реальные от-

ношения, связывающие подростка и родителя, но и архетипические отношения. «Допубертат и пубертат аналогичны первым годам жизни по широте биологического разнообразия и стремлению к росту. Субъект более не узнает себя, становится чужим самому себе; старые схемы более не действуют, отсюда и происходит активизация архетипических процессов...» (Лиар, 2008, с. 138), благодаря которым Я пересматривает свои отношения с родительскими имаго¹. Однако процессы трансформации отношений интенсивнее проявляются у подростков с нормальным или ускоренным физическим развитием, готовность которых к сепарации может быть как поддержана, так и фрустрирована родителями.

Социальные условия развития подростковой автономии

Кроме дифференцированной идентичности, способности к детализированной и непротиворечивой оценке другого человека, умения проявлять свои чувства по отношению к ситуации зависимости и др., основой развития автономии является готовность близкого окружения к признанию подростка способным иметь собственную независимую позицию, свое отношение к конкретной деятельности, к другим аспектам жизни. Известно, что не все родители активно пересматривают свои отношения с ребенком, и даже наоборот – усиливают свой контроль за его действиями, вкусами, чувствами, предпочтениями. Новые потребности и желания подростков выходят за рамки семьи. Возникает своеобразный парадокс, который состоит в том, что, с одной стороны, подросток расширяет границы собственного психологического пространства, включая в него сверстников, новые увлечения и интересы, а с другой стороны – стремится к интимизации и суверенизации своего мира. Наступает понимание, что родителю можно подражать или следовать его примеру, но необходимо развивать и свою индивидуальность. Более того, существенно меняются представления о самом родителе. Подросток начинает очерчивать в психологическом пространстве матери и отца не только его Суперэго, но и Эго, т. е. те черты, которые имеет родитель как самостоятельная личность вне зависимости от реализации своих отцовских или материнских функций. Эти изменения можно рассматривать как существенный признак подростковой динамики.

1 Имаго (imago) – бессознательный прообраз, устойчивый стереотип, предопределяющий направленность восприятия человека.

Другим признаком развития личности в период пубертата является амбивалентность отношений с родителями, в которых проявляются как дистанцирование, отчуждение, автономность подростка, так и желание поддержки и признания взрослых. В исследовании О. П. Макушиной амбивалентность отношения подростков к родителям рассматривалась как признак высокой эмоциональной напряженности подростка и его зависимости от взрослого (Макушина, 2001). По мнению автора, причиной психологической зависимости подростков является фрустрация их потребности в самоактуализации. Зависимость реализуется в двух основных формах – в форме собственно зависимости и в форме негативизма, различающихся по характеру компенсации. В случае собственно зависимости компенсация осуществляется по типу смирения и ухода, а в случае негативизма – по типу бунта и протеста. Психологическая зависимость оказывает негативное влияние на личностное развитие подростков, в частности, определяет дисгармоничность развития их Я-концепции. Неразрешенность важнейшей задачи этого возраста – достижения психологической независимости, а именно: автономии, способности к самоуправлению, самостоятельности позиции и оценок, эмоциональной дифференцированности и установления границ личностного пространства в отношениях с родителями – приводит к искажению развития личности на последующих стадиях возрастного развития.

Вполне понятно, что важную роль в развитии самостоятельности подростка играют воспитательные стратегии родителей. В одном из исследований, проведенном на большой выборке подростков разного возраста, исследовались два вида так называемой родительской поддержки автономии (parental autonomy support) (Soenens et al., 2007). Один вид поддержки был назван «поощрение независимости» (promotion of independence – PI), а второй – «поощрение волевой активности» (promotion of volitional functioning – PVF). Оказалось, что адаптация и самоопределение подростка связаны с поддержкой волевой активности и не связаны с поддержкой независимости. Отношение родителей к подростку должно быть дифференцированным и зависеть от его готовности к сепарации. Показано, что неготовность подростка к самостоятельным решениям является сигналом к тому, что нужно использовать другие меры развития самостоятельности, а не блокировать этот процесс полностью.

Психофизиологическая и психологическая готовность к сепарации нередко ограничиваются. Контроль со стороны родителей, не-

желание принимать новые взгляды ребенка, боязнь потери душевной близости, а также страх за ребенка, связанный с неблагоприятной криминальной обстановкой в обществе, ведут к тому, что родители стараются отсрочить, «отложить» сепарацию. Исследований по проблеме авторитарности родителей и их демократичности достаточно много (Fuligni, 1998; Prinzie et al., 2009), и в целом они показывают, что контроль и высокий уровень требовательности, необоснованные претензии родителей снижают общий уровень адаптации подростков. Для благоприятного формирования самостоятельности родитель должен понимать, что функции контроля взрослого должны постепенно передаваться самоконтролю самого ребенка. Й. Раншбург и К. Поппер показывают, что целью воспитания является уменьшение внешних ограничений, необходимых на ранних этапах развития личности, и замещение их внутренними ограничениями (Раншбург, Поппер, 1983).

Ограничение стремления подростка к развитию своей личности, к сепарации нередко ведет к вычурным, гиперболизированным формам демонстрации своей самостоятельности, которые в какой-то степени компенсируют потребность в автономии. На глазах у окружающих совершаются отчаянные или безрассудно смелые поступки, чем доказывается наличие в характере определенных черт, присущих взрослым людям – силы воли, храбрости и т. д., демонстрируется взрослое поведение, направленное на получение определенного «взрослого статуса». Кроме этого, появляются признаки защитного поведения: снижается ценность желаемого, средствами проекции актуализируется агрессия, учащаются эпизоды избегания интимности, близости в общении; появляются черты негативизма и инфантильности. Последняя группа признаков прежде всего характеризует потребность подростка в зависимости, которая, наряду со стремлением к автономии, определяет специфику организации аффективно-потребностной сферы личности в этом возрасте.

Связь автономности и зависимости нередко проявляется таким особым образом, что открытость в отношениях, близость воспринимаются подростком как угроза «вторжения» в его личное пространство и покушение на его независимость и сразу же отыгрываются им в форме внешней агрессии. В качестве типичных характеристик отыгрывающего поведения подростков Ф. Жамме называет нарушение пищевого поведения, употребление наркотиков, суицидальный синдром, некоторые виды отвержения, неприятие школы и др. «Инстинктивное побуждение к сближению с объек-

том начинает восприниматься не как потенциальное средство обогащения личности, а скорее как угроза, делающая личность зависимой от объекта» (Жамме, 2007, с. 55). В этом случае психическое развитие подростка требует разрешения конфликта потребностей, соединения «внешней и внутренней реальности», которые оказываются разобщенными. Одним из механизмов такого соединения может быть интроективная идентификация как «процесс, посредством которого ребенок или пациент с течением времени приобретает способность получать и принимать внешнюю поддержку и любовь со стороны окружающих его людей и обретает опыт, который дает чувство безопасности, поддержки и способствует личностному росту» (Водделл, 2007, с. 23).

Компенсация неудачи в реализации стремления в автономии – сложный и неоднозначный по своей направленности и результативности процесс. В обыденном сознании компенсация часто ассоциируется с чем-то неистинным, вторичным, суррогатным. В научной психологии компенсация трактуется как не прямое удовлетворение потребности или плата за неудачу в какой-либо деятельности с целью устранения напряжения, причем восполнение недостатка может открывать путь к личностному познанию и развитию истинного Я, к расширению опыта, но в то же время способно вести к уходу от решения проблем, к замещению главного второстепенным, к смещению внимания с основной проблемы на побочную. Этот вывод приложим к самым разным проблемам психического развития, в том числе и к проблеме развития автономии. Компенсация как защитная реакция используется для «отведения» энергии от проблемы, для редукации напряжения без анализа причин неудачной сепарации, прежде всего – причин, связанных с неорганизованной, дезинтегрированной, диффузной идентичностью подростка, претендующего на автономию, но не знающего того Я, которое к этому стремится. Защитная компенсация сопровождается временным чувством облегчения, ощущением редукации напряжения. Согласно мнению Марго Водделл, процесс осознания себя и своих эмоциональных состояний включает в себя освобождение от привычных форм защиты, прежде всего от проективной идентификации, и обращение к интроективной идентификации с положительными объектами. Подчеркивая важность процесса интроекции, Водделл указывает на то, что этот процесс неотделим от способности к интимности, которая находит свое проявление в дифференциации и сепарации – двух наиболее важных задачах позднего подросткового возраста.

Компенсация как механизм личностного роста обнаруживается в актуализации творческой энергии и в расширении возможностей личности, связан с ощущением преодоления и с чувством удовлетворенности. Именно чувства, которые сопровождают компенсацию, можно использовать в качестве критерия дифференциации защитной компенсации от компенсации как механизма личностного развития. При достижении подростком некоторого уровня автономии, адекватного условиям его развития, защитная компенсация будет обнаруживать себя в разнообразных девиантных и делинквентных формах поведения, а компенсация как механизм личностного развития – в самостоятельном планировании и выполнении тех видов деятельности, которые являются для подростка ведущими, а также – в переживании удовольствия от участия в них.

Соблюдение всех условий развития подростка в направлении его автономии следует считать скорее исключением, чем правилом, поэтому обращение к анализу проблемы компенсации неудачи в стремлении к сепарации дополняет теоретическую модель сепарации, делает ее более реалистичной и валидной, позволяет выделить показатели (критерии) внутренней сепарации.

Заключение

В зависимости от возраста человека критерии сформированности его автономии, основой которой является процесс сепарации, будут так или иначе меняться. Для подросткового возраста появление в поведении ребенка чувств, реакций, действий, направленных против родительской опеки, поглощения, вторжения, является нормальным проявлением потребности в отделении. М. Малер, комментируя нормальные отношения, установившиеся в диаде «мать–дитя», отмечала, что особая роль матери состоит в поддержании чувства отдельности ребенка, а также в специфическом формировании черт личности, стремящейся к индивидуации, которое происходит путем взаимодополнения, противопоставления, идентификации и разотождествления между Я и Другим (Малер, Пайн, Бергман, 2011).

Основываясь на результатах нашего исследования, учитывая мнение авторского коллектива, работающего над проектом «Внутренняя и внешняя сепарация (автономия) и ее механизмы»¹, мы

1 Авторы статьи благодарят остальных участников проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, – к. п. н. А. К.

обобщили различные проявления сепарации и выделили пять следующих критериев:

1. Целостность Я, т. е. степень дифференцированности представлений о себе, позитивное самоотношение, принятие себя, определенность границ Я.
2. Целостное и непротиворечивое представление о Другом, в частности, целостное представление об отце и матери, принятие Другого, способность видеть в другом человеке личность.
3. Умение адекватно выражать свои чувства, реагировать на ситуацию, проявляя обиду, гнев, агрессию при ограничении самостоятельности; способность эмоционально откликаться на разлуку, критику, неодобрение; умение проявлять чувство автономности, внутренней силы.
4. Отсутствие поведенческих реакций в виде отыгрывания, таких как девиантное поведение, болезни, наркотики, пищевые зависимости, несчастные случаи и др.
5. Способность планировать жизнь без одобрения другого человека, определять временную перспективу, выдерживать ожидание.

Таким образом, начавшись с рождения и продолжаясь всю жизнь, процесс сепарации, проходя новый виток в своем развитии, дестабилизирует устоявшуюся к этому моменту жизненную ситуацию. Невозможность достижения на определенном этапе некоторого уровня собственной независимости, автономии, необходимого для данного возраста и этапа развития, приводит к искажению развития личности на последующих стадиях взросления и тормозит дальнейшее становление личности. Показатели и критерии сепарации позволяют обозначить ориентиры внутренней независимости, дифференцированности и границы личного пространства в соотношении с задачами и потребностями определенного периода жизни.

Литература

- Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2001.

Рубченко, к. п. н. Е. В. Кумыкову и аспирантку ГАУГН Ю. А. Латышеву – в обсуждении критериев внутренней сепарации личности.

- Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986.
- Водделл М.* Осознание себя: процессы интроекции и способность мыслить // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 19–42.
- Дольто Ф.* Бессознательный образ тела. Ижевск: ИД «Ерго», 2006.
- Жамме Ф.* Соединение внутренней и внешней реальности при создании терапевтических условий для подростков, страдающих серьезными поведенческими расстройствами // Психоаналитическая психотерапия подростков, страдающих тяжелыми расстройствами. М.: Когито-Центр, 2007. С. 43–76.
- Кумыкова Е. В.* Психологические особенности внутренне независимых женщин молодого и зрелого возраста: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Лиар Д.* Детский юнгианский психоанализ. М.: Когито-Центр, 2008.
- Макушина О. Л.* Психологическая зависимость подростков от родителей: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. М., 2001.
- Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011.
- Мальши Н. Д.* Клинико-психологические характеристики и специфика семейного воспитания девочек-подростков с нарушениями в репродуктивной системе: Автореф. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2004.
- Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др. М.: Педагогика, 1983.
- Райская М. М.* Особенности психофизического инфантилизма у детей и подростков с синдромом Шерешевского–Тернера // Детская патопсихология. Хрестоматия / Сост. Н. Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2000. С. 320–329.
- Ранибург Й., Поппер П.* Секреты личности. М.: Педагогика, 1983.
- Тайсон Ф., Тайсон Р.* Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
- Харламенкова Н. Е., Стоделова Т. С.* Проблема адаптации личности при нормальном и аномальном половом развитии // Современная личность: социальные представления, мышление, развитие в норме и патологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 91–98.
- Шорина Н. М., Тринева О. А.* Женский образ у девушек с нарушением менструального цикла // Естествознание и гуманизм: Сборник

- науч. трудов / Под ред. Н.Н. Ильинских. Т. 3. Вып. 2. М., 2006. С. 11.
- Belsky J., Steinberg L., Houts R. M., Halpern-Felsher B. L.* The Development of Reproductive Strategy in Females: Early Maternal Harshness → Earlier Menarche → Increased Sexual Risk Taking // *Developmental Psychology*. Jan. 2010. V. 46 (1). P. 120–128.
- Butner J., Berg C., Osborn P., Butler J., Godri C., Fortenberry K., Barach I., Le H., Wiebe D.* Parent-adolescent discrepancies in adolescents' competence and the balance of adolescent autonomy and adolescent and parent well-being in the context of Type 1 diabetes // *Developmental Psychology*. May 2009. V. 45 (3). P. 835–849.
- Dick D. M., Rose R. J., Viken R. J., Kaprio J.* Pubertal timing and substance use: Associations between and within families across late adolescence // *Developmental Psychology*. Mar 2000. V. 36 (2). P. 180–189.
- Friedman D., Holmbeck G., DeLucia Ch., Jandasek B., Zebracki K.* Trajectories of autonomy development across the adolescent transition in children with spina bifida // *Rehabilitation Psychology*. Feb. 2009. V. 54 (1). P. 16–27.
- Fuligni A.* Authority, autonomy, and parent-adolescent conflict and cohesion: A study of adolescents from Mexican, Chinese, Filipino, and European backgrounds // *Developmental Psychology*. July 1998. V. 34 (4). P. 782–792.
- Harden K. P., Mendle J.* Gene-environment interplay in the association between pubertal timing and delinquency in adolescent girls // *Journal of Abnormal Psychology*. Jun 13, 2011. No Pagination Specified.
- Prinzle P., Stams G., Deković M., Reijntjes A., Belsky J.* The relations between parents' Big Five personality factors and parenting: A meta-analytic review // *Journal of Personality and Social Psychology*. Aug. 2009. V. 97 (2). P. 351–362.
- Soenens B., Vansteenkiste M., Lens W., Luyckx K., Goossens L., Beyers W., Ryan R.* Conceptualizing parental autonomy support: Adolescent perceptions of promotion of independence versus promotion of volitional functioning // *Developmental Psychology*. May 2007. V. 43 (3). P. 633–646.

РАЗЛИЧИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О БЕЗОПАСНОСТИ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН РАЗНОГО ВОЗРАСТА

А. С. Логвиненко, А. Д. Москвин

Исследование представлений о безопасности в современном обществе – крайне важная задача психологической науки. Феномен безопасности, или чувства безопасности, тесно связан практически со всеми проявлениями жизнедеятельности. Человек все время так или иначе находится в некотором состоянии, которое можно описать в терминах безопасности, в состоянии «здесь и сейчас», от которого, по сути, зависит его дальнейшая деятельность. Если рассмотреть одну и ту же ситуацию с одним и тем же субъектом и наделять его различным уровнем ощущения безопасности, то, вероятно, будут получены два совершенно разных сценария развития событий, две разные стратегии поведения.

Четкого согласия, что же следует понимать под термином «безопасность», в психологии на данный момент нет, но психоаналитическое направление, одно из самых первых в истории психологии, считало тему безопасности действительно интересной и уделяло ей должное внимание. Концепция личности Зигмунда Фрейда в своем основании предполагает наличие некоторого чувства фрустрации, чувства опасности Ид (Фрейд, 1991). Ид – это эгоистические инстинктивные интенции, свободная реализация которых может быть негативно воспринята обществом, что приведет к нежелательным для личности последствиям. Чтобы избежать этого, Эго, используя Суперэго, которое, в свою очередь, формируется под влиянием окружающего общества, фильтрует возможности реализации этих интенций, отсеивая или трансформируя неприемлемые и таким образом создавая безопасную обстановку для глубинной психики. Множество защитных механизмов стремится обезопасить взаимодействие с окружающей средой. Развивая социальное направление психоанализа, Карен Хорни предполагает, что реша-

ющим фактором в развитии личности являются социальные отношения между ребенком и родителями (Хорни, 2007). Она выделяет две основные базовые потребности: потребность в удовлетворении и потребность в безопасности. Первая охватывает все основные биологические нужды, а вторая является главной в развитии ребенка. С точки зрения Хорни, неправильно сформированное чувство безопасности или его отсутствие в межличностных отношениях приводит к базальной тревоге – источнику неврозов.

В нашей работе делается акцент на позитивном переживании безопасности, то есть предлагается взглянуть на эту проблему не с психоаналитической, а с гуманистической точки зрения. Один из основателей гуманистического направления в психологии Абрахам Маслоу в своей знаменитой теории мотивации поместил потребность в безопасности в основание пирамиды потребностей (Маслоу, 2001). Пока человек не почувствует себя в безопасности, потребность в ней будет со временем лишь усиливаться, латентный поиск безопасности будет проявляться во многих сферах его жизни. Отчасти на этом и строится идея данного исследования. Второй ключевой момент был взят из работ еще одного американского гуманистического психолога – Карла Роджерса. На основе его представлений о конгруэнтности и гармоничной (конгруэнтной) личности (Роджерс, 1997) был составлен план исследования. Роджерс, так же как и Маслоу, полагает, что личности присуща базовая тенденция самоактуализироваться, постоянно развиваться, но осуществить ее он может лишь будучи в состоянии гармонии с самим собой и обществом. Одним из компонентов этого гармоничного сосуществования является ощущение безопасности. Чем более субъект ощущает себя в безопасности, тем больше ресурсов он может потратить на самосовершенствование, не расходуя их на удовлетворение базовой потребности в безопасности.

Возникает вопрос, существует ли что-либо специфичное в этом процессе, в понимании безопасности, в формировании представлений о ней, прежде всего – специфичное относительно пола и возраста. Пол и возраст – два аспекта, которые учитываются в любом психологическом исследовании, два основных фактора, предваряющих индивидуальные различия. В данном исследовании ставится вопрос, существуют ли различия в понимании безопасности мужчинами и женщинами разных возрастов, и если да, то с чем они связаны.

Основой для исследования явилась работа Н. Е. Харламенковой «Личностная безопасность как личностная стратегия». В ней анализируются типы потенциальных угроз, на основании которых был

составлен опросный лист, включающий в себя 60 наиболее часто встречающихся ассоциаций на тему безопасности. Эти ассоциации были расположены в случайном порядке и предлагались новым респондентам для оценки их ассоциируемости с безопасностью и для дальнейшего анализа различий.

Цель исследования – выявить, что понимают мужчины и женщины различных возрастов под безопасностью, и проанализировать полученные данные относительно параметров пола и возраста.

Гипотезы исследования:

- 1) предполагается, что понятия, соответствующие представлениям о безопасности, имеют половую специфичность;
- 2) предполагается, что понятия, соответствующие представлениям о безопасности, имеют возрастную специфичность.

Задачи исследования:

1. С помощью анкеты Н. Е. Харламенковой выявить понятия, ассоциирующиеся с представлением о безопасности.
2. Сравнить эти представления по принадлежности людям различного пола и возраста.

Методика исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 271 человек. Из них 148 женщин: 76 в возрасте 27–40 лет ($M_e=31,5\pm 4,6$) и 72 в возрасте 45–55 лет ($M_e=48\pm 3,5$), и 123 мужчины: 61 в возрасте 27–40 лет ($M_e=32\pm 4,3$) и 62 в возрасте 45–55 лет ($M_e=48\pm 3,5$).

Тестовый материал

Авторская анкета Н. Е. Харламенковой, состоящая из 60 пунктов-ассоциаций на тему безопасности, выявленных методом контент-анализа из рассказов, составленных по таблице № 14 из набора картинок Тематического апперцептивного теста (ТАТ) с особой инструкцией.

Инструкция

Представьте себе человека, который ощущает личную безопасность. Как вы думаете, с чем он ее соотносит? Оцените, в какой степени

каждая из нижеперечисленных характеристик соответствует переживанию личной безопасности. Из пяти оценок (от +2 – абсолютно соответствует до –2 – совершенно не соответствует) выберите одну наиболее подходящую. Старайтесь выбирать ответ 0 («сомневаюсь в оценке») как можно реже.

Общее описание процедуры исследования

Испытуемые оценивали, в какой степени (+2, +1, 0, –1, –2) представленные в опроснике характеристики (60 пунктов) соответствуют переживанию личной безопасности.

Обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна–Уитни (программа Statistica 6.0).

Результаты исследования

В начале анализа полученных результатов следует отметить, что пункты, по которым были выявлены различия, не всегда ассоциируются с безопасностью у респондентов, но тем не менее интересны с точки зрения именно анализа данных различий. Они не дают нам информации о различиях представлений о безопасности, но являются возможным следствием половозрастных отличий.

Возрастные различия в группах одного пола

Вначале мы обратились к анализу возрастных отличий: существует ли связь между пониманием безопасности и возрастом, чем различаются представления о безопасности в более младшем и старшем возрастах? Проверялась гипотеза о том, что понятия, соответствующие представлениям о безопасности, имеют возрастную специфику. Для этого мы сравнили группы женщин и мужчин двух возрастных выборок – 27–40 и 45–55 лет (см. таблицу 1).

Интересным фактом оказалось то, что женщины более молодого возраста соотносят чувство безопасности с вышеперечисленными параметрами чаще, чем женщины старшего возраста. То есть все выделенные пункты более актуальны для молодых женщин, для них они имеют особое значение. Сильнее всего установленная разница по критерию наблюдается при оценке пункта «автономия и независимость». В старшей группе она отрицательная, то есть ее представители склонны отрицать соответствие этих понятий их пред-

Таблица 1
Различия в представлениях о безопасности
у женщин 27–40 и 45–55 лет

Ассоциации со словом «безопасность» (пункты анкеты)	Сумма баллов (женщины 27–40 лет)	Сумма баллов (женщины 45–55 лет)	U	p-level
Поддержка мамы	60	0	1944,5	0,001683
Автономия, независимость	33	–10	2061	0,00774
Личная территория	98	51	2078,5	0,006919
Чувство комфорта	68	32	2102,5	0,010892
Удобство, уют	50	15	2194,5	0,028342
Равновесие, стабильность	91	53	2211,5	0,031955
Дом, жилье	114	79	2213,5	0,025844
Родители	37	0	2223,5	0,042935

Примечание: U – критерий Манна–Уитни.

ставлению о безопасности. Этот факт можно объяснить с точки зрения проблемы сепарации: в возрасте 27–40 лет остро стоит вопрос о реализации женщины как матери и жены, об обретении ею своих собственных, уже не родительских, семьи и дома. В возрасте 45–55 лет этот вопрос не стоит так остро; возможно, с его решением и достижением безопасности по этому параметру он перестает быть настолько актуальным, и ресурсы поиска безопасности распределяются уже в других областях. То есть для достижения такого состояния автономии, при котором человек чувствует себя комфортно, в безопасности, в младшем возрасте этот вопрос является актуальным, но при достижении автономии в старшем возрасте данный способ обретения чувства безопасности уходит с первого плана.

«Личная территория» в «младшей» группе женщин также еще не достигла уверенных границ, в отличие от старшей, и поэтому мы можем наблюдать у них более сильное соответствие данного параметра представлению о безопасности.

Таким же образом объясняются различия и по другим пунктам. «Дом и жилье»: молодые женщины часто покидают тот дом, в котором они росли, в процессе создания своей собственной семьи, и поскольку вопрос поиска нового дома в данном возрасте в силу данных обстоятельств встречается чаще, то и соответствие данного пара-

метра безопасности в это время значительно выше. В процессе поиска и создания своего собственного дома также обретаются чувства комфорта, удобства и уюта.

Не только автономия необходима молодой женщине, чтобы чувствовать себя в безопасности: ей необходима и поддержка таких важных людей, как родители, – в частности, мамы. Обычно возможность получить такую поддержку есть, потому что родители еще живы, и еще есть психологическая необходимость в этом, поскольку женщина в данном возрасте реализует себя именно как женщина и в данном процессе она нуждается в поддержке матери, уже прошедшей этот путь.

Наконец, пункт «равновесие, стабильность» говорит о некоторой неуверенности в себе молодых женщин, отчасти также связанной с процессом сепарации и поиском своего Я. Он объединяет в себе все вышеупомянутые различия. Пока женщина еще не реализовала себя, она соотносит обретение безопасности с завершением этого процесса, связывая его с наступлением спокойствия.

У мужчин 27–40 и 45–55 лет были выявлены различия по следующим пунктам (см. таблицу 2):

В данном случае картина несколько отличается от той, что была получена на женской выборке; появляются различия, специфич-

Таблица 2

Различия в представлениях о безопасности
у мужчин 27–40 и 45–55 лет

Ассоциации со словом «безопасность» (пункты анкеты)	Сумма баллов (мужчины 27–40 лет)	Сумма баллов (мужчины 45–55 лет)	U	p-level
Поддержка мамы	18	–33	1227,5	0,000931
Ответственность, долг	33	–6	1396,5	0,010007
Мудрость	34	63	1420,5	0,011937
Родители	14	–18	1461	0,025143
Чувство комфорта	13	–29	1461	0,024282
Поддержка отца	4	–29	1478	0,032663
Избегание опасных ситуаций	20	47	1480,5	0,027337
Безмятежность	–27	–57	1496	0,037655
Жизненный опыт	70	90	1505	0,030701

ные для обеих возрастных групп. Так, представители более молодой возрастной группы склонны соотносить безопасность с ответственностью и долгом, в отличие от старшей группы, которая склонна отрицать это соответствие. Мужчины в возрасте 27–40 лет ориентированы на создание и поддержание некоторой основы, базы для дальнейшей жизни как для себя, так и для семьи, о чем как раз и говорит преобладающая у них категория «ответственность, долг». Они, как и женщины этого возраста, находятся на этапе реализации, принятия ответственности за свою семью и детей, выполнения своей социальной роли. Поскольку в старшем возрасте данный этап пройден, мужчины прекращают искать в этом безопасность, для них становятся актуальнее иные сферы ее достижения. Мужчины более молодого возраста также склонны видеть безопасность в чувстве комфорта, в противовес достигнувшей его более старшей группы. Так же как и женщинам, мужчинам необходима поддержка родителей, и поскольку обычно возможность получить такую поддержку предоставляется чаще в 27–40 лет, чем в 45–55, родители ассоциируются с безопасностью гораздо чаще у молодых респондентов. Интересным является тот факт, что последние хотя и склонны, в отличие от мужчин старшей группы, сильнее соотносить с безопасностью родителей, эта ассоциация проявляется по-разному. Поддержка матери имеет более сильное соответствие, чем поддержка отца.

Респонденты старшего возраста, в отличие от младшего, придают больше смысла мудрости и жизненному опыту. В представлениях о безопасности они более склонны опираться на свою жизнь. Возможно, дело не в том, что мужчины старшего возраста больше соотносят опытность с безопасностью, а в том, что мужчины младшего возраста соотносят ее меньше. В условиях современного мира угрожают безопасности чаще всего не зависящие от человека факторы, а напротив – непредсказуемые, например такие, как теракты и аварии. Видимо, мудрость и опыт подсказывает старшей группе, что избегать опасных ситуаций проще, чем справляться с ними потом. Аналогичный пункт также сильнее соотносится с безопасностью в старшей группе. Различия по пункту «безмятежность» говорят о том, что хотя обе группы и не склонны ассоциировать безопасность с этим понятием, старшая группа отрицает это соответствие сильнее. Обобщая сказанное, можно выделить общие тенденции возрастных сходств: это пункты «родители», «поддержка мамы» и «чувство комфорта».

Мужчинам и женщинам первой группы (более молодым) свойственно соотносить личную безопасность с поддержкой мамы и с родителями, потому что они находятся в периоде взросления, когда окончательного ухода из родительской семьи еще не произошло и многие психологические вопросы, связанные с этим процессом, еще требуют времени для их решения.

Половые различия в группах одного возраста

Необходимо также рассмотреть различия между полами внутри возрастных групп.

Все пункты, по которым были выявлены различия (см. таблицу 3), соотносятся с безопасностью чаще у женщин, чем у мужчин.

Пункты можно объединить в несколько групп ассоциаций: социальные, ограничения (свободы и творчества), психическое благополучие, физическое благополучие.

В первую группу входят такие пункты, как «позитивное окружение», «поддержка, помощь», «поддержка мамы», «надежный спутник, опора». Женщины в этом возрасте чаще, чем мужчины, соотносят безопасность со своим окружением. Они достигают ощущения чувства безопасности, когда рядом находятся дружелюбно настроенные люди, есть на кого положиться и есть тот, кто всегда сможет помочь. Под такими людьми в первую очередь понимаются мама и мужчина. Таким образом, можно сделать предположение, что женщины достигают ощущения безопасности не сами, а с помощью окружения, в отличие от мужчин. Мужчины, очевидно, более склонны полагаться на себя.

Ко второй группе относятся пункты: «дом, жилье», «личная территория» как крайне актуальные и связанные с созданием собственной семьи.

К третьей группе относятся пункты: «любовь», «душевное тепло», «счастье», «удача», «чувство комфорта», «удобство, уют», «равновесие, стабильность», «надежность», «отсутствие тревоги, страха».

По всем этим пунктам, характеризующим безопасность как психическое благополучие, женщины 27–40 лет набрали больше баллов, чем мужчины. У них есть большая склонность к эмоциональному, чувственному пониманию безопасности, в то время как мужчины склонны больше концентрироваться на физических показателях. Для мужчин процесс достижения безопасности предполагает личную активность, а данные пункты, скорее, характеризуют пассивное состояние благополучия.

Таблица 3
Различия в представлениях о безопасности
у мужчин и женщин 27–40 лет

Ассоциации со словом «безопасность» (пункты анкеты)	Сумма баллов (мужчины)	Сумма баллов (женщины)	U	p-level
Любовь	13	80	1476	0,000145
Избегание опасных ситуаций	20	79	1512,5	0,000189
Отсутствие тревоги, страха	23	85	1535	0,00037
Надежный спутник, опора	56	108	1602,5	0,000674
Мир в стране	29	89	1642	0,001965
Чувство комфорта	13	68	1695,5	0,004906
Госбезопасность: власть, органы правопорядка и др.	-40	1	1727,5	0,008741
Душевное тепло	7	55	1750,5	0,010432
Поддержка, помощь	37	86	1795,5	0,016286
Отсутствие угроз	38	82	1796,5	0,017395
Поддержка мамы	18	60	1820,5	0,025753
Личная территория	55	98	1837	0,024226
Равновесие, стабильность	53	91	1845,5	0,028411
Счастье	26	67	1847,5	0,033987
Удобство, уют	8	50	1858,5	0,039041
Удача	-13	20	1871	0,045829
Позитивное окружение	32	72	1874	0,041537
Надежность	63	101	1892,5	0,044862
Дом, жилье	66	114	1896	0,041338

К четвертой группе относятся пункты: «отсутствие угроз», «избегание опасных ситуаций», «госбезопасность: власть, органы правопорядка и др.», «мир в стране». Здесь опять прослеживается некоторая пассивная женская позиция. Женщины более вероятно, чем мужчины, будут чувствовать себя в безопасности, когда вокруг все спокойно и нет угрозы их здоровью. Мужчинам же в большей степени свойственно сомневаться. К примеру, пункт «госбезопасность: власть, органы правопорядка и др.» у мужчин имеет отрицательное значение,

что говорит о том, что они, возможно, меньше доверяют государству. Все это, вкуче с низкими баллами по пункту «мир в стране», свидетельствует, что мужчина в вопросе безопасности надеется скорее на себя, чем на свое окружение, в отличие от женщины.

Подводя итог, можно заключить, что женщинам, в отличие от мужчин, свойственно ассоциировать чувство безопасности с факторами, не требующими активной позиции. Если обратиться к содержательной стороне этих пунктов, то можно заметить, что женщины более пассивны в достижении чувства безопасности, чем мужчины.

У старшей возрастной группы выявились различия по следующим пунктам (см. таблицу 4).

Пункты, по которым были получены различия, также разбиваются на несколько групп: поиск поддержки, психическое благополучие, физическое благополучие.

Таблица 4
Различия в представлениях о безопасности
у мужчин и женщин 45–55 лет

Пункт анкеты	Сумма баллов (мужчины)	Сумма баллов (женщины)	U	p-level
Мир в стране	35	84	1478	0,000382
Чувство комфорта	-20	32	1499,5	0,000642
Счастье	3	56	1566,5	0,002286
Душевное тепло	-10	37	1609,5	0,003785
Надежда на лучшее	-11	30	1639,5	0,006166
Любовь	0	54	1640,5	0,006597
Автономия, независимость	30	-10	1668	0,009335
Талисманы, обереги	-79	-52	1715	0,01353
Жизненный опыт, опытность	90	80	1746	0,016527
Поддержка мамы	-33	0	1759,5	0,043088
Отсутствие тревоги, страха	27	68	1760,5	0,02788
Поддержка, помощь	51	83	1771,5	0,024874
Воспоминания о детстве	-71	-47	1785,5	0,033354
Радость	-24	7	1793	0,044213
Обращение к Богу, религия	-35	-4	1800,5	0,04716

В первую группу входят такие пункты, как «поддержка, помощь», «поддержка мамы». По этим пунктам у женщин показатели снова выше. Стоит отметить, что значительно снизились баллы в обеих группах относительно младшего возраста по пункту «поддержка мамы». Но так же, как и в младшем возрасте, женщины более склонны связывать безопасность с поддержкой и помощью.

Ко второй группе относятся пункты: «воспоминания о детстве», «чувство комфорта», «счастье», «душевное тепло», «надежда на лучшее», «радость», «любовь», «отсутствие тревоги, страха». Ситуация аналогична той, что наблюдалась в младшей группе, только пропадают различия по пунктам «удача», «удобство, уют», «равновесие, стабильность», «надежность» и появляются по таким пунктам, как «воспоминания о детстве», «надежда на лучшее», «радость».

К третьей группе относятся пункты «мир в стране», «обращение к Богу, религия», «талисманы, обереги». Интересно, что к такому относительно объективному фактору, как мир в стране, добавляются два вышеназванных. Несмотря на то, что данные факторы отрицаются как соответствующие безопасности, женщины все же меньше акцентируют на этом внимание.

Не вошли в подгруппы пункты «жизненный опыт, опытность» и «автономия, независимость». Данные пункты набрали больше баллов у мужчин. Мужчины этого возраста, как и более младшего, автономны, независимы, полагаются на себя и свой опыт, держат ситуацию под контролем.

У респондентов 45–55 лет уже нет ассоциаций, связанных с проблемой построения семьи. Различия между мужчинами и женщинами данного возраста касаются появления у мужчин таких ассоциаций, как опытность, независимость, а у женщин – таких, как поиск поддержки и надежды на лучшее.

Всем женщинам, вне зависимости от возрастной группы, свойственно более, нежели мужчинам, соотносить безопасность с такими категориями, как «любовь», «счастье», «душевное тепло», «чувство комфорта», «отсутствие тревоги, страха», «поддержка, помощь», «поддержка мамы», «мир в стране».

Обсуждение результатов

В процессе исследования выяснилось, что с возрастом представления о безопасности способны меняться, и в значимой степени эти изменения обусловлены гендером. Человек является социальным

существом, и, возможно, даже не осознавая этого, подвергается сильному воздействию со стороны общества. С самого рождения пол ребенка в значительной степени определяет его развитие. Человек рождается в обществе накопленных годами стереотипов, он вынужден выстраивать модели своего поведения в определенных рамках, границы которых в том числе определяются полом. Отказываться от этих рамок крайне нежелательно, – этому его учит воспитание. Помимо того, что эпоха и общество навязывают ему определенные представления о плохом и хорошем, они же задают правила поведения в зависимости от пола.

Ребенок, конечно же, не задумывается об этом в таких формулировках, но имплицитно их понимает, поэтому впитывает в себя то, что ему предлагают. Формирование гендерной идентичности занимает в данном процессе существенное место. Мальчикам диктуется роль взрослого мужчины. Они знают, что мужчина физически сильнее, выполняет роль «добытчика» и несет ответственность не только за себя и свои действия, но и за своих близких. Женщина же, наоборот, «хранительница очага», ей более присущи чувственность и эмоциональность. Конечно, в современном обществе наблюдается тенденция социального равенства между мужчинами и женщинами, но сформированные тысячелетиями стереотипы еще существуют. Так и полученные нами результаты свидетельствуют о значимости социальных ролей. Нас интересовал аспект безопасности; мужчинам и женщинам было предложено рассказать, чему этот аспект, по их мнению, соответствует, и полученные в результате данные подтверждают все вышесказанное. Факторы, являющиеся потенциальной причиной для тревоги и беспокойства, в значительной степени соответствуют социально полученным ролям.

Так как женщинам тяжелее, чем мужчинам, обеспечивать себе безопасность, то, возможно, поэтому женщины обоих возрастов более склонны соотносить безопасность с помощью извне и уделять больше внимания психологическому благополучию.

Получив от социума некоторую базу знаний и представлений, человек продолжает развиваться и делает это всю жизнь; со временем его мнение становится все более и более оценочным и критичным, он опирается на свое мировоззрение, но оно уже подвержено влиянию опыта, полученного им в детстве. Именно поэтому гендерные различия актуальны всегда, и на протяжении всей жизни происходит множество переосмыслений и изменений приоритетов, в частности, и по отношению к безопасности и представлениям о ней.

С возрастом меняются смыслы, цели и способы их достижения. Происходит развитие гражданской ответственности, человек начинает переживать за судьбу страны и мира, он сам становится родителем и перестает искать опору в своих родителях. Факторы, считавшиеся ранее потенциальной причиной тревоги и беспокойства, исчезают или отходят на второй план, а на их место выдвигаются новые.

Выводы

1. Личная безопасность в значительной степени определяется личностными предпочтениями, особенностями субъективного восприятия мира, которые, в свою очередь, определяются такими факторами, как пол и возраст.
2. Безопасность у женщин (в отличие от мужчин) ассоциируется скорее с пассивным внутренним комфортом, защищенностью и внешним комфортом, а у мужчин (в отличие от женщин) – с активной позицией.
3. Безопасность в 27–40 лет (в отличие от 45–55) вероятнее ассоциируется с родителями и чувством личной удовлетворенности, а в 45–55 лет (в отличие от 27–40) – с жизненным опытом.

Литература

- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
- Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
- Фрейд З. Я и ОНО: Труды разных лет. В 2-х кн. Тбилиси: Мерани, 1991.
- Хорни К. Новые пути в психоанализе. М.: Академический Проект, 2007.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер-Пресс, 1997.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абульханова Ксения Александровна* – действительный член РАО, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН.
- Александрова Наталья Львовна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.
- Борисова Анастасия Михайловна* – младший научный сотрудник Института психологии РАН.
- Быховец Юлия Васильевна* – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.
- Ворона Ольга Александровна* – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии ФБГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского».
- Галкина Татьяна Викторовна* – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии РАН.
- Гостев Андрей Андреевич* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.
- Дрозда-Сенковска Ева* – доктор психологии (PhD), профессор, зав. лабораторией социальной и экологической угрозы Университета Paris Descartes (Франция).
- Ермолаева Елена Павловна* – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН.
- Жербер-Хуснутдинова Лилия* – кандидат психологических наук, психолог Центра личностного развития «Майтрея» (Прага, Чехия), ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН.
- Журавлева Надежда Анатольевна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН.
- Зелянина Анна Николаевна* – соискатель Института психологии РАН.
- Казымова Надежда Наильевна* – младший научный сотрудник Института психологии РАН.
- Ковалева Юлия Валерьевна* – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.
- Короченко Татьяна Юрьевна* – магистрант ФБГОУ ВПО «Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского».
- Логвиненко Анна Сергеевна* – аспирантка ГАУГН.
- Москвин Алексей Дмитриевич* – аспирант ГАУГН.
- Падун Мария Анатольевна* – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.
- Пащенко де Превиль Елена* – доктор психологии (Ph. D.), член Федерации исследователей Института подготовки преподавательских кадров Орлеанского университета (Франция), ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН.
- Слободчиков Виктор Иванович* – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, главный научный сотрудник Института психолого-педагогических проблем детства РАО.
- Федорова Василиса Владимировна* – педагог-психолог ГОУ КШИ №69 «Второй московский кадетский корпус» (МЧС).
- Харламенкова Наталья Евгеньевна* – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии РАН.
- Холондович Елена Николаевна* – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН.
- Шувалов Александр Владимирович* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН, руководитель психолого-логопедического отдела ГОУ Центр развития творчества детей и юношества «Лефортово».

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

**СОВРЕМЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Редактор – *Т. А. Сарыева*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: vbelop@ipras.ru
www.ipras.ru

Сдано в набор 18.04.12. Подписано в печать 30.04.12
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура гтс СНАРТЕК. Усл. печ. л. 25. Уч.-изд. л. 21
Тираж 500 экз. Заказ .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, МО, г. Можайск, ул. Мира, д. 93